

R.A.
SALVATORE

THE COMPANIONS

DUNGEONS & DRAGONS
FORGOTTEN REALMS

Annotation

Пока судьба Дзирта находится в сколько-нибудь надежном положении, он вспоминает о своих друзьях, которые сопровождали его на раннем этапе жизни, - друзьях, ныне известных как Компаньоны Мифрил Халла. Тем временем грядут первые отголоски Раскола...

Когда приходит испытанья час
И душу одиночество терзает,
Охотник ждет один. Тогда к нему
Друзья придут на помощь, одолев
Самой судьбы границы, и опять
С ним встанут против общего врага.

Когда нисходят тени, отвечая
На сделку адскую, погибшие собратья
Выходят на охоту, и тогда
Вновь к жизни возрождается герой,
В монастыре под розою возвращенный,
Чтоб высечь вдруг божественную искру.

Когда приходит время жатвы злой
И мрачные угрюмые жнецы,
Из тени вновь явившись, всюду рыщут,
Сражается он с порожденьем зла
И против извращенных планов ада.

И даже в час, когда родится буря
И волны беззаботные вздымает,
Горит звезда обещанной надежды,
И света похититель все же зрит
Лик утренней зари — улыбки неба,
Что превращает тьму ночную в свет.

Когда вконец проиграна война,
По горестным полям былых сражений
Шагают боевые легионы,
Но, в сердце верность хрупкую храня,
Жизнь господина охраняет стража,
За королем последовав в изгнанье.

И близок предначертанный конец.
Льдом скованные звезды неподвижны,
Утроенной угрозы ожидая.
Трубит герольд, средь ужасов войны
Былой эпохи возвещая гибель.

17600 год (по летоисчислению Долин)

Пролог

Год Разбуженных Спящих

(1484 по летоисчислению Долин)

Пирамида Кельвина

Снова звезды склонились над ним, как бывало множество раз в этом зачарованном месте.

Он находился на Подъеме Бренора, хотя и не представлял, как попал туда. Нога была сломана, но рядом, прижавшись к нему и поддерживая, стояла Гвенвивар, однако он не помнил, чтобы звал ее.

За все время странствий Дзирт нигде не чувствовал себя более умиротворенно, чем здесь. Может, все дело было в компании, которую он столь часто находил на-верху, но даже без Бренора Дзирт До'Урден неизменно ощущал духовную поддержку на этом одиноком пике, высящемся над плоской угрюмой тундрой. Здесь, навер-ху, он чувствовал себя маленьким и смертным, но в то же время ощущал уверенность, что является частицей чего-то куда большего, чего-то вечного.

На Подъеме Бренора звезды склонялись к нему — или же он поднимался к ним, плыл, освободившись от своей телесной оболочки, и дух его парил меж божественных сфер. Там он мог слышать ход великого часового меха-низма, ощущать небесные ветра на своем лице и растворяться посреди эфира.

Для Дзирта это было место глубочайшей медитации, где он постигал великий цикл жизни и смерти.

По-видимому, наиболее подходящее место теперь, ко-гда кровь продолжала струиться из раны у него во лбу.

Год Первого цикла

(1468 по летоисчислению Долин)

Незерилская империя

Пыльный закат разрисовал небо на западе розовыми и оранжевыми полосами, нависшими над бескрайней равниной напомниманием о том, что когда-то, и не так уж давно, это была магическая пустыня, называвшаяся Анаврок. Пришествие Тени, затем последствия

Магической чумы преобразили эту часть Торила, но избавиться от стойкого заклятия бесплодия Анаврока было не так-то просто. Пожалуй, теперь здесь выпадало больше дождей да растительность стала гуще, а дрейфующие белые пески приобретали грязно-коричневатый землистый оттенок по мере роста и распространения возродившейся флоры.

Затянутый пылью закат, хоть и пылал для всех, в то же время служил предостережением вновь прибывшим сюда, особенно незересам из Анклава Теней: случившееся однажды может повториться. У кочевников-бединов это зрелище воскрешало в памяти родовые предания, напоминая о жизни предков до преобразования их древней родины.

Однако два разведчика-шадовара, пробираясь по равнине на запад, вряд ли задумывались о закате и уж точно не погружались в размышления касательно оттенков небес, поскольку их многомесячные нелегкие скитания, похоже, наконец-то должны были принести свои плоды, так что разведчики не сводили глаз с дороги.

— Ну как тут можно жить? — произнес Унтарис, более крупный из двоих, как поговаривали — гора мышц, приданная в дополнение к мозгам Алпирса. — Трава да ветер, песчаные бури, фаэриммы, асаби и прочие монстры. — Мускулистый воин-шейд покачал головой и плюнул на землю со спины своей пегой лошади.

Алпирс Де'Нутесс рассмеялся, но соглашаться не собирался:

— Бединов до сих пор ослепляет гордость за свои традиции.

— Они не понимают, что мир изменился, — бросил Унтарис.

— О нет, друг мой, понимают, — возразил Алпирс. — А вот чего они не понимают, так это того, что они ничего не могут с этим поделать. Их единственная задача — служить Незерилу, но кое-кто вроде десаи, чей лагерь теперь перед нами, полагает, что если держаться подальше от цивилизованных городов Незерила, жить среди львов и фаэриммов, то мы не станем слишком надоедать им. — Он коротко хохотнул над собственными словами. — Обычно они бывают правы.

— Но не теперь, — провозгласил Унтарис.

— Не для десаи, — согласился Алпирс. — Если только то, что мы должны узнать насчет ребенка, — правда.

Сказав это, Алпирс кивнул на юг, где дрожала под безжалостным ветром одинокая палатка. Он пустил свою гнедую кобылу рысью напрямик туда, и Унтарис последовал за ним. Когда они подъехали ближе, из палатки на шум вышла мужская фигура в белой холщовой рубахе до пят. На круглом ворота одеяния бедина красовались большая пуговица и кисточка, обозначающие племя десаи. Как и большинство бединов в этих местах, мужчина был в полосатой красно-коричневой безрукавке, именуемой аба.

— Мой пришлось долго ждать, — произнес мужчина, подняв жесткое, обветренное, иссушенное солнцем лицо в обрамлении белого головного шарфа — куфии, когда двое всадников приблизились к нему. — Вы за это дорого заплатите!

— Звучит свирепо, как всегда, бединский пес, — прошептал Унтарис, но у Алпирса наготове уже было нужное средство.

— Это подойдет? — спросил Алпирс у осведомителябедина, демонстрируя венец из верблюжьей шерсти, вытканной золотом: игал — головной убор, который не стыдно было бы надеть и вождю. Несмотря на легендарное мастерство торговаться, присущее бединам, старика выдали блеснувшие глаза.

Алпирс, а вслед за ним и Унтарис спешили и, ведя лошадей в поводу, приблизились к белой фигуре.

— Добрая встреча, Джинджаб, — с поклоном произнес Алпирс, демонстрируя драгоценный игал — и немедленно отдернув руку, едва бедин потянулся к нему. — Насколько я понимаю, ты согласен на такую плату? — криво усмехнулся разведчик.

В ответ Джинджаб поднял руку, дотронувшись до собственного игала, удерживающего на голове куфию, — грязного, потрепанного, некогда сотканного из драгоценных нитей, но теперь похожего на пучок вытертой верблюжьей шерсти. Для бедина игал служил мериллом его авторитета и предметом гордости.

— Девчонка в лагерь, — произнес он с сильным бединским акцентом. Каждое слово выговаривалось отрывисто, твердо и отчетливо — чтобы летящий по воздуху песок не забивал рот, как объяснил однажды Алпирс Унтарису. — Лагерь на гребень горы, на востоке, — уточнил Джинджаб. — Мой работа сделан. — Он снова потянулся за игалом, но Алпирс по-прежнему не отдавал его.

— А сколько лет этой девчонке?

— Совсем маленькая, — ответил Джинджаб, показав рукой ниже пояса.

— Возраст?

Бедин мрачно уставился на него.

— Четыре? Пять? Подумай, друг мой, это важно, — настаивал Алпирс.

Джинджаб прикрыл глаза, губы его зашевелились, с них время от времени слетали отдельные слова — упоминание о некоем событии или о знойном лете.

— Значит, пять, — объявил он. — Как раз пять, весной.

Алпирс не смог скрыть усмешку, переглянувшись с ухмыляющимся Унтарисом.

— Шестьдесят три, — отметил Унтарис, отсчитав годы назад.

Шадовары кивнули и обменялись улыбками.

— Мой игал. — Джинджаб снова потянулся к заветной вещи. И снова Алпирс убрал ее назад.

— Ты уверен?

— Пять; да, пять, — подтвердил осведомитель.

— Нет, — уточнил Алпирс, — насчет всего вообще. Ты уверен, что этот ребенок... особый?

— Она такой, — ответил бедин. — Она поет, все время поет. Поет слова, но это не слова, понимать?

— Просто звуки, как у всех детей, — скептически заметил Унтарис. — Придумывает слова и напевает бессмыслицу.

— Нет, нет, нет, не так! — возразил Джинджаб, неистово размахивая костлявыми руками, высунувшимися из треугольных рукавов. — Поет заклинания.

— Ты утверждаешь, что она владеет магией?

— Она заставляет сад расти.

— Ее сад? Ее святыня?

Джинджаб с энтузиазмом закивал.

— Ты уже говорил нам, — напомнил Унтарис, — а мы что-то так и не видели этой святыни.

Старый бедин прищурился и огляделся, явно пытаясь сориентироваться. Он указал на юго-восток, на огромную песчаную дюну, из которой торчала белая алебастровая колонна.

— За этой дюна, на юг, среди камень, где ветер сдует песок.

— Как далеко к югу? — уточнил Алпирс, жестом не давая Унтарису заговорить.

Джинджаб пожал плечами:

— Пешком долго, верхом быстро.

— Посреди открытых раскаленных песков? — Теперь Алпирс уже не скрывал своего скептицизма.

Джинджаб кивнул.

— Ты говорил, что лагерь на западе, — вступил Унтарис, прежде чем Алпирс успел остановить его.

И снова осведомитель-бедин кивнул.

— Значит, новый лагерь, — предположил Алпирс.

— Нет, — возразил Джинджаб. — С весны там.

— Но святыня девочки в другой стороне, и далеко.

— И мы должны поверить, что ребенок в одиночку расхаживает по пустыне? Подолгу, ты сказал, и по опасным местам? — поинтересовался Унтарис.

Джинджаб пожал плечами, стоя на своем.

Алпирс прицепил игал к петле у себя на поясе, а когда Джинджаб начал протестовать, поднял руку.

— Мы поедем и взглянем на эту святыню, — пояснил он. — А потом вернемся к тебе.

— Она быть спрятан, — возразил Джинджаб.

— Разумеется. — Унтарис фыркнул и вскочил в седло. — Разве могло быть иначе?

— Нет, так неправильно! — возмутился бедин. — Я сделать, как ты сказать, и ты заплатить. Девчонка в лагерь!

— Ты останешься тут, и тебе, возможно, заплатят, — объявил Алпирс.

— О, конечно же, тебя вознаградят, — зловеще добавил Унтарис.

Джинджаб с трудом сглотнул.

— Если ты уверен в своей информации, то останешься здесь.

— Заплатить! — настаивал бедин.

— Или? — осведомился Алпирс.

— Или он пойдет и расскажет десаи, — добавил Унтарис, и когда шадовары обернулись и угрожающе взглянули на старого бедина, кровь отхлынула от его лица.

— Нет... — начал было Джинджаб протестующе, но умолк на полуслове, когда в руке Алпирса возник длинный кинжал и острое его в мгновение ока уткнулось в горло несчастного бедина.

— Поедешь с моим другом, — приказал Алпирс, и Унтарис протянул Джинджабу руку.

— Я не мочь... — запинаясь, выдавил бедин. — Я... десаи не знать, что я уйти... они хватиться Джинджаб. Они искать...

Алпирс убрал нож и с силой пнул старика в пах. Он склонился к согнувшемуся пополам Джинджабу и прошипел ему в ухо:

— Нет того, что десаи могли бы сделать с тобой, а я — нет, если ты немедленно не сядешь на эту лошадь!

Не дожидаясь ответа, Алпирс направился к своей кобыле. И действительно, Джинджаб принял руку Унтариса, взгромоздился верхом, и всадники поскакали к высокой дюне на юго-востоке.

Пятилетняя Рукия забила за край палатки и съежилась под тканью, пытаясь затаить дыхание.

— А ну выходи! — слышала она вопли Тахнуда, но, к счастью, ее мучитель двигался в неверном направлении, к другой паре палаток.

Рукия плюхнулась на живот и поползла, с улыбкой слушая, как старшие дети хохочут над запутавшимся Тахнудом. На этот раз она ушла от них, но это была лишь временная передышка, как подсказывал ей долгий опыт, ибо Тахнуд был безжалостным противником и получал огромное удовольствие, демонстрируя свое превосходство.

Девочка снова села, обдумывая свой следующий шаг. Заходящее солнце низко висело над западным горизонтом, но племя отыскивало новый источник, и празднования не прекратятся с наступлением темноты, Рукия знала это. Детей не станут отправлять спать, и бои в грязи будут продолжены, поощряемые взрослыми.

Яма с грязью, порождение источника, означала, что воды достаточно много, чтобы попусту тратить ее, и для кочевых обитателей пустыни, бединов, это, безусловно, составляло повод для торжества.

Рукии хотелось бы только, чтобы эти веселые игры не причиняли столько боли.

— Опять сидишь одна, вечно одна! — произнес рядом голос ее отца, и мужчина ухватил ее за ушко и поднял на ноги.

Рукия обернулась навстречу сияющей улыбке Нирая, улыбке, исполненной жизни, и веселья, и любви. По меркам бединов он был невысоким, но крепким и сильным, и весьма уважаемым. Он редко носил куфию, позволяя своей коричневой лысине ослепительно сиять под солнцем пустыни.

— Где другие дети? — спросил он у любимой дочери.

— Ищут меня, — призналась Рукия. — Чтобы сделать меня чернее.

— А, — отозвался Нирай. Рукия была более светлокожей, чем большинство бединов, светлее даже своей матери, Кавиты. Густые вьющиеся волосы ее тоже были более светлого оттенка, и среди светло-каштановых локонов обильно проглядывала рыжина вместо обычного для бединов темно-каштанового или даже черного как смоль цвета волос.

— Они дразнят меня, потому что я другая, — сказала она.

Нирай подмигнул ей и потер рукой свою лысую макушку.

— Не такая уж другая, — возразил он.

Рукия улыбнулась. Отец рассказывал ей, что светлые волосы она унаследовала по его линии, хотя, добавлял он, будем надеяться, его дочь не потеряет их, как он потерял свои. Малышка не до конца верила этой истории, поскольку другие говорили ей, что волосы у Нирая были черны, как небо в беззвездную ночь в туннелях возле Мифрил Халла, но тем более была признательна отцу за его слова.

— Они станут кидать в меня комьями грязи и бросят в яму, — пожаловалась она.

— Грязь прохладная и мягкая, — сказал Нирай.

Рукия опустила голову:

— Они стыдят меня.

Она ощутила, как отцовская рука взяла ее за подбородок, приподняла голову, заставляя смотреть в его черные глаза, столь непохожие на ее синие.

— Никогда не стыдись, моя Рукия, — проговорил он. — Ты будешь, как твоя мать, красивейшей женщиной среди десаи. Тахнуд старше тебя. Он уже видит эту правду о Рукии, и это волнует его, хотя он сам этого не понимает. Он хочет не опозорить тебя, но всецело

завладеть твоим вниманием, пока ты не станешь достаточно взрослой для замужества.

— Замужества? — переспросила Рукия и чуть не расхохоталась, прежде чем сообразила, что подобная реакция будет выглядеть неподобающе для ребенка ее лет. Совладав со смехом, она поняла, что по меркам племени бединов Нирай, пожалуй, прав. Ее родители не числились среди племенных вождей, но тем не менее были людьми весьма уважаемыми, владеющими хорошей палаткой и достаточным количеством животных, чтобы собрать надлежащее приданое, даже для Тахнуда, чья семья занимала высокое положение среди десаи и которого расценивали как будущего вождя. Ему едва исполнилось десять, а он уже командовал детьми, даже теми, кого вот-вот формально начнут считать взрослыми, старше него на два года.

«Тахнуд Дубуджеб — главарь детской банды десаи», — подумала, но не сказала Рукия. Он использует жертв вроде нее, чтобы усилить свою позицию, — без сомнения, с полного одобрения своего самодовольного папаши и властной мамочки.

Ей пришло на ум нанести визит в палатку Дубуджебов, когда племя наконец угомонится на ночь. Быть может, ей удалось бы пронести несколько разозленных скорпионов...

При этой мысли она не смогла сдержать смешок, представив, как голый Тахнуд с воплями вылетает из своей палатки вместе со скорпионом, намертво вонзившим свое жало ему в ягодицу.

— Так-то лучше, малышка Зибрийя. — Нирай погладил ее по голове, назвав ласковым прозвищем, означавшим также название изумительной красоты цветка, обнаруженного среди выветренных скал в тени дюн. Он явно неправильно истолковал ее внезапную веселость, и Рукии подумалось — уже не в первый раз, — что сказали бы Нирай и Кавита, узнай они, что на самом деле таится под этой пятилетней наружностью?

— Сюда! — Это был голос Тахнуда, он приближался; похоже, его обладатель разгадал наконец хитрость Рукии.

— Беги! Беги! — шутливо подтолкнул ее Нирай. — И если тебя испачкают грязью, все равно улыбайся и знай, что у нас довольно воды, чтобы отмыть тебя дочиста!

Рукия вздохнула, но и в самом деле помчалась прочь и поняла, что сделала это очень вовремя, услышав смех отца и гомон Тахнуда и остальных, ввалившихся внутрь. Она подумала о множестве способов, которыми могла бы избавиться от них, но отцовский смех заставил ее выкинуть эти мрачные мысли из головы.

Она позволит им поймать себя, и забросать грязью, и бросить в грязевую яму.

Ради традиций бединов, шутливых правил, соблюдения которых племя десаи требует от своих детей.

Ради Нирая.

Опустившись на колени перед небольшой расщелиной в выветренных скалах — узким проходом, ведущим к более широкому месту, защищенному от ветра и песка каменными стенами, — Унтарис не смог сдержать редкозубой улыбки. Они прошли здесь уже несколько раз, даже не заметив этой трещины, настолько хорошо скрывали скальные тени узкий ход.

— Это могло остаться со времен Разилита, — заметил Алпирс, говоря о древнем городе, правившем когда-то этим краем. — Некоторые многолетники очень живучи.

Унтарис покачал головой и протиснулся внутрь, очутившись в маленьком потайном садике, укрытом среди камней. «Умно», — подумал он. За местом ухаживали — и ухаживали хорошо, и многие цветы, душистые и трепещущие, похоже, были высажены совсем недавно.

— Видеть? — спросил Джинджаб. — Как Джинджаб говорить вам, да?

— Здесь недостаточно воды, чтобы поддерживать жизнь во всех этих растениях, — сказал Унтарис своим спутникам. Он коснулся крупной красной розы и медленно сжал пальцы, комкая лепестки и разрывая их на части.

— Значит, кто-то приносит сюда воду, — предположил Алпирс.

— Не «кто-то», — настаивал Джинджаб. — Девчонка.

— Это ты так говоришь, — скептически бросил Алпирс. Он повернулся к напарнику, куда лучше знакомому с садоводством, нежели он сам, и поинтересовался, сколько воды нужно каждый день для всех этих цветов.

— На пустынном солнцепеке? — Унтарис пожал плечами. Он оглядел садик, примерно десяти шагов в длину и вполовину меньше в ширину: сплошь нежные растения, цветы, лозы, даже небольшое кипарисовое деревце со стриженной верхушкой, притеняющее южную часть потайного цветника.

— Ребенку столько не принести, — решил Унтарис, и оба шадовара повернулись и уставились на Джинджаба.

— Она не носить вода! — настаивал бедин-осведомитель. — Никогда не видеть. Джинджаб этого не говорить!

— Но ты утверждаешь, что это ее сад, — заметил Алпирс.

— Да, да.

— Как же тогда она выращивает его без воды?

— М-много вода вокруг Разилит, — пробормотал бедин и огляделся, словно ожидал увидеть текущий по саду ручей, скрытый под листьями.

— Земля сырая, — доложил Унтарис, растерев комочек между пальцами. — Но источника здесь нет.

— Значит, рядом, — упорствовал Джинджаб.

— Или девочка создает ее, — добавил Алпирс, и они с Унтарисом пожали плечами. В конце концов, она была смертной избранной бога, насколько они поняли.

— Однако сад устроен и тщательно обихожен, — подчеркнул Унтарис. — Растения аккуратно подстрижены, и я не вижу тут ни сорняков, ни пустынной растительности. А они были бы, имейся здесь и в самом деле источник воды неподалеку.

— Значит, кто-то усердно присматривает за ним, — согласился Алпирс.

— Девчонка! — стоял на своем Джинджаб. — Джинджаб вам говорить. — Он не сводил глаз с драгоценного игала, подвешенного к поясу Алпирса.

— Может, приляжем здесь и подождем, когда она вернется? — спросил Унтарис.

Алпирс покачал головой:

— Я уже достаточно налюбовался на Разилит и нанюхался вони этих бединских собак. — Он повернулся к Джинджабу. — Ее зовут Рукия?

— Да, да, Рукия. Дочь Нирая и Кавиты.

— Она приходит сюда? Только она?

— Да, да. Только она.

— Днем или ночью?

— Днем. Может, и ночью, но Джинджаб видеть только днем.

Алпирс и Унтарис переглянулись.

— Далековато от лагеря десаи, — заметил Унтарис. — Долгая прогулка для маленькой девочки.

В этот миг во тьме взревел лев, и его угрюмый рык эхом отразили скалы.

— Долгая прогулка по опасным местам, — добавил Алпирс.

— Львы, они ей не мешать, — перебил Джинджаб, снова с несколько безумным видом и с прежним отчаянным бединским акцентом. — Я видеть, она идти прямо мимо них, а они спать в трава.

Алпирс жестом позвал Унтариса за собой и двинулся прочь из потайного сада. Потом остановился, сердито взглянул на Джинджаба и велел старику:

— Жди тут.

— Ну просто как в сказке, — заявил Унтарис, когда они вдвоем снова оказались среди выветренных скал, рядом с большой дюной, из которой под странным углом торчал алебастровый столб.

— Слишком похоже на то, чтобы быть ложью, пожалуй.

Унтарис неуверенно повел плечами.

— Кто-то же ухаживает за садом, — напомнил ему Алпирс.

— К полудню мы сможем быть в Анклаве Теней, — сказал Унтарис. — Пусть эту загадку разгадывает лорд Ульфбиндер.

Алпирс кивнул и подбородком указал в сторону потайного сада. Пока он ходил за лошадьми, Унтарис пробрался обратно, чтобы вручить Джинджабу его награду.

Они оставили старого бедина лежать ничком под кипарисовым деревцем. Кровь вытекала из его перерезанного горла и смачивала землю среди корней и цветов.

Унижение оскорбляло все чувства Рукии. Переброшенная через плечо Тахнуда, словно мешок с верблюжьим кормом, бедняжка пыталась натянуть юбку на свои босые ноги. Сопротивляться не имело смысла. Дружки Тахнуда были вокруг, сопровождая парочку между многочисленными палатками десаи и дальше, на юг, к источнику.

Процессия собрала множество счастливых взрослых, они выкрикивали что-то и пели, остальные, почти все племя, находились уже внизу, во все увеличивающейся грязевой яме. Босые женщины без помех плясали в этой жиже, высоко поднимая ноги, часто оскальзываясь и шлепаясь в грязь под радостные вопли зрителей.

Вокруг в землю было воткнуто несколько полых шестов, вода с журчанием изливалась из них, отражая яркое пламя множества костров, горящих по краям ямы. Десаи собирались праздновать всю ночь, как того требовала традиция, когда обнаруживался новый источник.

Рукия пыталась не отвлекаться на радостные крики, и пение, и суматоху вокруг. Теперь она сосредоточилась на собственной песне, надеясь развеселить всех еще больше. Она шепотом обращалась к ветрам, призывая облака.

Потом ее подбросили в воздух, и ее песня перешла в визг. Она летела, и летела, и летела кувырком, и даже ухитрилась приземлиться на ноги, но это ей не помогло, потому что грязь выскользнула из-под нее и она совершенно неграциозно шлепнулась на спину, широко

раскинув руки и ноги.

Женщины смеялись, мужчины радостно вопили, а Тахнуд стоял и смотрел на нее свысока. Он скрестил руки на узкой груди, великий завоеватель.

Рукия не реагировала, просто погрузилась вновь в свою тихую песню, взывая к облакам. Сильные руки схватили ее за лодыжки и принялись крутить, потом перевернули ее на живот и покружили еще немного. Ее каштановые волосы прилипли к голове, и она не могла различить, где заканчивается юбка и начинаются голые ноги, поскольку теперь все было одного цвета — просто ком грязной глины. Она чувствовала ее запах у себя в носу и ощущала ее вкус во рту.

Эта пытка продолжалась еще какое-то время, но Рукия этого не заметила, потому что у нее была ее песня и в этой песне она обрела убежище. Наверху собирались облака, отвечая на ее зов.

Наконец старшие мальчишки отпустили ее, и зазвучали приветственные крики в честь Тахнуда Завоевателя, и старухи запели песню — для него и о нем. Рукия заметила его отца, сияющего от гордости, и своих родителей. Нирай широко улыбался, кивками благодаря ее за то, что она приняла эту забаву сдержанно и с достоинством. Рядом с ним стояла Кавита с шелковистыми черными волосами. Она неловко улыбалась и пыталась кивнуть, но Рукия знала, что она исполнена сочувствия к дочери, или, может, то был безмолвный плач, оттого что дочь ее избрана.

В конечном счете эта «игра» имела свои последствия. Тахнуд выделил ее среди всех прочих. Он подал знак десаи, что красotka Рукия со светлыми волосами и удивительными синими глазами станет его выбором.

Рукия заметила, что многие девочки племени, ее лет или даже постарше, глядят на нее теперь с открытой враждебностью.

— Умойте ее! — выкрикнула мать Тахнуда, и несколько женщин присоединились к ее призыву:

— Воды! Воды!

Рукия взглянула на Нирая, и снова он кивнул и тепло улыбнулся ей. Она почувствовала, как рука Тахнуда ухватила ее за запястье — крепко, но бережно. Он поднял ее на ноги и повел измазанную грязью девочку к ближайшему полному шесту. Едва они подошли и холодная вода плеснулась на нее, как вспышка молнии расколола небо над головой, а вслед за раскатом грома внезапно хлынул сильнейший ливень.

Крики изумления сменились воплями радости, и все племя принялось плясать и петь, и, конечно же, то был добрый знак: многообещающий молодой Тахнуд сделал мудрый выбор этой богатой на воду ночью!

Рукия подняла лицо к небу, предоставив дождю смывать грязь.

— Ты от меня не убежишь, — прошептал рядом Тахнуд. — Ни за что не убежишь.

Рукия взглянула на него — почти с жалостью и, уж конечно, с явным намерением вывести мальчишку из себя. Так внезапно во время простого обмена взглядами Рукия взяла над ним верх. Тахнуд нервно облизнул губы и, надувшись, убежал плясать с остальными.

Рукия смотрела ему вслед. Несмотря на всю его спесь и постоянные приставания, парнишка нравился ей. Она понимала, что от него ждут многого. Немало десаи возлагало свои надежды на его узкие мальчишеские плечи. Он был хороших кровей, рожденный, чтобы быть первым, и любая неудача стоила бы Тахнуду много дороже, чем другим детям — их слабости. Рукия могла лишь посочувствовать ему.

Размеренно лил дождь, вспышки молний периодически освещали тучи над головой. Рукия подошла к трубе и подставила тело под струящуюся холодную воду, черпая из нее силу и смывая последние остатки грязи. Однако при этом выяснилось, что у нее порвалась юбка. Тяжело вздохнув, она заскользила по грязи к своим родителям.

— Зибрийя! — приветствовал ее Нирай. Он взъерошил ее мокрые волосы могучей рукой, потом притянул ее к себе и крепко обнял.

— Все в порядке, милая моя? — спросила Кавита, низко склонясь, чтобы заглянуть Рукии в глаза.

Рукия улыбнулась и кивнула.

— Тахнуд не сделал мне больно, — заверила она женщину.

— Пусть бы только попробовал, я засунул бы его в муравейник! — объявил Нирай.

— Я могу тебе помочь, папа, — подхватила Рукия и показала родителям дыру в юбке.

— Ерунда, — заверила ее Кавита, разглядывая повреждение. — Пойдем достанем другую, а эта пусть высохнет.

Утром я ее зашью.

— Ты хочешь сказать — днем! — весело поправил Нирай. Он схватил Кавиту за руки и закружил ее в танце. — Потому что сегодня ночью у нас есть и источник, и дождь! О, дождь! Сегодня ночью мы танцуем и пьем, а завтра спим все утро!

Женщина, смеясь, увернулась от мужа, взяла дочь за руку и повела ее прочь от празднества. Вместе они прошли по пустым проходам между палатками. Барабанный стук дождя по крышам преследовал их, будто сопровождая этим шумом праздник в грязевой яме. Время от времени землю сотрясали раскаты грома.

— Твой отец так гордится тобой, Зибрийя, — сказала Кавита Рукии. — Старейшины пристально следят за тобой. Они полагают, что ты станешь одним из лидеров нашего племени. Они будут готовить тебя к этому.

— Да, — послушно ответила Рукия, хотя не считала пророчество Кавиты верным; по правде говоря, это представлялось ей невозможным.

Они свернули за угол их палатки, и Кавита потянулась к откидному пологу. Однако она не подняла его, и Рукия, заметив ее нерешительность, посмотрела на нее, потом проследила застывший взгляд матери, устремленный на огромного человека, идущего им навстречу с факелом в руке. Это не был десаи.

— Что вы... — начала было женщина, потом захрипела и сделала шаг вперед.

Она глянула на Рукию и оттолкнула ее от себя, шепча:

— Беги, беги! — И такая боль была в голосе Кавиты, что еще до того, как мать зашаталась, Рукия знала, что ее ударили кинжалом.

Человек с мечом позади Кавиты подхватил женщину и втолкнул ее внутрь палатки. Еще одна тень — ибо это действительно были незересские шейды — быстро передвинулась назад, отрезая Рукии пути к бегству.

Но Рукия не побежала. Нет, она кинулась в палатку вслед за шатающейся, чуть не падающей матерью, разбрызгивая маленькими ножками грязь и кровь. Она взвизгнула, проскочив мимо тени поменьше и ощутив жалящий укус клинка.

Ей было не до того. Она отчаянно рвалась к своей раненой матери. Она повалилась на Кавиту, запутавшуюся в палатке; жизненная сила женщины утекала из глубокой раны на поясице. Кавита уже потеряла сознание и была слишком близка к смерти, чтобы отозваться на неистовые призывы Рукии.

— Ты поранил малышку, болван! — сказал более крупный шадовар своему напарнику, входя в палатку.

— Ба, заткни свой рот, — ответил другой. — Рукия, девочка, а теперь пойдём, или твой отец будет следующим, кто найдет свою смерть на острие моего меча!

Рукия продолжала взывать, но слова ее были обращены не к Кавите. Теперь она пребывала в особом месте, выпевая мелодичный напев. Шрам на ее правом предплечье начал испускать свет, синий, как ее глаза; этот удивительный магический свет вытекал из длинного рукава подобно струйкам дыма. Она чувствовала, как теплеют ее ладони, по мере того как мягкий свет окутывает их, и она прижала их к ране на спине матери. Кровь еще мгновение продолжала течь прямо на нее, потом унялась.

Рукия отчетливо ощущала, как душа умирающей матери пытается покинуть тело, но она удержала ее, песней умоляя Кавиту, уговаривая ее, что еще не время уходить. Рукия положила руку поверх собственной раны, чувствуя, как кровь тонким ручейком стекает по боку, как раз под ребрами.

— Рукия, детка! — начал шадовар у нее за спиной.

Рукия села на пятки, немного отстранившись от матери, и медленно поднялась с пола.

— Меня зовут не Рукия, — тихо произнесла она.

— Просто хватай ее, — сказал другой шадовар, и она услышала звук первого шага в свою сторону.

Она резко развернулась, сверкая синими глазами, теперь оба ее рукава засияли, и голубые струйки магической энергии, словно дрессированные змеи из света, метнулись вперед и обвилились вокруг нее.

— Нет! — закричала она и взмахнула рукой, и клуб дыма вылетел прямо в лицо тому, что был ниже ростом.

— Нет! — повторила Рукия, и дым обернулся сотнями, тысячами летучих мышей, кишащих вокруг пришельцев, нападающих на них.

— Меня... — произнесла Рукия, и крылья летучих мышей уподобились лезвиям, полосуя мечущихся и вопящих от неожиданности шадоваров. Кружась и кромсая, летучие мыши яростно роились вокруг, нанося длинные кровавые раны.

—...зовут...— выговорила Рукия, и огненный шар возник в воздухе между двумя мужчинами, затем он взорвался. Шейды отлетели, вращаясь в воздухе, угодив сначала в огонь, а затем в барьер из летучих мышей с крыльями-лезвиями.

—...меня зовут...— повторила Рукия, и семь ручейков магической энергии сорвались с пальцев ее левой руки, чтобы испепелить врагов.

—...Кэтти-бри! — окончила она, выпрямилась во весь рост и обратилась к буре, призванной ею на праздник, и та отозвалась, метнув с небес огромную молнию, чтобы испепелить двух шадоваров на месте.

Ослепительная вспышка, громоподобный раскатистый гул — и все было кончено. Нападавшие были мертвы, их тела горели, потрескивая. Более крупный вылетел из своих башмаков, оставшихся стоять, и лишь струйки дыма поднимались от них.

А Кэтти-бри, маленькая девочка, которая не была ребенком, снова вернулась к своей матери, посылая новые волны исцеляющей энергии и шепча успокаивающие слова в ухо Кавиты.

Часть 1. Возрожденный герой

Сколько раз я обдумывал долгий путь, который прошел и, вероятно, еще пройду. Я часто вспоминаю слова Инновиндиль, ее предостережение о том, что эльф, живущий долго, должен научиться жить своей жизнью, чтобы приспособиться к смертности тех, кого, возможно, узнает и полюбит. И поэтому, когда человек уходит, а любящий его эльф остается, нужно идти вперед, разорвать эмоциональные и прочие узы и начать все сначала.

Я полагаю, все это довольно сложно, и принять решение мне порой нелегко. Разум говорит, что слова Инновиндиль — истинная правда. А сердце...

Не знаю.

Поскольку я не слишком уверен насчет этого бесконечного цикла, мне приходит в голову, что брать за основу продолжительность человеческой жизни — тоже нелепая затея, ибо, в самом деле, разве эти расы с коротким веком не проживают свои жизни бурно, неравномерно, со взлетами и падениями? Друзья детства, разлученные всего на несколько месяцев, могут сойтись снова — для того лишь, чтобы обнаружить: былые узы, связывавшие их, истлели. Возможно, один уже вступил в пору юности, в то время как другой остается в плену у отроческих забав. Я много раз наблюдал это в Десяти Городах (хотя среди сородичей Бренора в Мифрил Халле, большие походящих друг на друга, такое встречается реже), когда двое мальчиков, лучших друзей, расходились и один увлекался юной леди, причем настолько, что прежде и вообразить бы не мог, а другой продолжал жить детскими играми и более простыми радостями.

Во многих случаях это расставание оказывалось не просто временным охлаждением, поскольку никогда уже эти двое не смогут взглянуть друг на друга прежним любящим взглядом. Никогда.

И это относится не только к поре перехода от детства к юности. Вовсе нет! Это реальность, которую все мы редко способны предугадать. Друзья выбирают разные пути, клянутся встретиться вновь, и часто — нет, почти всегда! — эти клятвы не исполняются. Когда Вульфгар покинул нас в Мифрил Халле, Бренор поклялся навестить его в Долине Ледяного Ветра, и все же, увы, эта встреча так и не произошла.

А когда мы с Реджисом отправились на север Хребта Мира, чтобы повидать Вульфгара, то выкроили для воспоминаний ночь, всего одну ночь. Одну ночь, когда мы сидели втроем у костра в пещере, которую Вульфгар сделал своим домом, рассказывая о себе и вспоминая приключения, пережитые вместе много лет назад.

Я слышал, что подобные встречи могут оказаться довольно неприятными и исполненными благоговейного молчания, но, к счастью, в ту ночь в Долине Ледяного Ветра все было не так. Мы смеялись и твердо верили, что нашей дружбе никогда не будет конца. Мы побудили Вульфгара открыть нам свое сердце, и он сделал это, подробно рассказав, как прошло его путешествие на север, когда он покинул Мифрил Халл, чтобы вернуть свою приемную дочь ее настоящей матери. Воистину, в этом случае годы, проведенные нами порознь, казалось, растаяли, и мы снова были теми же друзьями, поровну делили хлеб и повествования о наших приключениях.

И все же это была всего лишь одна ночь, а проснувшись поутру и увидев Вульфгара, готовящего завтрак, мы оба знали, что наше общее время подошло к концу. Говорить было не о чем, нерассказанных историй не осталось. У него теперь была своя жизнь, в Долине Ледяного Ветра, а наш с Реджисом путь лежал обратно в Лускан, и далее в Мифрил Халл. Ибо, несмотря на всю нашу любовь друг к другу, несмотря на все пережитое совместно, на все клятвы встретиться еще, мы до конца прожили нашу общую жизнь. Итак, мы расставались, и Вульфгар, обняв напоследок Реджиса, пообещал, что в один прекрасный день отыщет его на берегах Мер Дуалдона — возможно, даже подкрадет незаметно и стащит приманку с крючка его удочки!

Но конечно же, этого так и не случилось, ибо если Инновиндиль, долго живущая эльфийка, советовала мне разбивать свою жизнь на более короткие отрезки в соответствии с жизнями близких мне людей, то и люди точно так же проживают свои жизни по частям. Сегодняшние лучшие друзья клянутся при встрече через пять лет остаться такими же друзьями, но, увы, пять лет спустя они зачастую уже становятся чужими друг другу. За несколько лет, а это не столь уж большой срок, они создают себе новые жизни с новыми друзьями, возможно даже, с новыми семьями. Таков порядок вещей, хотя немногие могут предвидеть это и еще меньше — признать.

Компаньоны из Мифрил Халла, четверо дорогих друзей, с которыми я познакомился в Долине Ледяного Ветра, порой рассказывали мне о своей жизни до нашей встречи. Вульфгар и Кэтти-бри были еще очень молоды, когда я вошел в их жизнь, но дворф Бренор уже тогда был стар, и за плечами у него остались столетия приключений и пройденные полмира, а Реджис десятки лет прожил в экзотических южных городах, и удивительных приключений на его долю выпало не меньше, чем ожидало его впереди.

Бренор часто рассказывал мне о своем клане и о Мифрил Халле, как это любят делать дворфы, в то время как прошлое Реджиса,

которому, похоже, было что скрывать, осталось загадкой (те дни, что в конце концов и навели на его след Артемиса Энтрери). Но из всех этих обстоятельных повествований Бренора — о его отце и отце его отца, о приключениях, пережитых им в туннелях вокруг Мифрил Халла, об утверждении клана Боевого Топора в Долине Ледяного Ветра — у меня не возникало ощущения, что когда-либо у дворфа были друзья столь же важные для него, как я.

А может, были? Не в этом ли кроется загадка и главная проблема утверждения Инновиндиль, когда срываются все покровы? Может ли у меня быть другой друг, с которым я буду связан такими же узами, как с Бренором? Смогу ли я познать иную любовь, сравнимую с той, что я обрел в объятиях Кэтти-бри?

А жизнь Кэтти-бри — до того, как я встретил ее на продуваемом всеми ветрами склоне Пирамиды Кельвина, или еще до того, как Бренор удочерил ее? Насколько хорошо знала она на самом деле своих родителей? Глубоко ли любила их? Она очень редко говорила о них, но, возможно, просто потому, что не помнила. В конце концов, она была совсем ребенком...

И вот я оказываюсь в одной из долин, простирающихся вдоль тропы, предложенной Инновиндиль: тропы памяти. Чувства ребенка к матери или отцу несомненны. Заглянуть в детские глаза, глядящие на любого из родителей, — значит увидеть истинную и глубочайшую любовь. Без сомнения, так же сияли и глаза Кэтти-бри.

И все же она не могла рассказать мне о своих истинных родителях, потому что не помнила!

Мы с ней говорили о том, чтобы и самим завести детей, — о, как же мне этого хотелось! Но над Кэтти-бри тут же нависали черные крылья ее великого страха, что она умрет раньше, чем ее дитя — наше дитя — станет достаточно большим, чтобы запомнить ее; что жизнь ее ребенка повторит ее собственную. И хотя она редко говорила об этом и ей хорошо жилось под заботливым присмотром великодушного и доброго Бренора, потеря родителей — пусть даже родителей, которых она не помнила, — давила на нее вечным грузом. У нее было такое чувство, будто у нее украли часть жизни, и она куда сильнее проклинала свою неспособность припомнить что-нибудь более конкретное, чем радовалась, припомнив мельчайшие подробности той потерянной жизни.

Глубоки долины вдоль тропы Инновиндиль.

Учитывая все это, учитывая, что Кэтти-бри даже не могла вспомнить тех двоих, кого любила безотчетно и столь полно, учитывая довольное лицо Вульфгара, когда мы с Реджисом отыскивали его среди тундры Долины Ледяного Ветра, учитывая нарушенные обещания снова повидать старых друзей или

неловкость, возникающую обычно при подобных встречах, кто скажет, отчего же я тогда так противлюсь совету моей ушедшей эльфийской подруги?

Я не знаю.

Быть может, потому, что я отыскал то, что намного больше обычного вступления в брак, — настоящую любовь, подругу, с которой мы были едины сердцем и душой, в мыслях и желаниях.

Быть может, я еще не нашел другую такую же и боюсь, что подобному не суждено больше повториться.

А может, я просто обманываю сам себя — под влиянием чувства вины, или грусти, или бесплодного гнева преувеличиваю воспоминания и возвожу их на пьедестал, чтобы ничто иное не смогло сравниться с ними.

Именно последняя вероятность и пугает меня, поскольку подобная неправда разрушает ту правду, на которой я стою. Я ощутил это чувство любви столь остро! Мне кажется, узнай я, что нет ни богов, ни богинь, ни великого божьего промысла, выходящего за пределы моего разумения, ни даже жизни после смерти, мне было бы не так больно, как если бы я узнал, что вечной любви не бывает.

И поэтому я отказываюсь принять мудрость совета Инновиндиль, поскольку здесь выбираю то, что подсказывает сердце, а не разум.

Я научился понимать, что в противном случае путь Дзирта До'Урдена становится дорогой в никуда.

Дзирт До'Урден

Глава 1. Жизненный круг

Год Плача Эльфов

(1462 по летоисчислению Долин)

Ируладун

— Э? — спросил рыжебородый дворф. Какой чародей, какая магия, какая сила проделала с ним это, хотел бы он знать. Он находился в пещере, в глубинных недрах древней родины, Гаунтлгрима, пытаюсь сдвинуть с места рычаг и запустить магию, которая снова обуздала бы вулкан, опустошающий этот край.

Быть может, его усилия привели к извержению вулкана? И хлынувшая сила отбросила его далеко от горы? Скорее всего, так и было, судя по тому, где он находился: не в пещере, вообще не в Подземье — он лежал в лесу, среди цветов и жужжания пчел, возле тихого озера...

Этого не может быть.

Он вскочил на ноги, удивительно легко, неожиданно ловко для дворфа его преклонных лет.

— Пуэнт? — позвал он, и голос сильнее, чем что-либо иное, выдал его замешательство. Ибо как такое могло произойти?

Последний голос, который он помнил, принадлежал Тибблдорфу Пуэнту, упрашивавшему его потянуть за рычаг, чтобы захлопнуть магическую клетку вокруг древнейшего вулкана.

Значит, вмешался маг? Разум Бренора блуждал по кругу, не находя логики. Может, некий маг телепортировал его из пещеры? Или соорудил магические врата, через которые он нечаянно вывалился? Да, конечно, именно так все и случилось!

Или это был сон? Или же сон — то, что перед ним теперь?

— Дзирт?

— Добрая встреча, — произнес голос у него за спиной, и Бренор едва не выпрыгнул из собственных башмаков. Он обернулся и увидел пухлого хафлинга с ангельским личиком и хитрящей улыбкой от уха до уха.

— Пузан!.. — выдохнул Бренор, назвав старого друга его шутливым прозвищем. Нет, осознал он, не старого. Перед ним стоял Реджис, но на десятки лет моложе, чем во время их первой встречи в Одиноком Лесу, в Долине Ледяного Ветра.

На мгновение Бренор решил, что вулкан каким-то образом забросил его назад во времени.

Запинаясь, он попытался продолжить фразу, но не мог подыскать подходящих слов, чтобы облечь в них свои бессвязные, пугающиеся мысли.

А затем он и вовсе чуть не упал, ибо из двери маленького домика за спиной Реджиса вышел мужчина, гигант по сравнению с миниатюрным хафлингом.

У Бренора отвисла челюсть, и он даже и не пытался заговорить, глаза его наполнились

слезами, потому что там стоял его мальчик, Вульфгар, теперь снова молодой мужчина, высокий и сильный.

— Ты вспомнил про Пуэнта, — сказал Реджис Бренору. — Ты что, был с ним, когда погиб?

Бренор пошатнулся. В памяти у него ожила великая битва на гребне горы в Гаунтлгриме. Он вновь ощутил силу Клангеддина, мудрость Морадина, ум Думатойна... Они пришли к нему на тот гребень в час его последнего усилия, его победы на древней земле Гаунтлгрима.

Однако эта победа досталась дорогой ценой, Бренор знал это наверняка. Он был с Пуэнтом...

Слова Реджиса ударили его под дых и выбили воздух из легких. «Ты был с ним, когда погиб?»

Бренор знал, что Пузан прав. Когда он погиб. Он мертв. Он с трудом сглотнул и огляделся, поскольку его явно окружал не Дом Дворфа, Чертоги Морадина!

Но он был мертв, и эти двое тоже. Сто лет назад он похоронил Реджиса под пирамидой из камней в Мифрил Халле. И Вульфгар, его мальчик, — без сомнения, годы унесли Вульфгара. На вид ему было лет двадцать, не больше, но теперь его возраст должен был бы перевалить за половину второго столетия, если бы люди могли жить так долго.

Они мертвы, все трое, и Пуэнт наверняка тоже погиб в Гаунтлгриме.

— Он с Морадином, — сказал Бренор скорее себе, чем остальным. — В Доме Дворфов Должен быть.

Он поднял взгляд на двоих друзей.

— Почему я не там?

Реджис улыбнулся утешающе, почти сочувственно, укрепляя Бренора в его страхах. Вульфгар, однако, смотрел уже не на него, а скорее ему за спину. Но выражение его лица все равно привлекло внимание Бренора, ибо было исполнено теплоты и восхищения, и когда дворф перевел взгляд на Реджиса, то увидел, что дружеская ухмылка хафлинга перешла в радостную улыбку, и Реджис тоже глядел куда-то мимо Бренора и указывал ему на что-то за его спиной.

Лишь тогда дворф услышал музыку, тихо, плавно и естественно зазвучавшую вокруг.

Бренор медленно обернулся, его взгляд скользнул по тихому озерцу и дальше, через небольшую поляну к опушке леса.

Там танцевала она, его любимая дочь, в пышном белом платье со множеством складок и прелестных кружев и черной накидке, повторяющей каждый ее поворот, словно некая живая тень, темное продолжение ее легчайших шагов.

— О боги! — пробормотал дворф, ошеломленный впервые за всю свою долгую жизнь. Теперь, когда этой долгой жизни больше не было, Бренор Боевой Топор упал на колени, уронил лицо в ладони и зарыдал. И это были слезы радости за такую награду.

Кэтти-бри не пела.

Точнее, пела неосознанно.

Слова были придуманы не ею. Мелодия песни текла сквозь нее, но не подчинялась ей, и

гармонию музыки леса, разлитую в воздухе и дополнявшую песню, сотворила тоже не она.

Потому что Кэтти-бри не пела.

Она училась.

Ибо слова эти были песней Миликки, озвучивавшей гармонию этого места, Ируладуна, дара богини. И хотя Кэтти-бри, Реджис, Вульфгар, а теперь и Бренор попали в этот странный рай, в первую очередь Ируладун был даром Дзирту До'Урдуну.

Теперь Кэтти-бри поняла это. Подобно Пряже магии, которую она изучала, будучи подающим надежды магом, узор владений Миликки становился ей все понятнее. Это был цикл жизни и смерти, осеннего увядания и весеннего обновления.

Ируладун — это весна.

Посредством слов песни Кэтти-бри творила заклинание, не сознавая этого. Она пошла навстречу трем своим друзьям, ступая по водам озера. Когда она грациозно парила над водой, чтобы приблизиться к остальным, ее песня стала понятна для них — не только музыка леса, но и необычные слова, произносимые на многих языках, новых и древних:

Старое вновь станет новым,
Когда будет заново соткана Магия,
И Тени отступят,
И герои богов воскреснут, Чтобы снова прийти на Фаэрун.
Построенное можно разрушить,
Но и разрушенное можно построить заново.
В этом загадка, В этом надежда,
В этом обещание.

Женщина закрыла глаза и глубоко вздохнула, успокаиваясь, умолкнув впервые с того момента, как они с Реджисом попали в это место. Для них прошел не один десяток дней, а за пределами Ируладуна, в мире Торила, где порой появлялся волшебный лес, — почти целое столетие.

— Девочка моя!.. — выдохнул Бренор, когда она снова открыла глаза, чтобы взглянуть на новых гостей леса.

Кэтти-бри улыбнулась, потом кинулась к нему и сжала в объятиях. Реджис присоединился к ним, напрыгнув сверху, поскольку немало дней провел здесь в безуспешной погоне за поющей женщиной. Трое оторвались друг от друга и оглянулись на Вульфгара, на чьем лице отражалось смятение.

Варвар пробыл здесь всего три дня по времени Ируладуна и понимал, где очутился, не больше Бренора — и даже Реджиса, приятно проводившего многие часы, сидя у озера, лелея свой маленький садик и занимаясь резьбой по кости форели, которая всегда была под рукой.

— Наконец-то ты перестала петь... — начал было хафлинг, но Бренор перебил его.

— Ах, моя девочка! — произнес он, проведя сильной рукой — сильной, молодой рукой, отметил он, — по прелестному лицу Кэтти-бри. — Столько лет прошло. Ты никогда не покидала моего сердца, и, куда бы я ни шел, дороги мои были пусты без тебя!

Кэтти-бри накрыла его ладонь своей.

— Прости меня за боль, — шепнула она.

— Я точно сошел с ума! — прорычал вдруг Вульфгар.

И все снова повернулись к нему.

— Я был на охоте, — прошептал варвар, обращаясь в большей степени к себе, чем к остальным, и принялся мерить землю широкими шагами. — Старик... — Он умолк и повернулся к остальным, разведя руками. — Старик! — упрямо повторил он. — Человек, чьи дети, даже внуки выглядят старше, чем я теперь! Как меня исцеляли, я не знаю. Проклятие это или благословение?

— Благословение, — ответила Кэтти-бри.

— Твоего бога?

— Богини, — поправила женщина.

— Богини, значит, — повторил Вульфгар. — Меня благословила твоя богиня? Значит, я проклят Темпусом!

— Нет, — начала объяснять Кэтти-бри, она оторвалась от Бренора и шагнула к Вульфгару, который заметно вздрогнул и попятился от нее.

— Это безумие! — закричал варвар. — Я Вульфгар, сын Бернегара, который служит Темпусу! Я убит! Я принимаю свое поражение и свою смерть, но это не покои моего бога воинов! Нет, это не благословение! — Последнюю фразу он бросил в лицо Кэтти-бри, словно проклятие. — Юность? — насмешливо фыркнул он. — Исцеление? Это, что ли, ваши благословения? И какой ценой?

— Все совсем не так, — заверила его Кэтти-бри.

Бренор коснулся ее щеки, и она повернулась к нему.

— Ты умер в Гаунтлгриме, — сказала ему Кэтти-бри. — Рядом с Тибблдорфом Пуэнттом, да, но знай, что ты победил в тот день и был погребен с почестями рядом со своим оруженосцем возле трона богов в пустом зале.

Бренор начал что-то говорить, но слова застряли у него в горле.

— Откуда ты знаешь? — спросил он.

Кэтти-бри лишь довольно улыбнулась, так что ни у кого не возникло бы сомнений в справедливости ее слов.

— Я был бы старым лжецом, если бы сказал, что не рад всем сердцем видеть вас, всех троих! — прошептал Бренор. — Но также солгал бы, скажи вам, что чертоги любого другого бога, кроме Морадина, станут для меня подходящим местом и наградой за прожитую жизнь.

Кэтти-бри кивнула и собралась ответить, но хруст и шорох опять заставили ее обернуться, как раз вовремя, чтобы увидеть, как Вульфгар исчезает среди сотворенного ею.

— Мальчик мой! — вскричал ему вслед Бренор, но Кэтти-бри накрыла его ладонь своей, успокаивая, потом взяла его за руку, другую руку протянула Реджису и повела их вслед за варваром.

— Вульфгар, не надо! — крикнула она вслед мужчине. — Ты не сможешь уйти! Ты не готов!

Несколькими мгновениями позже они еще раз мельком увидели его. Вульфгар пересек небольшую поляну и побежал туда, где лес был светлее, очевидно, к опушке. Бренор и Реджис попытались прибавить ходу и догнать его, но теперь Кэтти-бри удержала их, да и сама трава у них под ногами, казалось, была согласна с женщиной или же ответила на ее зов, обвивая башмаки Бренора и мохнатые ноги Реджиса, практически не давая сдвинуться с места.

— Не надо! — в последний раз предостерегла она Вульфгара, но упрямый варвар даже не замедлил хода, устремляясь к опушке.

— Ты остановила нас, так останови и его! — сказал ей Бренор, отдирая от себя неподатливые корешки, но Кэтти-бри лишь смотрела вслед Вульфгару и качала головой.

Лес вокруг был густым и мрачным, но Вульфгар видел впереди свет и пробивался к нему, не понимая, как именно он движется. У него было ощущение, что он скорее плывет, чем бежит, он ощущал жару и влажность, хотя дождь не шел и лес выглядел достаточно сухим.

Но он не в лесу, понял Вульфгар, и от света осталась лишь светящаяся точка, не более, и все движения стали беспорядочными и нескоординированными. Было ощущение, будто его завернули в плотную ткань и бросили в озеро.

Он чувствовал... он не знал, что чувствует, поскольку мысли его совсем спутались. Он видел свет, пусть всего лишь светящуюся точку, и стремился к нему, тело его скрючилось, руки не слушались, ноги не подчинялись.

Свет разгорался, и нечем стало дышать. Вульфгар отчаянно забился, и то, во что он был завернут, оказалось гибким и податливым. На память приходили лишь гигантский удав да пурпурный червь. Да, ощущение было такое, будто он проскочил в утробу пурпурного червя, но его конвульсивные попытки, случайно или нет, сделали свое дело, поскольку впереди возник свет.

Он высунул голову и попытался вытянуть руку над головой, когда его схватили — внезапно, грубо, крепко.

О как крепко!

Его выдернули наружу, и ощущение было такое, будто он летит, поднимается ввысь, одна гигантская рука ухватила его за голову, другая держала за туловище и поднимала с такой легкостью! На миг Вульфгару стало страшно, что его забросило в орду великанов, поскольку они были повсюду вокруг, но потом он понял, что даже для великанов они чересчур велики. Он чувствовал их, слышал раскаты их громоподобных голосов.

Не великаны! Слишком большие. Титаны, лес вышвырнул его в логово титанов!

Или даже боги, настолько эти существа были больше него и могущественнее. Он ухватился рукой за гигантский палец и потянул изо всех сил, но с таким же успехом мог бы пытаться сдвинуть камень величиной с гору.

Захлебываясь в потоках слюны и какой-то непонятной слизи, он отбивался и кашлял, и наконец, наконец Вульфгар воззвал к своему богу:

— Темпус! — Голос его прозвучал так тоненько и неуверенно. Он забился, и гигантское существо, державшее его, завопило. Вульфгар проклял его, призывая на него гнев Темпуса.

А потом он летел — нет, не летел. Он падал.

Стоя на краю поляны в магическом лесу, Кэтти-бри снова запела.

— Девочка, пойдя приведи мальчишку! — воскликнул Бренор, но голос его прозвучал как-то непривычно.

— Что ты делаешь? — спросил Реджис, его речь странным образом то замедлялась, то ускорялась, пока магия песни Кэтти-бри изменяла время и пространство. Потом они трое тоже очутились в странном извилистом туннеле и быстро двинулись вперед. Это, однако, не было похоже на опыт Вульфгара, поскольку не успели Бренор или Реджис даже ощутить странное воздействие, как уже избавились от него, выпрыгнув из-под ивового корня и вдруг снова очутившись с Кэтти-бри на берегу маленького пруда.

Там уже лежал Вульфгар, задыхаясь и пытаясь подняться, опираясь на локти и бормоча, но лишь падая снова на траву.

Услышав оклик Бренора, он смог повернуть лицо к друзьям — посеревшее лицо; руки Вульфгара дрожали.

— Титаны, — прохрипел он. — Боги. Алтарь богов!

— Что ты узнал?! — воскликнул Бренор, обращаясь к Вульфгару, но повернулся при этом к Кэтти-бри.

— Не титаны. — Кэтти-бри подошла к Вульфгару и помогла ему подняться. — Не боги. — Она подождала, пока не завладела полностью вниманием всех троих. — Варвары Утгарда, — пояснила она. — Твой народ.

По виду Вульфгара было ясно, что он ей не поверил.

— Гигантские! — запротестовал он.

— Или ты был крохотным. — Она помолчала, чтобы мысль дошла до них. — Младенец. Новорожденный младенец.

Глава 2. Возрожденный герой

Год Возрожденного Героя

(1463 по летоисчислению Долин)

Незерил

Лорд Незерилской империи Пэрайс Ульфбиндер неловко ерзал в кресле, снова и снова внимательнейшим образом изучая каждый из множества пергаментов. При этом он поглядывал в сторону, на свой магический шар, почти ожидая магического вторжения своего пэра и друга, лорда Дрейго Куика, обитавшего за пределами города Глумврот в Пустыне Теней, темном двойнике Первого Материального уровня.

Все только что сказанное ему Дрейго Куиком лишь укрепило Пэрайса в его опасениях. Врата между Пустыней Теней и Торилом действительно становились все слабее, а очагов тени на Ториле, похоже, оставалось все меньше.

Большинство ученых, а их имелось немало среди образованных незересов, рассматривали усиление связей между мирами как великое изменение во вселенной, новую и постоянную парадигму — по меньшей мере, в продолжительности жизни тени.

Пэрайс Ульфбиндер начинал все больше сомневаться в этом, и груда пергаментов, древних писаний давно умерших ученых, незересских и иных, намекала ему на то, что, похоже, происходило теперь вокруг.

Врата...истончались.

Энергичный молодой лорд сдвинул пергаменты в сторону и извлек сделанную им копию манускрипта, ставшего краеугольным камнем его теории, древнего сонета, известного под названием «Тьма Черлриго».

Наслаждайся игрой, когда тени похитят день...

И весь мир — лишь полмира для того, кто умеет ходить;

Вкушать грибную мякоть и бродить при свете солнца;

Не стоять на месте, чтобы боги продолжали спать.

Осторожен будь, ступай бесшумно и молви тихо.

Не тревожь богов, день Раскола не торопи!

Не столь совершенные, но кратчайшие пути прочь,

Не стоит выбирать неизбежный разрыв — ни теперь и ни впредь.

Но время грезит вновь об одиноком мире,

С забытыми королевствами и утраченными сокровищами,

И врагами, смердящими запахом чужих богов.

Раздробленные и целые, затерянные среди небесных сфер,

Недоступные для двомера и странника с воздушного корабля;

С игрушками для тех, кто кому боги благоволят.

Пэрайс и лорд Дрейго постоянно отчаянно спорили по поводу этого сонета, особенно его ключевой фразы, девятой строчки: «Но время грезит вновь об одиноком мире!» — «Об одиноком мире», — прочел Пэрайс вслух.

На его взгляд, эти слова являлись вполне ясным утверждением, а не только намеком на то, что магическая связь Абейра и Торила, вероятно, не столь постоянна, как казалось многим.

— И когда же? — опять-таки вслух произнес он, переведя взгляд на объединенный с глобусом календарь на дальнем краю рабочего стола.

— Летоисчисление Долин, одна тысяча четыреста шестьдесят третий год, — прочел Пэрайс заголовок.

Конечно, он знал, как исчисляется текущий год на Ториле. Он был математиком, ученым, при этом интересующимся движением небесных сфер, которое играло немаловажную роль в его теперешних исследованиях, касающихся судеб Абейра-Торила. Поэтому наименование года не должно было стать открытием для просвещенного незересского лорда... и тем не менее стало!

— Одна тысяча четыреста шестьдесят третий? — пробормотал он и внезапно шумно вздохнул.

Он вскочил на ноги с такой поспешностью, что стул отлетел в сторону, и столь же стремительно плюхнулся в кресло, стоящее перед магическим шаром, и принялся яростно настраивать связь с Пустыней Теней, с лордом Дрейго Куиком.

К его великому облегчению, друг все еще находился в кабинете и услышал его вызов.

— И снова — добрая встреча, — приветствовал его лорд Дрейго, сморщенный старый маг, обладающий огромным влиянием и немалой магической силой.

— Вы полагаете, вам известен излюбленный герой, — начал Пэрайс, — этот избранник старых богов.

— Да, — подтвердил Дрейго Куик, поскольку они уже обсуждали это.

— Возможно, вы ошибаетесь.

Судя по несколько искаженному изображению в хрустальном шаре, собеседник Пэрайса опешил.

— Но я никогда не утверждал с уверенностью...

— Возможно, мы ошибаемся, — поправился Пэрайс Ульфбиндер, — полагая, что герои древних богов находятся где-то не здесь и готовятся.

Теперь Дрейго Куик выглядел попросту озадаченным.

— Какой теперь год?

— Год?

— Да, какой год по календарю Торила? По летоисчислению Долин?

Наморщив лоб, Дрейго Куик обдумывал вопрос, на который, как и ожидал Пэрайс, не мог ответить с ходу, учитывая, что лорд Дрейго жил в Пустыне Теней, где само время измерялось иначе.

— Вы слишком долго прожили в землях света, раз вообще задумываетесь об этом, — заметил Дрейго Куик, прежде чем дать правильный ответ. — Тысяча четыреста шестьдесят третий, полагаю.

— Не цифры, наименование. Тысяча четыреста шестьдесят третий, — подсказал сам Пэрайс Ульфбиндер, — год Возрожденного Героя.

— И что это значит? — осведомился Дрейго Куик.

Пэрайс мог лишь пожать плечами.

— Возможно, ничего, — признал он. — Это лишь подсказка, а не ключ. Потенциальная подсказка, сказал бы я. Нам не следует менять подход к исследованиям или их направление.

— Касательно Дзирта До'Урдена?

— Его или любого другого, кто привлечет наше внимание, — ответил Пэрайс. — Мы раскинем собственную сеть, чтобы выискивать этих излюбленных смертных, этих героев. Но прежде чем мы двинемся дальше, возможно, следовало бы приказать нашим шпионам обращать особое внимание на всех, чем-либо напоминающих избранных и родившихся именно в этом году.

— Знаменательное совпадение, — согласился Дрейго Куик, просматривая список предшествующих лет. — Но в них тоже могут содержаться ключи.

Теперь пришло время Пэрайсу вздохнуть, поскольку он опасался, не открыл ли тот самый ящик с проблемами. Ученые посвящали целые жизни попыткам разгадать смысл Перечня Лет, пророчества Огатры Безумного.

— Это занятие для жрецов, — заметил лорд Пэрайс. — Бегло просмотреть и не более того, умоляю вас.

— Год Поющего Черепа. — Дрейго Куик, похоже, не обращал внимания на Пэрайса.

— Что?

— Тысяча двести девяносто седьмой, — ответил старший лорд. — Год рождения Дзирта, кажется. Год Поющего Черепа.

— Вы видите в этом какое-то значение?

— Нет.

— Тогда почему вы перебиваете...

— А почему это должно иметь значение? — осведомился Дрейго Куик. — Он был просто дроу, один из десятков тысяч.

— Тогда почему... — Пэрайс Ульфбиндер умолк, предпочтя, чтобы мысль осталась недосказанной. Он действительно опасался этого, с того момента как узнал официальное название текущего года. Возможно, это совпадение, и вероятно также, что исследования в этом направлении не добавят никакой значимой информации, стоящей того, чтобы тратить на нее время и энергию.

— Давайте придерживаться прежнего стиля работы, — предложил он Дрейго Куику. — Нам нужно создать сеть осведомителей и набрать разведчиков.

— Вроде Бреган Д'эрт.

Пэрайс кивнул:

— Вроде Бреган Д'эрт, удобную и полезную, даже когда сами они этого не понимают.

— Значит, вы возобновили наш спор просто из любопытства, — констатировал Дрейго Куик.

Пэрайс тщательно обдумал его слова и наконец кивнул:

— Действительно, любопытство.

Дрейго Куик ответил ему улыбкой, показывая другу, что прекрасно понимает его. Склонив на прощание голову, он накрыл свой хрустальный шар тканью, завершив связь.

Пэрайс Ульфбиндер откинулся на спинку кресла и, соединив кончики указательных пальцев, коснулся ими губ.

Название года, разумеется, могло что-то означать, но, возможно, это было не более чем странностью, совпадением.

Однако Пэрайс Ульфбиндер был не из тех, кто готов считать нечто, обладающее столь разрушительным потенциалом, просто совпадением.

— Год Возрожденного Героя... — прошептал он.

Глава 3. Ируладун Миликки

Год Возрожденного Героя

(1463 по летоисчислению Долин)

Ируладун

Вульфгар стоял на коленях возле пруда, пытаясь осмыслить то, что только что поведала ему Кэтти-бри, и справиться с шоком от своего внезапного возрождения. Этого не могло быть, где-то в глубине души он просто не мог поверить, что женщина говорит правду.

— Но я знал, — прошептал варвар, и, хотя он говорил тихо, слова его разом оборвали беседу за его спиной: там Бренор с Реджисом обсуждали ту же загадку, пытаясь найти объяснение.

— Ты помнил все, — сказала Вульфгару Кэтти-бри, и он отвернулся и уставился на дерево.

— Я знал, — повторил он. — Знал, кем я был, кто я и откуда. Не как новорожденный.

— Рожденный заново — но не сердцем и не душой, — пояснила она. — Только телом.

— Девочка, откуда ты знаешь? — спросил Бренор.

— Мы с Реджисом пробыли в этом месте, Ируладуне, несколько десятков дней, — начала она.

— Ты хочешь сказать — сотню лет, — перебил ее Бренор, но Кэтти-бри немедленно покачала головой, словно ожидала именно этого.

— Сто лет — на земле, за пределами Ируладуна, а внутри него — лишь десяток дней, — объяснила она. — Это дар Миликки.

— Или проклятие, — пробормотал Вульфгар.

— Нет, дар, — возразила Кэтти-бри. — И дар не нам, но Дзирту. Богиня сделала это ради нашего друга.

— Что? — хором переспросили Бренор и Реджис.

— Старые боги знают, — ответила Кэтти-бри. — Старые боги предвидели, что с пришествием Царства Теней столкновение нашего мира, Торила, с другим миром, известным как Абейр, вызовет... хаос. Конечно, кое-чего они не предвидели, вроде Разрыва Пряжи и Магической чумы, но они действительно знали великую правду о мирах, связанных воедино.

— Потому, может, они и боги, — проворчал Бренор.

— И они понимали также, что это временное устройство сфер, — продолжала Кэтти-бри. — Пришествие означает их разделение, и это время, Разделение, скоро настанет.

— И вот я здесь, полагающий, что все мы мертвы, — саркастически пробормотал Бренор, обращаясь в основном к Реджису, но Кэтти-бри не слушала и продолжала говорить, превратившись на некоторое время в скальда, и даже станцевала немножко — очень похоже на ее танец среди цветущих роц Ируладуна в последние десять дней.

— Это будет время великого отчаяния и смятения, хаоса и перестройки как всего мира,

так и пантеона, — провозгласила она. — Боги потребуют свои владения и призовут своих сторонников. Они станут искать себе чемпионов среди одних и делать чемпионами других. Они отыщут их среди смертных вождей Фаэруна, среди лордов Глубоководья и архимагов Тэя, среди вождей великих племен и героев Севера, среди королей, дворфов и орков.

Многое будет так, как было всегда, — поясняла она. — Морадин и Груумш быстро соберут свои племена, но на окраинах воцарится хаос. Кто возглавит воров и кому доверят свои магические заряды маги? И кому решат служить смертные, скорбящие и потерянные, когда их жизненные пути станут еще извилистее?

— Что? — раздраженно переспросил Реджис.

— Снова загадки? — буркнул Вульфгар.

Но Бренор лучше уловил смысл ее слов.

— Дзирт, — прошептал он. — Скорбящий и потерянный, говоришь? Да, но я оставил его с той девчонкой, Далией, и ему уж точно хватило забот с этой оторвой!

— Скорбящий и потому, возможно, легкая добыча, — заметила Кэтти-бри.

— Он любит тебя, — быстро отозвался Бренор, утешая ее. — Он все еще любит тебя, девочка! И всегда любил!

Кэтти-бри рассмеялась при упоминании о плотской ревности.

— Я говорю о его сердце, о его душе, а не о физических желаниях.

— Короче говоря, Дзирт — за Миликки, — встрял Реджис, но Кэтти-бри лишь пожала плечами, рассеивая его уверенность.

— В конце концов он сделает выбор, — ответила она. — И я верю, что его выбор будет мудрым. Но весьма вероятно, этот выбор будет стоить ему всего. Таково предупреждение Миликки, и таков ее дар.

— Ну, это уж не ей решать! — бросил Бренор.

— Мое место — в Чертогах Темпуса, — продолжал настаивать Вульфгар, уловив, о чем говорит дворф, и вскочив на ноги.

— Выбор за вами, — подтвердила Кэтти-бри, — ибо ни за что богиня не потребует подобной службы от приверженца иного бога. Миликки не требует от вас присяги на верность, но предлагает вам этот выбор.

— Я же здесь! — возразил Вульфгар. — Никакого выбора нет!

— Точно, — согласился Бренор.

— Есть, — повторила Кэтти-бри с обезоруживающей улыбкой. — Потому что это место непостоянно и не вечно, — воистину, время его конца близко. Ируладуна, порождения магии Миликки, скоро не станет. Он исчезнет навеки и не вернется. Так что мы должны сделать выбор и покинуть его.

— Я уже пытался, — напомнил Вульфгар.

— Верно, — кивнула Кэтти-бри. — Но ты сделал это вслепую, без подготовки, без уговора, и был обречен на неудачу. Тебе же лучше, что твое путешествие окончилось, не успев начаться, и что повитуха выбросила тебя на камни!

— Уговора? — едва слышно переспросил Реджис, выхватив из рассказа Кэтти-бри вызвавшее его удивление слово.

Кровь отлила от лица Вульфгара, когда на него нахлынули — благодаря магии, примешанной к голосу Кэтти-бри, он понимал это — воспоминания о кратком пребывании за пределами Ируладуна. Он попал в лапы великанши, казалось ему, а на самом деле — в руки повивальной бабки. И когда он принялся протестовать, когда заговорил младенческим

голосом, но взрослыми словами, насмерть перепуганная повитуха исполнила свой долг и убила его, ударив о горячие камни, обогревающие лачугу.

Воспоминание об этом кошмаре, о том, как его мягкая голова взорвалась при встрече с неподатливым камнем, вновь оглушило его. Он попятился, зашел на пару шагов в пруд и долго сидел на мелководье, прежде чем смог заставить себя снова выбраться на берег.

— О да, — пояснила Кэтти-бри Бренору и Реджису, пока Вульфгар сидел в воде, — богиня открыла мне все это. Похоже, это она надоумила повитуху уничтожить одержимое дитя.

— Не слишком милосердная богиня! — проворчал Бренор.

— Цикл жизни и смерти не может быть ни милосердным, ни немилосердным, — пояснила Кэтти-бри. — Он просто есть. Он всегда был и всегда будет. Вульфгар попытался и не смог покинуть Ируладун — и никто из нас не может. Это не является частью того выбора, что предлагает нам Миликки. Пока не рассеялась магия, нам предложены два пути. Первый — тот, что выбрал Вульфгар, но с условием. — Она взглянула на него в упор. — Ты не выполнил его, потому и был обречен на неудачу.

Вульфгар в ответ подозрительно уставился на нее.

— Другой путь отсюда ведет через это озерцо, — завершила Кэтти-бри.

— А условие? — спросил Реджис.

— Чтобы покинуть лес и вернуться на Фаэрун, нужно принести клятву верности Миликки.

— Ты отказалась бы от своей веры? — возразил Вульфгар.

— Клянусь волосатой задницей Морадина! — возмутился и Бренор. — Я люблю тебя, девочка, и Дзирта люблю, он мне как брат, но не собираюсь гоняться за цветами на лужайке по выбору Миликки!

— Клятва, обет — не навсегда, — пояснила Кэтти-бри. — Чтобы получить благословение Миликки, покинуть Ируладун и вновь возродиться на земле Фаэруна, вы должны принять одно-единственное условие: выступить на стороне Миликки в самый тяжелый час.

— Что-то я не очень понимаю, что это значит, девочка, — заявил Бренор.

— Она имеет в виду, в самый тяжелый для Дзирта час, — сказал Реджис. И когда остальные уставились на него, добавил: — Ты же сказала, в первую очередь это дар Дзирту.

— Так ты говоришь, что Дзирту понадобится наша помощь? — спросил Бренор.

Кэтти-бри пожала плечами, казалось искренне растерянная:

— Похоже на то.

— Значит, мы можем вернуться на помощь Дзирту, что бы это ни значило, но вольны также почитать выбранного нами самими бога и служить ему? — уточнил Реджис, и по тону его ясно было, что он задал вопрос только для того, чтобы помочь уяснить положение вещей Бренору и Вульфгару, на чьих лицах по-прежнему отражались жесточайшие сомнения.

— Когда цикл завершится и вы снова умрете, а это наверняка произойдет, — ответила Кэтти-бри, — вы отыщете путь к алтарю избранного вами бога и отдадите ему свой голос. — Она обернулась к Вульфгару и озерцу и добавила: — Вот это и есть твой второй выбор. — Она указала на воду. — Под водой этого пруда есть пещера, туннель между вселенными, ведущий преданных к обещанной награде. Теперь, если пожелаете, этот путь открыт для вас. Для тебя, Вульфгар, — путь к Отдыху Воина, к детям и друзьям из твоего племени, умершим раньше тебя или в те годы, что ты провел в Ируладуне. Я уверена, что там тебя ожидает

почетное место. Для тебя, мой отец, — Дом Дворфа и твое место подле Морадина, и это будет воистину великое место, ибо ты восседал на троне Гаунтлгрима и был отмечен благосклонностью и поддержкой своего бога. Для тебя, Реджис, — Зеленые Луга и возможность вечно бродить путями Брандобариса. И знай, что я найду тебя там, когда не буду больше принадлежать этому миру, и Дзирт отыщет нас обоих, потому что Дикие Леса Миликки граничат с Зелеными Лугами.

— Что ты говоришь, девочка? — переспросил Бренор. — Так мы мертвые или нет?

— Мертвые, — ответил Реджис. — Но можем ими не быть.

— Или можем быть, — заметил Вульфгар холодно, почти зло. — Как принято в мире, естественно и правильно. — Он, не моргая и не отводя глаз, выдержал взгляд Кэтти-бри. — Я прожил славную жизнь, долгую жизнь. У меня были дети — и я хоронил детей!

— Без сомнения, теперь они все мертвы, — признала Кэтти-бри. — Даже получи они в дар твое отменное долголетие, на земле прошел не один десяток лет с того момента, как ты попал в Ируладун.

Вульфгар поморщился, и на мгновение показалось, что он предался панике или же ярости, услышав непостижимую правду.

— Ничего не требуется ни от тебя, ни от нас, ни от кого из нас, — заверила всех Кэтти-бри. — Богиня вмешалась ради своего любимца Дзирта, но она не лишает нас выбора. Я сейчас ее посланница, и только.

— Но сама ты возвращаешься обратно, — сказал Бренор.

Кэтти-бри улыбнулась и кивнула.

— Ну, если ты вернешься новорожденным младенцем, то Дзирту от тебя будет не много помощи, мне кажется, — заметил дворф. — И еще долго!

Она снова кивнула:

— Разделение сойдет на мир Торила еще не скоро. Поэтому, я полагаю, время опасности для Дзирта еще не пришло.

— Значит, ты собираешься вернуться обратно и расти снова? — недоверчиво осведомился Бренор. — И где же это будет?

Кэтти-бри пожала плечами:

— Где угодно. Моими родителями будут люди, а в Глубоководье или Калимпорте, Тэе или Сембии, Долине Ледяного Ветра или на Муншаез, не могу сказать, ибо это еще только предстоит узнать. Возрождение в ходе великого цикла означает, что твоя душа летает на свободе, пока тебя не отыщут и не поместят в подходящую утробу.

— Друиды при реинкарнации могут перевоплощаться в представителей других рас, даже в животных, — заметил Реджис. — Стоит ли мне покидать лес, чтобы стать маленьким кроликом, удирающим от волков и ястребов?

— Ты станешь хафлингом, рожденным от родителей хафлингов, — пообещала Кэтти-бри. — Это гораздо больше в духе Миликки и лучше соответствует ее планам.

— Что Дзирту проку с тебя как кролика, дурень? — хмыкнул Бренор.

— Может, он будет голоден, — пожал плечами Реджис.

В ответ на ехидную усмешку хафлинга Бренор вздохнул, но тут же снова заметно посерьезнел, повернувшись к любимой дочери. Он тяжело дышал и пытался заговорить, но лишь мотал головой, обуреваемый эмоциями.

— Не могу этого сделать, — выдавил он наконец, задыхаясь. — Я дожил до своего дня и заслужил отдых! — С полубезумным видом он устался на Кэтти-бри налившимися влагой

глазами. — Я заслужил путь к трону Морадина, и Дом Дворфа ждет.

Кэтти-бри шагнула в сторону и указала на озерцо:

— Дорога там.

— И что тогда будет думать обо мне моя девочка? Что Бренор трус?

Кэтти-бри рассмеялась, но тут же снова стала серьезной и, бросившись к Бренору, сжала его в объятиях.

— Этот выбор — не приговор, — шепнула она ему на ухо и перешла на наречие дворфов, на котором разговаривала, когда была совсем юной и жила в клане Боевого Топора, в туннелях под Пирамидой Кельвина. — Па, твоя девочка всегда будет любить тебя и никогда не забудет!

Она еще крепче обняла его, и Бренор ответил тем же, изо всех сил прижав ее к себе. Потом внезапно он оттолкнул ее на расстояние вытянутой руки; теперь по его заросшим щекам катились слезы.

— Ты возвращаешься на Фаэрун?

— Безусловно.

— Чтобы помочь Дзирту?

— Я молю богов о том, чтобы помочь ему. Чтобы любить его снова. Жить рядом с ним, пока я не умру опять. Дикие Леса ждут, ждут вечно, а Миликки — терпеливая хозяйка.

— Я возвращаюсь, — спокойно объявил Реджис, удивив всех и приковав к себе всеобщее внимание.

Под их любопытными взглядами хафлинг не дрогнул.

— Дзирт ради меня вернулся бы, — пояснил он и, ничего больше не добавив, скрестил ручки на маленькой груди и решительно выпятил челюсть.

Кэтти-бри тепло улыбнулась ему:

— Тогда надеюсь, что мы еще встретимся — живые.

— Ох, железные яйца Клангеддина! — выдохнул Бренор. Он отскочил от Кэтти-бри и подбоченился. — И без бороды? — спросил он.

Кэтти-бри улыбнулась, прекрасно понимая, к чему все идет.

— Ба! — проворчал дворф и отвернулся. — Ну что, тогда идем, и если мы разлетимся по всему Фаэруну, то где встретимся, и как узнаем об этом, и что?..

— В ночь весеннего равноденствия, когда тебе исполнится двадцать один год, — ответила Кэтти-бри. — В ночь Миликки, в месте, хорошо известном всем нам.

Бренор уставился на нее. Реджис уставился на нее. Вульфгар уставился на нее. Все трое буравили ее взглядами, столько вопросов уже было задано, столько их еще оставалось, и ни на один, знали они, невозможно было ответить.

— Подъем Бренора, — пояснила она. — Пирамида Кельвина в Долине Ледяного Ветра в ночь весеннего равноденствия. Там мы встретимся вновь, если не найдем друг друга раньше.

— Нет! — решительно воскликнул Вульфгар у нее за спиной, и, обернувшись, она увидела, как человек отступает к середине пруда. Суровое выражение его лица смягчилось под взглядами троих друзей. — Не могу, — тихо добавил он.

Он опустил взгляд и покачал головой.

— Дни, прожитые с вами, для меня бесценны, — сказал он друзьям. — И знай, что я любил тебя когда-то, — обратился он уже непосредственно к Кэтти-бри. — Но после этого у меня была другая жизнь, на родине, с моим народом, и там я нашел любовь и новую семью.

Теперь они ушли, все... — Голос варвара прервался, Вульфгар указал на пруд, и друзья понимали, что он имеет в виду Отдых Воина, рай, обещанный его богом, Темпусом. — Они ждут. Моя жена. Мои дети. Простите меня.

— Здесь нечего прощать, — возразила Кэтти-бри, и Бренор с Реджисом согласно кивнули. — Это не долг, который нужно оплатить. Миликки предложила выбор ближайшим друзьям Дзирта, Компаньонам из Мифрил Халла, и тебе в том числе. Прощай, друг мой, и знай, что я тоже когда-то любила тебя и никогда не забуду.

Она шагнула к пруду, прямо в воду, тепло и нежно обняла Вульфгара и поцеловала в щеку.

— Отдых Воина станет еще прекраснее с появлением Вульфгара, сына Бернегара, твой отец тоже ждет тебя там.

Она вернулась на берег, а Бренор и Реджис пошли обнять варвара напоследок. Кэтти-бри заметила, что Реджис с радостью вылез из воды, но Бренор, выходя, чтобы присоединиться к ним, не переставал оглядываться.

Помахав Вульфгару на прощание, трое друзей зашагали в лес, не зная, куда приведет их избранная тропа.

Стоя по колено в воде, Вульфгар смотрел, как они уходят. Он позволил себе предаться воспоминаниям о годах, проведенных рядом с Бренором и остальными. Три десятилетия, лучшая пора его жизни.

Хорошие годы, решил он, среди хороших друзей.

Он отвернулся к воде и увидел свое отражение, пошедшее рябью из-за его движения. Он снова был молодым, как тогда, когда шагал по пути потрясающих приключений рядом с Дзиртом и остальными.

А сохранит ли он этот облик в Отдыхе Воина, подумалось ему, и предстанут ли перед ним его близкие также в расцвете сил? И его отец, Бернегар, которого он никог да не знал молодым?

Вульфгар шагнул на глубину и скрылся под водой.

Глава 4. Продолжатель рода

Год Возрожденного Героя

(1463 по летоисчислению Долин)

Твердыня Фелбарр

— Зима точно засела в моих старых костях, — сказал король Эмерус Боевой Венец Парсону Глейву, своему другу и советнику. Король Эмерус широко раскинул руки. Его мускулистые плечи были гибкими и сильными. Ему давно уже перевалило за двести, но его телосложению мог позавидовать и пятидесятилетний, и немногие в любом возрасте захотели бы сойтись в поединке с этим гордым старым дворфом. Он прошел по залу, подхватил одной рукой огромное полено, легко удерживая его сильными пальцами, и забросил в огонь.

— Да, зима нынче суровая, — согласился Парсон Глейв, ученый клирик твердыни Фелбарр, глава культа, недавно назначенный Эмерусом временным управляющим на случай, если с королем что-нибудь случится. — Вокруг западных Рунных врат полно снега. Я направил на расчистку целую толпу землекопов, пока не прикатил следующий караван.

— Теперь не скоро прикатит! — утробно хохотнул Эмерус. — Может, прискользит, но уж не прикатит — это точно!

— Ну да, — подтвердил его чернобородый лысый друг, подхватывая смех.

Для дворфов из твердыни Фелбарр начало 1463 года ознаменовалось желанной передышкой в постоянных войнах с орками, разбойниками и прочими надоедами, в прошлом году ставшими настоящим бедствием для региона. Молот, первый месяц, оказался довольно холодным, так что снега, выпавшие в конце 1462 года, почти не таяли, а месяц второй, метко прозванный когтем зимы, пришел под рев метелей, обрушив сильнейшие снегопады на Серебряные Земли. Парсон Глейв вовсе не преувеличивал, говоря о положении у Рунных врат.

Эмерус Боевой Венец похлопал ладонями, стряхивая опилки и грязь, потом провел ими по своей пышной бороде, теперь скорее седой, нежели рыжей, но по-прежнему такой густой, какой не было ни у одного дворфа.

— Похоже, сегодня мне не выгнать холод из своих старых костей, — сказал он и выразительно подмигнул другу. — Наверное, понадобится капелька бренди.

— Ага, и немалая капелька, — радостно отозвался Парсон Глейв.

Эмерус направился к своему личному хранилищу, устроенному в богато украшенном шкафу у стены. Он как раз выбрал самую нарядную бутылку, широкую, но узкогорлую флягу лучшего мирабарского бренди, когда дверь его личных покоев с грохотом распахнулась. Боевой Венец выронил бутылку, завопил: «Что такое!» — и поймал ее снова лишь после того, как емкость ударилась о полку, по счастью не разбившись.

— Что такое? — снова вскричал король, обернувшись к двери и увидев, как мускулистый воин-дворф с ошалелым выражением лица, такого же красного, как его

огненная борода, подпрыгивает и машет руками. Несметное множество ужасных предположений пришло королю на ум при виде вбежавшего Реджинальда Круглого Щита, более известного как Арр Арр, капитана стражи твердыни Фелбарр.

Но весь этот воображаемый ужас рассеялся, едва Эмерус взял себя в руки и внимательнее взгляделся в Арр Арра, а в частности увидел, как торжествующая ухмылка расплылась по лицу рыжебородого дворфа.

— Ну что?! — воскликнул Эмерус.

— Сын, мой король! — ответил Реджинальд.

— Эгей! — завопил Парсон Глейв. — Эге-гей! Я благословлю этого парня во имя Клангеддина, или Арр Арр точно расхнычется!

— Клангеддин — то, что надо, — подтвердил Реджинальд. — Сын капитана.

— Продолжатель рода, — согласился Эмерус Боевой Венец и, достав три больших кубка, принялся щедро разливать праздничное бренди.

— Мой отец был капитаном, мой дед был капитаном, и до этого его отец, — гордо объявил Реджинальд. — И мой сын будет!

— Значит, за сына сына сына сына капитана! — провозгласил Парсон Глейв, принимая от Эмеруса кубок и поднимая его.

— Такой здоровяк, — сообщил Реджинальд, энергично чокаясь. — И уже боец, доложу я вам!

— Иначе и быть не могло, — согласился Эмерус Боевой Венец. — Иначе и быть не могло!

— А как его будут звать? Так же как тебя, наверное?

— Ну да, оба имени, так же, как моего отца, и отца отца, и отца отца отца.

— Значит, за маленького Арр Арра! — провозгласил король Фелбарра, поднимая кубок с бренди, но передумал и поставил его обратно.

Реджинальд Круглый Щит и Парсон Глейв с любопытством смотрели на него.

— «Веселого мясника»? — лукаво поинтересовался Эмерус Боевой Венец, имея в виду самый крепкий из всех дворфских напитков.

— Разве что-то другое подойдет по случаю рождения Круглого Щита? — ответил Парсон Глейв.

Король кивнул и мрачно взглянул на своего командира стражи.

— Ты, главное, не забудь позвать меня, когда соберешься налить маленькому Арр Арру его первый плоток «Веселого мясника», — велел он. — Хочу взглянуть на выражение его лица!

— На нем будет написано: «Хочу еще», — похвалился Реджинальд, и все трое снова рассмеялись, и король Эмерус отправился в личный тайник за крепким зельем.

К этому он не был готов. Да и как можно было подготовиться к такому?

Бренор Боевой Топор, дважды король Мифрил Халла, лежал в колыбели в темной комнате твердыни Фелбарр, размахивая младенческими ручками и дрыгая младенческими ножками, которые плохо слушались его. Это было слишком странно, слишком нелепо. Он ощущал свои конечности, свое тело, но лишь смутно, отдаленно, будто они были вовсе не его

собственные, а словно позаимствованные.

Так ли это, размышлял он в те недолгие отрезки времени, когда мог собраться с мыслями, поскольку даже мозг, похоже, лишь отчасти повиновался ему.

Или у младенцев всегда так? Может, они все такие, чужаки в собственном теле, которым не хватает не просто координации, но реальной возможности обрести ловкость, словно их маленький разум еще не придумал, как договариваться с собственными руками и ногами?

А может, все еще хуже, испугался старый новорожденный дворф. Не было ли это извращением, похищением чужого тела и, если так, не нарушились ли при этом телесные связи? Может, он теперь навсегда обречен размахивать руками и пускать пузыри?

Беспомощная кукла и дурак, вот он кто, что покинул этот лес, а не отправился за заслуженной наградой к Морадину!

Бренор пытался сосредоточиться, пытался глубоко сконцентрироваться, обращаясь к своим рукам, чтобы они перестали махать. Но не смог — и понял, что что-то не так.

Значит, дар Миликки оказался проклятием, с ужасом понял он. Это не было благословением, и теперь он будет страдать до конца своих дней. Как долго? Двести лет?

Триста? Круглый идиот, диковинка.

Он пытался справиться с собственным телом.

Не удалось.

Он напрягал все силы, всю силу воли короля дворфов. Не удалось.

Он чувствовал, как внутри закипает отчаяние, первобытный ужас, исторгнувший первобытный же вопль, но даже тут Бренор не мог контролировать ни интонацию, ни тембр.

— Ах, мой маленький Реджи, — услышал он успокаивающий женский голос, и над краем его колыбели склонилось ангельское лицо, сияющее улыбкой и усталое.

Гигантские ладони протянулись к Бренору, легко подняли и поднесли к чудовищной, огромной груди...

— А, ты притащил своего карапуза, — сказал Эмерус Боевой Венец своему капитану стражи, когда Реджинальд Круглый Щит вошел в командный пункт с ребенком в перевязи за спиной.

Реджинальд ухмыльнулся королю:

— Не может же мой парень валяться целыми днями. Ему надо столькому научиться.

— Мальчик всего месяц как дышит, — заметил Парсон Глейв.

— Ага, пора уже давать ему в руки меч, я так думаю, — ответил Реджинальд, и они еще посмеялись.

Бренор, пристегнутый к отцовской спине, был счастлив очутиться подальше от колыбели и детской, и радость от того, что его унесли, лишь усилилась, когда три дворфа принялись обсуждать политическую обстановку вокруг Рунных Врат твердыни Фелбарр и их защищенность.

Бренор внимательно слушал — недолго. Но потом он стал думать о еде, потому что у него забурчало в животе. Потом о том, что у него зудит попа.

Потом он увидел свою руку, пухлую детскую ручку маленького дворфа... и из его

слюнявых губ вылетело «гу-у».

Он пытался напомнить себе, что надо сосредоточиться, послушать разговор, что это отвлечет его от сиюминутных надобностей, столь довлеющих над ним. Но вместо этого горько расплакался над униженностью своего положения. Он, король Бренор Боевой Топор, беспомощно болтался за спиной у капитана стражи. Его, короля Мифрил Халла, должны кормить, и менять грязные пеленки, и купать, и...

Ребенок издал вопль, идущий из самой глубины души, и принялся пускать пузыри, прежде чем Бренор хотя бы понял, что происходит. Как он ненавидел все это!

— Эй, послушай, угомони своего малыша или унеси его обратно к мамочке, — велел Парсон Глейв.

— Было бы о чем переживать, — отмахнулся король Эмерус. — Эти вопли совсем скоро станут боевыми кличами, и маленький Арр Арр разmozжит свои первые орочи головы.

И они продолжили разговор, а Бренор пытался слушать, надеясь уловить, что же происходит в Серебряных Землях.

Но он был голоден, и у него зудело, а ручка была такая соблазнительная...

— И надолго ли? — спросила Увин Круглый Щит Парсона Глейва, когда пару месяцев спустя однажды утром он зашел в ее дом. Жилище Круглого Щита представляло собой аккуратное каменное строение на верхнем этаже твердыни Фелбарр.

Бренор наострил уши и попытался перевернуться на одеяле, расстеленном для него на полу его матерью Увин. Он хотел получше разглядеть говорившего, но, увы, его маленькое тело плохо повиновалось командам, и ему пришлось насколько возможно повернуть вбок чересчур большую голову и наблюдать за клириком самым уголком глаза.

— Трудно сказать, — ответил Парсон Глейв. — Проходы снова открыты, и орки быстро займут их.

— Орки, вечно орки! — проворчала Увин. — Много Стрел, много орков!

Слова эти заставили дитя на одеяле вздрогнуть и внесли великое смятение в спутанное сознание Бренора Боевого Топора. Королевство Многих Стрел... королевство орков... создано скотиной Обальдом, существование королевства закреплено в договоре, подписанном лично Бренором сто лет назад. До конца своих дней — в первой жизни, во всяком случае, — Бренор гадал, не совершил ли он ошибку, заключив мир с Обальдом. Он никогда не был доволен этим своим решением, хотя на самом деле у него не было выбора. Его войско из Мифрил Халла не могло победить тысячные орды Обальда, не могло изгнать их из страны, а другие королевства Серебряных Земель, Сандабар и Серебристая Луна, и даже твердыни дворфов, Фелбарр и Адбар, не спешили вступать в эту войну. Цена была бы слишком высока, и это решило все.

В результате возникло Королевство Многих Стрел, и наступил мир... такой, какой наступил.

Поскольку, в конце концов, это были орки, постоянные набеги их гнусных банд терзали страну до конца предыдущей жизни Бренора и, очевидно, учитывая услышанный им сегодня разговор, продолжались по сей день.

— Арр Арр загонит их обратно в норы, — заверил Парсон Глейв Увин.

— Лучше бы мы перешли Сарбрин и прикончили их как собак, — отозвалась Увин.

— Не буду спорить, — сказал Парсон Глейв. — И знаю, что многие в последнее время заводят эту песню. Слишком много боев, слишком много набегов. Говорят, король Обальд-Как-Его-Там переложил правление на мелких сошек, и признаки этого заметны даже в Мифрил Халле.

— Это хорошо, что они там в Мифрил Халле признают ошибку своего старого короля...

На глаза Бренора навернулись слезы, хотя Парсон Глейв сразу оборвал женщину.

— Не говори так, — сказал он. — Другое время, другой мир, и король Бренор подписал договор с одобрения самого Эмеруса Боевого Венца. Да, возможно, мы все ошибались. Будь уверена, наш король никогда не был в восторге от того давнего решения.

— Может, и так, — согласилась Увин.

Затем Парсон Глейв ушел, а Увин вернулась к своим домашним делам (включавшим немалое количество упражнений с мечом, поскольку она приводила себя в прежнюю боевую форму), предоставив Бренору, Малышу Арр Арру, самому занимать себя на застеленном одеялом полу. Вскоре ребенок заснул.

Бренору снилось ущелье Гарумна, перо, парящее в воздухе и ставящее его подпись на договоре, носящем название этого места.

Орочья рука, кривая и в бородавках, выхватила из воздуха перо, и Обальд — до чего же ясно Бренор до сих пор помнил эту безобразную тварь — едва не сломал его, выцарапывая на документе свое имя. Великий орк явно был удовлетворен этим «миром» не более, чем Бренор, хотя сам требовал его.

Мысли Бренора унеслись прочь от этого места, в его старые покои в Мифрил Халле, там рядом с ним сидел Дзирт, убеждая его, что Бренор все сделал правильно, на благо своего народа и наследников.

Но так ли это? Даже и теперь — прошло сто лет, а сомнения, похоже, остались. Надо ли было отдавать грязным оркам плацдарм, с которого банды этих грабителей во множестве могли совершать свои беспрестанные набеги?

Он пытался выкинуть это из головы, но не мог, потому что, хотя ему и было уже почти три месяца, докучливые требования тела, которое едва его слушалось, одерживали верх над разумом, отвлекая от мыслей и рассуждений ради более насущных проблем.

— Нет! — зарычал малютка, и очередное воспоминание нахлынуло на него остро, словно наяву. Он сидел на троне дворфских богов в Гаунтлгриме, и мудрость Морадина, сила Клангеддина и таинство Думатойна снизошли на него.

Теперь он снова стоял на четвереньках. Он попытался поджать пальцы на ногах, чтобы упереться всеми ступнями в пол, но завалился набок.

— Ага, вот мы наконец и перевернулись, да? — услышал он голос матери

Сразу вслед за этим женщина открыла рот от удивления, поскольку Бренор снова упрямо встал на четвереньки.

— Ого, отлично! — поздравила его Увин. — Ну разве не молодец...

Голос ее прервался, поскольку на этот раз Бренор правильно поставил ноги. Он чувствовал, как сила трона растекается по его жилам, и разом выпрямился, твердо встав на ноги.

— Но как тебе удалось?! — воскликнула Увин, у нее был расстроенный вид, и лишь тогда Бренор понял, что проделал все слишком ловко и быстро. Он взглянул на мать и постарался изобразить на своем пухлом безбородом личике удивление и даже страх, прежде

чем шлепнуться на пол.

Увин была тут как тут; подхватив ребенка на руки, она держала его перед собой и рассказывала, какой он умный и сильный малыш.

Бренор почти подготовил слово, чтобы сообщить ей, что голоден, но благоразумно вспомнил свое место.

Теперь он мог сосредотачиваться как никогда. В темноте, уложенный вздремнуть днем или же на ночь, Бренор лучше разбирал свои вечно спутанные мысли, вспоминая Трон Богов, заново ощущая благодать, исходящую от могущественной троицы. Ему полагалось лежать смиренно, разве что слегка подергиваясь и ерзая, чтобы устроиться поудобнее, но вместо этого Бренор разрабатывал свои маленькие пальчики, без конца сгибал и разгибал ноги, шевелил челюстью, учась выговаривать слова, запоминая их, обучая свое новое тело искусству речи.

Он старался гнать от себя сомнения в правильности своего выбора и даже не думать об ответственности и клятве, данной им при возвращении на эту землю. Для этого еще будет время, годы спустя. А пока он должен попытаться просто научиться управлять этим странным телом.

И все же ему снова пришлось погрузиться в те давние сомнения и политические проблемы того, кем он был когда-то, — всего десять дней спустя, когда в доме Круглого Щита объявились король Эмерус Боевой Венец и Парсон Глейв. Лица их были мрачны.

Бренор не слышал, о чем шла речь, поскольку они беседовали с Увин тихо и за закрытой дверью, но ее внезапный протестующий вскрик свидетельствовал об очевидном.

Король Эмерус и Парсон Глейв подхватили ее под руки и помогли дойти до стола и сесть.

— Он дрался, как подобает Круглому Щиту, — заверил ее король Эмерус. — Вокруг него валялись груды орков, изрубленных в клочья.

— Да, великим воином был Арр Арр, — вздохнул Парсон Глейв.

— Реджинальд, — поправила его овладевшая собой Увин. — Реджинальд Круглый Щит, из Круглых Щитов Фелбарра, сын сына сына капитана.

— Да, — подтвердили оба хором, и все трое повернулись к ребенку на полу; Бренор с благодарностью заметил их симпатию.

— Значит, Малыш Арр Арр, — услышал он слова короля Фелбарра, но отдалено, поскольку мыслями Бренор снова перенесся в ущелье Гарумна, к своему выбору, своим сомнениям.

— Сын сына сына сына капитана, — объявил Эмерус Боевой Венец. — Потому что однажды он возглавит стражу Фелбарра, можете не сомневаться!

Сбитый с толку сумятицей невнятных ощущений, не в силах осознать суть всего происходящего с ним в этой новой жизни, Бренор испытывал сильнейшее желание выплеснуть в крике то, что бушевало у него в душе.

Но он вновь обратился к прошлому, к трону богов, и не сделал этого.

Он вспомнил, что он король.

Глава 5. Ненормальный

Год Возрожденного Героя

(1463 по летоисчислению Долин)

Дельфантл

Реджис шагнул из Ируладуна на слепящий свет решительно и уверенно. Его решимость была не меньшей, чем у Кэтти-бри, отправившейся в это путешествие в знак веры и преданности своей богине, Миликки.

Что до Реджиса, это был второй шанс, о котором он отчаянно, безнадежно мечтал. Ибо так долго он таскался вслед за остальными, был не героем-спасителем, а тем, кого спасают. Он не мог не думать о том, кто среди Компаньонов из Мифрил Халла слабое звено.

Довольно, решил он.

На этот раз все будет иначе.

Он только что держал Кэтти-бри за руку, и вот она исчезла. Только что был в весеннем лесу, и леса тоже нет.

Он шел, а теперь он плывет.

Казалось, он очутился среди звезд, в мире, где все вокруг белое и коричневое, и так много синевы внизу, и ощущение свободы, даже большей, чем когда у него было смертное тело, большей, чем когда-либо. В тот миг Реджису, поглощенному небесными сферами, казалось, что он может вечно парить так и быть абсолютно счастливым.

Мир увеличивался. Так ему показалось, пока он не понял, что падает, погружается вновь в атмосферу Торила, но он не боялся. Он увидел очертания огромной земли Фаэруна, Побережья Мечей, вдоль которого много раз плавал и хорошо знал его, Серебряных Земель и затем Внутреннего моря, крупнейшего озера с изрезанной береговой линией с множеством выступающих полуостровов и длинных бухт.

Он очутился в воде, и не было ощущения, что он плывет или погружается, он словно слился с ней, стал таким же текучим, легко скользящим среди волн безо всяких усилий.

Реджис наслаждался путешествием, радостно взволнованный этим царством стихий. Он предположил, что это еще один дар Миликки, поскольку не знал о своем генетическом наследии, не знал, что в своем возрождении возвращается к самым истокам. Он считал, что двое его компаньонов парят так же, как он, но ошибался, поскольку это был только его путь, уготованный специально для того хафлинга, которым ему предстояло стать.

Тьма окружила его, глухие мягкие стены крепко сжали со всех сторон, прижав руки к груди. И все же ему казалось, что он по-прежнему в водах Внутреннего моря, и стук собственного сердца отдавался у него в ушах. Тук-тук.

Нет, это не удары его сердца, понял он к своему ужасу и облегчению.

Он находился в матке.

Сердце принадлежало его матери — или эту женщину надо считать его суррогатной матерью? Он не знал наверняка, не мог решить. Не здесь, не теперь, поскольку сейчас ему

хотелось лишь одного: бороться и извиваться, пока не очутишься на свободе. Стены вокруг шевелились, сжимая его, сдавливая, выталкивая, побуждая искать путь наружу.

Стук сердца нарастал, становился громче и быстрее, громче и быстрее.

Он услышал голоса внешнего мира, крик боли, призыв другого голоса, более низкого:

— Ну же, выходи!

Стены из плоти стискивали его, выдавливали, подгоняли. Он отчаянно дергался и бился, сознавая, что это миг его рождения, и зная, инстинктивно и рефлекторно, что должен выбраться наружу.

Стук сердца усилился. Издалека донесся еще один вопль, сопровождаемый еще более отчаянными мольбами и криками.

Тук-тук. Тук-тук.

Мышцы напряглись, сдавливая его еще крепче.

Тук-тук. Тук-тук.

Он понимал, что зажат слишком крепко, слишком сильно, крики слишком безнадежны.

Тук-тук. Тук-тук.

Еще один вопль. Что-то было не так, он чувствовал.

Тишина.

Темнота.

Стены из плоти вокруг него не двигались.

Он тянулся и царапался, не в силах сделать вдох. Он пытался извиваться и бороться, но не мог. Одна рука его была вытянута над головой.

Он ощутил укус лезвия, но не мог вскрикнуть, и рука его соскользнула вниз, и жидкость в его гробнице приобрела медный привкус.

Но вдруг стены отверзлись, разошлись вслед за лезвием ножа, и его освободили, вытащили из матки, его гробницы, и грубо перевернули вверх тормашками, и сильно шлепнули по спине. Он отфыркивался и давился, потом закашлялся и закричал. Он не мог не кричать, перепуганный, сбитый с толку.

В этот суматошный миг он еще не знал, не понимал, что его новая мать мертва.

Он чувствовал, как по нему ползают насекомые, но не мог управлять своими маленькими ручками настолько хорошо, чтобы прихлопнуть их.

Это всего лишь досадная помеха, твердил он себе днями и темными ночами напролет, поскольку это были просто клопы и тараканы и им подобные, те же самые, от которых он страдал в Калимпорте. Сказать по правде, насекомые были наименьшим из зол в той обстановке, где очутился младенец Реджис. Он не мог особо двигаться — даже голова его была чересчур тяжелой, чтобы поворачивать ее набок, лежа на спине, — но достаточно разглядел свое ветхое жилище, чтобы понять: его новая семья, состоявшая, похоже, лишь из него самого и его отца, пребывала в абсолютной нищете.

Это был не дом, даже не лачуга, а просто груда веток, уложенных наподобие шалаша в обветшалой части какого-то грязного города. За ним ходила потная нянька, но она появлялась редко, дважды в день по его подсчетам, и он валялся среди собственных испражнений, с бурчащим от голода животом, а по нему ползали насекомые.

Сквозь прорехи в наскоро набросанных ветках Реджис видел небо и отметил, что оно почти всегда серое. А может, так казалось его младенческому зрению, лишь пытающемуся обрести ясность и четкость.

Но дождь шел часто, это он знал, вода капала прямо на него.

Если бы на нем была одежда, она вечно была бы влажной.

Так хафлинг лежал однажды утром, весь мокрый от мелкого дождя, так что кожа его блестела в рассеянном дневном свете, и изо всех сил пытался совладать с собственной рукой, чтобы смахнуть особо надоедливую мошку, когда громкий хруст известил его о том, что он не один.

К нему подошел отец, возвышаясь над ним, лежащим в самодельной кроватке, представлявшей собой просто кусок гнилого дерева с воткнутыми по краю палками, чтобы ребенок не скатился.

Реджис внимательно разглядывал мужчину, его грязное лицо, отмечая недостающие зубы, остекленевшие глаза и неряшливые волосы. Годы сломили его, хоть он был и не слишком стар, понимал ребенок, который не был ребенком. Он уже видел такое прежде, много раз, на улицах Калимпорта, в его первой юности, примерно полтора столетия назад. Постоянная борьба за выживание, беспомощность, и нет выхода, и некуда бежать; все это было тут, навсегда вытравлено на лице этого хафлинга, стоящего над ним: уныние, беспомощность и отчаяние.

Удивительно сильные руки протянулись, схватили Реджиса и легко вытащили из кроватки.

— Будем надеяться, что ты сын своей матери, — сказал отец, перекинув младенца через плечо, и быстро вышел из дому.

Реджис впервые увидел город, и он оказался большим, с рядами лачуг и хибар, теснившихся у обнесенных высокой стеной респектабельных домов. Один из холмов вдалеке был украшен замком. Отец Реджиса свернул на дощатый тротуар, ведущий вниз, и зашагал по длиннымдлинным лестницам, поворачивал и снова спускался, все ниже и ниже. Строений по сторонам помоста было немного, да и те не более чем ветхие лачуги.

Вскоре появились птицы, они были повсюду, летящие, пикирующие, галдящие, и Реджис не сразу сообразил, что все они водоплавающие. Лишь когда хафлинг, предположительно являющийся его отцом, свернул на очередной уходящий вниз настил, Реджис начал понимать, что деревянный тротуар — это длинный причал, а город — порт, хотя, как ни странно, выстроенный далеко от воды.

Какой же это грандиозный океан, понял он с первого же взгляда, едва увидев казавшиеся бескрайними волны.

Он перебрал Лускан и Врата Балдура, Глубоководье и Калимпорт, но этот город был другим. Впрочем, они двигались на запад, определил он по солнцу, поэтому предположил, что это, должно быть, Побережье Мечей.

Однако в воздухе совсем не пахло солью.

Они спустились на берег, к маленькой бухте, зажатой между множеством небольших пристаней и причалов. Вокруг покачивалось на воде огромное количество лодок. Два человека забрасывали в прибрежные волны выдавшую виды сеть. Еще один хафлинг выкапывал из песка у кромки воды съедобные ракушки.

Отец с плеском зашел в воду по пояс.

— Дыши глубже, малявка, — произнес он и, к ужасу Реджиса, скинул его с плеча и

погрузил под воду!

Ребенок извивался и дергался изо всех сил, борясь за жизнь.

Разумеется, тщетно, ибо его крохотное, нескоординированное, с неразвитыми мышцами тельце не могло противостоять силе рук взрослого хафлинга. Реджис рефлекторно задержал дыхание, но ненадолго, и из губ его пошли пузыри. Он старался удержать их, отчаянно пытаясь не отрывать рот.

Отец топил его!

Все мечтания, выманившие его из Ируладуна, промелькнули у него в мозгу. Он представлял, что Компаньоны из Мифрил Халла вновь собрались вместе, и поклялся себе, что на этот раз не будет обузой, беспомощной душонкой, прячущейся в тылу во время битвы. Нет, в грядущих испытаниях он станет равным среди равных и будет отважно сражаться, спасая Дзирта от тьмы, на которую намекала Кэтти-бри, возможно, от когтей самой Госпожи Ллос!

Но теперь этому не бывать.

Его маленький рот раскрылся, и море хлынуло внутрь. Он попытался не глотать, не дышать, но, увы, не мог больше противиться.

Так же как не мог вырваться из железной хватки отца.

Итак, он обретет свою последнюю награду, и это так же верно, как если бы он последовал за Вульфгаром в пруд. Все будет кончено еще до того, как у него появится хотя бы шанс доказать свою полезность.

И он не увидит больше друзей, разве только в Зеленых Лугах...

— Это кто там, Эйвербрин? — спросил хафлинг, работавший на пристани неподалеку.

— Ага, — ответил его напарник-дворфф. — Эйвербрин и его новый поганец. Жалко, что Джоли померла, рожая его. — Верно.

— Эге, а что это там такое? Эйвербрин хочет прикончить своего выродка? Что ж, кто его осудит, да и для мальчика так всяко лучше.

— Никто, это уж точно, — подтвердил хафлинг и, прервав работу, переместился к краю пристани, чтобы наблюдать сцену поближе. Его приятель-дворфф, подбоченившись, последовал за ним, даже не подумав вмешаться, хоть это и было самое настоящее детоубийство.

Реджис вдруг оказался вытащенным из воды — так же внезапно, как и погрузился в нее; папаша перевернул его вверх головой и повернул лицом к себе. Малыш отфыркивался и отплевывался, вода вытекала из него с той же легкостью, как и затекала внутрь. Отец, только что пытавшийся убить его, улыбнулся.

— Не посинел! — хрипло хохотнул он. — Ну да, значит, ты сын своей матери. Клянусь богами, а ты везунчик, да? Это, знаешь ли, наш секрет, и ты на нем неплохо зарабатываешь!

С этими словами он сунул Реджиса под мышку и зашагал по длинному-длинному

дощатому настилу назад в свою халупу.

У ребенка в голове все перепуталось. Зачем все это было? Чтобы помучить его? Напугать? Заставить думать, что его топят, убивают? Но для чего? Какая цель?..

Реджис заставил себя успокоиться, отрешиться от вспыхивающих в голове вопросов.

Он не утонул — по правде говоря, даже не начал тонуть и не испытал никакого физического дискомфорта вообще, кроме железной хватки отцовских рук.

Но он пробыл под водой долго. И не смог задержать дыхание. Не смог держать рот закрытым и не впустить в себя воду.

Но он не посинел, как только что сказал его отец, и действительно, когда его достали из воды, он даже не задышался.

Было ли это следствием юного возраста, когда разум не в силах даже осознать случившееся? Такое представлялось возможным, но Реджис находил это маловероятным, ему казалось, что он не почувствовал никакого дискомфорта, потому что его и не было.

Как такое могло случиться?

Обдумывая загадку, он покрепче уцепился за изношенную отцовскую рубашу. Его маленькая рука нащупала что-то круглое и твердое и инстинктивно сжала, и, лишь когда они подходили к дому, Реджис сообразил, что это пуговица.

Ощупав ее, он понял, что пуговица держится на единственной нитке, и, когда отец нагнулся, чтобы положить его обратно в кровать, Реджис сжал ее покрепче и потянул изо всех сил.

Пуговица оторвалась, и Реджис постарался заставить руку зажать ее в кулаке.

— Значит, ты получил кровь генази, — сказал отец, хотя Реджис понятия не имел, что бы это могло значить. — Тогда ты стоишь того, чтобы на тебя тратиться, везучая козявка. Как и твоя мамочка. Да, ну так мы приспособим этот талант к делу.

Потом он вышел из пристройки.

Реджис ничего не понял, разумеется, но велел себе быть терпеливым. Единственное, что у него, хвала Миликки, было сейчас для осуществления всех его планов, — это время. Полно времени, но не настолько, чтобы терять его зря.

Двадцать один год, и он использует их все как надо. Как и собирался при выходе из Ируладуна, он не потратит попусту ни дня.

Реджис сумел поднести свою маленькую ручонку к глазам и разжать пальцы ровно настолько, чтобы увидеть пуговку. Он хотел было поперекачивать ее в пальцах, но рука его непроизвольно дернулась, и он едва не выронил свою игрушку.

Если она упадет, у него не будет способа поднять ее... возможно, ее подберет крыса и утащит прочь.

Поэтому он начал сжимать пуговицу в кулаке, тренируя пальцы, упражняя мускулы, и медленно обводил ее то одним, то другим пальцем, добиваясь силы, добиваясь ловкости. Он крепко держал ее, когда потная нянька пришла кормить его, а после прижал руку к боку и навалился поверх всем телом, чтобы пуговица оставалась в безопасности, пока он спит.

Несколькими днями позже он сумел переложить ее в другую руку, левую. И снова поднес руку к глазам, и замер, и уставился на нее.

Он видел свой большой палец и еще три других, и обрубок на том месте, где должен был находиться мизинец.

Эта картина отбросила хафлинга назад во времени, когда он страдал в плену у Артемиса Энтрери, и тот отрубил ему палец в знак предостережения Дзирту...

Неужели это физическое повреждение перенеслось на его новое тело? Как такое могло быть?

Разглядывая обрубок, он увидел неровный шрам и струп, еще не вполне сошедший. Нет, это не след жестокости Энтрери, понял Реджис, но ироническая выходка судьбы. Он припомнил момент своего рождения, когда умерла его мать, как он теперь понимал, и повитуха использовала нож, чтобы вспороть ей живот и вытащить его. Он вспомнил резкую жгучую боль, и теперь он знал ее источник.

Долго еще маленький хафлинг лежал, разглядывая рану, предаваясь воспоминаниям вместо теперешних своих надежд и устремлений.

Однако он оправился от шока и принялся повторять упражнения, точно те же, что делал другой рукой, сжимая и удерживая, наращивая силу и тренируя мышечную память.

Недели спустя он начал крутить пуговицу в пальцах, в одной руке, потом в другой, с азартом ощущая, как она скользит вокруг костяшки пальца, чтобы оказаться зажатой между этим пальцем и соседним и перекатиться снова. Вперед-назад, от мизинца к большому пальцу, от большого пальца к мизинцу на правой руке, от безымянного к большому и от большого к безымянному на левой.

Из руки в руку.

Он почти чувствовал, как формируются связи в его маленьком мозгу и мышцах, как на самом деле и было, так что он все лучше овладевал своими пальцами.

Некоторое время спустя — он не мог даже предположить, сколько дней или даже десятидневок прошло, — за ним пришел отец и снова отнес его на маленький пляж между доками.

Он опять очутился под водой, пока не пошли пузыри и вода не хлынула внутрь. Реджис пытался сосчитать в уме, сколько времени прошло, прежде чем его вытащили на воздух и потрясли, но для того лишь, чтобы вскоре снова окунуть в море.

— Ты найдешь глубины, — сказал отец, вытащив его из воды, и погрузил обратно.

— Где живут устрицы, — добавил он во время следующего подъема.

— Будешь классным ныряльщиком, как твоя мать! — объявил грязный, оборванный хафлинг, и Реджис вновь отправился под воду.

На этот раз на гораздо, гораздо более долгий срок. Он потерял счет ударам сердца, потерял всякое чувство времени вообще. Лишь мало-помалу ему стало не хватать воздуха, и это не было острой необходимостью, как если бы он тонул, скорее пожеланием.

Прошло еще немало времени, прежде чем отец снова вытащил его из воды. Взрослый хафлинг внимательно осмотрел его, затем утробно хохотнул и объявил:

— Ни чуточки не посинел!

Глава 6. Избранная

Год Возрожденного Героя

(1463 по летоисчислению Долин)

Незерил

Ни капли страха, ни мгновенного сомнения не испытала Кэтти-бри на пути из Ируладуна. В дни,

проведенные ею там, — столетие на Ториле — она танцевала танец Миликки и пела песню Миликки, и вышла из леса с великим пониманием своей богини и великой верой в вечный круговорот жизни, вышла, чтобы начать свой свободный полет, отыскать матку, сделать первый вдох в новом теле — перевоплощенной, возродившейся.

Это случилось в ночь весеннего равноденствия.

Священная ночь Миликки, ночь рождения ее избранной.

Туго спеленатый младенец казался совершенно беспомощным перед топчущимися в палатке взрослыми. Но хотя Кэтти-бри не могла даже шевельнуть рукой под плотными пеленами, она инстинктивно сознавала, что в ее распоряжении осталось несколько могущественных заклинаний, к которым она может прибегнуть, чтобы защитить себя: двумеров, для которых жесты не нужны.

В отличие от друзей, таким же образом покинувших Ируладун, младенческая неловкость миновала Кэтти-бри. Конечно, детские инстинкты беспокоили и ее тоже, но благодаря своей связи с богиней она оказалась намного лучше подготовлена к этому путешествию и более осведомлена и потому смогла подчинить себе свои младенческие проблемы и желания.

Удача сопутствовала ей, поскольку ее мать — Кэтти-бри слышала, как отец и остальные ласково называли ее Кавитой, — обожала дочку, часто брала на руки и прижимала к себе, лишь время от времени передавая младенца другим женщинам, набивавшимся в палатку и желавшим прикоснуться к новорожденной. Для бединского племени десаи рождение ребенка было воистину великим праздником, и в центре этого события очутилась Кэтти-бри — Рукия, как ее называли.

Она благоразумно хранила молчание, пока ее баюкали, и ворковали, и подолгу обсуждали ее прямо при ней же, поскольку хорошо помнила, что произошло с Вульфгаром, родившимся заново, и боялась так же забыться и выдать какие-нибудь разумные слова.

Поэтому младенец, бывший на самом деле женщиной, лежал на спине и наблюдал, и считал этот прекрасный опыт наградой за понимание и осведомленность. Много раз в эти первые дни Кэтти-бри безмолвно и горячо благодарила Миликки.

Всего несколько дней спустя племя двинулось дальше. Кэтти-бри, туго спеленатая, как всегда, была приторочена ремнем к материнской спине. Она напрягала зрение, фокусируя взгляд на землях, миля за милей проплывающих мимо, пытаясь получить представление, куда ее занесло.

Терпеливая и внимательная, девочка учила и наблюдала, а очутившись в одиночестве среди ночного мрака, она молилась и тренировалась, упражняя свой младенческий голосок, чтобы суметь снова петь песню Миликки. Она сожалела, что ее пеленают слишком туго, и боялась, что не сразу сумеет заставить руки и ноги повиноваться.

Но она напоминала себе, что у нее есть время.

— Она красивая, — сказала Кавита Нираю, стоя у колыбели Рукии. Ночь за стенами палатки была темна и тиха, даже ветер, казалось, потихоньку улетел спать. — Но у нее такие синие глаза! Как такое может быть?

— Они потемнеют с возрастом, — заверил ее Нирай. — Как мои.

— И волосы тоже выпадут? — осведомилась Кавита, поддразнивая своего лысого супруга.

— Нет. — Придвинувшись ближе, он нежно положил руку на обнаженное плечо Кавиты и ощутил припухлость на месте ее длинного шрама. Он склонился и поцеловал ее туда, в лопатку, где оставила свою отметину плеть незереского инфорсера, до которого дошли слухи, будто Кавита — практикующий маг.

Этот тип на собственном горьком опыте убедился, что Кавита действительно маг, как и ее муж Нирай, уложивший мужчину на землю стрелой-молнией. Какой жалкий вид был потом у жестокого инфорсера, когда он лежал спиной в песке и пытался высвободить руку с плеткой. В песке, который после Кавита заклинанием выгребла из-под него, а затем заклинанием же, теперь совместно с Нираем, разом обрушила обратно, только теперь уже поверх незереса, погребая его заживо.

— Я уверен, что у нее будут густые локоны, как у ее матери, — добавил Нирай, проведя рукой по волосам Кавиты. Он чувствовал, как напряжена жена. — Что тебя тревожит, любовь моя?

— Незересы повсюду, — ответила Кавита. — С каждым переходом их становится все больше, они следят за нами от самых гор, останавливают, и проверяют, и выспрашивают, все время выспрашивают.

— Эти песчаные крабы, — подхватил Нирай, — незваными явившиеся на нашу землю. Нашу землю, говорю я, и мы еще долго будем тут после того, как они исчезнут, когда ветры Анаврок вернутся, а про Незерил давно забудут!

— К тому времени и про нас давно забудут, — отозвалась Кавита.

— Но наши потомки... — возразил Нирай, кивнув на их новорожденную дочку.

— Мы должны быть осторожными, особенно осторожными, — сказала Кавита. — Не ради себя, а ради Рукии.

Нирай не стал спорить. Они были магами, но втайне, поскольку незересские правители этой земли запретили бединам заниматься Искусством.

Кавита огляделась по сторонам, потом на несколько мгновений сосредоточила взгляд на откидном пологе палатки, молча, вытянув шею, прислушиваясь, нет ли рядом каких злоумышленников. Бросив взгляд на мужа, она склонилась над колыбелью и, ослабив узлы, развернула пеленки. Она откинула ткань и распрямила обнаженную левую ручку Рукии, немного приподняв ее и повернув так, чтобы скудный свет свечи падал на внутреннюю

сторону предплечья.

Нирай затаил дыхание. Прежде он уже видел это родимое пятно — или, по крайней мере, то, что, как он надеялся, было таковым.

Но теперь сомнений быть не могло, поскольку это было очень необычное родимое пятно. Четкая фигура, напоминающая семиконечную звезду, в красном круге.

— Магический шрам? — спросил Нирай озадаченно, поскольку никогда еще не слышал о столь четких отметинах, как эта.

Кавита высвободила другую ручку девочки и, повернув ее тыльной стороной предплечья кверху, продемонстрировала вторую метку.

— Кривой клинок? — спросил Нирай и пригляделся получше. — Нет, рог, рог единорога! Она помечена дважды?

— И ее шрамы труднее будет скрыть.

— Она должна гордиться ими! — настаивал Нирай. — Пожалуй, незересы могут не согласиться с этим.

— Проклятие! Мы бедины, а не их собственность!

Кавита прижала палец к губам мужа, призывая его к молчанию.

— Успокойся, муж мой, — тихо попросила она. — Мы свободны на нашей земле. Давай не будем связывать себя ненавистью с теми, кто считает, что подчинил нас себе. Считает, но вовсе не держит нас в цепях.

Нирай кивнул и, поцеловав жену, повлек ее через комнату к постели.

Маленькая Рукия открыла глаза. Она слышала каждое слово. Они не спеленали ее заново, и руки ее оказались свободны — нечастый случай в ее юной жизни. Она воспользовалась возможностью пошевелить ими, сгибала и разгибала, и у нее на самом деле было ощущение, словно с плеч наконец-то сняли тяжелый груз. Она ухитрилась удержать обе свои крохотные ручки перед глазами достаточно долго, чтобы разглядеть то, о чем говорили ее родители.

Эти отметины, шрамы, перенесли ее в то давнее утро, когда она проснулась в палатке рядом со своим мужем, Дзиртом. Они возвращались в Мифрил Халл, не зная о великих переменах, уже тогда начинавших происходить с их миром.

В тот роковой день Кэтти-бри задело оборвавшейся нитью магической Пряжи Мистры, Пряжи самой Магии, и слепящая сила магической энергии сокрушила ее и свела с ума.

Пряжа Мистры, Владычицы Магии, избравшей своим символом семиконечную звезду.

Она так и не пришла в себя после этого, и безумие ее нечаянно коснулось и Реджиса. В этом состоянии помрачения Кэтти-бри умерла, и Миликки забрала ее душу из Мифрил Халла.

Она смотрела на свою правую руку, на рог единорога, символ Миликки, и возносила благодарность и хвалу, и ее синие глаза наполнились слезами счастья.

Год Шестирукого Эльфа

(1464 по летоисчислению Долин)

Рукия сидела в уголке, делая вид, будто играет с отполированными камушками, которые дал ей Нирай. Шел долгий первый год ее новой жизни, наполненной притворством, что сильно утомляло мнимое дитя. Она рано начала ползать, считали бедины, всего в пять месяцев от роду, и пошла, когда ей не было и десяти, притом весьма ловко.

Тем не менее она еще не говорила, хотя ей было что сказать, и даже не представляла, в каком возрасте будет уместен подобный разговор, поскольку в прошлой жизни мало общалась с детьми.

Кэтти-бри понимала, как важно вести себя соответственно возрасту, ради собственной безопасности и безопасности ее родителей, которых она успела полюбить, как родных.

За этот год, прожитый Рукией, Кэтти-бри многое узнала. Бедины были узниками на своей собственной земле, бывшей некогда пустыней Анаврок, но теперь известной как Незерил, средоточие незересской власти. Завоеватели-незересы позволяли племенам бединов вести лишь кочевую жизнь, скитаться по доньне бесплодным, продуваемым всеми ветрами пустошам, бывшим когда-то великой магической пустыней северного Фаэруна.

Несмотря на наружность, Кэтти-бри не могла быть и не была обычным годовалым ребенком. В прошлой жизни она изучала магию заклинаний, когда оборвавшиеся нити Пряжи Мистры задела ее, а время, проведенное в Ируладуне, когда она танцевала и пела песнь Миликки, позволило глубже постичь ту магию, которую она знала прежде, и, конечно, научило тому, как обращаться за священной магией к богине, столь приблизившей ее к себе. Эти умения требовали практики и тренировки, подобно тому как воин оттачивает движения с оружием, защищаясь и атакуя.

Маленькая девочка внимательно наблюдала за родителями. Нирай вышел из палатки, а Кавита была занята починкой оружия. Кэтти-бри забавлялась, наблюдая за тем, как женщина нервно озирается по сторонам, прежде чем призвать на помощь магию, чтобы выправить клинок кривой сабли.

Забавлялась потому, что ребенок Кавиты в уголке этой же комнаты был занят тем же. Кэтти-бри поочередно прижимала каждый камушек к груди и шептала в него, нанося знаки, видимые только ей самой с помощью заклинания. Эти невидимые метки превращали камни в подобие оракулов, и дитя выкидывало их перед собой, мысленно задавая вопросы.

И камни руководили ею.

Она долго обдумывала один ответ, не веря своим усиленным магией глазам. Это казалось слишком опасным.

Она собрала камушки, снова задала вопрос и выбросила перед собой. Ответ оказался прежним. Кэтти-бри кивнула. Она отыщет способ.

В ту же ночь, когда родители спали, Кэтти-бри сотворила заклинание, погружающее находящихся в комнате в глубокий сон. Голубоватый туман за клубился над ее левой рукой; Кэтти-бри хотя и удивилась, но не испугалась его. Она выскользнула из постели и прокралась наружу, тихо ступая маленькими босыми ножками.

Лагерь спал. Где-то среди пыльных равнин перекликались волки.

Маленькая девочка не испугалась. Разумеется, она не боялась никаких животных, детей Миликки. Обойдя палатки, она вышла в пустыню, следуя путем, указанным ей камнями-оракулами.

В ту ночь в потаенном и защищенном месте она посадила свой первый сад — святилище ее богини. Она часто возвращалась туда, всегда по ночам, а когда племя, следуя традиции, откочевывало дальше, девочка создавала новое святилище-сад, потом — следующее. В этих священных местах, укрытых среди скал, Кэтти-бри еще острее ощущала присутствие Миликки и узнавала о земле, об этой земле.

Земле, что не так давно была великой пустыней.

Земле, которой вскоре предстояло стать пустыней вновь.

Год Первого цикла

(1468 по летоисчислению Долин)

Незерил

Насквозь промокшая под проливным дождем, с волосами, слипшимися после купания в грязевой яме, устроенного ей Тахнудом, пятилетняя Кэтти-бри стояла, заслонив собой лежащую мать, свирепо сверкая глазами, и голубые струйки магической энергии вытекали из рукавов ее порванного одеяния, будто живые змейки.

Она заметила башмаки незересского ассасина, над которыми курился дымок. Ее огненная стрела подбросила человека в воздух внезапно и с такой силой, что он вылетел из собственной обуви!

Она дрожала, оробевшая и потрясенная силой, которую создала, — нет, не создала, понимала она, силой, которую она высвободила благодаря магическому шраму.

Ей хотелось повернуться, помочь Кавите своей исцеляющей магией, но она не осмеливалась. Пока еще нет.

Непосредственной угрозы, очевидно, больше не существовало, поскольку ассасины явно были мертвы, их дымящиеся безжизненные тела лежали неподвижно, а всю переднюю часть палатки позади них снесло напрочь.

Она прошептала новое заклинание, вновь обращаясь к грозе, которую сама же сотворила, готовясь выхватить из нее очередную молнию и испепелить любого нового врага. Сейчас перед ней как на ладони лежал весь лагерь, вспышки молний над головой во всех деталях высвечивали палатки, корзины и груды припасов.

— Рукия! — вскричал подбежавший Нирай, скользя в грязи. Он застыл перед палаткой, потрясенный увиденным. — Кавита!

Кэтти-бри взмахнула руками, рассеивая голубые струйки магической энергии, и тут Нирай кинулся в палатку; запнувшись о тела незересов, он чуть ли не ввалился внутрь, к жене и дочери.

Из-за углов соседних палаток появились другие десаи.

Кэтти-бри не знала, что делать. Как объяснить эту картину? Что подумают старейшины и какую угрозу представляет она для остальных, учитывая ее истинную сущность?

Все эти вопросы вихрем пронесли у нее в мозгу, задевая ее чувства, требуя немедленных действий. Женщина собралась с мыслями и призвала на помощь весь свой опыт, заставляя себя вспомнить главное: что сделала бы пятилетняя девочка?

Она разрыдалась.

Нирай сжал ее в объятиях, но увлек за собой, упав на колени возле Кавиты. Женщина шевельнулась, когда он притронулся к ней.

— Ассасины, — прошептала она.

— Что произошло? Моя Кавита!

Прочие члены племени столпились у разрушенного входа, качая головами и бормоча.

— Девочка, что это? — обратился к Рукии один из мужчин. Он поднял дымящийся башмак и недоверчиво его разглядывал.

— Они сделали маме больно! — прорыдало дитя. И добавило между двумя всхлипами: — Они хотели золота. Сказали, что мне тоже будет больно, если я не дам.

— Какое золото? — спросил Нирай, помогая Кавите перевернуться. Она стонала и зажимала рукой окровавленную рану — окровавленную, заметил он, но не кровоточащую.

Рукия пожала плечами и снова принялась плакать.

— Их убило громом, — невинно сообщила она, указав на небо и изобразив на лице полное непонимание.

— Дважды благословенна гроза сегодня ночью, — заметила одна из женщин снаружи.

— Незересы, — заключил мужчина, осмотрев тело поменьше. — Незересские воры.

— Значит, Н'аср забрал их, — объявил другой, говоря о безжалостном боге мертвых.

— И теперь вместе с Ат'ар потешается над этой парочкой, — добавила женщина. — А может, он сейчас уже вполне пресытился и нашел время просто убить этих собак!

Тут Кавита села, хотя Нирай и старался заставить ее лежать спокойно. Кроткая женщина пристально глядела на свою дочь.

— Что такое? — шепнул ей Нирай, но она остановила его и покачала головой. Потом она провела рукой по пояснице, где была рана, продолжая просто смотреть на Рукию.

Точнее, на ее маленькие ладошки, поняла Кэтти-бри, измазанные кровью Кавиты во время исцеления раны. Она застенчиво прижала их к бокам и зарыдала громче.

— Общайте лагерь! — приказал мужчина. — Рядом могут быть другие ассасины.

Кэтти-бри понимала, что решать нужно быстро, поскольку вопросов о том, что же все-таки случилось, будет все больше, особенно когда внимательно осмотрят рану Кавиты. Маленькая девочка положила голову на плечо Нирая, почти касаясь лица матери.

— Я все объясню, когда мы будем одни, — пообещала она мрачным тоном, каким девочка ее возраста говорить вообще не должна, и родители, широко раскрыв глаза, уставились на нее.

Нирай крепко схватил ее за локоть:

— Рукия? Что тебе известно?

Кэтти-бри сочувственно взглянула на него, вполне понимая, что вот-вот разрушит его представления об окружающем мире и, хуже того, о его обожаемой семье.

— Нас спас счастливый случай, — шепнула она Нираю и указала ему за спину, поскольку к ним приближался вождь десаи. — Счастливый случай, — повторила она громче и с нажимом.

Потом она прижалась к матери, а Нирай повернулся к мужчине. Нирай был потрясен, но он положился на объяснение дочери, приправленное магическим убеждением, что лишь

счастливым случаем спас его жену и ребенка.

Вождь огляделся, качая головой.

— С тобой все в порядке, Кавита? — спросил он, и женщина кивнула, с трудом поднимаясь на дрожащие ноги.

— Воистину, дважды благословенная гроза, — повторил вождь и вышел, чтобы присоединиться к тем, кто обыскивал лагерь.

В последующие часы многие приходили помочь Нираю починить и привести в порядок палатку. Еще больше людей спешило помочь Кавите и Рукии мазями и травами, а также добрым словом и сочувствием. Буря — порождение магии, хотя лишь Рукия знала об этом, — давно ушла, и было далеко за полночь, когда семейство наконец осталось наедине.

Нирай и Кавита уставились на свою маленькую девочку.

— Рукия? — снова спросил Нирай.

Кэтти-бри размышляла, стоит ли говорить им насчет имени, но решила этого не делать. Не теперь. В конце концов, у нее самой было немало вопросов, касающихся неожиданного появления этих незересов. Ассасины искали именно ее, так что представлялось очевидным, что они как-то узнали по меньшей мере часть правды о ней. Но как? И какое им до этого дело?

— Она исцелила меня, — сказала Кавита. — Моя рана... она была смертельной.

— Нет, тебе повезло, — возразил Нирай. — Меч вошел неглубоко.

— Была, — настойчиво повторила Кавита и вновь взглянула на Рукию, побуждая Нирая сделать то же самое. — От спины до живота, и я чувствовала, как моя душа покидает тело. Рана была смертельной, но потом я почувствовала целительное тепло.

— Дар Миликки, — сообщило их дитя.

— Ты исцелила ее? — спросил Нирай, и Кэтти-бри кивнула.

— Молния ударила не случайно, — призналась девочка.

Нирай и Кавита уселись напротив и не моргая уставились на нее.

Кроха подняла оба рукава.

— Звезда Мистры, рог Миликки, — пояснила она. — Я помечена дважды, но это вы знаете.

Нирай с трудом сглотнул, Кавита расплакалась.

— Кто ты? — спросил ее отец, и эти слова, этот безнадежный тон ранили Кэтти-бри в самое сердце.

— Я Рукия, ваша дочь, — ответила она.

— Миликки? — переспросил отец, беспомощно качая головой. Бедины не поклонялись Миликки. Их богиней была Ат'ар Безжалостная, Желтая Богиня палящего пустынного солнца. — Я не понимаю.

— Я родилась в день весеннего равноденствия, самый священный день Миликки, — пояснило дитя. — Богиня благословляет меня и учит...

— Ат'ар, — поправила Кавита.

Кэтти-бри покачала головой.

— Пойдемте со мной, — попросила она их, направляясь к импровизированному входному пологу. — Я вам покажу.

Ее родители колебались.

— Это одно место, не очень далеко от лагеря...

— Уже глубокая ночь, — возразил Нирай. — Время Н'асра. Львы вышли на охоту.

Ребенок рассмеялся:

— Они нас не потревожат. Пойдемте.

И поскольку ее родители продолжали колебаться, дочь добавила умоляюще:

— Пожалуйста, сделайте это для меня. Я должна показать вам.

Нирай и Кавита переглянулись, потом поднялись и пошли вслед за своей малышкой, из палатки, из лагеря, на открытую равнину. Кэтти-бри быстро шагала впереди, но не успели они отойти далеко, как Кавита подбежала к ней и схватила дочку за руку, останавливая.

— Это слишком опасно, — сказала она. — Мы придем сюда, когда вернется богиня солнца.

— Доверьтесь мне, — попросила Кэтти-бри. И вновь магия стояла за ее словами. Они пошли дальше.

Они добрались до высокой дюны до рассвета, хотя небо уже начало светлеть, предвещая его начало. Сквозь узкий проход меж выветренных камней они протиснулись в потайной сад Кэтти-бри и обнаружили одного из своих соплеменников, лежащего мертвым под одиноким деревцем, лицом вниз в луже собственной крови.

— Джинджаб, — сказал Нирай, перевернув мертвеца.

Кэтти-бри опустилась на колени возле трупа.

— Нет, дитя, — запротестовала Кавита. — Это зрелище не для маленьких девочек.

Но Кэтти-бри не была маленькой девочкой и не стала ее слушать. Она уже творила заклинание, голубые струйки магической энергии начали выползать из ее правого рукава, пока она взывала к силе Миликки. Она приблизила лицо к груди Джинджаба и прошептала что-то, чего ее родители расслышать не могли, потом кивнула, словно получив ответ.

Нирай попятился, и Кавита взяла его за руку и прижалась к нему, и они наблюдали за своей маленькой дочуркой в смятении и с изрядной долей страха.

Несколько мгновений спустя Кэтти-бри поднялась и повернулась к ним.

— Джинджаб выдал меня незересам, — пояснила она. — Они пришли за мной.

— Нет! — вскрикнула Кавита.

— Как? Почему?! — одновременно воскликнул Нирай, и оба разом шагнули вперед, чтобы обнять дочь, стоящую в стороне от них.

— Они узнали, что я другая, быть может помеченная магией, но уж точно... необычная, — объяснила она. — Джинджаб рассказал им. Он только что признался мне, хотя слова умерших очень загадочны и их нелегко расшифровать.

— Это безумие, — застонал Нирай.

— Ты разговариваешь с мертвыми? — спросила Кавита.

— Я ученица Миликки, — ответила Кэтти-бри. — Я наделена силами божественными и тайными — вторым так же, как и вы оба, но мои заклинания относятся ко времени, которое давно прошло, и к богине, которой, боюсь, больше нет.

Оба ее родителя растерянно качали головами. Они беспомощно взглянули друг на друга.

— Я ваша дочь, — сказала Кэтти-бри, пытаясь успокоить их. — Я Рукия, но не только. Я не проклята — как раз наоборот!

— То, как ты говоришь... — мотнула головой Кавита.

— Я ребенок лишь внешне, — пояснила Кэтти-бри. Она хотела было продолжить объяснения, но передумала, решив, что причинит тем самым боль тем двоим, которые явно этого не заслужили. Также ей не хотелось подвергать их опасности, а представлялось очевидным, что это знание таит в себе великую опасность.

Ассоциации напрашивались самые простые. Конечно, она не знала, почему незересы охотились за ней, но было именно так: об этом сказал ассасин, и то же подтвердил дух Джинджаба. Быть может, дело было просто в запрете бединам пользоваться магией, и Джинджаб выдал ее лишь в этом отношении. Но даже если и так, внимание к ней привлечет внимание к Нираю и Кавите.

Нежелательное.

Опасное.

Кэтти-бри хотелось пройти к своему алтарю и помолиться Миликки. Она взглянула на деревце, и ее передернуло. Нет, поняла она, не молиться. Хотелось пойти туда, чтобы Миликки сказала ей, что она ошибается, прислушиваясь к тому, что инстинкты говорят ей.

Но Кэтти-бри не ошибалась.

— Я должна покинуть вас, — услышала она свои слова.

Кавита заплакала.

— Ты не можешь! — прикрикнул на нее Нирай. — Ты еще ребенок...

— Я отыщу вас снова, обещаю. Но здесь я в опасности. — Ты не можешь знать этого! — настаивала Кавита.

— Но я знаю, и вы тоже знаете. И я подвергаю опасности вас — все десаи в опасности. Поэтому я должна идти, и если незересы явятся искать меня, скажите им правду — это не имеет значения. Потому что они меня не найдут.

— Нет, моя Зибрийя! — вскричал Нирай и шагнул вперед.

Кэтти-бри выставила перед собой ладонь и сотворила простое заклинание, которое остановило Нирая, словно он наткнулся на скалу.

— На этом я покидаю вас, — сказала дитя, которое на самом деле не было им. — Не падайте духом, и вы, и все бедины. Старые времена вернуться в Анаврок. Желтая Богиня, она же Амонатор, она же Латандер, возвратится во всем своем великолепии, и пески пустыни поглотят Незерил. Я провижу это, и бедины снова заживут так, как жили веками до возвращения архимагов.

Не бойтесь за меня, родители мои, — продолжала она. — Я иду с богиней, и путь мой мне хорошо известен.

Мы еще встретимся снова.

Десаи продолжали умолять ее, они пытались приблизиться, но на этот раз Кэтти-бри использовала другое заклинание, чтобы удержать их на расстоянии. Она закружилась и запела, и ее взмахивающие руки сделались крыльями, а сама она превратилась в сову.

И полетела прочь, бесшумно растаяв в пустынной ночи.

Часть 2. Задачи детства

Мир развивается вне зависимости от моего личного знания или опыта. Вернуться в Долину Ледяного Ветра означает понять, что жизнь в ней продолжается, с новыми людьми, сменившими прежних, с иммиграцией и эмиграцией, рожденьями и смертями. Часть ее обитателей — потомки тех, кто жил здесь прежде, и все же на этой земле, служащей временным пристанищем для бегущих от уз цивилизованного общества, намного, намного больше вновь прибывших из других мест.

Точно так же одни здания возводились, другие рушились. Новые корабли занимали место поглощенных тремя великими озерами.

Это оправданно и логично и сообщает данному месту удивительную гармонию. В Долине Ледяного Ветра все имеет смысл. Население Десяти Городов порой чуть увеличивается или уменьшается, но обычно остается стабильным, и его численность зависит от того, скольких обитателей может прокормить эта земля.

Этот принцип важен для самооценки, ибо слишком многие, похоже, забывают эту важнейшую из истин: мир существует независимо от их личного опыта. О, возможно, они неосознанно выражают сомнение в этой незыблемой истине, но я встречал немало людей, утверждавших, что все существующее — лишь идея, их идея, а значит, и все мы суть лишь составляющие в рамках созданной ими реальности. Воистину, я встречал многих, кто вел себя соответствующе, осознавали они это или нет.

Я говорю, разумеется, об эмпатии, или же, в вышеописанных случаях, о нехватке таковой. Личность и общество пребывают в постоянной борьбе, тогда как в глубине души нам необходимо решить, где заканчивается одно и начинается другое. Для некоторых это вопрос религии, неоспоримые догматы мнимого бога или богов, но для большинства, хочется верить, это постижение основополагающей истины, что общество — необходимый компонент для самосохранения как материального, так и духовного.

Я много раз размышлял об этом прежде и открыто заявлял о своей вере в сообщество. Воистину, именно эта вера помогла мне подняться, когда я был повержен горем, когда вел своих новых компаньонов из Невервинтера, чтобы сослужить великую службу достойному месту, именуемому порт Пласт. Для меня выбор несложен: служба обществу, служишь себе. Даже Артемис Энтрери, циничнейшее из существ, не в силах был скрыть своего удовлетворения, когда мы загнали морских дьяволов обратно под воду на благо славных жителей порта Пласт.

Однако когда я задумываюсь о собственных корнях и различных

культурах, через которые прошел, возникает более сложный вопрос: какова роль общества для личности? И как быть с меньшими сообществами внутри больших? Какова их роль или мера их ответственности?

Конечно, всеобщая безопасность важнее всего для целого, но идея сообщества должна быть глубже. Выживет ли сельское сообщество, если дети не будут обучены ухаживать за полями и скотом? Сможет ли поселение дворфов процветать столетиями, если маленькие дворфы не научатся работать с камнем и металлом?

Какой эльфийский клан сумеет веками танцевать в лесу на тайной полянке, если старшие не расскажут детям, как разбираться в звездах и ветрах?

Итак, существует множество задач, непосильных для одного мужчины, или женщины, или семьи, но жизненно важных для процветания и безопасности любого города или поселения. Никакой человек не смог бы в одиночку возвести стену вокруг Лускана, выстроить доки Врат Балдура, или великолепные арки и широкие бульвары Глубоководья, или парящие соборы Серебристой Луны. И никакой культ, поэтому мелкие сообщества внутри более крупных тоже должны вносить свой вклад ради всеобщего блага, являются их участники или паства гражданами или нет.

Но как тогда быть с концентрацией власти, которой могут сопровождаться улучшения, и с иерархической регламентацией, возможным результатом внутри всякого сообщества? В обществах, подобных клану у дворфов, это решается через родословные и правильных наследников, но в огромном городе, при смешении кровей и разных культур, распределение власти далеко не столь очевидно. Я сам видел лордов, предоставлявших своим крестьянам погибать от голода, хотя их кладовые были забиты едой, гниющей, поскольку их семейство не в состоянии все это съесть. На Карнавале Воров в Лускане я видел судей, использовавших закон как инструмент для собственной выгоды. И даже в Глубоководье, чьи лорды считаются величайшими в мире благотворителями, роскошные дворцы свысока глядят на лачуги и хижины, а также на осиротевших детей, дрожащих от холода на улицах.

И вновь, к своему удивлению, я вижу образец для подражания в Десяти Городах, поскольку в этом месте, где численность населения практически неизменна, хотя состав его все время меняется, существует логичная и обоснованная преемственность. Здесь десять сообществ остаются обособленными и выбирают из своих рядов достойных уважения лидеров различными способами, и эти лидеры имеют право голоса на общем совете.

В случае с Долиной Ледяного Ветра ирония состоит в том, что

эти сообщества, в которых полно одиночек (среди их граждан — множество бежавших от закона или же членов какой-нибудь банды, облюбовавших Десять Городов в качестве последнего убежища), полно тех, кто, предположительно, не смог жить в цивилизованных обществах, на самом деле — одни из самых отзывчивых, какие мне случалось видеть. Частные рыбацьи лодки на Мер Дуалдон могут жестоко соперничать за излюбленные места, но, когда наступает зима, никто в Десяти Городах не голодает, когда другие вовсю пируют. Никто в Десяти Городах не замерзает на пустынной улице, когда есть место у очага, — и такое место всегда отыщется. Вероятно, все дело в суровости этих мест, где все понимают, что лишь общими силами можно обезопасить себя от йети, гоблинов и великанов.

В этом и состоит смысл сообщества: общая нужда и общее благо, сила его членов, добрая рука помощи, способность работать вместе, чтобы достичь новых высот для всех, расширение горизонтов для себя и своей семьи, обогащение самой жизни.

О, многие не согласятся со мной, те, кто рассматривает ответственность перед обществом, будь то необходимость пожертвовать немного еды, денег или времени, как нечто чересчур обременительное или посягающее на их личную свободу... Полагаю, слишком часто личные устремления и алчность таятся за ширмой самых прекрасных слов.

Для таких я могу лишь повторить, что в конечном счете они теряют больше, чем выигрывают. Что проку в вашем золоте, если друзья не помогут вам подняться, когда вы упадете?

Долго ли будет жить память о вас после вашей смерти?

Потому что, по существу, это единственное мерило. В конце, когда мерцающий огонек жизни угаснет, все, что останется, — это память. Богатство, по этой последней мерке, определяется не количеством золотых монет, но числом людей, любивших вас, слезами скорбящих о вашем уходе и теплыми воспоминаниями тех, кто продолжает славить вашу жизнь.

Дзирт До'Урден

Глава 7. Сынок Арр Арра

Год Третьего цикла

(1472 по летоисчислению Долин)

Твердыня Фелбарр

Мургатройд Бакенбарды Котлетой Каменный Молот вздохнул и с такой силой дернул себя за густую черную бороду, что на его ручище заиграли мускулы. Он скрипнул зубами и дернул еще раз.

Жест был привычным для старого воина, и в самом деле очень старого, — старейшего дворфа в твердыне Фелбарр, насколько можно было судить. Бакенбарды Котлетой прожил богатую приключениями жизнь, воевал с королем Эмерусом против Обальда и орков и даже находился в Мифрил Халле, когда состоялось легендарное возвращение короля Бренора на поле боя, чтобы встретить атакующие орды Обальда в долине, именуемой Долиной Хранителя, у западных ворот крепости. Однако ни в одном из сражений Каменный Молот не снискал особой славы, и его величайшим достижением, похоже, стало долголетие.

Конечно, среди обитателей твердыни Фелбарр его уважали, никто не спорит, но это новое дело, которое ему поручили...

Бакенбарды Котлетой служил теперь тренером: занятие весьма почтенное и уважаемое, если не считать того, что его учениками были дети. Старшим из его теперешних воспитанников было по двенадцать лет, и эти старшие, вверенные его попечению, неизменно оказывались худшими бойцами в своей возрастной группе.

— Сынок Арр Арра не слишком-то впечатляет, — заметил Роки Боевой Венец, кузен короля в третьем поколении.

Старый Каменный Молот и хотел бы поспорить, но ему оставалось лишь вздохнуть и снова дернуть себя за бороду, поскольку напротив них маленький Арр Арр, которому только что исполнилось девять, вел бой с пареньком из клана Аргут, подающим надежды и крупным десятилеткой.

Бриун Аргут выбросил щит вперед и влево, отеснив юного Арр Арра на шаг. Не теряя темпа, без всяких колебаний, Бриун прыгнул вперед, развернулся и стремительно нанес яростный поперечный удар своим оружием — деревянным топором.

Арр Арр увернулся — еле-еле! — и, споткнувшись, отступил на несколько шагов. Бриун Аргут наседавал, нанося сильные рубящие удары, заставлявшие младшего соперника все время терять равновесие.

— Он на голову выше Малыша Арр Арра, — заметил Бакенбарды Котлетой, но Роки лишь фыркнул, показав, насколько смехотворно это оправдание.

— Ну да, и на год старше, — сказал Роки. — Думаешь, дело в этом?

Озабоченность в его голосе сильно задела Бакенбарды Котлетой, поскольку за этим мальчишкой, известным всем в твердыне Фелбарр как Малыш Арр Арр, наблюдало множество глаз. Ибо всегда, насколько можно было вспомнить, Круглые Щиты служили

начальниками стражи твердыни, в этом состояла гордая традиция бесстрашных воинов и преданных слуг династии Боевого Венца. Реджинальд Круглый Щит, отец Арр Арра, был одним из наиболее популярных и уважаемых дворфов твердыни вплоть до самой своей гибели от рук мерзких орков, когда Малыш Арр Арр только-только начинал ходить.

Все в Фелбарре желали Малышу Арр Арру успеха, желали поддержать традицию отца и предков. В конце концов, на кону стояла безопасность клана, надежность, зависящая от преемственности поколений, ведь он был сыном сына сына сына капитана.

Но Малыш Арр Арр не подавал особых надежд, и даже сам король Эмерус отметил это во время последнего визита на тренировочную площадку к Бакенбардам Котлетой.

Роки Боевой Венец шумно втянул в себя воздух, когда щит Малыша Арр Арра в самый последний момент взлетел кверху, чтобы отразить удар топора, который наверняка оглушил бы ребенка.

Бакенбарды Котлетой тоже вздрогнул, но быстро опомнился. Его многоопытный взгляд подметил нечто такое, чего не замечал прежде, и интуиция подсказывала ему совсем иное, нежели говорили глаза.

Юный Реджинальд боролся с искушением вонзить острие своего деревянного топора в незащищенную подмышку Бриуна Аргута.

«Как отреагировал бы девятилетний дворф?» — спрашивал себя Бренор. Неуклюжесть атак — и не только Бриуна, он еще был весьма грозным бойцом по сравнению с остальными в этом классе — постоянно усыпляла бдительность старого короля дворфов в юном теле.

Но в конце концов, они бывали на тренировочной площадке всего лишь раз в десять дней, и это только примитивные начальные тренировки. Задачей Мургатройда Каменного Молота было просто дать юным дворфам почувствовать, каково это — наносить и получать удары, впервые попробовать уход перекатом, рубящий удар и работу щитом, да и любой другой из тех кирпичиков, которыми вымощен прямой путь к дворфскому боевому искусству.

Для Бренора, однако, сколько бы он ни напоминал себе об этом, само занятие представлялось до отупения простым. Он уже вполне привык к своему новому телу, данному ему на многие годы.

Бриун Аргут прыгнул вперед и нанес мощный рубящий удар сверху, который, впрочем, не мог достичь цели. Бренор видел это и знал обманное движение для последующего удара щитом.

Он начал двигаться одновременно с Бриуном, хитроумно замаскировав свой финт под скольжение и потерю равновесия. Когда Бриун ринулся в атаку, Малыш Арр Арр «упал» вперед-вбок, спрятав голову за поднятым щитом, и перекатился за спину набегающему противнику.

Он удержался от соблазна поддеть пролетающую мимо ногу Бриуна и заставить парнишку растянуться на полу. В конце концов Бриун нравился Бренору, который считал его перспективным молодым бойцом и совершенно не хотел ставить его в неловкое положение.

— Ха, здорово он запутался в собственных ногах, да? — заметил Роки Боевой Венец. — Иначе, уж будь уверен, парнишка Аргут раскатал бы его в блин! — Роки рассмеялся, видимо представив себе эту картину, поскольку раскатать в блин бойца означало уронить его на землю, заставить распластаться под ударом щита, и это действительно было одним из самых смешных моментов, какие можно наблюдать на тренировочных площадках.

— Угу, — отозвался Бакенбарды Котлетой, но без уверенности, и закивал, но явно не в знак согласия с собеседником.

— Да, Увин была бы убита горем, узнай она, что ее единственный сын, наследник рода Круглого Щита, просто олух, которого раскатали в блин, — не унимался Роки. — Можно не сомневаться: старина Арр Арр сейчас ворочается в гробу.

Но хитрый старый воин Бакенбарды Котлетой сомневался.

— Ему просто скучно, — проворчал он.

— А? — переспросил Роки Боевой Венец и вслед за ветераном перевел взгляд на площадку, и как раз вовремя, чтобы увидеть, как Бриун Аргут устремился в завершающую атаку, которую Бакенбарды Котлетой описывал подросткам как «убийственную ярость».

Деревянный топор Бриуна так и летал в воздухе: удары слева, справа, сверху, выпады — снова и снова. Аргут постоянно наседал, шел напролом, атаковал непрерывно, все время вынуждал Арр Арра пятиться, и ему почти удавалось достать соперника каждым из сокрушительных ударов.

Почти... но ни разу не удалось.

Роки то и дело принимался сопеть, явно ожидая, что Малыш Арр Арр вот-вот пропустит один из них.

Бакенбарды Котлетой подавил понимающий смешок и кивнул. Он ничуть не удивился, когда Бриун Аргут наконец уgomонился, так и не сумев прикоснуться к Арр Арру, который все время отступал. Наставник щелкнул по висящему рядом с ним колокольчику, дав знак к окончанию поединков, и вскоре отпустил двадцать своих учеников.

— Ему хорошо удавалось сохранить свою безбородую голову на плечах, — признал Роки. — Но он ни разу даже не попытался достать Аргута.

— Да, Бриун Аргут подает большие надежды. Достаточно скоро он завоюет себе место в щетинистой группе, — согласился Бакенбарды Котлетой, именуя этим давним прозвищем старшую группу, состоящую из подростков, у которых уже начинали пробиваться маленькие бородки. Ветеран огляделся по сторонам и перевел взгляд на Роки Боевого Венца. — Слушай, будь другом, — попросил он, — присмотри, чтобы они отправились по домам. Мне нужно кое-что сделать.

— Следующей идет щетинистая группа, верно? — уточнил Роки. — Я надеялся увидеть сестричек Опустившийся Молот. Говорят, они обе могут хоть сейчас вступить в боевой отряд.

— Да и еще раз да, эти могут, — подтвердил Бакенбарды Котлетой. — Кулак и Фурия, так я их зову. Кулак и Фурия, и не позавидуешь тем, кого я ставлю против них! А теперь будь другом и отправь малявок по домам. Может, ты еще застанешь следующую группу за разминкой. Я быстро.

Роки кивнул, и Бакенбарды Котлетой торопливо ушел. Это был осторожный старый

дворф, понимающий, что теперь надо поспешить.

Вскоре после боя Бренор шел по тихим туннелям твердыни Фелбарр. В опущенной правой руке висел учебный топор, к левой был пристегнут щит.

Еще один день.

Еще один потерянный день.

Так, во всяком случае, он воспринимал это, поскольку давным-давно приспособился к этому новому телу. Теперь оно снова полностью принадлежало ему, так же как то, мускулистое и в шрамах, с которым его душа рассталась в глубинах Гаунтлгрима. Он даже был похож на себя, себя прежнего, на Бренора Боевого Топора в возрасте девяти лет! Он был поражен, впервые заметив это сходство. Разумеется, он размышлял об этом, не понимая, как «дар» Миликки способен был влиять на такие вещи. Мог ли он родиться дворфом с синей бородой? Или даже женщиной? Кэтти-бри об этом не сказала, объяснила лишь, что они снова родятся где-то на Фаэруне от родителей их собственной расы. Насчет пола или предполагаемой внешности она не даже не упомянула.

Вот будет сюрприз для Дзирта, если он снова повстречает Кэтти-бри и обнаружит, что она — и не «она» вовсе, а рослый молодой парнишка!

Бренор выбросил эти неприятные мысли из головы. Сейчас он снова был самим собой, по-другому и не скажешь. Его отражение было привычно ему; руки были теми же молодыми руками, что принадлежали, как он помнил, Боевому Топору в бытность подростком. И это юное тело полностью подчинялось ему, даже лучше, чем когда он в первый раз был в этом возрасте. Во время индивидуальных тренировок ему открылась правда: он мог исполнять такие движения, которые девятилетнему Бренору и не снились. Понимание боя осталось при нем, и все столетия тренировок проследовали вместе с ним через царство душ в эту новую физическую оболочку.

Конечно, ему пришлось присоединиться к занятиям Мургатройда Каменного Молота, поскольку в твердыне Фелбарр они были обязательными, но он опасался, что эти тренировки на самом деле притупляют его реакции и приведут к потере навыков, полученных за многие годы упражнений и практики, которыми он был переполнен до отказа.

И конечно же, всегда существовала вероятность, что он забудется во время одного из этих нелепых учебных боев и нечаянно унизит или даже сшибет с ног какого-нибудь славного юного дворфа.

Вздыхнув, Бренор свернул в пустынный переулок подземного комплекса, где обитали городские воины. Закинув на плечо деревянный топор, он думал о другом оружии, со множеством зазубрин...

Нападающий появился из-за угла, тяжелая коренастая фигура бросилась к нему, вскинув для удара толстый дубовый щит. Не успев даже обдумать движение, не успев подумать вообще ни о чем, кроме того, чтобы убраться с дороги, обескураженный Бренор нырнул вперед-вниз, точно так же, как во время боя с Аргутом. Щит его взметнулся кверху, чтобы прикрыть голову и облегчить перекат, и он, перекувырнувшись, сразу вскочил на ноги, а дворф, или же кто или что там это было, пронесся мимо.

Однако, в отличие от тренировочного боя, Бренор не собирался так просто пропускать этого типа мимо себя. Он метнулся вперед, его деревянный топор обрушился на промелькнувшую лодыжку нападающего. Будь у него нормальное оружие, он отрубил бы глупцу ногу, но с учебным топором Бренор избрал иную тактику: зацепил им ногу нападавшего и изо всех сил дернул. Когда выяснилось, что его усилия тщетны из-за разницы в массе и что не удастся подсесть ногу противника, Бренор стремительно метнулся вперед.

Высвободив топор, он снова рубанул им ногу нападавшего, и опять тот почти не отреагировал, к этому моменту уже восстановив равновесие. Тогда учебный топор взлетел заостренной стороной кверху, прямо между ног противника, ударив того в пах, и, когда враг, как и ожидалось, привстал на цыпочки и устремился вперед, Бренор ударил по пролетающей мимо ноге так, что она запнулась о стоящую впереди ногу противника.

Теперь нападающий покачнулся, и, пока он пытался восстановить равновесие и развернуться, оказалось, что маленький дворф летит к нему, со всего маху врезается, карабкается кверху и перекачивается прямо через него, и при этом прекрасно успевает прижать рукоять деревянного топора к его горлу.

Бренор перекатился через плечо, вцепившись в концы рукояти обеими руками, словно от этого зависела его жизнь. Впрочем, так оно и было.

Нападавший просипел что-то неразборчивое, падая навзничь; Бренор прыгнул на него сверху, и они вместе повалились на пол.

Бренор понимал, что не может надеяться ни выбить дух из этого типа, ни даже отцепиться от него и убежать. Несмотря на все свое мастерство, он не мог победить противника настолько тяжелее и сильнее себя, и уж точно не с учебным топором. Поэтому он вцепился зубами в ухо врага, вгрызся в толстую ткань, наподобие маски скрывавшую его лицо, и, рыча, упорно держал.

Его жертва разразилась потоком брани вперемешку с долгим, раскатистым «App!» и попыталась высвободиться из удушающего захвата, а у Бренора не было надежды противостоять силе этого взрослого.

Или все-таки была?

Его мысли мгновенно обратились к трону Гаунтлгрима, и он ощутил, как сила Клангеддина вливается в его вены, укрепляет мышцы. Тогда он выпустил ухо и сосредоточился на топорище, крепче прижимая его к горлу жертвы, передавливая трахею, несмотря на безуспешные попытки нападавшего оттолкнуть его.

Но затем из памяти трона явилась мудрость Морадина, напоминая, что ни один ребенок-дворф его лет не смог бы победить в такой ситуации. Стойкостью перед натиском безумной жертвы он выдавал свою великую тайну.

Лучше так, решил он, чем быть убитым в пустом переулке.

Нападающий снова зарычал, как показалось Бренору, но потом он понял, что «арр» на самом деле было «App App!», произнесенное голосом, который старый дворф в теле подростка, конечно же, узнал.

Вскрикнув, Бренор прекратил сражаться и позволил нападавшему на него Каменному Молоту вырвать из своих рук деревянный учебный топор. Когда Бакенбарды Котлетой, внезапно освобожденный, стал подниматься, Бренор откатился в сторону, вскочил и отпрянул подальше.

— Клянусь богами, вот крысеньш! — выдавил Мургатройд, задыхаясь и кашляя на каждом слове. Он перевернулся и сел, воззрившись на юного дворфа, который уже снова был

на ногах, приняв оборонительную позу, готовый ринуться в схватку или ударить в мгновение ока.

— Ты чуть шею мне не сломал, — сказал старый дворф, потирая горло, а другой рукой ощупывая кровоточащее ухо.

— За что? — обратился к нему Бренор. — Учитель, за что? Может, я рассердил вас?

Бакенбарды Котлетой рассмеялся, хотя оказалось, что при этом он непрерывно кашляет.

Бренор не знал, что и думать.

— Я знал, что ты жульничаешь в боях! — победно объявил Бакенбарды Котлетой. — И жульничаешь не в свою пользу, чертов олух!

Бренор пожал плечами, все еще не понимая.

Мургатройд поднялся, и Бренор чуть отодвинулся, готовый пуститься наутек, но старый дворф бросил ему его учебный топор и, похоже, расслабился.

— Ты и не пытаешься сделать так, чтобы твой отец мог гордиться твоими успехами в бойцовских классах, — пояснил Бакенбарды Котлетой. — Твой отец, понимаешь? Арр Арр, капитан гвардии. Лучший воин, какого когда-либо видел Фелбарр.

И снова Бренор лишь пожал плечами и беспомощно воздел руки вверх, не понимая.

— И ты не потому проигрываешь свои бои, что другие дерутся лучше, нет, — обвиняюще продолжал старик. — Ты проигрываешь, потому что не пытаешься победить! Я видел это и знал! — Он снова потер кровоточащее ухо и сплюнул на булыжную мостовую — в слюне тоже была кровь из поврежденного горла. — И ты только что доказал это.

— Б-Бриун — крепкий орешек, — с запинкой промямлил Бренор, пытаясь придумать подходящую причину.

— Ба! Ты вполне мог сбить его с ног. Ты только что завалил меня!

Бренор не знал, что ответить.

— Я сражался... мм... за свою жизнь, — пробовал объяснить он. — Вы меня ужасно напугали.

— Дерутся всегда за жизнь, дурачок! — выбранил его Бакенбарды Котлетой, подошел ближе и ткнул Бренора кривым старым пальцем. — Всегда! Ты выигрываешь сто боев, а проигрываешь всего один — и ты покойник, как твой отец.

Бренор начал было отвечать, но передумал.

— Ты проигрываешь на занятиях только потому, что не хочешь выиграть. Хорошо, а как насчет Увин? Как она скажет Арр Арру, чтобы он покоился с миром под своей каменной пирамидой, если его единственный ребенок — трус, а?

При этих словах глаза Бренора сузились, и ему опять пришлось призвать на помощь мудрость и сдержанность Морадина, чтобы снова не накинуться на непочтительного ветерана. Он не знал, что делать дальше. Он не мог оспаривать наблюдения Каменного Молота, хотя, разумеется, старый воин не мог разгадать истинную причину незаинтересованности Бренора. Тот сдерживал себя вовсе не от скуки и уж вовсе не из трусости, а потому, что у него была тайна, которую он не мог открыть. Пока не мог.

— Теперь я видел тебя, Малыш Арр Арр, — продолжал Бакенбарды Котлетой. — Видел на что ты способен, и не намерен больше позволять тебе бегать от боя и дурачить нас мнимыми ошибками и спотыканиями. Твой отец будет гордиться тобой, говорю я тебе, или же вот этим самым топором плашмя я отхожу тебя по заднице! Слышишь меня?

Бренор смотрел на него, не зная, что ответить.

— Ты меня слышишь? — настойчиво повторил Бакенбарды Котлетой. — А, Малыш Арр

Апп?

— Реджинальд, — поправил Бренор. Да, пришло время заявить о себе.

— А?

— Меня зовут Реджинальд. Реджинальд Круглый Щит.

— Малыш Апп Апп...

— Реджинальд, — настаивал Бренор.

— Отец твой был Апп Апп... — начал Бакенбарды Котлетой, но Бренор перебил его:

— Мой отец мертв и лежит под холодным камнем.

Мургатройд лишился дара речи и тупо уставился на дерзкого юнца.

— Но я здесь, и больше никогда не смейте думать, что он не сможет гордиться мною.

Мое имя Реджинальд. Реджинальд Круглый Щит, из Круглых Щитов Фелбарра. Вы хотели, чтобы я не забывал об этом, поэтому и напали на меня в темноте. Хорошо, я буду помнить, но на свой манер и под своим собственным именем!

— Крысеныш! — повторил Бакенбарды Котлетой, но с видом скорее удивленным и довольным, нежели рассерженным.

— Поэтому через десять дней ставьте против меня их всех, — потребовал Бренор. — Начните с Бриуна Аргита, а потом давайте всех остальных — по одному, или по двое, если захотите, или по трое, а то и всех сразу! А когда я уложу их всех, одного за другим, знайте, что ваши занятия ничему не научат сына Апп Аппа. И тогда вы переведете меня в следующую группу.

Бакенбарды Котлетой долго молчал, оценивающе разглядывая его.

— В следующей группе юноши, не дети, — предостерег он.

Бренор ответил наставнику таким же взглядом в упор. Он сам удивлялся своему гневу, глубокому и сильному, своему волнению и злости, причиной которых стали вовсе не скука подготовительных боевых тренировок или непочтительность этого старикана, налетевшего на него в темноте. С одной стороны, Бренор чувствовал себя глупо, избрав такой путь, а с другой — не имел никакого желания сходить с него. Ни малейшего.

— Вам нечему учить меня рядом с этими детьми, — заявил он.

Поза Бакенбардов Котлетой стала менее агрессивной. — Значит, думаешь, что сможешь уложить их всех, да?

— Хоть всех разом, если захотите.

— Возможно.

Бренор не дрогнул. Он лишь пожал плечами, начиная уставать от этого разговора.

— Вы лучше посадите в зал жреца, — вполне искренне сказал он. — Им точно понадобятся исцеляющие двеомеры Думатойна.

Бакенбарды Котлетой хотел ответить, но лишь поднял руку и вновь потрогал свое окровавленное ухо, а затем хрюкнул, издав нечто среднее между рычанием и фырканьем, повернулся и вышел из проулка.

Бренор Боевой Топор еще долго стоял один в полумраке, обдумывая бой и то, что наверняка за ним последует. Больше всего, однако, он размышлял о ярости, клубившейся в его душе. Он явно был не в свой тарелке, причем уже очень давно. Весь этот опыт со вторым шансом на жизнь оказался не таким, как Бренор ожидал: годы шли куда медленнее, чем он мог себе представить, выходя из Ируладуна.

В тот далекий день он шагнул из леса, чтобы отправиться на помощь своему старому другу, Дзирту, другу, с которым они расстались, как казалось Бренору, всего пару дней назад,

хотя на самом деле прошли годы, если оценивать время по меркам живых. Но теперь Бренора отделяли от Дзирта почти десять лет уже по его собственному счету, и энергия и энтузиазм, переполнявшие его и подвигнувшие на возвращение вместо заслуженного отдыха в Доме Дворфов, давно угасли.

Он очутился в чужом времени и в чужом месте, ужасающе одинокий и безмерно возбужденный, и впереди было еще больше десяти лет.

Он подобрал свой учебный топор, закинул его на плечо и отправился домой. Он знал, что Бакенбарды Котлетой намерен попытаться наказать его и, вероятно, через десять дней напустит на него сразу весь класс.

Он размышлял, не пойти ли на попятный? Быть может, стоит извиниться перед старым дворфом и объяснить свою вспышку тем, что был напуган и переволновался, угодив в засаду?

Мальчишка сплюнул на камни и на ходу растер плевков подошвой башмака.

— Посылайте хоть всех разом, — пробормотал он едва слышно, и в этот момент Бренор ясно представил себе дюжину подростков, разлетающихся во все стороны, словно солома под ураганным ветром.

Нет, он не намерен отступать, и возможно, когда разберется со сверстниками, удар-другой перепадет и их наставнику — просто в доказательство собственной правоты.

Он толкнул плечом дверь, напугав Увин, которая сердито повернулась к нему.

— Я слышала, твои успехи в учебных боях не слишком велики, — недовольно сказала она. — Ты что, хочешь, чтобы твой отец, сидя подле Морадина, не знал, куда глаза девать со стыда?

— Я хочу убивать орков, а не играть в войну со стадом писклявых сопляков! — прорычал Бренор и ураганом промчался мимо, оставив Увин в такой растерянности, что она даже забыла шлепнуть сына по попе за его тон и пререкания.

— Куда он делся? — завопил мальчишка, резко тормозя.

Он выскочил из-за угла здания буквально по пятам воришки, рассчитывая в два счета поймать его в ловушку. Но подлый хафлинг просто растворился.

— Лови его! — крикнул приятель подростка, топоча позади.

Компания мужчин, сидящая за столом перед рыбной лавкой, засмеялась над этими двумя и над всеми остальными, выскочившими вслед за ними... и захохотала еще громче над второй группой подростков, выскочившей с другой стороны дома, очевидно думая отрезать путь маленькому хафлингу.

Первый подросток, предводитель шайки, злобно зыркнул на едоков, отчего они, разумеется, засмеялись еще громче. Один из них указал вверх. Главарь отскочил от здания и поднял взгляд, и, конечно же, там была его добыча, она легко и быстро перескакивала с карниза на карниз и уже почти достигла крыши.

— Ах ты крыса! — закричал подросток. Он подпрыгнул, ухватился за карниз над окошком и полез наверх.

Но подобный подъем был делом нелегким, и в считанные мгновения парнишка явно зашел в тупик, как и его приятель, тоже попытавшийся взобраться на стену.

— Как? — спросил третий из группы, поскольку удирающий хафлинг с легкостью перебрался через край крыши, в то время как два подростка старше, выше и сильнее его — и девочка-эльфийка с другой стороны — не смогли даже начать подъем на высокое здание.

Предводитель шайки свалился на землю и выкрикнул: «Крыса!» — вслед исчезающей фигурке.

— Скорее, паук, — поправил один из мужчин с другой стороны улицы, и вся компания снова расхохоталась над неудачной попыткой подростков.

— Паук, — согласилась гибкая и хорошенькая эльфийка, также отказавшаяся от попыток повторить этот кажущийся невозможным подъем и вернувшаяся к своим друзьям. — Эта малявка где хочешь проползет.

— Он у меня будет ползать в грязи, пытаясь убраться подальше от моих башмаков, когда я его поймаю, — пообещал главарь.

— Ах, да выброси ты это из головы, — посоветовала эльфийка. Она смотрела на крышу с нескрываемым восхищением. — Он же еще ребенок. Лет восьми-девяти, и не дурак. — Она хихикнула.

Парень уставился на нее, его губы задвигались так и этак, но не проронили ни слова.

— Он мне нравится, — решительно заявила девочка. — Он забавный. И все, что он взял, — это твой свисток.

— Свисток, который мне дал папа, — возразил парень.

Именно в этот подходящий момент сверху зазвучал тот самый свисток, и все взгляды обратились в ту сторону, как раз вовремя, чтобы увидеть, как похищенная вещь перелетает через край крыши и падает прямо в подставленные руки подростка.

— Он сделал это для того, чтобы доказать, что может, и только потому, что ты ждал этого от него, — сказала юная эльфийка, хихикнула еще раз и направилась вместе с друзьями прочь, остановившись лишь, чтобы добавить: — Выкинь это из головы. Оттого, что ты побьешь маленького хафлинга, легче тебе не станет.

— Паук, — сказал мужчина за столом на другой стороне улицы. — Самое подходящее имя для него, я считаю.

— Да уж, не думал, что увижу когда-нибудь, как лазают по стенке дома, да еще так ловко, — отозвался второй.

— И так быстро, — добавил третий. — Конечно, он удирал, спасая свою маленькую жизнь!

Они еще посмеялись, и дальше разговор пошел про этого загадочного маленького Паука. Однако Дельфантл был большим городом, и никто не знал ни кто такой этот хафлинг, ни откуда он взялся, ни куда направляется. Во время разговора четверо его участников поглядывали на пятого члена компании, вообще не открывшего рта до того момента, как из дальнего переулка послышались крики и маленький хафлинг, Паук, выскочил им на глаза.

Этот пятый, в отличие от остальных четырех, сидящих за столом, тоже был хафлингом. Разодетый в лучшие шелка, в стильном золотом кушаке и модном синем берете, подколотом спереди большой золотой заколкой, Периколо Тополино восседал на своем месте с непринужденной уверенностью, обеспеченной достатком и жизненным опытом, а также мудростью, приобретаемой с возрастом.

Разумеется, эта уверенность не в последнюю очередь основывалась на вполне заслуженной репутации, поскольку немногие в Дельфантле рискнули бы стать на пути у Периколо Тополино.

Он изображал безразличие, но на самом деле жадно ловил каждое слово, сказанное его приятелями. Однако он не смотрел на них, сосредоточившись вместо этого на компании малолетних головорезов напротив.

— Что это за тип? — спросил он наконец, и четверо разом замолчали, услужливо проследив за его жестом, указывающим на главного в этой подростковой шайке.

— Бренан Прус, — хором ответили двое, двое других поспешно согласились.

— Ага, и его матушка работает у лорда во дворце служанкой, и он живет при ней, — добавил один.

Периколо соединил кончики похожих на обрубки пальцев у подбородка и не моргая рассматривал заносчивого юного головореза, который продолжал выкрикивать проклятия, обращаясь к пустой крыше.

Юного головореза, которого, по его мнению, не мешало бы немножко...подучить.

— Так мы его не поймаем, — недовольно сказал Патер, один из мальчишек.

Бренан Прус с ненавистью взглянул на него, заставив попятиться.

— Мы что, весь день будем торчать тут и орать на стенку? — спросил другой, приходя на выручку Патеру, поскольку без такого проявления солидарности разъяренный Бренан мог пустить в ход кулаки, как нередко бывало.

— Я хочу заполнить его, — ответил Бренан Прус тихо и угрожающе.

— Он же ребенок! — запротестовала девушка-эльфийка, стоящая с друзьями поодаль.

— Пошли отсюда, — предложил один из парней.

Бренан Прус сверкнул глазами на эльфийку, но кивнул в знак согласия, поднес возвращенный свисток к губам и пронзительно засвистел, созывая членов своей шайки.

Однако он тут же резко оборвал свист, и на лице его промелькнуло несколько любопытных выражений: сначала недовольство, потом замешательство, и наконец глаза его расширились от страха. Само лицо удивительным образом исказилось, и остальные — и его ближайšie приятели, и компания девочек — не сразу сообразили, что, как бы ни гримасничал Бренан, его губы не отделяются от свистка!

— Устричный клей! — завопил потрясенный Патер, и все вокруг разинули рты от удивления, да так и стояли, потом начали хихикать и наконец расхохотались.

Ибо это была правда. Паук, или как бы там ни звали маленького вора, коварно намазал свисток веществом, добываемым из определенной разновидности моллюсков из Моря Падающих Звезд, исключительно клейким составом, известным как устричный клей, достаточно безобидным, пока не соединится с водой или, в данном случае, с влагой на губах Бренана.

Бренан Прус сопел и хрюкал, тихонько посвистывая при этом в приклеившийся свисток, — к величайшему веселью зрителей.

— Давайте уведем его, — предложил Патер, хотя и сам не мог удержаться от смеха при каждом слове. — Нечего здесь торчать.

Бренан Прус заехал ему в зубы, свистнув при этом, хотя в качестве дополнительного наказания или нечаянно — сказать было трудно.

Несколькими днями позже Реджис прижался к стене спиной и глубоко вздохнул. Он напомнил себе, что специально довел конфликт до такой остроты. Это испытание, которое он выдержит. Все дни и ночи, прошедшие со времени похищения и порчи свистка, он просто водил шайку Бренана Пруса за нос по темным улочкам Дельфантла.

Но теперь, когда миг испытания был близок, вокруг него порхали черные крылья сомнений. Наверное, он слишком мал и слаб для этого. Несмотря на всю подготовку, постоянные упражнения и тренировки, тело его оставалось телом ребенка, да к тому же хафлинга!

Он услышал приближающиеся крики; они загнали его в угол, и в этом бедном районе на берегу великого озера не было высоких крыш. Он инстинктивно огляделся, ища пути к

бегству, но, хотя и заметил одну явную возможность, прогнал эту мысль прочь.

Он нарочно раздражил Бренана Пруса и остальных и привел их сюда.

Но он оставался ребенком, едва девяти лет от роду. Бренан был почти в два раза выше его и уж точно в два раза тяжелее.

— Ты можешь, — прошептал Реджис и подумал о Дзирте и Кэтти-бри, о Вульфгаре и Бреноре и о собственной роли в их компании. Конечно, порой и от него бывала польза, обычно случайно, но чаще он просто тащился сзади, отсиживался в тени, пока героические друзья защищали его.

Так больше не может продолжаться. Он не допустит этого.

Вопль неподалеку от пакгауза, где сидел маленький хафлинг, подсказал ему, что погоня близко, и он поднялся, отряхнулся и шагнул за угол навстречу своим преследователям.

Бренан Прус, бежавший во главе, резко затормозил.

Реджис и глазом не моргнул.

— Что, Паук, не нашлось подходящей стенки? — поинтересовался парень, немного шепеляво, поскольку поранил губы, отдирая от них свисток.

Реджис посмотрел налево, потом направо и пожал плечами, словно это не имело никакого значения.

— Думаешь, я тебя пожалею, потому что ты маленький?

— Ха, да дай ты ему хорошенько! — посоветовал кто-то из шайки. — Давайте все навалием ему как следует!

Пятеро подростков закивали и одобрительно загалдели.

Реджис собрался с духом и не доставил им удовольствия увидеть, как он нервно переминается или прочищает горло.

Хафлинг услышал, как сзади подбегает еще одна группа, возглавляемая девочкой-эльфийкой.

Бренан Прус шагнул к нему, огромный, словно гора.

— Попроси не убивать тебя, — потребовал он.

Но Реджис лишь смотрел на него пристально, не моргая, хафлинг даже сумел криво усмехнуться.

— Последний шанс! — объявил Бренан Прус и сгреб Реджиса за ворот — точнее, попытался, поскольку рука хафлинга взметнулась и отбросила лапу Бренана прочь.

— Крысеныш! — выкрикнул подросток, нанося жестокий хук слева и метя в голову Реджиса.

Но хафлинг, явно не застигнутый врасплох, быстро пригнулся и отскочил. Он знал, каким должен быть его ответный ход, он тысячу раз проделывал это на тренировках, но теперь понял, что не может.

Бренан Прус наседал, обрушив на него шквал ударов, хотя все они до одного были неуклюжими и неловкими, и Реджис снова и снова уворачивался от них.

— Он же маленький! — услышал он позади возглас эльфийской девочки. Она нравилась Реджису, и голос ее почему-то придал ему бодрости.

— Предупреждаю в первый и последний раз, — громко и неожиданно произнес Реджис, и вся болтовня разом стихла, даже Бренан Прус остановился и недоверчиво уставился на него. — До сих пор это была просто игра, — предупредил хафлинг. — Уходи.

— Что?

— Ты просто неуклюжий огр, — продолжал Реджис. — Однажды я уже выставил тебя

на посмешище перед твоими дружками. Хочешь повторить?

Бренан Прус издал странный сдавленный звук и ринулся на Реджиса, молотя кулаками. Но хафлинг тоже не стоял на месте, этот маневр он отработывал постоянно, днем и ночью. Он бросился противнику под ноги, сгруппировался и сделал подкат, и старший подросток, по инерции двигаясь вперед, попытался перешагнуть через него, чтобы не споткнуться.

Но в том-то и состоял фокус: пока Бренан Прус неловко перешагивал через свернувшегося клубком хафлинга, широко расставив ноги, Реджис извернулся, чтобы его затылок и плечи крепко уперлись в землю, и, выбросив кверху обе ноги, со всей силы впечатал их в промежность противника.

Бренан Прус издал вопль, потом захрипел и попытался отскочить, но Реджис принялся отчаянно брыкаться, молотя пятками по чувствительнейшей части тела своего врага.

Бренан Прус странно подпрыгнул и попытался проскочить боком. Защищая пах, он закрылся руками, безостановочно скуля. Однако было поздно, это знали и он, и его противник, и нога Реджиса ударила точно в цель, заставив парня приподняться на носках и даже немного подбросив его в воздух.

Реджис сгруппировался и снова перекатился, зацепив при этом неустойчиво отставленную ногу Бренана Пруса, который, хватая ртом воздух и пошатываясь, пытался отойти в сторону. Хитрый маленький хафлинг воспользовался принципом рычага и с силой рванул другую ногу Бренана Пруса вперед и вверх.

Подросток рухнул на землю.

Реджис развернулся и прыгнул на поверженного врага, с маху обрушившись коленями тому на поясницу.

Он подобрался к волосатой голове парня и уже почти ухватился за нее, но его схватили за ноги и с силой отшвырнули в сторону. Теперь он извивался и отбивался кулаками, дрался и царапался, но мальчишка, сидевший на нем верхом, был слишком сильным и тяжелым. Сверху обрушился здоровенный кулак, и Реджис вскинул руку, защищаясь, но удар был так силен, что пробил защиту и, угодив хафлингу в нос, заставил того распластаться на земле.

— Он же маленький! — взвизгнула эльфийка.

Но в ответ Бренан Прус, задыхаясь, голосом, исполненным боли, приказал:

— Убей его!

Внезапно все происходящее перестало быть игрой или дракой молодняка за лидерство, ибо за этими словами Реджис безошибочно расслышал смертный приговор.

Он недооценил эту шайку, не представлял, насколько жестокими могут быть улицы Дельфантла.

Он попытался вырваться и убежать, но снова был пойман за ноги и закрутился волчком от нового удара — или, точнее сказать, мир закружился вокруг него.

Он почувствовал, как его подняли на ноги, потом в воздух, и могучий удар Бренана Пруса выбил из него дух.

Периколо Тополино постучал тростью с наконечником из слоновой кости по прилавку, привлекая внимание торговки рыбой. Узнав хафлинга, она выпрямилась, словно по команде «смирно».

— Дедушка, — неуклюже поклонилась она в знак приветствия.

— У вас хороший выбор глубоководных устриц, — заметил обходительный хафлинг.

— Д-да, Дедушка, — заикаясь, ответила она. — Свежайшие. Только сегодня получили.

— Корабли сейчас на Песчаных отмелях, охотятся за окунем, — сказал Периколо.

Разумеется, он не удивился, увидев устрицы, равно как и не сомневался в их свежести.

В конце концов, информаторы направили его сюда, и как раз по этому поводу.

Торговка же заикалась, будто ее приперли к стенке.

— Значит, частный ныряльщик, — рассуждал Периколо. — И хороший, судя по всему.

— Да, Дедушка.

— Ты была здесь на днях, когда на той стороне улицы началась такая суматоха? — любезно осведомился Периколо. — Тогда еще свистели без конца?

— Ах да, — ответила она, кивнув и выдавив из себя улыбку. — Я лично отдираала свисток от губ Пруса. Бедный мальчик.

— А тот, за кем гнались? — спросил Периколо. — Тот, которого зовут Паук?

Торговка рыбой с любопытством посмотрела на него.

— Ах да, конечно, — уточнил хафлинг, — я же сам дал ему это прозвище, так что ты не можешь знать его.

— Хафлинг?

— Да, хафлинг. Тот, что взобрался на крышу. Надеюсь, ты его знаешь.

Женщина вдруг сделалась очень озабоченной, она непроизвольно бросила взгляд на устрицы и дотронулась до них рукой. Воистину, этот маленький хафлинг, это существо по прозвищу Паук, весьма ценен для нее, догадался проницательный Периколо.

— Назови мне его имя.

— Паук, вы же сами сказали.

— Его настоящее имя, — уточнил Периколо, добавив к тону легкий оттенок угрозы.

— Понятия не имею, — вздохнула она. — Не знаю даже, есть ли оно у него вообще, поскольку его папаша не из тех, кто думает о такой ерунде.

Периколо прищурился.

— Он сынок Эйвербрина, — выпалила она.

— Эйвербрина?

— Эйвербрин Паррафин. Сын его и Джоли, да только она умерла в родах.

— Паук?

— Ну да.

— Так он и есть этот глубинный ныряльщик?

— Да, похоже на то, как и его мать.

Периколо Тополино кивнул ей и отвернулся, обдумывая информацию, и хотя он не обращал на торговку ни малейшего внимания, но услышал, как она глубоко и облегченно вздохнула. Ему нравилось, что люди так реагируют на него.

Будучи едва четырех футов ростом, он обладал способностью вызывать подобную реакцию почти у всякого в Дельфантле, да и во многих других местах великого Агларонда тоже.

— Положи мне устриц вот сюда, в корзинку, — приветливо сказал хафлинг и полез за кошельком с монетами. Он щедро заплатил торговке за товар. Таков уж был обычай Периколо Тополино — вызывать страх, смешанный с благодарностью, ибо он тот, кого должны бояться и любить.

Такой уж он был.

Все пошло не так, как он планировал. Свой трюк с Бренаном Прусом он исполнил правильно, и старший парень до сих пор пошатывался, ступал осторожно, на цыпочках и морщился при каждом шаге, едва удерживаясь, чтобы не зажимать рукой свою пострадавшую промежность.

Но парень пришел, разумеется, не один, и, несмотря на протесты эльфийки, Реджис оказался в значительном меньшинстве. Хуже было другое, и если с побоями он мог еще примириться, то теперь речь шла уже не об этом.

Они хотели не унизить его.

Не причинить ему боль.

Нет, они пытались убить его.

Двое мальчишек ухватили его за лодыжки и, как он ни извивался и ни дергался, держали его ноги раздвинутыми настолько, чтобы Бренан Прус смог ребром ладони с маху рубануть его в пах, так что у маленького хафлинга перехватило дыхание.

— Что, Паучок, больно? — с издевкой спросил его враг и ударил снова.

Конечно, это было больно, но не настолько, как Реджис воображал. В конце концов, он был совсем ребенком, и это уязвимое место не стало у него еще таким чувствительным, каким станет в дальнейшем.

Однако это было слабым утешением, учитывая, что избиение только начиналось.

Реджис расплакался и обмяк, бессильно опустив руки.

Пощады, однако, ждать не приходилось, и Бренан Прус отступил на шаг и занес ногу, чтобы с маху пнуть хафлинга в лицо.

Реджис выжидал, наблюдая исподтишка, и, когда нога противника начала двигаться, он запрокинул голову и, насколько смог, выгнулся дугой.

Бренан Прус промахнулся, и Реджис проворно изогнулся в пояснице в обратную сторону, подняв голову и бросив взгляд поочередно на лица тех двоих, что держали его за ноги. Руки Реджиса взметнулись, и распрямленные средние пальцы с силой вонзились в носы обоих мучителей. Один из них завопил и выпустил свою жертву, зажав ладонью пострадавший нос.

Реджис дернулся в другую сторону, и второй мальчишка, застигнутый врасплох, потерявший равновесие и тоже с поврежденным носом, не смог его удержать.

Хафлинг исполнил великолепное сальто, приземлился на ноги и что есть мочи припустил к близкому берегу.

Позади вопил Бренан Прус, и Реджис вскоре услышал за спиной топот. Враг и его дружки приближались. Юный хафлинг с плеском плюхнулся в воду и нырнул — и почти уже ушел от погони, но, увы, сильная рука ухватила его сзади за ворот.

Его выдернули из воды, и в лицо ему уставились ненавидящие глаза униженного им подростка. Рассмеявшись коротко и зло, Бренан Прус сунул его обратно под воду и держал там.

Реджис отчаянно сопротивлялся. В какой-то момент он смог высунуться из-под воды и услышал, как кричит эльфийская девочка, и стал молить небо, чтобы она оказалась его

спасительницей. Однако даже в эти мгновения ему не удалось приподнять лицо над водой, чтобы глотнуть воздуха.

Бренан Прус не выпускал его.

Реджис сопротивлялся еще довольно долго. Наконец он забился в последней отчаянной и совершенно безнадежной попытке освободиться.

Потом он обмяк и предоставил своему врагу и волнам делать со своим телом что угодно. И все же Бренан Прус продолжал удерживать его под водой; не могло быть сомнений, что подросток намерен убить его.

Реджис не сопротивлялся. Он знал, что может находиться под водой долго-долго. Собирая устрицы для отца, он мог нырять и на пятьдесят, и на сто футов и подолгу оставаться на дне.

Он и в самом деле был глубинным ныряльщиком, хоть и не знал, каким образом и почему. Разумеется, в прошлой жизни он не мог нырять так глубоко, и уж точно в той жизни он в такой ситуации не прикидывался бы, а был бы уже по-настоящему мертв.

Старший подросток наконец-то отпустил его, отпихнув на глубину. Реджис повернул голову, совсем чуть-чуть, чтобы слышать крики эльфийки, обвиняющей парня в явном убийстве, и резкий ответ Бренана Пруса, отрицающего это. Он слышал, как зашлепали по воде уходящие прочь подростки, и почувствовал, как отлив увлекает его за собой.

Так он плыл, лицом вниз, расслабляясь в манящих объятиях покачивающей его воды.

Он широко улыбнулся, хотя никто с берега, само собой, не мог видеть этого, ибо хафлинг свершил свое отмщение и, более того, сразился с собственными страхами. Выбил пятками барабанную дробь на мошонке Бренана Пруса.

Он посмотрел в глаза неуверенности и оказался на высоте в поединке со страхом. Да, он едва не поплатился жизнью за свое «мужество», и действительно, лишь удача — эта странная способность задерживать дыхание — спасла его, но в тот момент это не имело для Реджиса значения.

Он встретился со своими страхами и победил их. Он добровольно ввязался в бой, на самом деле даже спровоцировал его, не имея, казалось бы, никаких шансов. Возможно, он не победил своих врагов, зато уж точно победил собственный страх, что, разумеется, было самым главным.

Реджис подумал о Дзирте и о других Компаньонах из Мифрил Халла. Он вспомнил, какую роль слишком часто играл в этой группе — обузы либо беспомощного маленького хафлинга, нуждающегося в защите.

— Но не в этот раз, — пробулькал он, ощущая щекочущее прикосновение всплывающих воздушных пузырей. — Не в этот раз!

Глава 9. Зибрийя

Год Первого цикла

(1468 по летоисчислению Долин)

Незерил

Беззвучная как тень сова, скользящая по небу, наблюдала за двумя десаи, Нираем и Кавитой, бредущими по темной равнине сквозь пустынную ночь. Эти двое жались друг к другу, ища поддержки, явно оглушенные поразительными открытиями, совершенными этой ночью. Они пошатывались, и им никак не удавалось идти прямо.

Но они поддерживали друг друга, и это хорошо, понимала Кэтти-бри. Их семья распалась, и эти двое в будущем понадобятся друг другу. Владующее трансформацией дитя спустилось на землю и снова приняло иной облик, на этот раз воспользовавшись волчьим телом.

Волк прыжками устремился в темноту, параллельно бредущим людям, потом обогнал их и побежал впереди, проверяя, свободен ли путь, чтобы никакие звери или чудовища не напугали эту расстроенную пару.

Вскоре Кэтти-бри заметила, что они стали держаться ровнее и меньше склонялись друг к другу; похоже, в них зрела какая-то внутренняя решимость.

Она отбросила свою маскировку, когда родители, не замечавшие ее присутствия, смогли видеть лагерь десаи.

Они снова были дома и в безопасности — пока.

Но что будет, когда незересы заявятся снова, разыскивая Рукию?

Кэтти-бри отступила обратно в пустоту ночи, опять ребенок, девочка, маленькая Рукия. Только теперь она поняла, что тоже нетвердо стоит на ногах. Ее дом распался на части, и безопасности, которую обеспечивали родители — пусть даже новые родители, ставшие ими при весьма необычных обстоятельствах, — больше не существует.

И любовь осталась где-то вдали.

Да, любовь, поняла девочка. Она действительно полюбила Нирая и Кавиту. Хотя она и нуждалась в них куда меньше, чем могло бы их настоящее дитя, но любила их так же нежно, как родной ребенок. Она не планировала покидать их так рано. По правде говоря, она надеялась оставаться в их доме лет до пятнадцати, пока не придет пора отправляться в Долину Ледяного Ветра.

Но теперь — что она могла поделать? Она обернулась и оглядела простирающиеся вокруг бескрайние пустоши, Незерилскую империю, в прошлом великую пустыню Анаврок.

— Не бойтесь за меня, мои родители. — Она повторила слова, сказанные ею на прощание, на этот раз для того, чтобы придать уверенности самой себе. — Я иду с богиней, и путь мой хорошо мне известен. Мы еще встретимся.

Ее слабенький голосок зазвучал над пустынной равниной, тихий детский шепот. Ибо Кэтти-бри понимала, что она в беде, одна среди диких земель Незерила, и за ней по следу

идут опасные охотники из Анклава Теней. В палатке она уничтожила двух ассасинов. Тогда ее спас лишь счастливый случай. Еще до их прихода она вызвала бурю, используя заклинание, требующее довольно много времени, чтобы пролился очищающий дождь. Не надумай она заранее создать грозные облака, не было бы и сокрушительной магии молний у нее наготове.

Другие ее заклинания — стая летучих мышей и магические заряды, даже огненный столп — не справились бы с этими двумя, и та магия была самой сильной из всего, чем она располагала.

Девочка поддернула кверху рукава и взглянула на свои руки. Символ Миликки дал ей силу вызывать бурю и перевоплощаться в животных. Возможно, она могла бы стать медведем и сразиться с ассасинами.

Эта мысль не слишком успокаивала. У превращения в животных были свои ограничения, сообразила Кэтти-бри, как по времени, так и по эффективности. Нет, без готовой бури над лагерем лучше, что она смогла бы сделать, это отвлечь и поранить ассасинов своими мышами, обжечь их магическими зарядами и огненными трюками, а потом превратиться в сову, бросив мать умирать, а отца — на милость убийц.

Мысль об умирающей матери напомнила ей о других ее способностях — об исцеляющем тепле Миликки. Несомненно, Кэтти-бри понимала, что в этом отношении она наделена большой силой, не меньшей, чем давние последователи богини или даже жрицы. Дни тесного общения с богиней в Ируладуне стали тому причиной.

Она взглянула на другую руку, на магический шрам, напоминающий символ Мистры. В своей прошлой жизни она основательно готовилась, пока упавшие нити Пряжи не повредили ее разум, но к моменту своего ухода она почти ничего не смыслила в Искусстве и в лучшем случае оставалась на уровне начинающего. Она могла жалить магическими зарядами или разлить по земле жир под ногами у наступающего врага, но ее возможности оставались жестко ограниченными, и, хуже того, ей не под силу было расширить свои познания в магии без учителя, наставника.

Она снова оглядела пустую равнину и глубоко вздохнула. В прошлой жизни она была грозным воином, но даже сумеет ли она восстановить эти боевые навыки и обучить свое тело двигаться так же, как прежде, какая сила и скорость могут быть у ребенка? Уж явно недостаточные, чтобы скрестить клинки с опытным ассасином, да даже и с новобранцем!

Кэтти-бри кивнула, поняв послание Миликки, переданное ей через хитросплетения ее собственных рассуждений. Ей нужно спрятаться. Богиня защитит ее от зверей темной незерилской ночью, но она почти бессильна против исполненных решимости убийц из Анклава Теней.

При этой мысли Кэтти-бри уселась на землю и уставилась на звезды, ее маленькие губы шевелились, бормоча проклятия. Она покинула Ируладун, исполненная надежды и решимости, уверенная, что отыщет своих друзей и Дзирта и вместе они победят. Ни тени сомнения не шевельнулось в ее душе, когда она устремилась навстречу свету реинкарнации.

Но теперь она узнала правду. Доберется ли она хотя бы до Долины Ледяного Ветра? Сумеет ли выжить на протяжении еще пятнадцати лет, а если даже сумеет, то отыщет ли свой путь в этом запутанном и опасном мире? Сумеют ли Бренор и Реджис?

Внезапно дело, в которое они ввязались втроем, представилось безрассудной затеей, прыжком с высокой скалы в мелкую воду.

— Миликки ведет меня, — прошептала она в пустоту ночи.

Где-то вдалеке завыл волк.

Но она знала, что этот вой — не о ней. Мир велик, слишком велик, а она — всего лишь маленький ребенок посреди пустынной и опасной равнины.

Десятью днями позже Кэтти-бри снова летела сквозь ночь в облике совы. Паря в невидимых потоках, она кружила над лагерем десаи. Среди палаток сновали люди; в воздухе разливалось почти осязаемое напряжение, и среди общего шума время от времени раздавались протестующие крики.

Она поднялась выше, над светом факелов, и внимательно прислушалась, уловив наконец голоса, звучащие с чужеземным акцентом. Одновременно она услышала голос Нирая.

Кэтти-бри спикировала вниз и уселась на центральный столб ближайшей палатки, на виду у вождей десаи, своих родителей и небольшой группы теней.

Теней!

Вскоре она поняла, что разговор идет о ней, о неприятном происшествии, после которого два незересских агента остались лежать мертвыми у входа в обгоревшую палатку.

— Рукию! — потребовал один из незересов.

Окажись кто-нибудь поблизости, он удивился бы, услышав, как сова судорожно втянула клювом воздух.

Кэтти-бри выбрала себя, напомнив, что, дав себя обнаружить, окажет плохую услугу тем десаи, что были сейчас перед нею.

Кавита расплакалась.

— Она умерла, — запричитал Нирай. — Моя маленькая красавица мертва! Гнев Н'асра обрушился на нее! — Он отвернулся и обнял жену, крепко прижав ее к себе.

— Пойдешь с нами! — сказала одна из теней, и крепкий тифлинг шагнул к Нираю. Кэтти-бри, сидящей на палатке, пришлось бороться с искушением вернуть себе человеческий облик, обрушить на тифлинга магию — любую! — и отшвырнуть его прочь, но она еще даже не успела начать внутреннюю борьбу с собой, как трое десаи, три гордых воина, включая султана племени, встали на пути тифлинга.

— Его ребенок мертв, господин Тримайн, — сказал султан. — Убит тем же ударом молнии, что и ваши агенты.

Что еще вы хотите узнать у этого человека?

— Это лишь ваши слова, — ответил тифлинг-шейд.

Султан отступил и жестом пригласил его к выходу:

— Я покажу вам.

Группа из нескольких десаи и незересов двинулась прочь. Кэтти-бри выждала несколько мгновений, наблюдая за родителями, которые остались в лагере и стояли обнявшись и всхлипывая.

В самом деле?

Чуткие уши Кэтти-бри расслышали шепот. Это Нирай говорил Кавите, что она хорошо сыграла свою роль.

Девочка не знала, как все это понимать. Она устремилась в ночь и быстро нагнала незересов и султана, уже покинувших лагерь и направлявшихся к небольшому кладбищу в

стороне от поселения.

Сова опустилась на дерево, разглядывая группу. По телу Кэтти-бри разливалась усталость. Она чувствовала, как слабеет магия шрама, предупреждая, чтобы она улетала прочь. Но она не могла. Не теперь, поскольку десаи начали раскапывать одну из могил. Вскоре они достали туго спеленатое маленькое тельце.

— Рукия, — пояснил правитель и осторожно размотал головную ленту погребального покрывала, открыв лицо маленькой девочки, умершей совсем недавно.

И снова сова судорожно глотнула воздух: Кэтти-бри знала эту девочку, на пару лет старше ее. Она умерла за пару десятков дней до ее сражения с незересами.

— Могила свежая, — подтвердил один из незересов остальным.

— Зачем вы ищете ее? — спросил султан десаи. — Для чего маленькой девочке...

— Тихо! — рявкнул Тримайн, здоровенный тифлингшейд. Он повернулся к своим подручным, и они отошли в сторонку и начали шепотом совещаться, тайно, как им казалось, — но совиным слухом Кэтти-бри улавливала сказанное ими.

Она разобрала имя «Ульфбиндер» и слышала, как они сообща решили, что, как бы ни важна была Рукия, теперь все кончено и это уже не имеет значения.

Лишь теперь Кэтти-бри начинала до конца понимать, что ее народ только что сделал для нее. Люди пошли на огромный риск, сговорившись обмануть незересских правителей. Племя встало как один, чтобы защитить ее, защитить Нирая и Кавиту.

Переполюнявленная благодарностью, ошеломленная любовью к ней и ее семье, о которой говорил этот поступок, Кэтти-бри едва нашла в себе силы улететь. Но она знала, что должна сделать это, поскольку магия ее двоюродного дяди, меняющего облик, быстро ослабевала.

Улетая прочь от лагеря, она подумывала, не вернуться ли назад к родителям, — в конце концов, незересы считают, что Рукия умерла, — но понимала, что этим подвергнет всех десаи смертельной опасности. Если незересы явятся за Кэтти-бри и найдут ее, то уничтожат и ее, и всех, кого она любит.

Отлетев подальше, она снова стала маленькой девочкой. И заплакала.

— Они ее похоронили, — сказал Тримайн Пэрайсу Ульфбиндеру, когда его поисковая партия вернулась в Анклав Теней.

— Вместе с Алпирсом Де'Нутессом и Унтарисом?

— Они не хоронят наших мертвецов. Завернули их в тряпки и бросили на солнцепеке. Говорят, знали, что мы придем за ними. — Гнев тифлинга возрастал с каждым словом. — Они должны были доставить их к нам! Нет, они вообще не смели к ним прикасаться!

— Ты сказал, Алпирс и Унтарис были убиты ударом молнии, — спокойно заметил лорд Ульфбиндер. — Просто молнии, когда над тем местом бушевала гроза.

— Следовало бы наказать их. Нужно наказать их, — распалился Тримайн, словно не слыша слов хозяина. — Дайте мне власть, и я покончу с племенем десаи. Прикажите, и я перебью их всех!

Пэрайс Ульфбиндер скептически посмотрел на дюжего вояку и медленно покачал головой.

— Ступай, — негромко бросил он.

Тифлинг широко осклабился.

— Ничего подобного! — одернул лорд Ульфбиндер. — Никакой мести, которой ты так жаждешь! Оставайся в городе. Забудь про десаи. Это не твое дело.

— Но, лорд...

— Не твое дело! — раздраженно рыкнул Ульфбиндер. С отвращением покачав головой, он жестом приказал скудоумному воину удалиться. Племя десаи было немаленьким, и для нападения на него понадобились бы значительные силы. И что в итоге? Подобное решение наверняка спровоцировало бы большое восстание, а это, в свою очередь, вынудило бы Пэрайса держать ответ перед правителями Незерила.

Он представил себе эту встречу, и по спине у него пробежала дрожь. Достаточно просто упомянуть «Тьму Черлриго» и всякие теории насчет Абейра-Торила — и его просто втопчут в грязь.

И все-таки история, рассказанная возвратившимися разведчиками, представлялась ему слишком гладкой. По простому совпадению молния, порождение самой что ни на есть натуральной бури, убила Алпирса Де'Нутесса и Унтариса, едва они приблизились к этой малютке Рукии? И заодно сразила и ее тоже? Сказка, придуманная десаи.

Слишком удобно.

— Тримайн! — окликнул он тифлинга, как раз выходявшего из комнаты. Воин оглянулся через плечо, и лорд Ульфбиндер приказал: — Пригласи сюда леди Авельер, немедленно.

Мгновение тифлинг озадаченно смотрел на него, потом поспешно вышел.

Обдумав свое импульсивное решение, Пэрайс кивнул сам себе. Авельер в сложившихся обстоятельствах представлялась наилучшим выбором. Она талантливая провидица и может говорить с мертвыми. И, как и все в Анклаве Теней, способна распознавать магию. Если, как подозревал Пэрайс, эта необычная маленькая девочка все еще находится где-то там, Авельер найдет ее.

— Рукия! — задохнулась Кавита, словно ее ударили под дых. Она вскочила со стула, едва не опрокинув его, и кинулась к входному пологу, где стояла и смотрела на нее ее дочь.

Кэтти-бри не стала поправлять ее — какой смысл повторять свое настоящее имя? — и с готовностью бросилась к матери, и та едва не задушила ее в своих объятиях. — Мы думали, что никогда больше тебя не увидим!

— Я тоже так думала, — призналась девочка. — Но мне ужасно вас не хватало!

Кавита расцеловала ее, прижала к себе и закружила в счастливом танце, продолжавшемся до тех пор, пока у обеих не закружилась голова.

— Я видела, что вы сделали, что все племя сделало, когда явились незересы, разыскивающие меня.

Кавита с любопытством взглянула на нее.

— Я была неподалеку — та сова, что улетела от вас в потайном саду, — пояснила девочка.

— Моя Зибрийя! — По лицу Кавиты струились слезы, и она снова крепко обняла Кэтти-бри — та не стала возражать.

— Зибрийя! — грустно повторил ее прозвище другой голос, и в палатку вошел Нирай. Мужчина кинулся к жене и дочке и, подхватив обеих, повалил на кровать. — Зибрийя, ты пришла домой!

Слабая улыбка Кэтти-бри говорила о том, что у этого счастливого события есть свой срок, и оба ее родителя заметили это.

— Ненадолго, — сказала она. — Это небезопасно для вас... и для меня, — быстро добавила она, когда упрямый Нирай начал возражать.

— Но ты вернешься? — спросила Кавита.

Этот вопрос обжег Кэтти-бри. Она знала, что не должна делать этого, не должна быть здесь. Не сейчас. Она возвратилась на Фаэрун ради одной-единственной цели, не имеющей ничего общего ни с племенем десаи, ни с этими людьми, которые на самом деле не были ее родителями. Она не могла позволить себе так отвлекаться и рисковать. Но она любила их, нежно, так же, как любила...

Кэтти-бри с трудом сглотнула и решительно выдохнула, напоминая себе, кто она такая и как и для чего вернулась.

— У меня все хорошо, — заверила она родителей. — И я благодарна вам за то, что вы и десаи сделали для меня, одурачив незересов.

— Зибрийя! — воскликнул Нирай. Кэтти-бри понимала, отчего он так печален. Она была его ребенком, а какой родитель не сделает то же самое, защищая свое дитя?

— Меня зовут Кэтти-бри, — поправила она, потому что так было нужно, поскольку, не сумей она держать свои чувства в узде, ей никогда не хватило бы мужества вновь покинуть лагерь, а она знала, что должна сделать это.

Кавита прижала ладони ко рту.

— Рукия, — упорствовал Нирай.

Маленькая девочка расправила плечи, но, посмотрев на Кавиту, должна была уступить. В конце концов, что за беда?

— Рукия, — согласилась она. — Но Зибрийя мне тоже нравится.

Улыбка вернулась на лицо Нирая, и он снова поотцовски сильно притянул ее к себе. Кэтти-бри не сопротивлялась; по правде говоря, ей было тепло и покойно в его сильных объятиях.

Ей не хотелось уходить, но она должна была. Она мечтала вернуться, но по какой причине?

— Вы же маги, — сказала она вдруг.

Нирай отстранился и взглянул на жену.

— Вы оба, — продолжала Кэтти-бри. — Я видела. Видела, — обратилась она к Кавите, — как ты пользуешься магией, когда хлопчешь по хозяйству.

— Кавита! — сердито воскликнул Нирай, но гнев его был явно наигранным.

— Наверное, ты унаследовала наши способности, и изза этого у тебя и появились твои странные шрамы, — предположила Кавита, и Кэтти-бри кивнула, хотя и знала, что это не так: ее шрамы появились в другое время и в другом месте — заслуженные, доставшиеся дорогой ценой.

— Значит, вы признаете, что вы маги. — Она не столько спрашивала, сколько утверждала. — Вы практикуете Искусство?

Взрослые переглянулись, и Нирай сурово взглянул на нее.

— Никогда никому не говори об этом, — тихо велел он. — Незересы не позволяют

бединам обладать такими силами.

Кэтти-бри кивнула и улыбнулась.

— Я маг, — объявила она.

— Ты имеешь в виду, жрица, — поправил Нирай.

— Скорее, друид, — заметила Кавита.

— И то и другое, отчасти, — ответила Кэтти-бри. — И маг. Во времена Магической чумы я изучала магию, когда Пряжа оборвалась.

Ее отец и мать тяжело сглотнули.

— Я только начинала учиться, — пояснила она, — и возможности мои были — и остались — поистине скромными: немножко малых заклинаний, немножко фокусов. Сейчас даже меньше, чем тогда, когда я была больна, потому что не могу вспомнить многое из того, чему научилась.

— Например, огненную стрелу, от которой ассасин испарился из собственных башмаков, — с иронией заметил Нирай.

— Дар магического шрама, а не магическая стрела, — заверила она его. — Большую часть жизни я провела с мечом и луком в руках, пока меня не ранили в бою. И тогда я обратилась к магии.

Кэтти-бри умолкла, понимая, что поражает их. Сначала она заявила, что не приходится им дочерью. Потом улетела от них в облике совы. А теперь чуть ли не в открытую утверждает, что она не только не их ребенок, не только не ребенок вообще, но что она лет на сто старше каждого из них! Она спрашивала себя, разумно ли сообщать им какую-либо правду о себе, ибо какое нежелательное любопытство может возбудить это долгое повествование?

Но потом она заглянула в темные глаза Кавиты, и ее сомнения растаяли. Это ее мать, какими бы странными ни были обстоятельства ее повторного рождения. В этих темных глазах не было ничего, кроме любви к ней.

Ничего, кроме слез, разумеется; и Кэтти-бри не хотела видеть эти слезы. Никогда.

— Я только приступила к серьезным занятиям, когда началась Магическая чума — и поразила меня, и, увы... — Она умолкла. — Но обо мне хорошо заботились, — почти сразу добавила она, движимая инстинктивным желанием помочь своим обожаемым родителям преодолеть боль от крушения надежд и горе от потери единственного ребенка. — Быть может, вы слышали про леди Аластриэль из Серебристой Луны?

Нирай и Кавита снова переглянулись, на лицах их было написано сильнейшее замешательство.

— Я маг, но совсем начинающий. Вы оба искусные маги. Станете ли вы учить меня Искусству? — спросила Кэтти-бри, возвращая их к насущному вопросу.

— И тогда ты не покинешь нас? — спросил Нирай.

— Я буду возвращаться так часто, как только смогу, — услышала Кэтти-бри свои слова и едва могла поверить сама себе.

Но она имела в виду именно это.

— Умный ребенок, — сказала юная заклинательница Иерика леди Авельер, своей более

опытной наставнице.

Авельер было чуть больше сорока, но выглядела она прекрасно – изумительно моложавой, со светло-серыми глазами и пышными каштановыми волосами, рассыпавшимися по плечам. Ей и ее помощницам не составило труда отыскать этого загадочного ребенка из племени десаи, Рукию. Сначала они направились к могиле — предположительно, Рукии, — и простейшее заклинание, позволяющее разговаривать с мертвыми, открыло им истину: труп внутри могилы не был телом девочки, которую они искали.

Духи умерших Унтариса и Алпирса в общих чертах поведали им о схватке в лагере десаи — и это была действительно схватка, в которой ребенок, маленькая девочка по имени Рукия, явно оказался сильнее.

Вскоре после этого леди Авельер и ее подопечные стали очевидцами проявления той самой магии, уничтожившей двух незерилских агентов, когда впервые сумели засечь Рукию в прорицающем пруду. Ее образ и небо к востоку от них вдруг ослепительно вспыхнули от разряда магической молнии.

— Она не боится молнии, — заметила Иерика, — потому что сама вызывает ее.

— Магия друидов, — согласилась другая ученица, Риалле, как и Иерика, едва вышедшая из подросткового возраста. — Как и ее превращения.

Леди Авельер, педантичная как всегда, впитывала все это, пытаясь составить некоторое представление об этом необычном ребенке. Лорд Ульфбиндер, ее дорогой друг Пэрайс, не преувеличивал; теперь она поняла и, конечно, понимала и его интерес! Прежде всего она была учителем, обучала исключительно женщин: Иерику, Риалле и еще трех, доставленных ею на равнины Незерила. Она гадала, каковы могут быть намерения лорда Пэрайса насчет этого ребенка; разве не великолепно было бы присовокупить эту чудесную маленькую Рукию к ее дому магии?

Полыхнула очередная огненная стрела, и от раскатистого грома вздрогнула земля под ногами.

— Берегитесь, когда это дитя поливает свой садик, — со смехом заметила беспечная Риалле, и остальные присоединились к ней, все, кроме леди Авельер, которая напряженно следила за девочкой и ее танцем с помощью магии прорицающего пруда, размышляя о том, чему она могла бы научить ее, а главное — чему сама могла бы научиться у этого ребенка.

Но сначала, разумеется, нужно поймать ее.

Год Горящего Великолепия

(1469 по летоисчислению Долин)

Незерил

Несколько месяцев спустя Кэtti-бри парила в восходящих потоках теплого воздуха в облике огромного ястреба высоко над темно-коричневыми песками Незерила. День был

ясным и безоблачным, и под нею простирался целый мир. Она видела змеящуюся реку, которая серебристо блестела в лучах солнца, прокладывая путь к небольшому озеру далеко на северо-западе.

Прямо на севере виднелись далекие очертания Анклава Теней с темными башнями и высокими стенами, целого города, парящего над равниной на перевернутой каменной скале. Из всего, что повидала Кэтти-бри, от таинственных узоров Мензоберранзана до шпилей Серебристой Луны, ничто не могло сравниться с тем, что находилось сейчас вдалеке перед нею. Это место не задевало чувств, но, безусловно, Анклав Теней интриговал, вызывая любопытство и тревожное ощущение неправильности. Каким бы великолепным и невероятным ни было это зрелище, Кэтти-бри не задерживалась на нем.

Палатки десаи сияли белизной на западе. Она представила, как племя живет своей обычной жизнью. Она подумала о родителях и напомнила себе, что в ближайшие десять дней обязана снова повидаться с ними. Она с нетерпением ждала этой встречи; Кавита научила ее нескольким действенным заклинаниям, позволяющим управлять огнем и создавать его.

Эта мысль тоже задержалась ненадолго. Не здесь, не наверху, когда она ястребом скользит в теплых воздушных потоках. Мир казался совсем другим с этой высоты и с этим новым знанием, открывшимся ей. Кэтти-бри вновь посмотрела на реку, потом на запад, где собирались черные тучи. Она даже могла различить опускающуюся темную завесу хлынувшего ливня. Совершенство природного замысла ошеломило ее, ибо даже простейшие механизмы мироустройства были прекрасны. Выпадет дождь, побегут реки, и восходящее тепло вновь подымет влагу в воздух, очищая ее, чтобы она могла пролиться и снова напоить растения и живых существ.

Весь цикл Миликки мысленно представился ей, пока она широко простирала крылья, взмывая вместе с ветром. Жизнь, смерть, непрерывность времени и пространства.

Цикл, и внутри него великое колесо цивилизации, перекатывающееся столь медленно.

Теперь она могла вернее оценить прожитую жизнь, роли, которые ей довелось сыграть, и то, что она и ее великолепные друзья совершили ради этих славных людей вокруг.

Воистину, то была замечательная жизнь, полная радости, и приключений, и смысла.

Но... незавершенная.

Эта мысль заставила ее вспомнить Дзирта. Она не видела его столько лет, хотя за все эти годы ее любовь к нему ничуть не угасла. Она помнила его объятия, мягкость его поцелуя, нежную силу его рук.

Она, Бренор и Реджис вернулись, надеясь снова встретиться с Дзиртом, когда они соберутся все вместе в назначенную ночь, но это не было божественно предначертано. Кэтти-бри знала, что никаких гарантий нет. Сумеют ли все трое выжить в эти первые два десятилетия их второго детства, чтобы прибыть в Долину Ледяного Ветра?

А даже если и сумеют, нет никакой уверенности, что Дзирт окажется где-нибудь неподалеку от Пирамиды Кельвина, что он вообще будет еще жив.

Девочка вспоминала время, проведенное в Ируладуне, свои танец и песню. Она молила Миликки даровать ей уверенность, но богиня не в силах была сделать это. Это было невозможно, потому что в великом театре мира действие идет по собственным законам; актеры в нем — не просто марионетки под управлением богов. Они — Кэтти-бри, Бренор и Реджис — не были орудием в руках Миликки, не находились под ее покровительством, равно как и Дзирт, — во всяком случае, в прямом смысле. Если незересы обнаружат Кэтти-

бри и убьют ее, значит быть по сему. Если дубина огра размозжит Дзирту череп — что ж, да будет так.

Миликки вмешалась лишь один раз, перед лицом величайшей катастрофы, вызванной Магической чумой, и смятения, охватившего пантеон. Богиня предложила Кэтти-бри великие дары — силу своего магического шрама и, разумеется, само возрождение. И дала шанс Реджису и Бренору.

Но и только, всего лишь шанс. Неудача погубит их. Слишком сильная вера в некое вмешательство богини погубит их. Неосторожность погубит их.

Да что там, даже простая случайность может погубить любого из них — или их всех.

Миликки сделала все, что могла, создав Ируладун, но это было вовсе не главное; Кэтти-бри ясно понимала это с высоты своего полета, где перед нею простирался бескрайний мир, где великолепный, сложнейший механизм мироустройства потряс ее своей красотой и величием.

Заклучив сделку с Миликки, они вновь стали смертными, как и Дзирт, — если даже он остался в живых!

Ируладун исчез, и условия сделки изменить нельзя.

Невезение может погубить их.

Ястреб тряхнул головой, принимая человеческий облик, поскольку магия шрама полностью истощилась.

И теперь это снова была Кэтти-бри, в лиге над землей, в воздухе, и ее человеческие руки не могли поймать воздушные потоки. Мир словно закружился вокруг нее, и она камнем полетела вниз.

Невезение может погубить их.

Рубящий удар сверху прилетел как по писаному, до боли предсказуемо для опытного бойца.

Бренор понял, что испытывает просто-таки отвращение, настолько скучным оказался его противник. Это был лучший ученик из его тренировочной группы.

И все же обманное движение Бренора было очевидным, и мысль о том, что подросток с такой готовностью проглотит наживку...

Бренор легко увернулся от удара сверху, одна его рука скользнула на середину боевой палки — сегодня это были просто прямые колья — и резким движением ткнула конец оружия в ребра пошатывающемуся подростку. Продолжая поворот, Бренор очутился прямо перед хватающим ртом воздух юнцом, но вспомнил, что перед ним, в конце концов, еще ребенок, и эта мысль почти остановила его очередной безжалостный удар.

Почти.

Держа палку обеими руками, он с треском обрушил ее на голову юнца. От удара тот отлетел в сторону и рухнул на пол, отбросил свое оружие и схватился за голову обеими руками, заливаясь слезами и подвывая от боли.

Все вокруг открыли рты от изумления, а учитель Бакенбарды Котлетой дал знак еще двум юным дворфам.

Бренор вздохнул и развернулся навстречу на этот раз не одному, а двум нападающим.

Кулак и Фурия, так их звали, сестры из клана Опустившегося Молота, считались одними из лучших в тренировочном классе следующего после группы Бренора уровня. И Бренор должен был признать, судя по тому, как они приближались к нему, что их движения выглядят слаженными и точными.

Он спокойно встал в стойку, широко расставив ноги, и легко отбил двойной удар взмахом боевой палки вниз и влево, одновременно отпрыгнув влево же, чтобы еще больше усложнить задачу. Ближайшая из близняшек, однако, отреагировала почти мгновенно и, сделав два быстрых скользящих шага, кинулась на Бренора, замахнувшись одной рукой и нанеся удар другой.

На этот раз он низко пригнулся, плечом толкнув девицу повыше колена, и она перекувырнулась через него и грохнулась навзничь на грязный пол. От столкновения Бренор немного покачнулся, но не потерял равновесия и уже двигался дальше, проведя сокрушительный апперкот, заставивший вторую сестру застыть на месте и едва не оторвавший ей кончик носа.

Зарывав, она отпрянула назад и вправо, уходя от удара.

Бренор знал, что своим яростным ударом не достигнет цели; задачей атаки было

выиграть чуть-чуть времени, чтобы переменить ногу и погасить инерцию. Взмахнув палкой, он изменил направление движения и, выполнив сальто назад, над палкой сделавшей выпад девушки и над ее руками тоже, приземлился всего на шаг правее, но прямо перед ней.

Она еще ребенок, напомнил он себе, к тому же девочка. Но все же, рыча, впечатал свой лоб ей в лицо, а когда она отшатнулась, он выпрыгнул вверх и нанес сокрушительный удар обеими ногами в корпус.

Приземляясь, он повалился набок и тут же вскочил, отбивая атаку первой из сестер.

— Перекат Банго, — сказал сидящий у стены Эмерус Боевой Венец Бакенбардам Котлетой, правильно назвав прием, примененный Бренором против второй из атакующих девиц. — С каких это пор ты стал учить детвору таким танцам?

— Я не учил, — покачал головой Каменный Молот.

Эмерус Боевой Венец снова обратился к поединку, как раз вовремя, чтобы увидеть, как одна из сестер кубарем покатила вправо, а вторая съежилась от боли, поскольку Малыш Арр Арр, высоко подпрыгнув, отвлек ее внимание, вынудив поднять руки с оружием над головой, и со всего маху приземлился ей на ногу.

Девушка отшатнулась и начала складываться пополам; хук слева швырнул ее на землю.

— Его отец сидит рядом с Морадином и смеется над нами, — сказал король. Пока он говорил, вторая из сестер сделала сальто в сторону, но снова за этим последовали красивая сбалансированная защита, короткий удар слева и бросок.

— Думается мне, у Арр Арра челюсть отвисла в точности как у вас, — заметил Бакенбарды Котлетой. — И у Морадина тоже.

Они еще долго сыпались на него: длинная череда нападающих, временами по двое, а под конец — сразу вчетвером.

Но сражались они не с Малышом Арр Арром, но с Бренором Боевым Топором, королем Мифрил Халла, великим воином, который задержал орды Обальда в Долине Хранителя, у западных врат Мифрил Халла.

И это Бренор Боевой Топор сел на трон Гаунтлгрима, это он услышал слова Морадина, шепот Думатойна и боевой клич Клангеддина. И хотя сейчас он находился в детском теле, уступая в силе старшим нападающим, его понимание баланса и движения заставляло этих самых нападающих непрерывно кружить и перемещаться, зачастую натываясь друг на друга, и всегда неуклюже.

И всякий раз боевая палица Бренора неизменно и больно обрушивалась на головы противников.

В самом начале последнего боя, когда на него яростно набросились четверо, Бренор остановил их атаку и запутал, меняя направление, делая обманные движения влево, потом вправо и снова влево так ловко, что крайние из четверки натолкнулись на тех, кто был в середине.

Он подсек ноги подростку слева от себя, развернулся на пол-оборота и ударом слева достал второго в линии, крутанулся в обратную сторону и отбил выпады двух оставшихся. Потом снова метнулся вправо, и это позволило ему несколько мгновений сражаться с крайним в линии один на один. Он нанес колющий удар, замер на миг и взмахнул палкой справа налево, выбив оружие из рук противницы и заставив ее потерять равновесие, потом внезапно развернулся в другую сторону и оглушил ее ударом по подбородку. В поединке один на один этим бы все и закончилось, но у его противницы все-таки было три союзника, и Бренор взлетел в воздух с разворотом, вскинул оружие над головой и нанес мощнейший рубящий удар, от которого девушка лишилась чувств, а его боевая палка разлетелась на куски.

Он бросился на пол, подхватив оружие противницы — так или иначе, ей она больше не понадобится, — и ухитрился откатиться в сторону и упереть оружие концом в бедро, когда на него бросился следующий в линии.

Будь это настоящее копье, а не тупая палка, этот второй дворф точно напоролся бы на него. Палка согнулась в дугу, но не сломалась. Опрометчивый дворф тоже согнулся пополам и повис на конце учебного оружия, широко раскрыв глаза и тяжело дыша. Он висел так, казалось, целую вечность, не касаясь пола, пока оружие Бренора не опустилось, снова поставив нападавшего на ноги.

Однако на ногах он простоял недолго, схватившись руками за живот, поскуливая от боли и потрясения, и завалился набок.

— Ну что, развлекаешься?! — взревел Бренор, испытывая отвращение ко всей этой нелепой затее. — Да, проклятый Морадин?

От такого богохульства многие в зале охнули, но Бренор едва ли слышал их. Снова вскочив, он накинулся на двух оставшихся, его палица мелькала в воздухе, казалось, хаотично, хотя на самом деле все выпады и удары были точно рассчитаны во времени и пространстве. Всякий раз, нанося удар, Бренор кричал, голос его заполнял все пространство, и два его противника вскоре тоже закричали от боли и ужаса. Они повернулись и пустились наутек... или попытались сделать это.

Пинком по ногам Бренор свалил ближайшего, того самого беднягу, которого он смел с пути подсечкой в самом начале боя. Пробежав прямо по спине упавшего, он заставил того распластаться по земле. Однако последнего противника, девушку, Бренору догнать не удавалось, поскольку она была старше и проворнее, поэтому он замахнулся своей боевой палицей, будто копьем, и метнул ее.

Палица угодила бедняжке прямо в шею, и девушка растянулась на полу в облаке пыли.

— Ну что, довольны? — прокричал разъяренный Бренор Бакенбардам Котлетой и королю Эмерусу.

— Перевести его в городскую стражу, и немедленно, — буркнул король Эмерус Мургатройду Каменному Молоту.

— Но он же еще совсем мальчишка.

— Он будет тренироваться со взрослыми, — жестко бросил король. — Ведите его к новым вершинам мастерства. — Он помолчал и взглянул Бакенбардам Котлетой в глаза. — И приструни его хорошенько. Клянусь тремя богами, я не желаю больше слышать, как сын Реджинальда Круглого Щита оскорбляет Морадина.

— Да, мой король. — Бакенбарды Котлетой низко поклонился.

Так начался новый этап в жизни Бренора, следующие три года ему предстоит провести

на тренировочных площадках вместе с лучшими воинами твердыни Фелбарр, где, по правде говоря, и пройдет бо́льшая часть его самых ожесточенных поединков.

Но свирепого юного дворфа этот этап не усмирил.

Лишь распалил еще больше.

Год Решающего Сопротивления

(1475 по летоисчислению Долин)

Твердыня Фелбарр

Юный дворф Реджинальд Круглый Щит сделался заметной фигурой в твердыне Фелбарр. Во всех городских кланах судачили о «крутом сынке Арр Арра», не называя его больше «Мальш Арр Арр». Ибо, хотя он не бывал еще в деле за пределами тренировочных площадок городской стражи, его сила и мастерство в бою не переставали изумлять, учитывая его нежный возраст и еще детское, неразвитое тело.

Что до самого Реджинальда Круглого Щита, именовавшегося в прошлой жизни Бренором Боевым Топором, шепот, сопровождавший его ежедневно ранним утром по пути на тренировочную площадку и поздним вечером при возвращении домой, никоим образом не льстил его самолюбию, а лишь напоминал о нелепости всего происходящего.

День за днем, неделя за неделей, месяц за месяцем, а теперь год за годом он участвовал в пьесе, исполняя свою роль: вундеркинд, так его называли.

— Достоянная награда для Арр Арра, — шептались вокруг во время его одиноких прогулок.

И даже:

— Возродившийся Клангеддин!

Довольно долго вся эта болтовня докучала Бренору, особенно самая возмутительная, словно боги дворфов были каким-то образом причастны к абсурду, отправившему его обратно на Фаэрун, вместо того чтобы даровать право сидеть рядом с ними на вполне заслуженном им почетном месте. Теперь, однако, он даже не слышал ни шепота, ни похвал, а если слышал, не позволял словам проникать сколько-нибудь глубоко в свое сознание. Он шел на тренировочные площадки и сражался — зло, без усталости и страха, — и возвращался каждый день домой измученный, избитый и в синяках.

Да, прежде всего измученный, потому что изнеможение служило ему защитой от тревожного забытья, в которое он проваливался слишком часто. Даже сны его были отрывочными и нелепыми, и события из прошлой жизни смешивались в них с его теперешним существованием. И, что было хуже всего, в этих снах, как и в его мыслях, слишком часто являлся ему сердитый лик Морадина.

Однажды ночью он сидел у себя в спальне, перебинтовывая свежие раны на предплечье и удивляясь, как это он не сумел поставить такую простую защиту.

— Нет, я сумел, — упрямо сказал он себе, потому что блок был хорош, но его все-таки еще недоразвитым мускулам не хватило силы правильно отбить удар воинаветерана подальше от уязвимой руки, державшей щит. Но он действительно совершил ошибку, не сумев предвидеть это, напомнил он себе. В тренировочном бою он решил обернуть ситуацию в свою пользу, испробовав сложную защиту с помощью деревянного топора вместо более безопасной, со щитом. Будь он старше и сильнее, он должным образом отбил бы этот деревянный меч достаточно далеко, а сам сохранил бы равновесие, дабы влечь дурню «убийственный» удар слева.

Но он не был ни старше, ни сильнее и проиграл бой.

— Не забывай об этом, — посоветовал сам себе Бренор. Пусть и мало что интересовало его в те мрачные дни этой второй юности, больше всего на свете ему хотелось победить их всех, уложить на землю городских стражников одного за другим и встать на вершине этой окровавленной груды.

Зачем?

Во время размышлений он часто упирался в этот вопрос, ярость гнала его мысли все дальше и дальше, пока они не доходили до этой фантазии: полная и решительная победа, кажущаяся бессмысленной.

Что он от этого выиграет?

— О, вид у тебя прескверный, — заметила Увин, его мать, входя в комнату. — Я слышала, однако, что ты хорошо сражался с Приамом Тикбелтом, а он отличный боец, я-то знаю. Сама с ним дралась...

Увин замолчала, и Бренор знал: это потому, что он не удостоил ее даже взгляда из вежливости, когда она болтала. Поняв это, он поморщился, ведь Увин не заслужила такой грубости.

Но все-таки и его матерью она тоже не была. Так он считал теперь и не мог позволить ей продолжать нести подобный бред. Это воспринималось им как настоящее оскорбление и напоминало о том, насколько беспомощным он стал после своего ошибочного выбора в Ируладуне.

Сильная рука схватила его за ухо и рывком повернула голову, так что он оказался лицом к лицу с рассерженной Увин Круглый Щит.

— Смотри на меня, когда я с тобой... — Тут ее голос прервался, перейдя в невнятный возглас изумления и боли, поскольку Бренор, действуя исключительно рефлекторно, как Бренор Боевой Топор, а не Реджинальд Круглый Щит, ударил ее по руке и, схватив за запястье, заставил разжать пальцы, потом дернул за руку вниз и начал ее выкручивать, вынуждая женщину согнуться.

— О! — вскрикнула она, отдышавшись, когда Бренор отпустил ее.

Он отвернулся, смущенный, но все еще злой, и не слишком удивился, когда Увин дала ему подзатыльник.

— Не смей грубить матери! — выговорила она и снова отвесила ему затрещину. — И смотри на меня!

С застывшим от злости лицом он повиновался.

— Я пришла похвалить тебя, а ты пренебрегаешь мною? — недоверчиво спросила Увин.

— Я не хочу от тебя похвал — ничего вообще!

— Клянусь богами!.. — воскликнула выведенная из себя женщина.

— Плевать мне на богов! — взорвался Бренор. Не успев даже понять, что делает, он уже

был на ногах, замахиваясь деревянным стулом. Зарычав, он запустил им в противоположную стену. Стул разлетелся в щепки.

— Одумайся, мальчишка! — расвирепела Увин. — Не смей проклинать Морадина в моем доме!

— Это же все просто дурацкая шутка, ты что, не видишь?

— Что — все?

— Да все! — стоял на своем Бренор. — Вся эта чертова игра им на потеху. Все жалкие попытки достичь жалких успехов, про которые никто не вспомнит и которые никого не интересуют. «Кости и камни» — так обычно говорил один мой друг. Кости и камни, и ничего более. И все наши победные вопли, и все восхваления ушедших сородичей... ну чем не игра? — Он пнул обломок дерева, отлетевший ему под ноги, а промахнувшись, схватил деревяшку с пола и сломал надвое, затем швырнул обломки через всю комнату.

— Прекрати! — потребовала Увин.

Бренор застыл, зло глядя ей в глаза, потом спокойно подошел к другому стулу. С видом величайшего презрения к этой женщине, как бы его матери, он высоко поднял стул и с размаху бросил об пол, разбив в щепки.

Увин разрыдалась и выскочила из комнаты.

Бренор проводил ее ровно настолько, чтобы захлопнуть за нею дверь в спальню.

Он вернулся на прежнее место, хотя стула там уже не было, и поднял бинт, чтобы продолжить свое занятие. Но тут же ощерился, зарычал, сплюнул и запустил бинтом через всю комнату вслед за деревяшкой.

Бренор оглянулся на дверь и лишь тогда до конца понял, что натворил и перед кем, — перед ни в чем не повинной вдовой, которая всегда поддерживала его.

Стыд захлестнул его и заставил упасть на колени, он спрятал лицо в ладони и разрыдался. Бренор Боевой Топор лежал на камнях, усеянных мелкими щепками, и плечи его содрогались от всхлипываний.

Там он и уснул, с лицом, мокрым от слез, и тревожные сны слетелись к нему и принялись кружить над ним на своих черных крыльях. Сны о том, что Кэтти-бри умерла, об орках Обальда, пьющих мед из пивных кружек с изображением пенящейся пивной кружки — символа Мифрил Халла, — и действительно, они пили в стенах Мифрил Халла, и пол в зале был усеян телами дворфов!

Дверь в комнату с грохотом распахнулась, он вздрогнул и проснулся, но долго не мог сообразить, реальность это или очередной эпизод его сна.

Наконец до него дошло, когда король Эмерус Боевой Венец грубо вздернул его на ноги и отвесил пощечину.

Позади короля торжественно стоял Парсон Глейв, молитвенно сложив перед собой руки.

— Что это ты вытворяешь?! — гневно спросил король. — Ч-что? — проямлил Бренор, не зная, с чего начать. — Как ты смеешь позорить своего отца?! — выкрикнул Эмерус прямо ему в лицо. — Как ты смеешь так обращаться с матерью?

Бренор помотал головой, но ответить ничего не мог. Во всяком случае, вслух. Позорить? Это слово звенело у него в мозгу. Могли ли эти двое хотя бы отдаленно понять, что оно означает? Он погиб славной смертью, достойной дворфа, и заслужил место рядом с Морадином, и это место у него отняли, воспользовавшись его чувством вины и глупым выбором.

Позорить? Вот где позор, а не какой-то бессмысленный спор в бессмысленном доме посреди бессмысленной крепости!

Его прошлая жизнь, его прославленное правление в бытность королем Мифрил Халла утратили какое-либо значение! И не из-за его собственного необдуманного, по-дурацки эмоционального решения, а в первую очередь потому, что он вообще был поставлен перед этим выбором. Какой смысл в этом — да и во всем! — если прихоть божества может все изменить?

— Итак, Малыш Арр... Реджинальд?! — прорычал ему в лицо Эмерус Боевой Венец. — Что ты можешь нам сказать?

— Какие же мы все игрушки! — тихо и спокойно ответил Бренор.

Король странно посмотрел на него, потом оглянулся на Парсона Глейва, который открыл глаза, услышав удивительные слова юного дворфа.

— Мы так гордимся собой, — продолжал Бренор. Он беспомощно рассмеялся. — И все наши великие дела — лишь крохи на алтарях смеющихся богов.

— Его отец, — объяснил Парсон Глейв королю. Тот кивнул и снова повернулся к Бренору.

— Вы не знаете моего отца, — огрызнулся на него Бренор. — И отца отца тоже.

Он снова сидел на полу, отправленный туда ударом кулака, и комната неуверенно кружилась вокруг него.

— Твое время на тренировочных площадках истекло, Реджинальд, — объявил Эмерус Боевой Венец. — Ступай сражаться рядом с теми, кто защищает Фелбарр от проклятых орков, а потом вернешься и расскажешь мне об игрушках. Я имею в виду, если будешь жив, чтобы вернуться!

Они резко развернулись, король Эмерус впереди, и Бренор мельком заметил, как он утешающе приобнял Увин, прежде чем Парсон Глейв с глубоким и нарочито громким вздохом закрыл дверь в спальню.

Пожалуй, не было в твердыне Фелбарр места более почитаемого и реже посещаемого, чем это, где пирамиды из камней ряд за рядом уходили в бесконечную темноту огромной пещеры. На кладбище клана Боевого Венца много мест было занято, и постоянно сооружались новые.

Войдя в главный зал кладбища, Бренор услышал, как кирка одинокого могильщика врубается в камень, — размеренное, словно биение сердца, позвякивание раздавалось где-то далеко слева. Он пошел направо, через громадный главный зал, древнейшее из помещений, и через низкий туннель в следующую секцию. Он пересек и ее тоже, и следующую, после очередного туннеля, и еще одну.

Теперь он уже не слышал одинокого постукивания работника, высекавшего очередную секцию, которой не воспользуются еще десятки лет. Если бо́льшая часть этого торжественного места представляла собой завещание из прошлого, то этот неустанный копатель стал обещанием будущего. Твердыня Фелбарр продолжит жить и будет хоронить своих мертвых с почестями и согласно традициям.

Когда Бренор зашел в последнюю секцию по правой стороне старинного кладбища, в

голове у него сидела навязчивая мысль.

— Завещание? — с явным отвращением услышал он собственный голос.

Он пришел к могильной пирамиде Реджинальда Круглого Щита, своего отца.

Он не понимал, какие чувства должен испытывать к этому дворфу. Он совершенно не знал его, хотя столь многие прекрасно отзывались о нем. И конечно же, нрав Увин должным образом характеризовал дворфа, решившего взять ее в жены.

Он уставился на табличку с именем своего отца. Своим именем.

— Нет! — решительно возразил он. Это не его имя! Он — Бренор Боевой Топор и клана Боевого Топора, восьмой король Мифрил Халла и десятый король Мифрил Халла.

Ну и что?

— Эх, Реджинальд, — сказал он, потому что чувствовал, что должен что-то сказать. В конце концов, он же пришел сюда, к пирамиде уважаемого воина. — Тебя любовно называли Арр Арр. Может, ты был для Эмеруса вроде Пуэнта, а?

При воспоминании о собственном доверенном телохранителе мысли Бренора обратились к Гаунтлгриму и той последней роковой битве. Казалось, все уже потеряно, но потом подошли дворфы из Долины Ледяного Ветра, и возглавлял отряд Стокли Серебряная Стрела, а замыкал, что даже важнее, старина Тибблдорф Пуэнт — нет, не замыкал, он никогда не бывал в хвосте — шел на острие атаки!

Как всегда, Пуэнт был там, сражаясь бок о бок с Бренором, поддерживая Бренора, помогая Бренору. Без устали, не думая о капитуляции, никогда не теряя надежды и храня в душе заветы Морадина, и преданность, и величие клана Боевого Топора, Пуэнт дотащил Бренора до рычага, положил руку короля поверх него и помог нажать, покончив с угрозой, исходящей от древнейшего из вулканов.

Теперь Бренор плакал, но оплакивал он не Реджинальда, а Пуэнта.

Нет, не одного лишь Пуэнта, понял он, но всех. Традиции, показавшиеся ему вдруг такими странными — даже глупыми. Поклонение богам, не заслужившим этого. Эта последняя мысль глубоко потрясла его.

Он хотел проклясть Морадина, но при этом с неизбежностью проклинал себя.

— Ох, какой же я дурак! — пробормотал он сквозь стиснутые зубы. Он потряс головой и разразился потоком ругани. — Идиотский выбор, — закончил он. — Я сам от всего отказался.

Сказав так, он кивнул, словно пытаясь убедить самого себя. Ибо на всякую возникающую у него в воображении картину, как Морадин вознаграждает его, тут же находилась другая: Кэтти-бри, или Дзирт, или Реджис. Кэтти-бри, его приемная дочь... как мог он покинуть ее в тяжелый миг, когда она особенно нуждалась в нем?

Он надеялся, что через несколько коротких лет снова увидит ее.

— Нет, — услышал он собственный голос, потому что эти годы будут не «короткими», а бесконечными.

Он сосредоточился на Дзирте. Был ли у него когданибудь друг лучше? Преданнее, включая готовность говорить ему, что он не прав? О, Бренор был любим многими, и среди его клана у него были сотни верных слуг и десятки любящих друзей вроде Тибблдорфа Пуэнта. Но Бренор знал, что Дзирт понимает его лучше всех, и Дзирт никогда не обращался с ним с особой почтительностью, как с королем, но скорее с прямоотой, которая зачастую требуется от друга.

— О них были мои мысли, когда я выбирал путь из леса, — сказал Бренор холодным

камням. — Я был нужен своим друзьям.

Он беспомощно рассмеялся при мысли о том, к кому обращены его слова. Если он и адресовал их Реджинальду, то этим Реджинальдом был он сам. Он не испытывал родственных чувств к мертвому дворфу, у чьей могилы он стоял, да и откуда им было взяться?

Итак, он пришел сюда, чтобы поговорить с самим собой, поговорить с уже ушедшими и с богами, что ожидали их. Он испытывал потребность объяснить свое решение, но еще, говоря о причинах, побудивших его выйти из Ируладуна, вместо того чтобы войти в пруд, сулящий ему Дом Дворфа, Бренор понимал, насколько неубедительно должны звучать его слова для Морадина, а в особенности для Клангеддина, требующего умирать славной смертью, что король Бренор Боевой Топор, безусловно, исполнил.

А потом глупейшим образом сам все испортил! Он отринул традиции, отрекся от всего, что было дорого дворфам, и все это ради друзей, в чьих жилах не текла кровь Делзун. Он чувствовал, что энергетика того момента в Ируладуне подвигла его на импульсивный выбор, поскольку теперь, когда прошло больше половины времени до назначенной встречи, у Бренора не было ощущения, что с каждым годом он приближается к своей заветной цели, — скорее, годы уводили его все дальше и дальше от нее.

Ибо всякий очередной день, когда эта мерзость, по имени Реджинальд Круглый Щит, продолжала жить на свете, оскорблял Морадина, оставленного ради богини, имеющей больше отношения к эльфам.

Голова его поникла под тяжестью вины. Из глаз струились слезы.

Расстроенный дворф побрел прочь, обратно в туннели, но горькие мысли не оставляли его, они были материальными, словно призраки тысяч умерших дворфов поднялись и тыкали в него своими холодными костлявыми пальцами.

Бренору казалось, что мир утратил равновесие. Он мог винить Миликки, но это казалось ему недостаточным. Мог обвинять себя, но при этом чувствовать укоры совести в собственном вероломстве по отношению к тем, кто любил его в прежней жизни.

А еще он мог винить богов дворфов, как сделал это, когда король Эмерус бросил ему в лицо: «Как ты смеешь позорить своего отца!»

— Какие же мы все игрушки! — пробормотал он снова, и разлившаяся в сердце пустота сковала его.

Он остановился, обернулся к могиле Реджинальда и замотал головой.

— Нет,— решил он, — я не мог взять и выбросить все это прочь, потому что нечего было выбрасывать. Нечего!

И снова Бренор понял, что движется по замкнутому кругу, вина то других, то себя, вплоть до того места, что вызывало в нем полнейшее отчаяние: это не его выбор лишил его всего, чем он дорожил, а в первую очередь сам факт, что подобный выбор вообще был ему предложен!

— Будь проклята ты, Миликки, и твой Ируладун! — бросил Бренор. Он зарычал и топнул ногой по каменному полу. — Будь проклят и ты, Морадин! Ты не пришел и не забрал меня. Я заслужил себе место, а ты не пришел и не забрал меня!

Причина случившегося представлялась очевидной:

потому что Морадину было все равно.

Шаста Меховая Нога, владелица постоянного двора в Дельфантле, расположенного ближе других к воде, прервала на время мытье стаканов, оглянувшись на завсегдатая своего заведения, как раз сидящего в баре, и многозначительно кивнула.

Ее постоянный клиент, Эйвербрин Паррафин, какое-то время глупо таращился на нее, действительно не зная, что делать. Она предупредила его, что в последнее время о нем наводят справки — один влиятельный тип, в частности, — и выражение ее лица ясно дало ему понять, что тот, о ком они говорили, нашел его.

Эйвербрин поднял свой стакан и залпом влил в себя его содержимое, подкрепляя свое мужество. По крайней мере, он надеялся, что это возымеет именно такое действие, хотя, с бренди или без него, этот заросший щетиной хафлинг не мог набраться храбрости обернуться. Он слышал, как стучат по полу тяжелые башмаки, и звук этот приближался к нему.

Разом вспотев, он огляделся — лишь глазами, поскольку повернуть голову не осмеливался.

Он почувствовал, как его похлопали по плечу, и, уставившись в пол, увидел трость из слоновой кости. Он немного повернулся, по-прежнему не поднимая глаз, и в поле его зрения попала пара красивых сияющих черных сапог, нарядные брюки, аккуратно заправленные в них, и затканная золотой нитью перевязь, на которой висела тонкая рапира, — ее искусно украшенная рукоять не оставляла сомнений в том, кому она принадлежит.

Эйвербрин с трудом сглотнул и, собравшись с духом, смог повернуться еще немного и оказался лицом к лицу с самым знаменитым и опасным из хафлингов. Он увидел аккуратно подстриженную бородку клинышком Дедушки Периколо и его потрясающий берет с тугим бортиком и переливчатым восьмиугольным доньшком, кокетливо сдвинутый набок, с золотой заколкой на переднем отвороте. Он был сделан из какого-то блестящего синего материала — экзотической ткани, неизвестной Эйвербрину. Ткань была простегана ромбиками, расположенными под углом друг к другу таким образом, что часть из них отражала свет, а часть поглощала.

— Дедушка Периколо, — тихо шепнул он и умолк, быстро потупившись.

— Не рановато ли для выпивки? — поинтересовался Периколо. — Но денек все равно славный! Можно присоединиться к вам?

Эйвербрин так нервничал, что с трудом понимал слова, и ему пришлось довольно долго переваривать их, прежде чем кивнуть, промямлив:

— Как вам будет угодно.

Периколо Тополино сел на табурет рядом с ним.

— Да, один для меня, — сказал он Шасте и указал на пустой стакан Эйвербринна, — и второй для моего друга.

— У нас есть напитки и получше этого, — сообщила Шаста.

— А мне случалось лечить больную голову и после гораздо худших, — весело рассмеялся Периколо. — Если он достаточно хорош для моего друга Эйвербринна, значит хорош и для меня!

От таких слов глаза Шасты широко раскрылись, не говоря уже о Эйвербринне.

— За Джоли! — провозгласил Периколо, подняв стакан. — Жаль, что она умерла в родах.

Теперь Эйвербринн уже смотрел на него с любопытством и недоверием.

— Вы не знали мою жену, — осмелился сказать он.

— Но я прекрасно знал ее важную работу, — пояснил Периколо. — Я ценитель всего качественного, дружище хафлинг.

То, что он выбрал это слово, «хафлинг», изрядно приободрило Эйвербринна, это было ясное напоминание, что они, в конце концов, одной расы — расы, на которую нередко возводили напраслину те, кто выше ростом. Назвать так другого представителя маленького народа означало в конечном счете признать существующее между всеми хафлингами братство.

Эйвербринн поднял свой стакан, чокнулся с Периколо, и они вместе выпили.

— И глубоководных устриц я почитаю одним из деликатесов, — продолжал Периколо. — Признаюсь, я очень долго не представлял в деталях, как они попадают к торговцу рыбой, но уж точно заметил, что их не стало, или, возможно, лучше будет сказать, что они сделались редкостью десять лет тому назад. Теперь я знаю почему. Итак, за Джоли Паррафин! — провозгласил он, отхлебнул еще бренди, а спустя некоторое время заметил: — Должно быть, эта утрата просто опустошила вас.

Эйвербринн ссутулился над стаканом. Он действительно был опустошен, но, надо признать, совсем не по причине любви, даже если таковая и таилась в глубинах его черной души. Потеря Джоли опустошила его финансово, каким жалким ни было бы их богатство.

Без устриц на продажу он сделался нищим, и лишь теперь, когда его сын начал наконец реализовывать свой потенциал глубинного ныряльщика, благосостояние Эйвербринна — и его выбор виски — начали улучшаться.

— И теперь устрицы вернулись, и мне снова указали на вас как на их источник, — сказал Периколо. — Ваш мальчик, полагаю.

Эйвербринн не поднимал глаз, боясь даже думать, к чему идет дело.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Паук? Так его зовут?

— Слыхал, что его так называют.

— А вы хоть потрудились дать ему имя? — спросил Периколо, и гримаса Эйвербринна ясно ответила на этот, казалось бы, нелепый вопрос.

— Мы зовем его просто Эйвербринн, по отцу, — вставила Шаста.

— Паук, — поправил Периколо, и женщина кивнула.

— Мои источники сообщают, что он перспективный ныряльщик, — поведал Периколо Эйвербринну.

Папаша согласно хмыкнул.

— И все же, несмотря на то что в ваше распоряжение попал такой талант, вы оказались

неспособны ни на что большее, как еле-еле выживать, — продолжал Периколо. — Вы вообще понимаете всю ценность сокровища, коим обладаете?

Мысли Эйвербрина закружились, натываясь друг на друга. Он испугался, что это угроза: может, Периколо собирается убить его и «усыновить» его сына? Он поднял взгляд — он должен был это сделать, — пытаюсь прочесть что-то на этом обезоруживающе улыбающемся лице.

— Разумеется, нет, — сам ответил на свой вопрос Периколо. — Устрицы для вас — всего лишь средство. — Он поднял дорожную трость и постучал ею по стакану Эйвербрина. — Вот для этого. Вот что нужно Эйвербрину. Всеобъемлющий смысл его существования, да?

— Вы что, явились сюда оскорблять меня? — выпалил

Эйвербрин, прежде чем успел подумать, что благоразумнее было бы сдержаться. Он даже наполовину развернулся на стуле, словно собираясь ударить Периколо.

Однако подобные мысли почти сразу покинули его, едва пьяница взглянул в доброжелательное, уверенное ангельское личико богатого хафлинга, которого на улицах все знали как Дедушку Периколо.

Дедушку ассасинов.

Едва Эйвербрин вспомнил об этом, его бравада мигом испарилась, он потупил взгляд и снова уставился на тонкий клинок легендарной рапиры Периколо. Он подумал о том, как должно быть, будет больно, когда ее острие пройдет между его костлявыми ребрами и вонзится в трепещущее сердце.

— О небо, нет, друг мой, — ответил Периколо, причем настолько беспечно, что Эйвербрин снова уселся поудобнее, хотя и опасался, что слова и тон были лишь уловкой, чтобы усыпить его бдительность.

О, он не знал, что и думать!

— Вы мыслите мелко, потому что живете мелко, — объяснил Дедушка. — Несмотря на все ваши мечты и надежды, вы забываете о них ради одной сиюминутной цели, да? — И снова он поднял трость и постучал по стакану, потом жестом велел Шасте подлить Эйвербрину еще.

— Возможно, в этом и состоит разница между нами, — закончил Периколо. — Вы маленький, а я нет.

Эйвербрин не знал, что ответить. Он отлично почувствовал оскорбление — тем более что это явно было правдой, — но, разумеется, сказать об этом означало в виде трупа валяться на полу, а он совсем не хотел там оказаться.

— А, я ранил вашу гордость! Уверяю вас, что совсем не собирался этого делать, — сказал Периколо. — На самом деле я завидую вам!

— Что?

Когда Эйвербрин выпалил этот вопрос, Периколо взглянул на Шасту Меховую Ногу и рассмеялся, поскольку выражение ее лица ясно говорило, что с таким же успехом его могла задать она.

— Ах, но заканчивать дневные труды с заходом солнца, — пояснил Периколо, — думать о малом, жить малым, возможно, означает жить удовлетворенным. Я, видите ли, никогда не бываю удовлетворен. Всегда отыщется еще одно ненайденное сокровище, неодержанная победа. Удовлетворенность — это не порок, друг мой, но благословение.

Не понимая, издеваются над ним или делают комплимент, Эйвербрин снова сделал добрый плоток из стакана и не успел поставить его на барную стойку, как Периколо дал знак

Шасте налить еще.

— Миру нужны мы оба, вы не находите? — спросил Периколо. — И возможно, мы нужны друг другу.

Ошарашенный Эйвербрин устался на него.

— Ну, возможно, не нужны, но мы оба, безусловно, можем выиграть, заключив... соглашение. Подумайте, у вас есть товар, а у меня — торговая сеть для такого товара. Сколько платит вам торговка рыбой: несколько медных монет, возможно одну-две серебряных, за устрицу? Конечно, она и будет платить вам столько, потому что здесь существует конкуренция. Ваш сын не единственный ныряльщик, хотя, по всеобщему признанию, похоже, весьма способный! Но есть места, не слишком далеко отсюда, где за устрицу из глубин Моря Падающих Звезд можно получить золотой, и я знаю, как туда попасть, — пояснил Периколо. — Вы не сможете сделать это без меня, разумеется, но, по-видимому, и я не смогу обойтись без вас.

— Что вы имеете в виду?

— Он имеет в виду, что твоя жизнь вот-вот здорово полегчает, судя по тому, что я услышала, — осмелилась вставить Шаста.

— Именно так, моя прелесть, — подтвердил Периколо и, обращаясь к Эйвербрину, добавил: — Мы поняли друг друга?

— Я отдаю вам устрицы, что приносит мой парень? — Эйвербрин скорее спрашивал, чем утверждал, поскольку так по-настоящему и не понял, что происходит.

Периколо кивнул.

— А я плачу вам, — ответил он и пристукнул стаканом о стойку, чтобы наверняка привлечь внимание Шасты. — Отныне и впредь мой друг ест, пьет и живет здесь совершенно бесплатно.

На лице у женщины-хафлинга был написан протест, который она не осмеливалась выразить вслух, но Периколо поспешил успокоить ее, добавив: — С этого момента я буду оплачивать все его счета.

Он указал на стакан, который Шаста поспешила наполнить. Периколо, впрочем, остановил ее движением трости.

— Но только для Эйвербрин, да, — предупредил он твердо.

Кровь отхлынула от лица Шасты Меховой Ноги. Периколо убрал трость, и она налила бренди в его стакан. Периколо тростью пододвинул его к Эйвербрину. Прикоснувшись пальцами к своему потрясающему берету, Периколо Тополино удалился.

— Сдается, сегодня у Эйвербрин Паррафина самый счастливый день в жизни? — заметила Шаста Меховая Нога, пока мужчина смотрел через плечо на уходящего Дедушку.

Эйвербрин, который жил одним днем, нередко ел дохлых крыс, найденных в переулках, даже подлизывал лужицы пролитого другими спиртного, конечно, не мог спорить, но неотступный, глубоко засевший страх комом стоял у него в горле.

— Щедро, — заметила Доннола, когда они вдвоем с Периколо шли по улице прочь от таверны, где остался Эйвербрин. Доннола Тополино приходилась Дедушке настоящей внучкой, была подающей большие надежды воровкой и, что еще важнее, богатой светской

львицей. Ее основная роль в организации Периколо состояла в том, чтобы быть в курсе всех слухов, касающихся властных структур в Дельфантле, и яркая и живая семнадцатилетняя девушка-хафлинг воистину наслаждалась ею и исполняла ее с блеском.

— У него есть нечто такое, чего я хочу, — пояснил Дедушка.

— Разумеется, но оно могло бы обойтись намного дешевле, тебе не кажется?

— Сколько может выпить один хафлинг? Или съесть? А он не станет много есть, если будет слишком много пить, верно?

Доннола остановилась, и Периколо, сделав пару шагов, остановился тоже и обернулся, взглянув в ее улыбающееся и явно довольное личико.

— И спать? — добавила она понимающе. — Ему позарез нужна не только выпивка, но и кров? Нет, дедушка, тут дело не только в Пауке. Ты испытываешь симпатию к этому Эйвербрину.

Периколо недолго обдумывал ее слова, потом усмехнулся:

— Он мне отвратителен. Это слабак. Среди наших людей такому не место!

— Великодушие, — ехидно заметила Доннола.

— Для Паука — да, — согласился Периколо, снова трогаясь в путь, — потому что я явно ускорил смерть его бесполезного папаши.

Никогда в жизни, даже в прошлой жизни, Реджис не чувствовал себя более свободным, чем в такие моменты. Он скользил, почти невесомый, наслаждаясь скалами и долинами неровного морского дна. Он даже не заботился о том, чтобы не потерять из виду направляющую веревку, привязанную к бую наверху, поскольку знал, что у него не будет проблем с неспешным подъемом из морских глубин.

Реджиса настолько очаровали мелкие рыбки, во множестве снующие вокруг, угри, ныряющие в свои пещеры, и колеблющиеся морские травы, что он едва начал заполнять сумку ценными устрицами.

Он знал, что это не важно. Во всем Дельфантле не нашлось бы и пятерых, кто мог бы забраться на такую глубину, когда от воздуха тебя отделяет почти пятьдесят футов воды, и ни одного, насколько ему было известно, способного оставаться здесь сколько-нибудь долго или, отдохнув, вернуться обратно. Разумеется, другим приходилось полагаться на магические заклинания, как правило с коротким сроком действия, в то время как у Реджиса по какой-то причине не было проблем с тем, чтобы плавать на глубине долго-долго или сразу же вернуться туда, едва глотнув воздуха на поверхности.

Что хуже всего, те, кто отправлялся на такую глубину под воздействием магии, должны были быть очень внимательными при подъеме, иначе их накрывала боль, порой смертельная. Но Реджису повезло и с этим. Он мог быстро всплывать наверх почти без последствий.

Даже если он слишком задерживался под водой, у него никогда не возникало смертельного ужаса от ощущения, что он тонет, что ему немедленно необходим глоток воздуха. Никогда. Нет, если задуматься о времени, проводимом им под водой, то он, похоже, получал какой-то воздух из воды. Конечно, он не мог дышать здесь так же, как наверху, но все же каким-то образом добывал крохи, достаточные, чтобы поддерживать жизнь, пусть и

не вполне комфортную.

В толще темных вод Моря Падающих Звезд таились опасности, но он был хорошо знаком с ними и знал, как их избежать. Страхи не могли перевесить это ощущение приключения, свободы и невероятной красоты, открывавшейся перед ним.

В то утро он ушел рано, подарив себе целый день, чтобы плавать и наслаждаться — и чтобы наполнить свою сумку, поскольку Эйвербрин не прощал, если Реджис возвращался без полного мешка устриц.

Солнце низко висело в небе, когда он прошел по разбитым булыжным мостовым нижнего Дельфантла. Эйвербрина не оказалось дома, но это Реджиса не беспокоило. Он знал наверняка, где сможет отыскать своего бедного больного отца.

Шапта Меховая Нога широко улыбнулась юному хафлингу, когда тот появился в ее заведении, и Реджис ответил ей тем же, но лишь мимоходом — лицо его вновь сделалось озабоченным, когда он оглядел общий зал.

— Он наверху, в своей комнате, — заметила Шапта. — В своей комнате? Кто?

— Твой папаша.

— Его комната? — переспросил Реджис озадаченно, потому что они с отцом жили в переулке, где несколько досок были прислонены к стене, это и называлось их домом.

— Ну да, и твоя тоже, я так полагаю. — Шапта кивнула в сторону лестницы. — Третий этаж, третья дверь направо.

— Его комната?

Шапта лишь улыбалась.

Реджис рванул вверх по ступенькам, не замедляя хода, пока не добрался до указанной двери. Он начал было стучать, но остановился и наморщил нос, поскольку услышал, как внутри кого-то жестоко рвет.

Он уже множество раз слышал этот звук.

Реджис ухватился за дверную ручку, медленно повернул ее и тихо проскользнул в комнату. У противоположной стены возле грязного окна стоял на коленях Эйвербрин, сгорбившись над ведром, задыхаясь и отплевываясь. Через некоторое время он осознал присутствие сына, поскольку повернулся, посмотрел на него и принялся хохотать как ненормальный. Лишь тогда Реджис заметил, что у стены рядом с коленапреклоненным хафлингом стоит не одна, но две полных бутылки виски.

— Ах, сегодня у нас чудеснейший из дней, сынок! — Эйвербрин попытался встать, но потерял равновесие, пошатнулся и, врезавшись головой в боковую стенку, сполз на пол, не переставая безудержно смеяться.

— Отец, что?..

— Ты набрал полный мешок? — осведомился Эйвербрин, сделавшись вдруг смертельно серьезным. — Удачно нырял? Скажи, что да! Скажи, что да!

Не сводя глаз с Эйвербрина, Реджис приподнял свою раздувшуюся сумку. Конечно, он и прежде видел своего отца пьяным. И множество раз. Но вечер еще даже не наступил, и такая степень опьянения поразила его. Две бутылки виски стояли рядышком, суля поддерживать в Эйвербрине накал, пока тот наконец не отключится.

— Как? — спросил Реджис. — Где ты взял монеты?

Эйвербрин вновь захохотал.

— Хорошо, что ты набил его доверху! — объявил он, брызжа слюной при каждом слове. Шатаясь, он побрел к сыну. Его отчаянно мотало из стороны в сторону, и возле непечатых

бутылок он шлепнулся. — Этого разочаровывать нельзя!

— Кого этого? Отец? — Реджис приблизился и схватил Эйвербрин за руку, когда старший хафлинг потянулся за одной из бутылок. Эйвербрин выдернул руку и сосредоточил на нем злой взгляд. — Отдай-ка мне мешок, — потребовал он.

Реджис колебался.

— Сейчас не время для глупостей, сын, — предупредил Эйвербрин, протягивая руку к Реджису.

— Тебе нужно поспать...

— Мешок! — закричал Эйвербрин, снова протягивая руку. — А ты завтра с утра — марш отсюда, и наберешь еще один — нет, два! Мы не можем разочаровывать его!

— Кого? — спросил Реджис, но Эйвербрин явно забыл про него и, пошарив вокруг, схватил бутылку и начал на ощупь отыскивать пробку.

Реджис был не такой дурак, чтобы пытаться отобрать ее.

Он выскочил из комнаты, скатился по лестнице и запрыгнул на стул прямо перед Шастой Меховой Ногой.

— Что вы наделали? — спросил он.

— Я? — невинно переспросила женщина.

— Мы не будем платить! — воскликнул Реджис.

— А кто вас просит?

— Но... но... — запнулся Реджис.

— Все оплачено, малыш, — спокойно пояснила Шаста. — Оплачено на веки вечные.

Беспомощно тряхнув головой, Реджис пытался разобраться, что к чему:

— Кем?

— Не забивай себе голову такой ерундой, — посоветовала Шаста. — Добывай себе устриц для твоего папаши и делай, что он скажет.

— Он слишком пьян, чтобы сказать мне что-нибудь толковое.

Один из клиентов заведения рассмеялся, и Реджис подавил в себе настойчивое желание подойти к мужчине и дать ему в нос.

— А это не мое дело, — ответила Шаста Меховая Нога.

— И вы дали ему еще две бутылки, — запротестовал Реджис. — Он же будет пить до...

— Не мое дело! — решительно перебила хозяйка, угрожающе шагнув к нему. — А теперь ступай, пока я не отшлепала тебя по заднице!

Реджис сполз со стула и отступил на шаг.

— Я просто хочу знать, кто платит, вот и все, — тихо сказал он. — Мне нужно отдать ему это. — Он приподнял мешок. — Так велел папа, но отключился и не успел сказать кому.

— Просто давай их мне, — предложила Шаста, протянув руку.

Реджис медлил.

— Дедушка, — сказал сидящий рядом завсегдатай, пока Шаста колебалась. — Так что, выходит, это будут устрицы Дедушки Периколо.

— Ну да, и я передам их ему, — настаивала Шаста Меховая Нога и попыталась выхватить мешок у Реджиса, но мальчик оказался проворнее.

Реджис с трудом сглотнул. Он никогда не встречал знаменитого Периколо Тополино, однако, как и все в этой части Дельфантла и уж точно как все хафлинги в городе, много слышал о нем. В большинстве своем эти истории кончались чьей-нибудь преждевременной и насильственной смертью.

Он продолжал пялиться и, прежде чем сам понял это, выскочил из таверны и очутился на улице. Он посмотрел на последний этаж здания и представил себе отца, вливающего в глотку очередную бутылку. Наверное, его опять рвет.

Давать Эйвербрину столько виски означало подписать ему смертный приговор, Реджис знал это, поскольку навидался таких ходячих трупов в прежней своей жизни в Калимпорте. Дедушка оказал Эйвербрину плохую услугу, какую бы там сделку они ни заключили.

Реджис закусил губу и сдержал закипающую внутри злость. Он должен сделать что-то, предпринять какие-то действия.

Но что? И как?

В конце концов, это был Периколо Тополино, Дедушка ассасинов.

Этой ночью Реджис слонялся по улицам, используя устрицы, чтобы подкупить шатающихся вокруг хафлингов, и довольно скоро очутился на улочке возле дома Периколо — Морада Тополино, как его называли, — красивого, скромных размеров сооружения с большими балконами и ограждениями, украшенными балясинами ручной работы. Дом был трехэтажный, но с учетом роста хафлингов это примерно соответствовало двухэтажному человеческому. Посредине крыши в качестве четвертого этажа была обустроена комната на манер «вдовьей дорожки», поскольку оттуда открывался вид на подножие холма, на бескрайнее Море Падающих Звезд — для тех, кто отчаянно вглядывался, не возвращаются ли корабли, — неизменное скорбное напоминание тем, чьи мужья никогда не вернутся.

Он обошел дом и вышел на главную улицу, к воротам, которые были заперты. Он поискал какой-нибудь звонок, рожок или трещотку, но ничего не нашел. Реджис подумал, не перелезть ли через ограду, но покачал головой, вспомнив, кто был владельцем дома.

Он разглядывал здание и размышлял, не покричать ли. Уже поздно, но это не важно. В конце концов, ему-то какое дело?

В этот момент он заметил в одном из окон движение и увидел, как очаровательная фигурка молодой девушки-хафлинга, в лучшем случае полуодетая, проплыла за ним. Этот образ ошеломил его, хотя сквозь кружевные занавеси незнакомка казалась скорее призраком, миражем, фантазией.

Она задула в комнате свечу, и наступила темнота, рассеявшая магию.

— Дедушка, — саркастически хмыкнул маленький ныряльщик, тряхнув головой и размышляя, что делать дальше. Он хотел было перебросить мешок с устрицами через ворота, но сам себя остановил, и это было разумно, поскольку устрицы наверняка пропали бы, пролежи они тут до утра, или, скорее всего, их подобрал бы енот или еще какой-нибудь ночной падальщик. Вздыхнув, Реджис понял, что придется-таки отдать их Шасте.

— Дедушка, — повторил он и принялся придумывать план.

На протяжении десяти дней Реджис отдавал свою сумку Шасте Меховой Ноге, поскольку отец был слишком пьян, чтобы иметь с ним дело. Беспробудно пьян.

Эйвербрин таял на глазах. Реджис умолял Шасту, чтобы она перестала снабжать отца выпивкой, но она только отмахнулась:

— Я не мамка для моих клиентов, верно?

— Он помрет, и что вы тогда будете делать?

— Да то же, что и теперь, — огрызнулась она. — Разве что смогу сдать освободившуюся комнату, лишней не будет.

Ее бессердечность больно задела хафлинга и заставила перенестись мыслями в Калимпорт, на много десятилетий назад. Он уже видел такие отношения среди бедняков этого южного города — и людей, и хафлингов, — которых знал как вполне неплохих. Все дело было в нищете. Слишком неимущие, они не могли предложить другим ничего, даже сочувствия. А были и богатые горожане, паши Калимпорта, восхваляемые за их благотворительность, хотя на самом деле золото, столь милосердно раздаваемое ими, по их собственным меркам не значило для них ничего. А бедная женщина могла без всякой шумихи взять в дом осиротевшего ребенка, хотя ей это уж точно обходилось намного дороже.

Но — ура-ура! — все должны восторгаться этими филантропами!

— Я перестану приносить устриц, — сердито объявил он Шасте.

— Тогда будешь объясняться с Дедушкой Периколо.

— Наверное, надо бы.

Шаста смерила его взглядом из-за барной стойки, ее улыбка сделалась насмешливой.

Реджис поймал себя на том, что в горле у него застрял комок.

— Парень, ты живешь сейчас лучше, чем когда-либо, — напомнила Шаста. — Во всяком случае, не в халупе, и еды у тебя в досталь. Ты любишь свое дело, и это занятие приносит тебе теперь больше денег, чем прежде.

— Вы видели Эйвербрина? — спросил Реджис. — Я имею в виду, не просто, чтобы передать ему эти бутылки с виски? Разве он ест?

— Ест.

— А потом его рвет этим по всей вашей комнате!

Впервые Реджис уловил на лице Шасты намек на симпатию. Она подалась вперед, жестом велела ему придвинуться ближе и очень тихо сказала:

— Это не мое дело, малыш. У твоего отца есть собственный ум, он сам выбрал свой путь, и никто не вправе его отговаривать. Никто — даже ты. Будь же умницей и подумай о себе. Эйвербрин уже давно покатился под горку, еще до твоего рождения. Я столько такого насмотрелась — не сосчитать. Ты можешь сколько угодно причитать над ним, но с пути к могиле его не собьешь.

— Так перестаньте давать ему спиртное, — взмолился Реджис.

— Он все равно его добудет, если не у меня, так на улице. Или ты собираешься уговорить всех трактирщиков Дельфантла? А как насчет дружков, которых он найдет на улице, пойдет с ними в заведение вроде моего, и они купят для него бутылку?

— Если у него не будет монет, не будет и бутылок, — возразил Реджис.

— Опять ведешь к тому, чтобы отказаться от работы?

— Да, если так нужно, — ответил Реджис. Он шмыгнул носом, отвернулся и двинулся прочь.

Сильная рука Шасты легла на его плечо, женщина развернула его лицом к себе, грубо притянув к барной стойке.

— А теперь послушай меня хорошенько, Паук, — сказала она. — И лишь потому, что ты мне нравишься, я говорю тебе это. — Она умолкла и оглянулась по сторонам, словно желая убедиться, что никто не сможет подслушать их, и это, без сомнения, добавило весомости ее словам, когда она заговорила снова: — Ты не понимаешь, кто такой Дедушка Периколо, так

я тебе объясню. Не вставай у него на дороге. Никогда, иначе ты заплатишь за это так, что даже представить себе не можешь.

Реджис с любопытством взглянул на нее.

— Я видел вас с ним, — ответил он. — Сплошные улыбки и добродушная болтовня.

— Ага, и я намерена сделать все, чтобы так было и впредь. И тебе тоже советую, для твоего же блага — и блага твоего отца.

— Моему отцу нельзя продолжать в том же духе!

— Тогда ему придет конец куда быстрее, да и тебе тоже, — предупредила Шаста. — Ты теперь работаешь на Периколо. А если ты работаешь на Периколо, то работаешь на него всегда. До конца своих дней. Заруби это на носу, пока не наделал каких-нибудь глупостей.

Реджис хмуро смотрел на нее, но ответить ему было нечего. Она, несомненно, полагала, что он новичок в таких делах, но он вырос в бандитском районе Калимпорта, где процветали типы вроде Периколо Тополино.

Он мысленно выругался. На несколько мгновений он позволил себе помечтать о том, что он стал старше и у него взрослое тренированное тело и он может противостоять таким, как этот Тополино!

Но что он может реально сделать, спросил себя Реджис. Он вспомнил про Бренана Пруса: как бросил тогда вызов собственным страхам и вышел сражаться против подростка старше и крупнее себя, и сделал это, вполне ожидая, что будет побит. Да, это был смелый поступок. Сейчас, однако, все было совсем иначе, куда опаснее.

— Ты должен быть на Пирамиде Кельвина, — тихо напомнил он себе.

— Что-что? — переспросила Шаста.

Реджис покачал головой и пошел прочь. Он уже направлялся к двери, когда его внимание привлек крик с лестницы. Его отец ввалился в общий зал с воплем: «Виски всем!» — к радости остальных посетителей.

Шаста Меховая Нога, однако, быстро охладила их пыл, громко напомнив Эйвербрину, что оплачивается лишь выпитое им лично. Это вызвало язвительные замечания и даже несмелые оскорбления вслед Эйвербрину.

Реджис шагнул к двери. На короткий миг он встретился взглядом с отцом, и тот широко улыбнулся, взбираясь на стул. Потом Эйвербрин отвернулся от Реджиса к Шасте и хлопнул ладонью по стойке.

Она уже наливала ему в стакан виски.

— Это не имеет значения, — сказал себе Реджис, покидая таверну. Все это не имело никакого значения. Он здесь только для того, чтобы подготовиться к путешествию в Долину Ледяного Ветра, к возвращению к Компаньонам из Мифрил Халла. И он будет готов мысленно пообещал он.

Все остальное не имеет значения.

Но он оглянулся на постоянный двор, и его захлестнула волна эмоций. Эйвербрин стал его отцом и был достаточно добр к сыну — на свой извращенный манер. Он никогда не бил Реджиса, пытаясь продемонстрировать свою заботу. Эйвербрин очень бедствовал, особенно когда его жена умерла, рожая сына. Но лишь однажды за десять лет, прожитых с Эйвербрином, Реджис слышал, как тот обвинил в своем жалком положении его, да и в том случае протрезвевший на другой день отец слезно извинялся перед ним.

— Это не имеет значения, — повторил Реджис, но уже тише и с раскаянием, поскольку чувствовал ложь.

Разумеется, это имело значение. Должно было иметь. Если нет, то какое право этот жалкий и неблагодарный Реджис имеет хотя бы просто стоять рядом с Компаньонами из Мифрил Халла?

Но что он может поделаться?

Он посмотрел на север, в сторону симпатичного Морада Тополино. Предостережение Шасты эхом звучало в его мозгу, и Реджис знал, что она не преувеличивает. Для всех, знавших его, Периколо был Дедушкой, что означало — Дедушкой ассасинов. Такие титулы не присваиваются просто так.

Реджис тешил себя фантазией, как он возвращается в Дельфантл из Долины Ледяного Ветра с Дзиртом и остальными, чтобы как следует поквитаться с Дедушкой.

Однако это была всего лишь фантазия, поскольку Эйвербрин не мог ждать так долго да и сам Дедушка был уже немолодым хафлингом.

Реджис переключился на другую мысль, размышляя: что если в самом деле прекратить или по крайней мере уменьшить добычу устриц? Быть может, получая всего по несколько штук в день, Периколо решит, что его «дар» Паррафинам не принесет ничего, кроме убытков.

Однако и эта возможность представлялась весьма шаткой, ибо что тогда останется Реджису и его отцу? Если он попробует поступить так, Дедушка начнет пристально следить за ними. Им придется либо жить в полной нищете, либо навлечь на себя его гнев.

Реджис вздохнул. Он снова взглянул в сторону Морада Тополино, на этот раз безнадежно.

В следующие десять дней положение не улучшилось. Вечно с бутылкой в руке, Эйвербрин шатался по улицам вокруг таверны, весь в следах рвоты и со множеством мелких ран, поскольку постоянно падал или налетал на стулья и стены. Он также обзавелся кучей синяков и ссадин от чужих кулаков, ибо в пьяном угаре часто оскорблял других.

Однажды днем Реджис возвратился в их комнату с заполненным до половины мешком и застал отца в крайне возбужденном состоянии. Стекланные осколки и лужица полупрозрачной коричневой жидкости у стены подсказывали, что произошло.

— А, хорошо, что ты здесь, — невнятно пробурчал Эйвербрин, сидящий рядом с лужей. Он рассмеялся и едва не упал. — Что-то у меня ноги немножко дрожат, — продолжал он, пытаясь подняться.

Реджис помог ему встать, и Эйвербрин немедленно привалился к стене для большей устойчивости.

— Будь хорошим мальчиком и принеси мне другую бутылку, — велел отец.

— Нет, — ответил Реджис, и слово это, слетевшее с губ, лишь подкрепило его решимость. Он ничего не мог поделаться со сложившейся ситуацией, но, возможно, ему удастся решить проблему иначе.

— Нет? — Взрослый хафлинг враждебно уставился на него.

— Хватит, па, — хладнокровно заявил Реджис.

— Что?

— Ты слишком много пьешь, па, — сказал Реджис. — Надо немножко притормозить. Побольше есть и поменьше пить, да?

Он заметил, что Эйвербрин смотрит на него не моргая.

— И тебе нужно выйти из этой таверны — ты же совсем никуда не выходишь! — продолжал Реджис, пытаясь говорить как можно веселее. — О, сейчас такая чудная погода,

солнечно и прохладный ветер с моря. Давай я принесу тебе поесть. Мы еще успеем до заката погулять по берегу...

Его перебил отец, взвизгнув, и Реджис никогда еще не видел ничего подобного по внезапности и первобытной свирепости. Эйвербрин ринулся на него и с силой ударил по лицу, сбив с ног.

— А ну неси бутылку! — завопил пьяница, надвигаясь на него и тяжело топая по дощатому полу. — Ты, крысеныш! Не смей указывать мне, что делать! — Он протянул руку и сгрел оглушенного Реджиса за ворот, поднял его так, что ноги оторвались от земли, и швырнул обратно на пол. На этом Эйвербрин не успокоился, он яростно тряс сына и рычал, брызжа слюной.

Реджис едва слышал слова, настолько его потрясло это внезапное превращение. Наконец папаша отпустил его, швырнув напоследок кубарем к выходу.

— Марш! — приказал Эйвербрин.

Со слезами на глазах Реджис выбрался из комнаты. Он сбежал вниз по ступеням, но не пошел в бар, а выскочил из дверей таверны на улицу.

Прежде чем юный хафлинг понял, куда идет, ноги сами привели его в проулок к замечательному Морада Тополино.

Он дождался, когда солнце село и ночная тьма полностью укрыла землю. И тогда Паук начал свое восхождение. Любовь к Эйвербрину гнала его вперед.

Он вскарабкался прямо на крышу и подобрался к окну «вдовьей дорожки», вслед за лунными лучами заглянув внутрь.

«Что я здесь делаю?» — мысленно спросил он себя. Чего он надеялся достичь? Что бы он ни сделал в Морада Тополино, как это могло повлиять на стремительно скатывавшегося в пропасть Эйвербрина?

Он украдет — много — и, разбогатев, заберет Эйвербрина в другое место, получше, где их положение не будет зависеть от прихотей безжалостного Дедушки и равнодушия хозяйки постоянного двора.

— Да, — произнес он и кивнул.

Его чуткие молодые пальцы пробежали по оконной раме, выискивая проволочные оттяжки или иные возможные ловушки. Как же ему хотелось иметь при себе стеклорез, особенно когда он понял, что окно заперто.

Реджис вытащил из кармана маленький нож, тот, которым выковыривал устриц из-под камней в глубинах Моря Падающих Звезд. Окно было разделено на две части, которые могли заходить друг за друга, впуская внутрь морской ветерок. Он заметил, что верхняя половина чуть заходит за нижнюю.

Он просунул нож в узкий зазор между ними.

Прижавшись лицом к стеклу, он медленно, очень медленно продвигал лезвие вниз.

И вот оно: та самая оттяжка.

Реджис кивнул, он много раз видел именно такие ловушки в Калимпорте. Двигающаяся створка, одна или другая, к которой прикреплена проволочка, оборвет ее. На раме каждой из створок есть маленький кусочек острого лезвия, чтобы перерезать проволочку, когда она туго натянется. Реджис поводит ножом по верхней кромке верхней створки и отыскал это хитроумно запрятанное лезвие. Он с легкостью удалил его.

Нож вернулся обратно, на этот раз нащупывая запорный механизм. Легонько повернув, Реджис открыл замок.

Он медленно опустил верхнюю створку. Безусловно, он предпочел бы поднять нижнюю, чтобы легче было пролезть, но не мог так просто подобраться к утопленному в раме лезвию, поскольку эта створка располагалась перед другой и лезвие ножа должно было находиться между ними. Однако это было не важно. В конце концов, его звали Паук, и это прозвище было вполне заслуженным.

Опустив стекло до половины, Реджис оглянулся по сторонам, чтобы убедиться, что никто не следит за ним, и полез внутрь. Он проскользнул в угол мансардного окна, потом извернулся и протиснулся в комнату через верхнюю оконную створку.

Некоторое время он висел на окне, изучая пол. «Похоже, там ловушка, срабатывающая при нажатии», — сказал он себе, поэтому перебрался по стене в сторону и там легко спрыгнул вниз.

В комнате почти не было мебели, лишь кресло, развернутое к окну, к бескрайней глади моря, и маленький столик возле него — возможно, для обеденного подноса.

Позади кресла виднелась опускающаяся дверь, теперь открытая, и закрепленная лестница, ведущая вниз, в главную часть дома.

В главную часть дома, к богатствам Дедушки.

Реджис начал спускаться, крадучись в темноте. Он шел на цыпочках, бесшумно ступая босыми ногами, запоминая расположение разных коридоров и дверей, останавливаясь и прислушиваясь перед каждой. За поворотом узкого коридора, ведущего в заднюю часть дома, он увидел маленький огонек, просачивающийся из чуть приоткрытой двери. Осторожно, шаг за шагом, двигаясь абсолютно бесшумно, воришка подобрался ближе и заглянул внутрь.

Единственная свеча почти догорела. Реджис увидел огромный стол, слишком затейливо украшенный, чтобы принадлежать мелкому клерку. Решив, что это место, где Дедушка ведет свои дела, хафлинг отважился чуть приоткрыть дверь и заглянуть внутрь.

К его величайшему облегчению, комната была пуста.

К его величайшей радости, она была забита кучей статуй, безделушек, тремя сундуками и множеством других интересных вещей — вероятно, дорогих.

Слишком уж все просто — где-то в глубине души Реджис понимал это. В прежней своей жизни в Калимпорте ему приходилось иметь дело с такими, как Периколо, и он нипочем не проник бы так далеко без малейшего сопротивления. Быть может, все дело в разнице между этими двумя городами, подумал он. Возможно, здесь, в меньшем по величине и более тихом Дельфангле, одной репутации хватало, чтобы гарантированно чувствовать себя в безопасности.

Реджис выпрямился, широко улыбаясь. Он напомнил себе проверить, нет ли ловушек вокруг дверной коробки, но не успел даже начать, как услышал низкое злое рычание.

Не из комнаты, но у себя за спиной.

Реджис медленно повернул голову вбок. Теперь его глаза привыкли к темноте, но все же первое, что он увидел, — две пары глаз, горящих позади, почти на уровне его собственных. Хафлинг затаил дыхание и чуть-чуть продвинулся внутрь комнаты. Сочившегося из приоткрывшейся двери скудного света оказалось достаточно, чтобы Реджис разглядел помимо глаз очертания двух могучих псов и увидел сверкающие клыки сторожевых мастифов.

Он не смел пошевелиться, разве что осторожно переместил руку за спиной, взявшись за край открытой двери.

Собаки зарычали, долго и низко, едва ли в десяти шагах от него.

Реджис понимал, что должен двигаться первым и быстро. Разум его кричал, что надо бежать. Но он не мог, как не мог оторвать взгляда от этих жутких глаз.

Одна из собак рывкнула, разрушая чары, и оба мастифа прыгнули, а Реджис влетел в комнату. Он почти успел захлопнуть дверь, когда ближайший пес ударился в нее, и они начали бороться: собака скребла дверь лапами, с силой наваливалась на нее и лаяла.

Хафлинг в отчаянии налег на дверь плечом, и удача была на его стороне, поскольку как раз в этот миг собака отпрянула — но лишь для того, чтобы удобнее было прыгнуть.

Дверь содрогнулась от удара, и Реджис, спотыкаясь, попятился. Теперь обе собаки рычали, лаяли, кидались на дверь и скребли ее лапами.

Нужно было выбираться отсюда! Он метнулся через комнату к единственному окну, распахнул его, но лишь для того, чтобы увидеть решетку.

Он поискал на ощупь запорное устройство, но ничего не нашел. Из-за двери, из холла, донесся еще какой-то шум.

Он стремительно обернулся.

Дверь задрезжала.

Он задул свечу, сам не зная зачем.

Дверь распахнулась.

Взвизгнув, Паук метнулся в угол и полез по стене, чувствуя жаркое дыхание погони. Он опередил собак, оказавшись вне досягаемости для их щелкающих челюстей, но для чего? Что еще он мог сделать?

Но это было уже не важно, поскольку грохочущий огненный шар рассеял тьму и комната наполнилась пламенем. Реджис скорее увидел его, нежели почувствовал, рассудок вопил ему, что он, конечно, горит.

Ибо горело все вокруг, в том числе и сама стена, на которой он висел. Крича от ужаса, он разжал руки, грохнулся на пол и едва не лишился сознания от удара.

Он ощутил острую жгучую боль и почувствовал свирепый жар, охватывающий все вокруг. Нужно было бежать, но он не мог. Он перекатился на спину и уставился в пылающий потолок.

Он подумал о своем бедном отце.

О Дзирте, и Кэтти-бри, и Бреноре, о том, что поклялся встретиться с ними на горе, с славе, которой они опять должны были добиться вместе.

Но он знал, что на этот раз Ируладун не ждет его.

Тяжелые горящие балки наверху обрушились с оглушительным грохотом, взметнулось пламя.

Он даже не услышал собственного крика.

Глава 12. Наставница

Год Пылающего Великолетия

(1469 по летоисчислению Долин)

Незерил

Все было как в обычном ночном кошмаре. Она беспомощно падала, и ветер оглушительно ревел у нее в ушах. Она кувыркалась и пыталась выправиться, и от этого лишь еще сильнее переворачивалась.

Закружившаяся, потерявшая ориентацию, Кэтти-бри чувствовала, как по лицу хлещут воздушные потоки — результат ее стремительного падения. Лишь тогда до нее дошло, что она кричит изо всех сил, хотя ее голоса даже не было слышно за ревом ветра.

Она заметила, как сменяются перед ее глазами два цвета, коричневый и синий, коричневый и синий, и воспользовалась этим, чтобы определиться с направлением, отличить верх от низа.

Она вытянулась во весь рост и широко раскинула руки — и постепенно смогла остановить вращение.

Но теперь, когда она снова знала, где небо, а где земля, ее потрясло другое открытие: земля была намного ближе и она стремительно приближалась, а у Кэтти-бри не было энергии, чтобы обернуться птицей или кемнибудь еще.

Она была просто человеком, девочкой, чьи кости превратятся в месиво, когда она врежется в землю.

Увидев сцену, разворачивавшуюся в водах ее прорицающего пруда, леди Авельер охнула и прижала руку ко рту. Она взглянула на восток, но все происходило слишком далеко, чтобы Авельер смогла увидеть девочку невооруженным глазом.

— Сюда! Сюда! Поможем ей! — закричала леди Авельер двум своим ученицам, прогуливающимся неподалеку.

Молодые женщины — Даймони и Ша'ква Бин — заглянули в прорицающий пруд, взвизгнули и бросились прочь.

— Нет, нет, нет, — сказала леди Авельер ребенку, который не мог слышать ее. Она не хотела, чтобы все закончилось так! В этой малышке было нечто особое, нечто прекрасное и интригующее.

И теперь все рушилось прямо у нее на глазах. Она мучительно напрягала мозг в поисках заклинания, которое могла бы переслать через прорицающий пруд. Да возможно ли это вообще?

Она услышала, как позади нее кто-то ойкнул. Бросив взгляд через плечо, она увидела

Риалле и Иерику, перепуганных, с широко раскрытыми глазами. Иерика расплакалась от жалости.

Леди Авельер не хотелось даже поворачиваться обратно, поскольку слезы, застилавшие глаза при виде этой жуткой сцены, мешали ей сосредоточиться. Она понимала, что ничего не в силах сделать, и потому велела себе не смотреть на надвигающуюся ужасную катастрофу.

Но не выдержала и, закусив губу, вновь перевела взгляд на падающую Рукию.

Леди Авельер начала творить двомер левитации. Вероятно, он окажется бесполезен.

Но она должна была попытаться.

Теперь она даже не чувствовала, что падает. Казалось, она стоит на сильном ветру, раскинув руки, чтобы захватить этого ветра как можно больше.

Но земля стремительно приближалась.

Маленькая девочка начала произносить заклинание, которое разучила всего пару десятидневок назад. Лишь благодаря ему Кэтти-бри осмелилась взлететь так высоко, поскольку, конечно же, прекрасно знала, что трансформирующая магия ограничена во времени и может внезапно покинуть ее.

Она принялась шептать. Преодолевая ветер, она дотянулась до маленького мешочка и достала перо.

Как же широко раскрылись глаза леди Авельер, когда девочка в прорицающем пруду внезапно замедлила падение и теперь парила, плыла, плавно опускалась вниз!

— Наставница! — вскричала Иерика. — Вы спасли ее!

Но леди Авельер знала, что не делала ничего подобного. В отчаянии она невнятно произнесла заклинание, пришлось начать с начала, а рядом не было никого, чтобы завершить заклинание левитации. В любом случае она знала, что оно не сработало бы через простейшее приспособление для прорицания.

Леди Авельер лихорадочно перебирала в уме возможности: Даймони, одна из двух убежавших от нее студенток, была весьма искусна в заклинании левитации. Именно по этой причине Авельер велела ей помыть верхние окна их обиталища в Анклаве Теней.

Может, Даймони подобралась ближе и спасла девочку?

Но, наблюдая за парящей Рукией, леди Авельер могла лишь покачать головой. Даже окажись Даймони на земле прямо под Рукией, та была бы недосыгаема для подобного двомера.

Ответ мог быть только один.

— Она сотворила заклинание, — сказала леди Авельер двум ученицам у себя за спиной. — Наша маленькая Рукия, по-видимому, выучила новый фокус.

— Более могущественный, чем вся тайная магия, что мы до сих пор видели от нее, — заметила Риалле.

— Но уж точно не сильнее магии друидов, — возразила Иерика. — А у друидов есть такие заклинания?

Не зная ответа, леди Авельер быстро произнесла заклинание обнаружения, адресуясь к прорицающему пруду и проверяя эманации вокруг плывущего по воздуху ребенка.

— Тайная, — объявила она.

— Мы давно наблюдаем за ней, — сказала Иерика. — Как могли мы пропустить такую способность, такой уровень тайной силы? А уж исполнить столь сложное заклинание во время подобного падения!..

— Мы не заметили, потому что это нечто новое, — решила леди Авельер. Она повернулась к своим сконфуженным ученицам и жестом велела двигаться к дому. — Нашу маленькую Рукию кто-то обучает.

Она все еще находилась в нескольких сотнях футов над землей, но теперь она плыла, отдавшись на волю ветра, медленно погружалась, будто в глубокую воду. Она наскоро прикинула высоту и скорость снижения и пришла к утешительному заключению, что времени действия заклинания хватит с лихвой, чтобы благополучно доставить ее на землю.

У нее наготове было еще одно заклинание, позволяющее ей управлять движением, но она передумала и покачала головой. Сейчас ей не хотелось ничем управлять.

Она хотела лететь или по меньшей мере плыть, позволяя могучим ветрам нести ее, куда им заблагорассудится.

Кэтти-бри разглядела внизу некие ориентиры, а по мере приближения земли начала замечать движение то здесь, то там. Она видела волков, греющихся на солнцепеке, и оленей, пасущихся далеко в стороне.

Теперь, при плавном снижении, ветер не так ревел у нее в ушах, но на такой высоте нечего было особенно слышать. Отсутствие звуков лишь усиливало у Кэтти-бри ощущение свободы, и она начинала воспринимать этот полет на крыльях ветра, как до этого воспринимала полет в образе птицы, — как приключение не только тела, но и духа. Ей было чему поучиться у этого ласкающего ветра. На земле мир казался таким прочным и неизменным, но здесь, наверху, паря по воле ветров, она начинала понимать, что он постоянно меняется и находится в вечном движении.

Она закрыла глаза и отдалась своим ощущениям.

Вскоре ноги ее коснулись земли, и ей пришлось немного пробежаться. Она глядела в сияющее небо и вспоминала чувство свободы, полета, падения, парения на крыльях ветров.

В этом, поняла она, и была вся прелесть ее общения с Миликки. Все происходящее с нею было наделено способностью развивать ее зрение, ее мышление, ее способности.

Воистину она ощущала на себе благословение божье.

Несколькими днями позже Риалле разбудила задремавшую леди Авельер, сообщив ей, что Рукия двинулась в путь.

— Иерика, Даймони и Ша'ква Бин приставлены следить за ней, — заверила Риалле.

Тем не менее леди Авельер поспешила к прорицающему пруду, на ходу расспрашивая Риалле. Вскоре она уже вызвала образ девочки. Похоже, на этот раз Рукия была волком и вприпрыжку двигалась в сторону лагеря десаи.

Леди Авельер кивнула, не удивившись.

— Когда стемнеет, она пойдет повидаться с родителями и соплеменниками, — предсказала провидица. И она, Авельер, будет там и все увидит. Она уже несколько раз тайно посещала десаи, оставаясь невидимой, знала расположение лагеря и место, где стояла палатка родителей Рукии.

— Как долго мы еще будем играть в эту игру, наставница? — спросила Риалле, и Авельер, обернувшись, с интересом взглянула на нее. — Она учится, — пояснила Риалле. — Судя по всему, она становится сильнее с каждым днем. Ее будет все труднее поймать и сложнее подчинить.

Правота этих слов со всей силой обрушилась на леди Авельер, и она поймала себя на том, что кивает.

— И мы начинаем уставать от этой бурой равнины, — призналась Риалле.

— Мы?

— Мы все, — ответила ученица. — Да и вы тоже, смею предположить.

Леди Авельер непроизвольно улыбнулась, услышав это обвинение. В конце концов, она не учила своих студенток быть безмозглыми куклами, стремящимися говорить ей то, что она, по их мнению, хотела бы услышать. Нет, ничего подобного. Вступить в Ковен Авельер означало высказывать свое мнение, не боясь кары.

И леди Авельер должна была признать, что в данном случае Риалле права.

— Отправляйся в ее секретный сад, — велела она молодой женщине. — Собери всех остальных, даже тех, что идут по следу Рукии, и расставьте ловушки, как мы обсуждали. Пора нам завлечь маленькую Рукию в наши сети. Я увидела достаточно. Мы знаем, в чем ее сила и ее слабость.

Риалле поклонилась и повернулась к двум другим помощницам.

Леди Авельер отправилась к своему прорицающему пруду и принялась наблюдать за продвижением волка. Довольно скоро, едва солнце начало садиться, она увидела в колеблющейся воде белые и коричневые палатки десаи.

Она рассеяла заклинание и подготовила следующее – телепортацию, после чего очутилась в непосредственной близости от десаи и от Рукии. Простой двумерной невидимости, еще один, чтобы предотвратить магическое обнаружение, — и провидица уверенно вошла в лагерь, весьма довольная собой.

— Что там? — спросила Риалле, когда леди Авельер присоединилась к ней возле потайного сада девочки из племени десаи.

Леди Авельер покачала головой и вздохнула.

— Маги, оба, — ответила она.

— Оба? Рукия и?..

— И оба ее родителя, — пояснила леди Авельер с широкой усмешкой. Она наблюдала за

Рукией в родительской палатке. Авельер ожидала застать тихую ночь с объятиями и поцелуями — возможно, с парой-другой утешительных историй. А вместо этого увидела урок магического искусства, такой же серьезный и изнуряющий, как и те, что она давала своим собственным, куда более старшим ученицам. Родители Рукии, в особенности Кавита, мать, обучали ребенка «славе Ат'ар Безжалостной, Желтой Богини, носительницы света и огня». Рукия с легкостью создавала огненные веера, и сила ее заклинания была весьма велика. Этот маленький ребенок, всего нескольких лет от роду, явно находился в полушаге от создания огненных шаров.

Огненных шаров, хотя она совсем еще кроха!

При мысли об этом у леди Авельер захватывало дух!

— Ее родители практикуют Искусство? — спросила Риалле. — Но они же бедины. Это запрещено!

Леди Авельер жестом велела студентке замолчать, ибо вопрос был спорный, даже неуместный. Наставница прекрасно знала, что среди бединов есть и такие, кто практикует магию, несмотря на все эдикты Анклава Теней. Это не имело значения — ни для Авельер, ни для правителей Незерилской империи. Запрет существовал лишь для того, чтобы эти пользователи магии таились по углам, а не исполняли первые роли в потенциально склонных к бунту племенах.

Риалле продолжала говорить, но леди Авельер еще более энергичным жестом призвала ее к молчанию. Провидица обдумывала их план в свете новой, только что добытой ею информации о Рукии. Она просчитывала предполагаемый ход событий.

Все будет решать скорость.

Кэтти-бри, обессиленная после занятий, не вернулась в свой сад ни в ту ночь, ни до позднего вечера следующего дня, когда вновь затрусила среди выветренных скал в образе волка. Этот облик стал у нее любимым из всех животных форм. Ей было так легко на этих... лапах! И все чувства ее становились такими острыми, в особенности слух и обоняние, что она чувствовала себя вполне безопасно, передвигаясь по равнине.

И ей нравилось, как видели мир глаза волка, с их более широким полем зрения. Хотя ей не доставало яркости красок, присущей человеческому взгляду, четкость «более тусклого» мира поразила ее ясно различимой структурой трав и возможностью замечать даже малейшее движение.

Тем не менее, пробираясь к своему убежищу, она не заметила ничего необычного.

Но едва чужой запах защекотал ей ноздри, она сразу поняла: что-то не так. Она огляделась, потом приняла человеческий облик и продолжала осматриваться, начав заклинание для обнаружения магии, имеющейся неподалеку.

Но не успела она толком приступить к нему, как ее обдала волна рассеивающей энергии и голос у нее за спиной произнес:

— Без фокусов, малышка.

Кэтти-бри резко обернулась и увидела красивую женщину в струящемся пурпурно-синем одеянии, пристально глядящую на нее.

Сразу стали видны и другие, их общая невидимость рассеялась. Пять женщин в таких же

одеждах, но моложе, парящих над ее садом с раскинутыми руками.

— Сдавайся по-хорошему, детка, — предложила седьмая женщина, возникнув рядом со старшей из группы, которая принялась что-то бормотать, словно творя заклинание.

Когда Кэтти-бри поняла, что ужасные незересы снова нашли ее, глаза ее округлились.

— Мы хотим поговорить с тобой, Рукия, — ласково обратилась к ней последняя из возникших перед нею женщин — чересчур ласково, и Кэтти-бри ощутила давление исходящей от ее голоса магии убеждения. — Мы тебе не враги.

Кэтти-бри хотелось верить в это — она уже почти поверила! — но она понимала, что в этом, разумеется, и состояла цель магического воздействия.

Семеро против одной - семеро поджидавших ее. Она не могла сражаться здесь.

Кэтти-бри сделалась птицей и взмыла ввысь.

Вернее, попыталась, поскольку ей пришлось весьма жестоким образом убедиться, что пять парящих в воздухе магов на самом деле играют роль якорей. Старшая женщина сотворила заклинание, и пространство между этими пятью заполнила сеть как раз в тот миг, когда Кэтти-бри пролетала между ними.

Она врезалась в сеть и сразу запуталась. Вспомнив уроки матери, она поняла, что ее единственный шанс — огонь, даже если в результате она неизбежно опалит перья. Но прежде чем она успела прибегнуть к какому-либо заклинанию, вокруг замелькали искры, когда пять летающих магов воспламенили свои ладони, освобождаясь от сети, и та сама, безо всяких якорей, полетела к Земле, увлекая за собой Кэтти-бри.

Она тяжело рухнула на землю, так что у нее перехватило дыхание, и, оглушенная ударом, снова вернулась в свой человеческий облик, оставаясь при этом связанной.

Но в следующий миг сеть исчезла, и три молодые женщины набросились на нее.

Она превратилась в медведя, думая растерзать их в клочья, щ точнее, попыталась, поскольку едва начала заклинание, как на нее обрушились сразу несколько волн рассеивающей энергии.

Потом пришел черед более коварной магии, воздействующей на разум, лишаящей тело возможности выполнять команды мозга, приковавшей ее к месту, Кэтти-бри сопротивлялась и даже сумела отчасти высвободиться из парализующей хватки. Однако это помрачение рассудка дорого обошлось ей. Она ощутила, как ее руки резко заломили за спину и на них немедленно легли магические оковы.

Девочка кричала и отбивалась, но ей лишь недавно исполнилось всего шесть лет, и она физически не могла соперничать со взрослыми женщинами. На голову ей накинули капюшон и повалили на землю, она почувствовала, что ее запихивают в плотный мешок. Принялась брыкаться и не без удовольствия услышала, как одна из заклинательниц вскрикнула от боли. Однако та успела уже слишком глубоко затолкать пленницу в мешок. Остальные засунули туда же ее ноги и накрепко затянули завязки.

Она забилась, и ее с силой пнули. Жестоко пнули, изо всех сил, и еще раз, едва она снова пошевелилась.

— Молчи и не двигайся! — приказала та же женщина, что первой заговорила с ней ^ За каждое слово и каждое движение ты будешь наказана, я тебе обещаю.

Упрямая Кэтти-бри начала протестовать, и ее немедленно пнули снова. Потом кто-то уселся на нее, прижав к земле и не давая пошевелиться.

Дроу Киммуриэль — хозяин своего слова, — сообщил Дрейго Куик Пэрайсу Ульфбиндеру по связи через хрустальный шар. — Он работает с иллитидами, и они вполне сознают, что на самом деле что-то происходит.

— Но они до сих пор не знают, что бы это могло быть, — возразил Пэрайс.

— Они чувствуют расчлененность множественной вселенной. И предупреждают о хаосе и переменах на небесах.

— Загадочные слова — бесполезные слова.

— Пока, — коротко ответил Дрейго Куик. — Дайте им время.

— Вы нашли своего бывшего пленника? Выяснили, действительно ли этот дроу. Дзирт До'Урден, избранный смертный?

Никто не смог найти его, хотя искали многие, включая Джарлакса из Бреган Д'эрт. Этот Дзирт словно исчез из нашего мира. Но это не имеет значения. Он никогда не был особенно важен для меня и уж точно не важен теперь, когда я заключил сделку с Киммуриэлем, а тот даст мне ответы на такие вопросы, о которых Дзирт и понятия не имел.

— Нужен ли нам другой пленник, способный ответить на вопросы?

А нужны ли они нам вообще и были ли нужны когда-либо? — спросил Дрейго Куик. — Я не стану гоняться за Дзиртом снова, как не стану добиваться отмщения для этой организации дроу, с которой мы оба до сих пор имеем дело.

Пэрайс Ульфбиндер нервно постучал кончиками пальцев друг о друга.

— Вы поделились с Киммуриэлем «Тьмой Черлриго»?

— Разумеется, нет! — ответил Дрейго Куик. — Мы договорились, что я прощаю Бреган Д'эрт нападение на мой дом в обмен на информацию, собранную Киммуриэлем за время, проведенное среди пожирателей разума. Я не планировал и не предлагал никакого обмена любезностями, а лишь хотел продолжить наше торговое соглашение с наемниками-дроу ко взаимной выгоде и ради нашей общей пользы.

— Но возможно, наш сонет — это ключ, который иллитиды могли бы счесть важным для своих поисков божественной правды.

Дрейго Куик умолк, и Пэрайс видел, что застал старого лорда врасплох.

— Что ж, возможно, в будущем, но только с вашего согласия, уверяю вас, — решил Дрейго Куик.

Пэрайс кивнул — именно это он и надеялся услышать. Он распрощался с Дрейго, накрыл хрустальный шар тканью, поднялся и отправился обратно в приемную, где оставил свою гостью.

Возвратившись в комнату, он приготовил напитки для себя и для леди Авельер и уселся напротив гостыи в кресло перед растопленным камином.

— Избранная или вундеркинд? — рассеянно задал он вопрос, который они обсуждали во время предшествующей дискуссии, до того как он, извинившись, удалился, сославшись на срочное дело.

— Не думаю, что мы сможем это выяснить, — ответила леди Авельер. — Конечно, она очень талантлива в Искусстве — похоже, скорее божественном, нежели тайном.

— А божественное может означать...

— Нужно понаблюдать, — многозначительно ответила леди Авельер. — По магическим

шрамам тоже ничего не скажешь. Возможно, эта маленькая Рукия причастна к магии совершенно неведомым нам образом, по крайней мере, на теперешнем уровне, но это едва ли означает, что она избранница какого-то конкретного бога.

— За ней стоит понаблюдать, — согласился Пэрайс, и леди Авельер вздохнула с явным облегчением.

— Вы думали, я ее убью? — скептически поинтересовался незересский лорд.

— Такая мысль приходила мне в голову.

— Для чего?

— А для чего вообще возиться с ребенком? Для чего охотиться на этих смертных избранных, которых вы, похоже, боитесь? А если вы боитесь их, разве из этого не следует, что вы предпочли бы уничтожить их?

Пэрайс Ульфбиндер покачал головой:

— Я просто хочу знать, и ничего более. Вы знакомы с моим другом Дрейго Куиком?

— Лордом, живущим за пределами Глумрота?

— Да.

— С которым вы только что говорили. — Она не спрашивала, а утверждала.

Пэрайс бросил на нее лукавый взгляд.

— Вам же известны мои титул и профессия, — поддразнила его провидица.

Незересскому лорду оставалось только рассмеяться. Он доверял Авельер — она действительно знала многое, касающееся его работы с древним сонетом и консультаций с Дрейго Куиком по истолкованию последних событий.

— Несколько лет назад лорд Дрейго поймал необычного дроу, — пояснил Пэрайс. — Бродягу по имени Дзирт До'Урден. По слухам, он — любимое дитя Миликки, и по слухам же — невольный Избранный Госпожи Ллос.

— Какой чудесный набор поклонниц.

— Действительно, — согласился со смехом Пэрайс, отхлебнув из бокала. — Лорд Дрейго упустил своего пленника пару лет назад, хотя за тот год, что этот дроу пробыл у него... э... в гостях, Дрейго в любом случае не узнал от него ничего сколько-нибудь ценного.

— Что ж, возможно, нашу- маленькую Рукию будет легче приручить.

— Что мы знаем о ней?

— Она может менять облик — дар одного из двух ее магических шрамов, полагаю; и дело весьма нелегкое, — ответила леди Авельер. — Лишь могущественные друиды могут достигать такого уровня превращения в животных.

Пэрайс кивнул.

— Она убила Унтариса и Алпирса, как вы и подозревали, — добавила Авельер. — То была не случайная молния, а направленный сокрушительный удар, нанесенный этим ребенком.

— Вы сказали, что эти глупцы пытались убить ее мать. Могу ли я винить ее в том, что она защищала свою семью?

Услышав столь удивительный ответ, леди Авельер явно решила, что он прочел ее мысли. Она запнулась и уставилась на своего друга Пэрайса.

— Алпирс и Унтарис были идиотами, оба, — пожал плечами лорд.

— И она спасла в этой схватке свою мать при помощи довольно мощной исцеляющей магии.

— Из шрама?

Теперь уже леди Авельер оставалось лишь пожать плечами:

— У нее есть две любопытные отметины. Возможно, они имеют отношение к делу; возможно, нет.

— Вы доверяете своей компании учениц? — спросил Пэрайс.

— Безоговорочно, - заверила его леди Авельер.

В конце концов, я отличная шпионка.

Поняв, что она имеет в виду, Пэрайс мог только рассмеяться и поднять бокал за ее, несомненно выдающуюся, способность понимать поступки окружающих.

— Мне бы не хотелось, чтобы молва о Рукии вышла за пределы этой комнаты и вашей башни, — пояснил незересский лорд. — Если в Анклаве Теней станет известно, что это дитя убило двух наших агентов и что она обучалась Искусству под руководством двух бединских магов... да, последствия могут быть воистину ужасными.

— Вы не хотите наказывать ее.

— Я не хочу ни побоища для этого племени десаи, никакой-либо войны вообще, ни интереса кого-либо еще к этой необычной Рукии. Этот ребенок может иметь огромное значение для нас, но она нам не враг — ни теперь, ни, хочется верить, в дальнейшем. Унтариса и Атпирса послали не убивать, а похитить ребенка, так что эти глупцы заслужили свою участь. И я послал только их, в то время как остальные отправились в такие же экспедиции за другими потенциально избранными смертными, поскольку я не ожидал, что можно так легко увидеть события, которые вскоре могут начать происходить вокруг этой малышки.

— Каких действий вы ожидаете от меня по отношению к девочке?

— Какой ответ вы хотели бы от меня услышать? - пожал он плечами и снова пригубил напиток, делая вид, будто ему просто все равно.

Лицо леди Авельер расплылось в улыбке.

Она оценивала потенциал своей новой ученицы.

Часть 3. Незапланированные обязательства

Я не мог спланировать свое путешествие. Не какое-то конкретное, в город или в определенное место, а путешествие моей жизни, дорогу, по которой я шел с самых первых дней. Я часто слышал, как люди говорят, что не жалеют о своем выборе, поскольку в результате его они стали тем, - кто они есть.

Не могу сказать, что полностью согласен с подобным мнением, но я, безусловно, понимаю этих людей. Задним умом судить легко, но принять решение в нужный момент куда труднее, «правильный» - выбор зачастую гораздо труднее распознать.

Что опять-таки возвращает меня к исходной: мысли: я не мог спланировать это предпринятое мною путешествие, эти десятилетия извилистых дорог и неожиданных поворотов. Даже когда я специально шел в определенном направлении, например покидал Мензоберранзан, я не мог предвидеть долгосрочные последствия своего выбора. Действительно, в том случае я полагал, что, скорее всего, найду свою смерть, и достаточно скоро. Разумеется, это не был самоубийственный выбор - ни в коем случае! Духовным самоубийством мне представлялась обыденная жизнь в Мензоберранзане, и я решил, что даже малейший шанс избежать ее стоит того, чтобы сыграть в эту игру.

Я никогда не думал, что эти первые шаги выведут меня из Подземья в Верхний Мир. И даже когда это стало очевидным, я не мог предвидеть того, что ожидало меня впереди: любовь Монтолио, а затем — дом и семья, обретенные мною в Долине Ледяного Ветра. В тот день, когда я ушел из Мензоберранзана, предположения, что моим лучшим другом станет дворф и я женюсь на женщине человеческой расы, вызвали бы лишь озадаченный и недоверчивый взгляд!

Вообразите Дзирта До'Урдена из Дома Дармон Н'а'шезбернон, сидящего по правую руку от короля Бренора Боевого Топора из Мифрил Халла, вместе с королем Бренором сражающегося против предпринявших набег дроу из Мензоберранзана! Абсурд!

Но это правда.

Это жизнь — приключение слишком сложное, слишком завязанное на множество различных факторов, чтобы быть предсказуемым. Столь многие пытаются спланировать и заранее определить свою жизнь, жестко и непреклонно, и таких я могу лишь пожалеть. Они ставят перед собой цель и преследуют ее, исключая все остальное. Они видят некую воображаемую финишную черту и в одиночестве рвутся к ней, не глядя по сторонам.

У жизни есть лишь одна несомненная цель: смерть.

Правильно, и необходимо, и важно — ставить задачи и

добиваться их решения. Но рассматривать их столь обособленно, учитывая, что путь к цели займет многие месяцы, даже годы, — значит упустить цель куда более важную. Этот опыт ценен, поскольку именно совокупность всего пережитого, запланированного или неожиданного, делает нас теми, кто мы есть. Если вы рассматриваете жизнь как путь к смерти, если действительно понимаете эту конечную цель, тогда именно настоящее становится наиболее важным, а если настоящее важнее будущего, значит вы и в самом деле научилась жить.

Одним глазом нужно смотреть в будущее, для которого ты предназначен, а другим — под ноги, на твою теперешнюю тропу, так я считаю.

Я уже говорил и повторю снова — поскольку это ценный урок, заслуживающий того, чтобы быть повторенным часто, — что многие, оказавшись перед лицом неминуемой смерти, например в случае болезни, которая, вероятно, в течение года сведет их в могилу, нередко утверждают, будто этот недуг — лучшее, что случилось с ними в жизни. Именно неотвратимость смерти необходима, чтобы они снова начали видеть восходы и закаты, замечать красоту одинокого цветка среди камней, ценить своих близких, чувствовать вкус пищи и наслаждаться прохладой легкого ветерка.

Ценить свой путь — значит жить в настоящем, даже если ты нацелен в будущее.

В любом случае всегда существуют непредвиденные последствия. Обычно мы не выбираем тех, кто становится важным для нас. О, возможно, мы избираем себе супругов, но это лишь кто-то один из множества наших возлюбленных. Мы не выбираем родителей или братьев и сестер, но обычно любим их. В детстве мы не выбираем соседей, город и страна тоже предопределены для нас — во всяком случае, вначале. Лить немногим удастся вырваться из этих социальных уз. Мне удалось, но лишь по причине экстремальной природы Мензоберранзана. Родись я и вырасти во Вратах Балдура и начни этот город воевать с Глубоководьем, под чьим флагом я сражался бы? Почти наверняка на стороне города, где я родился, где живут мои родные и друзья. Это не стало бы нейтральным выбором, на него практически наверняка оказали бы влияние прежние события, большие и малые, бывшие эмоциональные привязанности, которых я мог даже не осознавать. Прежде всего я дрался бы за свой дом, потому что это мой дом!

Дом, который я сознательно не выбирал.

Как я понял, это еще более верно, если говорить о приверженцах разных богов. Во всяком случае, для большинства людей. Детей обыкновенно растят в духе веры, принятой в семье; этот моральный код становится частью их личности, глубинной

составляющей самого их существа. И тем не менее исходные принципы у столь многих богов идентичны, если очистить их от почти несущественных частных деталей. Лишь эти мелкие нюансы в ритуалах или несущественных догматах могут расходиться, а в более широком контексте — какая разница? Даже эти кажущиеся незначительными расхождения затрагивают самые глубинные родовые узы всякого чувствующего существа, и лишь немногие способны стать выше подобного фанатизма и взглянуть на конфликт, если таковой вдруг возникнет, глазами другого человека.

Все это пути, которые не мы сами выбираем, путешествия в обществе любимых людей, которых мы полюбили неосознанно.

«Чем лучше знаешь, тем меньше ценишь», — гласит старая поговорка, но на самом деле близкое знакомство порождает семейные узы и семейную любовь, и эта связь воистину крепка. Я полагаю, что нужны какие-то чрезвычайные обстоятельства, чтобы брат пошел против брата. И печально, что войны в большинстве своем происходят не из-за каких-то исключительных моральных разногласий или конфликта философий.

И поэтому старые связи обычно сохраняются в момент такого конфликта. Провести детство среди братьев и сестер означает связать себя узами, которые не могли бы возникнуть вне семьи. Мудрый дэру сказал мне как-то, что лучший способ сплотить граждан вокруг их короля пригрозить ему, поскольку, даже если те же самые граждане человека могут ненавидеть, родину они ненавидеть не станут, а угроза правителю становится угрозой прежде всего их отечеству.

Я нахожу, что подобная ограниченность чаще свойственна людям и иным мало живущим расам, нежели эльфам, темным или светлым, — причем по очень простой причине: дети эльфов редко растут в единой семейной группе. Более вероятно, что у ребенка из Народа братья и сестры будут старше его лет на сто, чем окажутся его сверстниками.

Наши пути уникальны, но они проходят не в изоляции. Пути множества людей пересекаются, и всякий раз подобное пересечение — это потенциальный переулочек, скользкая тропа, новое приключение, неожиданная эмоциональная связь.

Нет, я не мог спланировать этот путь. И воистину рад этому.

Дзирт До'Урден.

Глава 13. Сын своего отца

Год Темного цикла

(1478 по летоисчислению Долин)

Твердыня Фелбарр

Твой отец предпочитал молот и меч, — заявил рваный Дайн, когда отряд подошел ко внешним вратам. Дайн получил такое прозвище из-за своей задиристой манеры боя и привычки лезть на рожон очертя голову, отчего все лицо его было покрыто боевыми шрамами.

— Я не мой отец, — угрюмо буркнул Бренор, вскинув на плечо, свой боевой топор.

— Хорошенький тон для безбородого юнца, верно? — вступил в разговор Огнун Кожаный Ремень, командир. Он подтолкнул Малыша Арр Арра плечом и шутливо ткнул ему кулаком в челюсть. Тут, однако, глаза его широко раскрылись, и он начал пристально разглядывать младшего из своих пехотинцев. — Глядите-ка! Малыш Арр Арр начал обзаводиться бородой!

— Реджинальд, — поправил Бренор. Как ему хотелось избавиться от всего этого притворства — сейчас же, немедленно. Он Бренор Боевой Топор, восьмой король Мифрил Халла, десятый король Мифрил Халла, воитель Долины Ледяного Ветра. Как он хотел прокричать об этом, громко и во всеулышание!

Но Огнун подметил верно, поскольку Бренор действительно начал обнаруживать — наконец-то! — зачатки бороды, огненно-рыжей, очень похожей на ту, которую он носил в прежней жизни. Он гадал, будет ли и сам выглядеть так же, как в той, другой жизни. Прежде он не очень-то задумывался об этом, но теперь, когда начала пробиваться борода, до него дошло, что он вполне может оказаться физической копией короля, которым был когда-то.

Пока что, конечно, без шрамов и, с горечью подумал он, взглянув на свой новенький топор, без множества зазубрин, заработанных им в битвах.

Он снял оружие с плеча и, не обращая внимания на продолжающиеся подначки, принялся разглядывать чистое и гладкое лезвие. Он вспомнил свою первую зазубрину в прежней жизни, результат замечательного приключения с эттином в туннелях возле Мифрил Халла, и понял, что в том бою был куда старше, чем теперь. Три месяца назад был пятнадцатый день рождения Реджинальда Круглого Щита, то есть он теперь на десять с лишним лет моложе, чем Бренор во время первого настоящего похода в своей прошлой жизни. Воистину, Реджинальд Круглый Щит, Малыш Арр Арр, был куда более искусным воином твердыни Фелбарр, нежели юный Бренор — воином клана Боевого Топора, несмотря на то что весь его опыт сводился пока к боям на тренировочных площадках. Но зато, конечно, в той, прошлой, жизни Бренор был принцем Мифрил Халла и перед ним открывались огромные возможности для совершения великих дел, чего ему не видать, будучи Реджинальдом.

Его память устремилась сквозь годы, ко множеству сражений — он снова запрыгивал на

спину Мерцающему Мраку; освобождал Вульфгара от демона Эррту; разрубал череп Матери Бэнр, когда дроу бросили им вызов; словно утес, рассекал море слуг Обальда, хлынувших в Долину Хранителя, — и Бренор глубоко и смиренно вздохнул. Сможет ли он прожить такую жизнь заново? Сумеет ли действительно начать все сначала, без единой зазубрины на топоре, и создать себе имя, достойное клана Боевого Топора?

И самый сложный из всех вопросов: для чего?

— Значит, боги могут просто стереть все начисто и сделать вид, что ничего и не было, так? — пробормотал он.

— Что такое, мальчик? — спросил Рванный Дайн. — Вытереть? Нет, это у тебя выросли настоящие волосы, твоя борода будет густой и рыжей. Ты теперь не Малыш Арр Арр! Ты просто Арр Арр, как твой отец.

— Реджинальд, — спокойно повторил Бренор, и Рванный Дайн расхохотался, как и остальные пятеро дворфов их разведывательного отряда. Бренор знал, что они никогда не уступят и не перестанут поддразнивать его.

Не то чтобы это. докучало ему. Какая разница? Его могли бы называть хоть Морадином, и все равно в итоге останутся кости и камни, и ничего больше.

Он готов был зарычать, но сдержался.

— День за днем, шаг за шагом, — сказал он себе. Его новая молитва против шепота отчаяния.

— За воротами поворачиваем на север, ребята и девчата, — сказал Огнун своей боевой группе. — К Ровинским горам и Тропе Боевого Венца. Говорят, что гоблинскому отродью там стало чересчур вольготно.

— Хей-хо, значит, в бой! — воскликнула Таннабричес Опустившийся Молот, Кулак из парочки Кулак и Фурия.

— Хей-хо! — подхватил Рванный Дайн, но уже с иронией. Всякому патрулю, выходящему из Фелбарра, было велено ожидать неприятностей, но, увы, неприятности встречались редко.

— Нет уж, довольно с меня Маллабричес, — рассмеялся Огнун Кожаный Ремень, имея в виду сестру-близнеца Таннабричес с очень подходящим прозвищем Фурия. Эту пару разлучили, и Маллабричес отправили обратно в учебный отряд, после того как она заехала в нос человеку, странствующему торговцу, когда он посмеялся над ее предположением, будто он продает свои товары оркам.

Понижение Маллабричес освободило для Бренора место в боевой группе, что не слишком-то нравилось Таннабричес, которая была тремя годами старше Бренора, о чем часто напоминала ему, неизменно заводя одну и ту же песню: «Не слишком-то радуйся, Малыш Арр Арр. Моя сестра вернется, и тебя снова отправят к детишкам, твоим приятелям».

«Ага, может, тогда я смогу снова рассказать им всем, как отпинал твою тощую задницу», — всегда отвечал Бренор, и снова и снова дело едва не доходило до драки. Едва, поскольку было очевидно, что неистовая Таннабричес не хочет иметь дело с Малышом Арр Арром один на один.

— Пять дней мы пробудем в горах, — услышал Бренор пояснения Огнуна, когда вновь сосредоточился на общем разговоре. — И за эти пять дней мы перероем всю округу, уж будьте уверены, в поисках малейших следов. Если там, наверху, есть гоблины, наша задача — чтобы король Эмерус знал об этом наверняка.

— Принести ему их уши? — уточнила Таннабричес.

Огнун рассмеялся.

— Ну, если подвернется случай, то да. Но куда вероятнее, что мы отыщем лишь признаки гоблинов — следы и экскременты. Мы найдем их, и король Эмерус наверняка пошлет большую боевую группу, и... — Он помедлил и выставил перед собой ладонь, утихомиривая вечно возбужденную Таннабричес. — И да, будьте уверены, что я попрошу, чтобы мы вшестером оказались в ней в первых рядах.

— Хей-хо! — возликовала Таннабричес Опускающийся Молот.

Как самым молодым участникам разведывательной группы, Бренору и Таннабричес поручалась большая часть черной работы вроде сбора хвороста для костра.

Зима уже ослабила свою хватку, которой держала Ровинские горы и все территории Серебряных Земель, но лишь слегка. На такой высоте относительно твердыни Фелбарр еще можно было отыскать небольшие снежные заплатки, а на ночном ветру и бывалый дворф залязгал бы зубами от холода.

— Ну, пошли же, — проворчала Таннабричес Бренору, когда они описали очередную дугу, двигаясь по извилистому руслу, пробитому за столетия потоками талых вод в громадном каменном уступе. — Там уже развели костер, добавила она, когда из ущелья стал виден их лагерь внизу, в небольшой лесистой долине, усеянной валунами.

— Клянусь богами, Кулак, — запротестовал Бренор, — у меня болят ноги и урчит в животе.

— Тем более есть причина шагать побыстрее, верно? — бросила она через плечо, странно хрюкнув в конце, что Бренор принял за фырканье.

В следующий миг ее вязанка хвороста упала на землю, а Таннабричес повалилась навзничь — с копьём, торчащим из груди.

Глаза Бренора округлились. Он отшвырнул прочь хворост и плашмя упал на землю, и очень вовремя, поскольку следующее копьё пролетело над ним и с треском ударилось о каменную стену туннеля.

Бренор на четвереньках поспешил к своей лежащей напарнице и поморщился при виде прескверной раны. Из-под древка копья, глубоко засевшего чуть пониже ключицы, совсем близко от сердца бедняжки, фонтаном била кровь. Дрожащей рукой Бренор попытался удержать древко, чтобы оно не раскачивалось, видя, что малейшее его колебание причиняет бедной Таннабричес мучительную боль.

— Беги, — прошептала раненая девушка, выталкивая слова вместе с кровью. — Я уйду в Дом Дворфа. Предупреди, остальных!

Она закашлялась, и начала сворачиваться калачиком, Бренор, делавший все, чтобы ей помочь, вдруг поднял взгляд, услышав приближение врагов. По доносящемуся топоту он понял, что в считанные мгновения они наводнят туннель.

— Иди! — взмолилась девушка.

Будь Бренор действительно Малышом Арр Арром, неопытным юнцом всего лишь пятнадцати зим от роду он, вероятно, последовал бы ее совету. Бренор не мог отрицать ни того, что даже при его опыте внутри него засел страх, ни очевидной истины, что его долгом было предупредить Огнуна, и Рваного Дайна, и остальных...

Но он не был Малышом Арр Арром. Он был Бренором Боевым Топором, научившимся за столетия превыше всего ставить верность тем, кто прошел через самую смерть и вернулся обратно, насквозь пропитанный яростью.

Рыча, с неизвестно откуда взявшейся силой, которой он в себе и не подозревал, Бренор ухватился за древко копья обеими руками и переломил его, оставив лишь короткий обломок, торчащий из ужасной раны. В то время как одной рукой он отшвырнул сломанное древко прочь, другой рукой Бренор ухватил Таннабричес за ворот и легко забросил себе на плечи, и не успела еще ноша коснуться его спины, он кинулся наутек.

Бренор услышал позади вопли и представил себе град копий, летящих ему вдогонку. Это лишь заставило взбешенного дворфа развернуться, чтобы встретить смертоносный шквал лицом к лицу и чтобы Таннабричес по возможности оставалась у него за спиной, дабы ее тело не стало случайно щитом для него.

Действительно, к нему неслись три копья, и метнувшие их орки, едва ли в десяти шагах от него, взвыли, предвкушая убийство.

Бренор ухитрился увернуться от одного, принять на щит второе и отбить третье топором, так что оно лишь вскользь задело его по боку, больно ужалив сквозь кольчугу, но не причинив серьезного вреда.

Однако из-за этих резких движений он едва не выпустил свою напарницу, и она начала сползать. Но Бренор опять-таки лишь зарычал и переменил ногу, снова подхватив Таннабричес, и помчался вниз по тропе.

— Орки! — кричал он, прыгая с камня на камень вниз по крутому склону и каким-то образом, просто чудом, ухитряясь удерживать равновесие.

Он стремительно влетел в молодой лесок, наконец оступился и полетел вниз головой, и Таннабричес у него на плечах подпрыгнула, вдавив его лицом в землю, и вяло перекатилась к костру.

— Мандарина! — заорал Рваный Дайн Мандарине Яркому Поплавку, жрецу группы Женщина-дворф выплюнула кусок мяса, который жевала, и кинулась за своей медицинской сумкой.

— Орки! — крикнул Бренор, отплеываясь грязью.

В тот же миг наверху раздался громкий треск, на лагерь посыпались сломанные ветки, и огромный камень грохнулся на землю, придавив бедному Огнуну Кожаному Ремню ступню. Ох, как же он взвыл!

Бренор и Магнус Кожаный Ремень, шестой член отряда и четвероюродный кузен Огнуна со стороны отца, одновременно подскочили к камню, пытаясь столкнуть его с ноги своего командира, но, к несчастью, они оказались по разные стороны камня и, сами того не желая, работали друг против друга. Кряхтя и постанывая, дворфы переместились, чтобы встать по обе стороны от Огнуна, но это создало новую проблему для бедного Бренора и еще более бедного Огнуна, поскольку, когда Бренор огибал камень, древко копья, намертво засевшего в его щите, развернулось тоже и огрело Огнуна по голове.

— Ах, дьявольщина! — воскликнул Бренор, выпустил топор, ухватился освободившейся рукой за копьё и рывком выдернул его. Потом развернулся и всей тяжестью изо всех сил навалился на камень, и вместе с присоединившимися Огнуном и Магнусом ему удалось сдвинуть его настолько, чтобы командир смог высвободить ногу.

— Лучше отойти на запад! — крикнул Рваный Дайн с верхушки валуна на краю лощины.

— Уходим! Уходим! — приказал Огнун.

— Ох, ее же нельзя трогать с места! — запротестовала Мандарина.

— У тебя нет выбора! — стоял на своем Огнун. Он, прихрамывая, подошел ближе и умолк, поскольку и ему, и остальным двоим было ясно, что Мандарина говорит не просто так и не преувеличивает.

Таннабричес, похоже, находилась на грани жизни и смерти.

Но орки приближались, и очередной тяжелый камень с треском пролетел сквозь ветви прямо над головами дворфов.

— С ними, великан, — предупреди Магнус.

— Бегите! — выкрикнула Таннабричес, собрав остатки сил.

Остальные трое посмотрели на Огнуна, Бренор видел боль на лице бывалого, но не разучившегося сострадать командира и понимал, что у Огнуна нет выбора, ради них всех и ради твердыни Фелбарр.

— К Рваному Даину, живо, — тихо произнес Огнун, и слова его каким-то образом отчетливо прозвучали на фоне все более громких воплей наступающих орков.

— Марш! Марш! — скомандовал он, поднимаясь на ноги.

Эти слова пронзили сердце Бренора сильнее, чем острое копьё — грудь Таннабричес.

— Нет! — выкрикнул он, прежде чем успел остановить себя. И хотя слово прозвучало лишь в его мозгу, Бренор так и не понял этого. Протест, и не только против того, чтобы бросить девушку, но против всего вообще. Крик был адресован богам, виновным в этой трагедии, богам, сделавшим посмешище из жизни, которую отдал им Бренор, из веков верности и чести.

«Нет! — кричал его разум самому себе и Морадину. — Нет всему! Нет!»

И в этот кратчайший миг Бренор не смог противиться внезапному и неожиданному ощущению. Он ощутил то же, что испытал уже однажды на троне в древнем Гаунтлгриме: услышал мудрые советы Думатойна, спокойные приказания Морадина и, главное, ощутил, как сила Клангеддина вливается в его юные мышцы.

— Нет! — произнес он снова, уже вслух, дорвал со спины плащ и кинул его Огуну. — Сделайте ей носилки! — приказал он.

Огнун недоверчиво уставился на него.

— Слишком много! — крикнул Магнус.

— Через меня не пройдут! — рявкнул Бренор, резко развернулся, подхватил топор и щит и, свирепо рыча, подскочил к валуну и прижался к нему спиной. С уверенным видом подмигнув трем своим товарищам, хлопотавшим вокруг Таннабричес, он выскочил из-за камня, гикая и размахивая топором.

Ближнего к нему орка он застал врасплох: тот как раз отвел руку, готовясь метнуть копьё в группу у костра. Топор Бренона с хрустом врубился в грудь существа, отбросив его назад. Едва высвободив топор, Бренор снова ринулся в бой, спину его прикрывал валун.

Бренор высоко вскинул щит и, упав на колени, подсек ноги орка в тот самый миг, когда неприятельская дубинка с силой обрушилась на него.

Дворф тут же вскочил на ноги и прыгнул к следующим двум оркам, тесня их щитом. Он никого не ранил, широко взмахнув окровавленным топором, зато сумел выбить меч из руки одного противника и на треть укоротить копьё другого.

Он не успокаивался и не собирался смирять овладевшую им свирепую ярость, он делал выпады, и уворачивался, орудовал щитом и непрерывно вопил. Ошеломленные орки

кинулись назад, налетев на свои же подкрепления и. тормозя орочью атаку.

В эту свалку врезался Бренор, свирепо кромсая и рубя, нанося удары щитом, даже кусаясь, когда представлялась такая возможность. Ему сильно врезали дубинкой и от гулкого удара шлем едва не слетел с его. головы! В тот момент и еще долго после он видел предметы неотчетливо; но это было не важно. Дворфа не заботили ни четкость зрения, ни даже тактика.

Он словно обезумел от гнева. На Миликки — за то, что искушала его и заставила начать жизнь сначала. На Морадина, допустившего это! На Кэтти-бри и Дзирта, и больше всего на себя — за то, что ему не. хватило ума шагнуть в ируладунский пруд вместе с Вульфгаром, отправиться в Дом Дворфа, к заслуженной награде.

А теперь... все это бесполезно! Подумать только: он потерял полтора десятка лет для того лишь; чтобы погибнуть на холодном горном склоне, защищая клан, который не был его собственным, во славу имени, которое ему не принадлежало, и к очевидному провалу, его миссии — помощи Дзирту.

Это уже чересчур. Просто чересчур.

Он ощущал уколы — или то были удары? — орочьих копий и не обращал на них внимания, и снова шел в атаку и ревел, протестуя. Он чувствовал, как его топор впивается в мясо и врубается в кости. Он слышал вопли своих врагов, крики ярости, боли и — сладчайшие из всех — страха.

Лишь однажды он смог оглянуться и мельком заметил, что там происходит, хотя похоже было, что три дворфа тащат Таннабричес, стараясь унести ее подальше. Он надеялся на это.

Но даже это уже не имело значения.

Он налетел на двух очередных орков, и они втроем в клубком покатались по земле. Даже чувствуя во рту вкус грязи, Бренор, продолжая работать топором, перерубил хребет одному из противников. Ему как-то удалось упереть край щита в горло другого врага и с силой навалиться на него, используя шею орка в качестве упора, чтобы снова подняться.

И наконец Бренор был свободен и стоял в одиночестве. Он быстро обозрел окрестности.

Орки разбегались во все стороны, некоторые оказались у него за спиной, и это вызвало у него сильнейшее раздражение. Но, оглянувшись, он успокоился, увидев, что Магнус и Мандарина уносят Таннабричес на носилках, могучий Огнун готов встретить бегущих врагов, а умелый боец Рваный Дайн, пыхтя и отдуваясь; спешит присоединиться к нему.

Бренор отвернулся как раз вовремя, чтобы уклониться от летящего в его сторону огромного камня. Там, впереди, стоял великан, громадное чудовище. Не холмовый великан, как можно было ожидать от орков, но некто куда более огромный.

— Беги! — услышал он крик Огнуна, и это! разумеется, было единственно возможным действием, когда перед тобой такой противник.

Единственно возможным для пятнадцатилетнего Реджинальда, пожалуй.

Но не для Бренора Боевого Топора, короля Мифрил Халла.

Он ринулся в атаку.

Горный великан был втрое выше его и не менее чем в десять раз тяжелее. Но Бренор бросился на него рыча отвлекая на себя внимание гиганта, собравшегося швырнуть очередной камень.

С глупым видом великан ухнул и запустил обломком скалы в приближающегося юного, почти безбородого дворфа. Камень ударился о землю в нескольких футах перед Бренором, подпрыгнул и едва не угодил в него, но дворф успел броситься на землю.

К тому моменту как камень вновь отскочил от мерзлой земли, Бренор уже был на ногах и бросился-бежать. Он думал подобраться прямо к исполину, проскочить между его похожими на древесные стволы ногами и подрубить подколенные сухожилия топором.

Однако он передумал, когда великан схватился за вырванное с корнем дерево толщиной с Бренора, используя его в качестве дубины.

Дворф метнулся влево, придумывая другой план, поскольку здесь тропа поднималась вверх под прикрытием каменной стены. Он вовремя заскочил туда — импровизированная дубина позади него с такой силой обрушилась на землю, что почва содрогнулась и Бренор едва не потерял равновесие.

Сыпля проклятиями на каждом шагу, говоря себе, что надо попросту убежать, всем назло, и Девять Крутой Ада с ними со всеми, Бренор отчаянно работал своими, молодыми ногами. Проклятия были настоящими, как и его злость, но он не мог бросить своих товарищей-дворфов. Отчасти ему и хотелось бы этого, хотя бы назло Морадину, но Бренор Боевой Топор просто не привык так поступать.

Он побежал дальше, огибая уступ и поднимайся все выше.

Орк выскочил прямо перед ним, застав его врасплох. Бренор тщетно попытался закрыться щитом, но не смог должным образом отбить копьё и ощутил, как наконечник впивается в его живот, в ответ на этот жестокий удар он рубанул топором сверху вниз, и раздробил орку череп. Тварь отлетела в сторону, а Бренор пошатываясь, шагнул вперед и от этого движения копьё лишь, вошло еще глубже.

Дворф дрожащей рукой ухватился за копьё, собираясь выдернуть его. Но, едва начав тянуть, он отказался от этой затеи. Наконечник был с зубринами, и с ним вместе наверняка вывалились бы все внутренности.

— Значит, теперь ты убил меня в бою, да, Морадин? - выговорил он, опускаясь на одно колено и изо всех сил пытаясь сохранить равновесие. — Ну чем не достойный конец твоей игры? Ты даже не позволил это сделать великану. Это должен был быть орк...

Кривясь и пытаясь остановить кружащийся мир, дворф несколько мгновений обдумывал свои слова.

Орк возможно, из орков Многих Стрел. Орк, живущий в этих краях благодаря решению, принятому Бренором сто лет назад.

Наверху на тропе появился еще один орк. Заметив раненого Бренора, он взвыл от восторга и бросился к дворфу, стоящему на коленях с копьём в животе.

Едва они свернули, как огромный валун обрушился на тропу позади них, напоминая дворфам о великане. Но и впереди их ожидали проблемы: там на тропе столпилась куча орков.

— Клянусь богами, нам в любом случае придется драться, — заметил Рваный Дайн. — И сзади врагов явно меньше!

— Зато размерами они гораздо больше, — напомнил Магнус.

— Да, и лучше погибнуть в бою с великаном, чем с вонючими орками! — воскликнул Огнун Кожаный Ремень. Он развернулся и хлопнул по плечу своего старинного друга Рваного Дайна. — Пошли, попортим ему коленки, чтобы остался хромым на веки вечные!

Рванный Дайн ухмыльнулся, как способен ухмыляться, только дворф, знающий, что вот-вот погибнет в схватке Он первым развернулся и вышел из-за поворота.

Великан увидел его и, конечно, услышал крики — его и Огнуна, стоящего рядом.

Чудовище двинулось было вверх, к каменистой вершине, держа в руке большую дубину, но, увидев дворфов, радостно захихикало, что прозвучало подобно грохоту камнепада, и, развернувшись, нагнулось за очередным камнем.

И тут его взгляду, а также взглядам Рваного Дайна и Огнуна, предстала весьма необычная картина на уступе скалы.

Выдернув из своего тела копьё одним яростным рывком, Бренор немедленно развернул его и упер древко в землю, и в тот же миг орк прыгнул на дворфа — вернее, попытался, поскольку напоролся на окровавленный наконечник копья. Могучим толчком щита дворф отшвырнул дергающегося орка прочь.

Бренор больше не обращал внимания на орка. Крепко зажимая живот правой рукой, чтобы не выпали кишки, ревя от слепящей боли, дворф бросился вверх по тропе, и проклятия слетали с его губ вместе с брызгами крови.

Тропа поднималась все выше и все время забирала вправо, потом разделилась на трое, причем одна из этих новых тропинок, довольно прямая, уходила в том направлении, где Бренор оставил своих друзей. И в конце этой прямой тропы, за небольшим уступом, Бренор, как ему показалось, увидел затылок горного великана.

Вся мучительная, боль разом оставила его, сменившись беспримесной-яростью.

Он ринулся вниз, высоко вскинув топор и крича во все горло: «Морадин!» — разом и проклиная бога, и моля его даровать силу. Как тоненько прозвучал его голос по сравнению с раскатами хохота гиганта!

Великан повернулся, очевидно не подозревая о присутствии Бренора, и потянулся за камнем. Увидев дворфа, он вытаращил и без того огромные глаза. Однако они стали еще больше, когда Бренор, в чьих мускулистых руках пульсировала сила Клангеддина Сребробородого, изо всех сил метнул топор и, ни на минуту не останавливаясь, помчался следом.

Вращаясь в воздухе, впервые отведавшее крови оружие устремилось к цели, его серебристый обух ярко вспыхивал, ловя последние лучи заходящего солнца.

Великан выронил дубину и камень и вскинул руки, пытаясь заслониться, но топор пробил себе дорогу между пальцами и, аккуратно завершив последний оборот, разрубил нос великана и глубоко засел в черепе между глаз.

— Ого! — прокряхтело чудовище, пальцы его шевелились, но не решались ухватиться за рукоять оружия. Оба крупных глаза существа пытались сосредоточиться на топоре, что придавало лицу великана самый озадаченный и ошеломленный вид.

И этим раздвоившимся зрением великан заметил второй метательный снаряд, живой. Это был Бренор Боевой Топор, спрыгнувший с уступа и летящий на великана, выставив перед собой щит.

Удар оглушил Бренора, и по всему его телу разлились волны жгучей боли. Он понял, что разбил щит об обух топора, и еще понял, что великан падает, поскольку почувствовал,

что сам он летит вниз.

Он ощутил второй удар, похожий на землетрясение, когда оба они рухнули на землю, но больше не помнил ничего.

Он не знал, что по инерции перелетел через гиганта и еще какое-то время катился по земле. Не знал, что остановился, весь побитый и переломанный, прямо у ног Рваного Дайна, неподалеку от остальных четырех дворфов из разведывательной группы и целой банды орков совсем немного отстающей от них.

Глава 14. Культурное общество

Год Темного цикла

(1478 по летоисчислению Долин)

Дельфантл

— Он молодец, что сумел забраться так далеко, — сказал Периколо Тополино двум своим главным помощникам: хафлингу-иллюзионисту, с метким прозвищем Ловкие Пальцы, и самому доверенному советнику — родной внучке, Донноле Тополино.

— Я взял его на прицел, когда он еще только лез на крышу, — запротестовал Ловкие Пальцы. — Я запросто мог сбить его со стены.

— Он ведь еще совсем ребенок, — возразила Доннола. — И ты заметил его только на середине стены?

Ловкие Пальцы подкрутил свой и без того великолепный закрученный ус, скосил карие глаза на прелестную юную светскую львицу и неопределенно хмыкнул.

— Он уже проснулся? — спросил явно довольный Тополино: он действительно часто развлекался, слушая, как эти двое подкалывают друг друга. На самом деле это была лишь веселая забава, и они оставались лучшими друзьями, когда не соперничали, пытаясь привлечь его внимание. Поговаривали даже, что Ловкие Пальцы — Тополино не мог даже вспомнить его настоящее имя — потихоньку учит Доннолу кое-каким магическим приемам внушения, чтобы сделать сбор информации для Морада Тополино еще более прибыльным.

— Ты подстрелила его на славу, — отозвалась Доннола. — И наверное, яда было многовато для такого малыша.

В ответ Периколо взялся за рукоять оружия, висевшего в кобуре у него на боку, и в мгновение ока выхватил его. Едва оно покинуло хитроумно сконструированную кобуру, снабженные пружинами плечи ручного арбалета раскрылись, дротик с отравленным наконечником лег на тетиву и взведенное оружие было готово к стрельбе.

— Обычная нормальная доза вот этого, — со смехом ответил Периколо.

— Ты все так же проворен, старик, — сказал Ловкие Пальцы, который был ровесником Дедушки и вырос вместе с ним на улицах Дельфантла. Только он один осмеливался так поддразнивать Периколо Тополино.

— Достаточно, чтобы подстрелить мага, прежде чем тот сотворит свое первое заклинание, без сомнения, заявил Дедушка. Он нажал на потайной рычаг внутри арбалета с перламутровой рукоятью, освободив захваты, и плечи немедленно опустились. Периколо театральным жестом покрутил оружие на указательном пальце за спусковую скобу и последним поворотом закинул его точно в кобуру.

— Славный яд, — заметил он, поскольку, разумеется, сам готовил его. — Скорее всего, этот Паук проспит целый день и проснется с сильнейшей головной болью, это уж точно.

— Поделом маленькому негодяю, — сказал Гибкие Пальцы. — Он вполне заслужил головную боль за свою наглость. Как он посмел залезть в дом Периколо Тополино? Да еще

тоже хафлинга? Да уж, Брандобарис наверняка качает головой, глядя, на этого молодца!

— Ценный маленький негодяй, — поправил Периколо. — А учитывая соглашения, к которому я принудил его отца, думаю, Брандобарис покачал головой от разочарования, если бы смельчак не попытался отщипнуть себе еще немножко.

— Смельчак? Или глупец? У него не было шансов на успех.

— Он еще ребенок, — снова напомнила Доннола. Она разжала кулак, и на ладони ее как будто из ничего возникла безукоризненная розовая жемчужина. Едва уловимым движением она перекинула ее магу. — Еще одна, достойная восхищения, — пояснила она. — Из глубоководных устриц, которые наш маленький злодей так легко и ловко собирает.

Ловкие Пальцы поймал жемчужину и любовно оглядел ее.

— Да, пожалуй, от него есть некоторая польза, — признал он.

— А представь, как долго и глубоко он сможет погружаться, когда ты наложишь на него свои заклятия, — заметил Периколо. — Полагаю, мы только начинаем понимать его истинную ценность. — Он повернулся к Донноле, ответившей ему лукавым взглядом, словно она уловила намек на то, что у Дедушки на уме есть кое-что еще. — Ты проверяла его?

— От макушки до пят, — ответила она. — И зубы тоже, — добавила девушка, опередив вопрос Периколо. — И я дважды испробовала на нем твой жезл, чтобы отыскать какие-либо предметы или двеомеры. Вокруг него нет магии.

— Как я и ожидал.

— Тогда как он может нырять так глубоко и долго? — спросил Ловкие Пальцы.

— Кровь его матери, — пояснил Тополино. — Говорят, что среди ее родни несколько поколений назад были генази. Очевидно, Джולי Паррафин была не менее талантливой ныряльщицей, хотя она так и не достигла достаточной известности за пределами своего узкого круга, чтобы кто-то смог должным образом использовать ее талант или по достоинству вознаградить ее.

— Генази? — ахнул Ловкие Пальцы. Несколько мгновений он обдумывал это, потом расхохотался. — Плод межуровневой связи человека и джинна, а теперь еще и помесь восьминогой твари с хафлингом? Ха, но это же грандиозно!

— И выгодно, — добавила Доннола, и искусная карманница снова повела пальцами и как будто вынула из воздуха очередную розовую жемчужину безукоризненного качества, точно такю же, как те, что люди Периколо научились добывать из глубоководных устриц. Розовую, совершенную и, учитывая, что лишь немногие могли добраться до них, весьма редкую. Тем более редкую, что лишь группировка Периколо понимала истинную ценность именно этих моллюсков. Они собирали урожай розовых жемчужин, в то время как остальные самам хамским образом поедали устриц!

— Дай мне знать, когда он проснется, — велел Дедушка Донноле. — Наш маленький гость явно нуждается в том, чтобы ему преподали хороший урок, а может, десять.

Он взглянул на Ловкие Пальцы.

— А тебе, я полагаю, следует заняться этой парой отличных жемчужин, — сказал он, и маг, похоже, был счастлив выполнить приказ, поскольку он; раскланявшись, попятился, а затем поспешил заняться своим делом.

— Этот новичок может оказаться твердым орешком, — предупредил Периколо Доннолу, оставшись с ней наедине. — Боюсь, он упрям и зол. Я наткнулся на него, когда он дразнил компанию парней гораздо старше себя — напрашивался на драку, в которой не мог победить. Увы, его мать умерла, рожая его.

— А его отец — пьяница, — заметила Доннола. — Пожалуй, у него есть причина, быть злым.

— О, конечно. И это, дорогая внучка, первое, от чего мы должны его избавить.

Доннола качнулась на пятках и пристально посмотрела на Периколо.

— Значит, ты полагаешь, он пригодится для чего-то более важного, чем просто сбор устриц, — заявила она.

— У него полно талантов, признал Периколо. — И клички «Паук» он заслуживает ничуть не меньше, чем «Дельфин». А что до тех мальчишек, которых он задирает... Знаешь, скажу только, что главарь этих хулиганов до сих пор ходит немножко неуклюже и, хотя уже вырос из мальчика в мужчину, голос его в последнее время снова стал похож на детский.

Реджис открыл глаза и принялся отчаянно хлопать себя по туловищу, тщетно пытаясь сбить обжигающие языки пламени. Он тут же остановился, еще не вполне понимая, что нет ни пламени, ни ожогов, и схватился за голову, громко застонав и крепко зажмурившись.

— Да, это весьма похоже на утро после жестокой ночной попойки, — раздался чей-то голос.

Реджис медленно открыл глаза, щурясь от боли. Глянув с кровати в сторону, он увидел пожилого хафлинга, потрясающе одетого и ухоженного до мелочей, непринужденно устроившегося в удобном кресле. Реджис, разумеется, знал, кто это, и не удивился.

— Это быстро пройдет. — Периколо потянулся к прикроватному столику рядом с креслом и подал Реджису чашку с водой.

Реджис лишь посмотрел на него, но не отнял рук от головы и не потянулся к воде. Потом он взглянул на свои обнаженные руки, и на лице его отразилось замешательство.

— Не ругай себя слишком сильно, — сказал Периколо. — Мой приятель-маг годами совершенствовал эту огненную иллюзию — и другую, с собаками, тоже. Взрыв обманул бы и опытного ассасина, не то что простого ребенка, а если добавить к этому еще и магические запахи, которыми пропитана дверь, мог ли ты предположить, что собаки — это иллюзия?

Реджис понемного перестал сжимать руками свою раскалывающуюся голову и принял чашку от Дедушки. — Дедушки ассасинов, напомнил он себе, прекраснопонимая, какой смысл заложен в этом прозвище, учитывая его прошлую жизнь в Калимпорте — городе, где убийцы были обычным делом. Он с подозрением взглянул на прозрачную жидкость, но потом сообразил, что, если бы Периколо Тополино хотел его смерти, он, Реджис, был бы уже мертв.

Одним глотком он осушил чашку.

— Я был сильно удивлен, хотя, без сомнения, удивлен приятно, что ты решился на попытку ограбить меня, — сказал Периколо. — Это избавляет меня от хлопот по охоте за тобой, поскольку найти тебя непросто. Однако, признаюсь, я поражен: почему за внезапную удачу, выпавшую твоей семье и оплаченную из моего кошелька, ты отплатил таким вероломством?

— Удачу?

— Вы жили в пристройке из гнилых досок. Твой отец слонялся по закоулкам на задворках постоянных дворов в поисках съедобных отбросов. Теперь вы называете своим

домом комнату в приличной гостинице и имеет вдоволь еды.

— И вдоволь спиртного для Эйвербрин Паррафина, — мрачно добавил Реджис, сурово глядя в глаза Дедушке,

— Что ж, это, разумеется, его выбор.

— Ваша щедрость убьет его.

Периколо выпрямился, и Реджису это послужило ясным знаком. Дедушка знал истинную цену своей щедрости и был застигнут врасплох тем, что обычному ребенку известна эта правда.

— У меня нет привычки указывать другим, как им жить, — сказал Периколо.

— Правда? А говорят, что Дедушка Периколо контролирует все доки Дельфантла.

Еще один удивленный, взгляд, и Периколо медленно кивнул. Наверное, решил Реджис, это было поздравление.

— Мой отец был похож на твоего, — сказал Дедушка, и теперь пришел черед Реджиса смотреть на него с изумлением, учитывая эту внезапную откровенность и сочувственный тон. Он мысленно велел себе оставаться начеку, поскольку Периколо Тополино, разумеется, просто обязан уметь мастерски лгать, учитывая его положение.

Но Периколо явно казался вполне искренним, когда продолжил:

— Мне повезло больше, чем тебе, мой маленький Паук, поскольку я не лишился матери столь рано.

— Я никогда не видел ее.

— Я знаю. Что делает твои успехи еще более впечатляющими. Ты прекрасный работник и воистину подарок для своей семьи.

Их разговор шел по кругу, вернувшись к тому, с чего начался. Реджис сделал вид, что его это не слишком заботит.

— Я наблюдал за тобой с того давнего дня, когда ты дразнил старших мальчишек, — признался Периколо, застав его врасплох. — Клей на свистке! О, это была отличная и умная шутка!

— По правде говоря, у меня такое ощущение, будто за мной шпионили, — с неприкрытым сарказмом ответил Реджис.

— Но так оно и было, Паук!

Реджис непроизвольно хотел было поправить Дедушку насчет того, как его зовут, едва не выпалив свое настоящее имя. Едва, но он тут же осекся, и вовсе не из страха. «Паук», — повторил он мысленно и понял, что ему очень даже нравится это точное прозвище.

— В чем дело? — спросил Периколо, и Реджис подотал головой. — Значит, тебя зовут не Паук? — спросил пронизательный Дедушка. — Другого имени я не слышал. Эйвербрин не сказал...

— Наверное, он не знает.

Периколо с любопытством взглянул на него.

— Если он не потрудился дать мне имя, значит мое право выбрать его себе самому, да?

Периколо сердечно рассмеялся.

— Верно! — сказал он. — Так выбирай!

— Паук, — без колебаний ответил Реджис с кривой усмешкой. — Паук Паррафин.

— Ты делаешь мне честь. — С этими словами Периколо встал и поклонился. — Мне действительно нравится это имя применительно к тебе, учитывая, насколько легко ты взобрался по стене моего дома.

Реджис подразумевал под ним кое-что еще, но согласно закивал.

— Прекрасно, Паук, а теперь пойдём дальше.

Реджис снова кивнул, пока Периколо усаживался обратно, но потом его ангельское юное личико приняло озадаченное выражение.

— Дальше? У неуверенно переспросил он.

— Разумеется.

— Вы имеете в виду, когда вы сдадите меня городской страже или когда прочтете вынесенный мне приговор?

— Едва ли. — Периколо вновь от всей души рассмеялся. — Приговор? Что ж, Паук, я уже давно оценил тебя, и очень высоко. Можешь считать меня своим поклонником.

— Я вломился в ваш дом, и, возможно, не только для того, чтобы украсть...

— Сыновняя преданность! — провозгласил Периколо. Еще одно похвальное качество, хотя, я надеюсь ты придешь к пониманию того, что решать за Эйвербрин должен Эйвербрин, а не Периколо Тополино.

— Вы убиваете его, — сурово повторил Реджис. — Он целыми днями валяется без чувств, залил глаза и давясь собственной блевотиной.

— Я всего лишь выполняю свою часть нашей сделки.

В обмен на добытые тобою устрицы.

— Значит, больше вы не получите от меня устриц.

— Ты готов вернуться в сгнившую пристройку?

— Да, — ответил Реджис без малейших колебаний. Легкий путь не казался ему столь уж привлекательным, если он означал такие страдания для Эйвербрин.

— Ну хорошо, чего же ты хочешь от меня? — спросил Периколо, казалось, искренне. — Я согласился оплачивать расходы Эйвербрин в обмен на устрицы.

— Возьмите его сюда, — предложил Реджис.

— Это невозможно, — ответил Периколо, и Реджис замотал головой. — Но, быть может... — продолжил Дедушка и помолчал, похлопывая себя пальцами по губам. — Есть жильё подальше от трактиров, которое я готов предложить ему.

— С этого можно начать.

— Я не могу запретить ему предаваться пороку, — пояснил Периколо. — Это не мое дело.

— Тогда я не могу нырять.

Дедушка рассмеялся.

— Что ж, быть может, я сумею уговорить местных трактирщиков не иметь дел с Эйвербрином. Это большее, что я могу обещать. По рукам?

Реджис долго смотрел на него, прежде чем кивнуть.

— А как насчет Паука? — спросил Периколо. — Чего ты хочешь за свои труды? В конце концов, ты выполняешь всю работу.

— Позаботьтесь о моем отце.

— Да ну же, речь не о том. Это уже решено. Но что для Паука?

Реджис не знал, что ответить. Он с ходу мог бы придумать множество разных наград. В конце концов, в своей прошлой жизни он купался в роскоши, а образ жизни Периколо позволял иметь все это без ограничений.

— Я смотрю на тебя и вижу себя, — заявил Периколо, прежде чем Реджис успел сформулировать какую-нибудь просьбу. — Какой потенциал! И не только в смысле твоих

выдающихся способностей в воде. Еще больше я восхищен твоим мужеством, а твое мастерство выше всех похвал.

Реджис пожал плечами и постарался, чтобы Периколо не увидел его внутреннюю усмешку, так и рвавшуюся наружу.

— Вы что-то задумали.

Периколо снова рассмеялся.

— А какая проницательность! — добавил он. — Итак, давай заключим сделку, ты и я. Я открою свои карманы пошире и приобрету дом для Эйвербринна, его собственный, и даже раскрою их еще шире ради тебя и подкуплю союз трактирщиков, чтобы Эйвербринну ограничили, если не совсем прекратили продажу выпивки, которой он так жаждет. А в обмен ты станешь работать на меня.

— Я уже работаю.

— Не только нырять за устрицами, — пояснил Периколо. — Ты вступишь в мою... организацию. Тебе нужно многому научиться, а мне — многому научить тебя.

— Например? — осведомился Реджис.

Периколо поднялся и чуть отвернулся, чтобы лучше стала видна великолепная, изукрашенная драгоценными камнями гарда легендарной рапиры, висящей у него на левом боку.

— Как драться, — сказал он. — И как получить то, что хочешь, без драки, это гораздо более важное умение.

Это ошеломляющее предложение напомнило Реджису об истинной цели его возвращения к новой жизни на земле Фаэруна и о решении, которое привело его сюда. Большую часть своего свободного времени он с самого рождения тратил на подготовку, и теперь ему оставалось лишь не облизнуться в открытую, услышав предложение Дедушки.

— Хорошо, — отметил Периколо, поскольку Реджис, очевидно, не был настолько искусен по части утаивания своих эмоций. — Но я потребую от тебя еще одной вещи — на самом деле, двух.

Реджис кивнул.

— Во-первых, верности. Предупреждаю раз и навсегда: если ты предашь меня, если сбежишь, тебя ждет весьма неприятный конец.

Реджис с трудом сглотнул и кивнул.

— И второе. Отныне и впредь я буду называть тебя Пауком, и ты не сможешь изменить этого — во всяком случае, для меня! Мне очень нравится это имя.

На первый взгляд это показалось Реджису довольно глупым, но, поразмыслив и припомнив времена своей работы на пашей Калимпорта, он понял смысл этого требования. Периколо намеревался держать под контролем не просто имя Реджиса, но саму его личность.

Пусть будет так, решил паренек. Он еще раз взглянул на рапиру Периколо и прикинул, чему мог бы научиться у этого талантливого хафлинга. Прямо перед ним — только руку протяни — было решение задачи, поставленной им перед собой при выходе из Ируладуна.

Он кивнул, улыбнулся и спросил:

— А я должен называть вас Дедушкой?

— Да, я был бы весьма рад этому.

— Всего десять, — втолковывал Реджису Ловкие Пальцы несколькими днями позже, когда подросток был готов нырнуть снова. Маг сопровождал его до частного причала и в частной лодке, которую Ловкие Пальцы повел из Дельфантла в отдаленное место, руководя Реджисом, сидящим на веслах. Всю дорогу хафлинг-маг продолжал творить заклинания, пристально вглядываясь в воду после каждого взмаха веслами, и часто корректировал их курс.

Ясновидение, понял Реджис. Ловкие Пальцы охотился на устриц при помощи магического зрения.

Наконец маг сделал знак Реджису сушить весла и размотал длинную эльфийскую веревку, пропущенную сквозь металлическую проушину в лодке. Он привязал другой конец к подобию маленькой сбруи и протянул Реджису.

— Всего десять, — снова напомнил он, пока Реджис натягивал на себя сбрую. При этом мальчик заметил подвешенный на упряжи маленький флакон, закрепленный скользящим узлом.

— Десять?

Десять устриц, не больше. Мы не станем вылавливать их все, а десяти хватит.

Реджис с любопытством взглянул на него:

— А потом пойдем на другое место?

— Потом мы пойдем домой, — поправил маг.

На лице Реджиса отразилось недоверие. Он обычно возвращался в Дельфантл с уловом вдвое, а порой и в несколько раз большим.

— Десятка нам вполне достаточно, — пояснил Ловкие Пальцы.

— Да я один съел бы десяток!

— Съел? — Ловкие Пальцы рассмеялся. — Нет, в те дни, когда мы решим отведать их, мы добудем больше, но эти — не для еды.

Реджис начал спрашивать мага, но Ловкие Пальцы поднял руку, велел ему замолчать. Маг начал творить заклинание, и Реджис почувствовал, как его накрыла волна успокаивающей магической энергии. Сразу же последовало второе заклинание.

— Теперь ты будешь плыть быстрее и сможешь дольше задерживать дыхание, — объяснил маг. — Если поймешь, что слишком долго находишься на глубине не паникуй, поскольку снадобье в пузырьке на твоей сбруе также дает возможность дышать водой в случае необходимости. Повторяю — в случае необходимости, и постарайся не доводить до этого. Подобные составы готовятся долго и стоят недешево.

— Мы далеко заплыли, — заметил Реджис, оглядываясь на далекий берег.

— Чтобы избавиться от тех, кто мог бы попытаться отнять у нас улов, разумеется. Море Падающих Звезд кишит пиратами.

— И рыбами-убийцами, — добавил Реджис. — Я обычно держусь поближе к рифам...

Ловкие Пальцы взял его за плечи и подтолкнул к краю лодки:

— Я слежу. Итак, поторапливайся. Только десять.

Прежде чем мальчик смог ответить, маг вытолкнул его за борт.

Скоро Реджис вернулся с десятью устрицами в поясной сумке, и, хотя он устал, ныряя глубже, чем обычно, Ловкие Пальцы сразу посадил его на весла, и они отправились домой.

— Когда мы вернемся, я научу тебя, как надо выбирать устрицы, сказал Ловкие Пальцы, осматривая улов и часто вздыхая. — Да, тебе нужно многому научиться, многому научиться.

Реджис продолжал грести и ничего не ответил. Теперь он понимал, что глубоко увяз во всем этом; похоже, его положение при Дедушке Периколо подразумевало и серьезные обязательства.

Так и вышло, что в ближайшие месяцы дни Реджиса были строго расписаны. Каждое утро его сажали в лодку вместе с Ловкими Пальцами, который, как начал понимать Реджис, был весьма искусным ясновидящим и использовал свой талант, чтобы отыскать место подальше от берега, всегда над участками дна, где устриц было в изобилии.

По возвращении юный хафлинг весь остаток утра исполнял распоряжения мага и узнал, какие устрицы нужны Периколо. Дедушка не торговал ими как экзотическими деликатесами, поскольку именно в этих глубоководных устрицах зарождалось больше всего жемчуга, красивых розовых жемчужин, которые Ловкие Пальцы умел извлекать из них.

В тот первый день, вернувшись с ловли, маг отвел Реджиса в одну из своих личных лабораторий, где несколько столов стояли в окружении резервуаров с водой. Еще на одном столе разместились дистиллятор и, похоже, целая алхимическая лаборатория.

Ловкие Пальцы научил Реджиса осторожно делать надрез в мантии моллюска и маленькой пипеткой аккуратно вводить в него каплю раздражающего вещества. Со временем он даже рассказал ему, как готовить это самое вещество, и начал обучать многим иным аспектам алхимии.

То, что вначале представлялось ежеутренней трудной и неприятной обязанностью, столь непохожей на любимое им ныряние, вскоре превратилось в совершенно новую и важную возможность для подростка проявить свой талант.

Каждый полдень, когда солнце оказывалось в зените, Реджис переходил от Ловких Пальцев к Донноле, становясь ее верным пажом и спутником. Так начались его тренировки с оружием, а Доннола была искусной фехтовальщицей! И к тому же очень неплохо управлялась с ножом.

— Поединок — это гармония между твоим балансом и твоей позицией, — сказала она ему на одном из первых занятий.

Реджис кивнул, позволяя себе впитывающую все ее слова, хотя часть прошлой жизни ему довелось жить и странствовать бок о бок с одним из искуснейших воинов Королевств, понимал, что многие из ее философических наставлений окажутся излишними для него. Он все равно выслушивал их, старательно составляя в уме список выводов Доннолы вместе с собственными впечатлениями.

Во время занятий приходилось выполнять немало тяжелой черновой работы. Каждый день Реджис должен был вставать к дверному косяку и долго-долго просто тыкать рапирой в противоположный косяк. Дерево, в которое он упирался спиной, заставляло держать спину прямо. Снова и снова, тысячи и тысячи раз, месяц за месяцем, годами он будет вонзать эту рапиру в дерево.

Его скорость увеличивалась. Его меткость возрастала

Дельфантл

Однажды в начале второго года пребывания Реджиса в Морада Тополино Доннола пришла к нему, когда он отрабатывал свой ежедневный урок.

— Продолжай, — велела она, когда он приостановился, глядя на нее и на охапку модной одежды, ярко-зеленой с золотом, которую девушка принесла с собой.

— Потом умоешься и наденешь это, — сказала она.

Реджис снова опустил рапиру и с любопытством уставился на нее.

— Сегодня вечером бал в доме одного из важнейших городских лордов, — пояснила Доннола. — Я приглашена — я всегда приглашена. Ты будешь сопровождать меня, сегодня вечером и впредь. Пора тебе изучить лучшие стороны нашего... бизнеса.

Реджис улыбнулся, ее слова перенесли его в прошлое, в те дни, когда он сопровождал пашу Пуука на все крупные встречи землевладельцев и ростовщиков, богатых торговцев и самых влиятельных капитанов в Калимпорте.

Доннола Тополино — светская львица? — спросил он со смехом и тут же понял свою ошибку, когда девушка нахмурилась и уставилась на него с явным изумлением. Откуда Паук, уличный мальчишка, выросший под присмотром нищего алкоголика, мог знать такое выражение?

Реджис с трудом сглотнул.

— Да, — осторожно ответила Доннола, пристально глядя на него. — Ты находишь это... банальным?

Реджис снова сглотнул. Судя по ее взгляду, он почти ожидал, что она влечет ему пощечину.

— Ты научишься, Паучок, — сказала Доннола. — Из всего, чему я могу научить тебя, по мнению Дедушки Периколо, этот урок будет самым важным. Если тебе суждено когда-нибудь стать чем-то большим, нежели простым солдатом и сборщиком устриц в Морада Тополино, это будет определяться тем, насколько хорошо ты научишься использовать эти события к своей — к нашей - выгоде.

— Да, конечно, — ответил Реджис, потупив взгляд, но не успел он опустить голову, как Доннола взяла его за подбородок и заставила посмотреть на нее.

— Дедушка выбрал тебя, — сказала она. — Пойми, что это значит. Оцени ту высокую честь, которую он оказал тебе, и грандиозные возможности, открывающиеся перед тобой. Ты обучаешься в его собственном доме, у его самого могущественного и доверенного мага и самой доверенной и влиятельной советницы. Это не пустяки, Паук. Он ожидает от тебя большего, чем просто ныряние за устрицами.

Реджис не знал, что сказать.

— Не разочаруй меня сегодня вечером, — предостерегла Доннола и ушла, оставив его в покое.

Реджис посмотрел на стопку дорогих одежд. Он не слишком боялся разочаровать Доннолу, поскольку в отличие от физических качеств, над улучшением которых он столь усердно работал, навыки, необходимые ему как ее пажу в светском обществе, были ему хорошо известны и многократно отработаны на практике в другой жизни. Он не рассчитывал

многому научиться от Доннолы и полагал, что даже сам мог бы научить ее кое-чему.

Он сразу понял, что его предположения ошибочны, когда она забрала его для тренировочного выезда на бал, поскольку, едва увидев Доннолу Тополино — ее шикарное шелковое платье, светло-каштановые волосы, завитые и согласно моде зачесанные набок, ее носик пуговкой и ямочки на веснушчатых щеках, ее удивительные огромные карие глаза, лишь чуть-чуть оттененные серной тушью, — он понял, что она, без сомнения, самая очаровательная, красивая и загадочная женщина-хафлинг, какую он когда-либо встречал. Ему вспомнилось, как он впервые бродил ночью вокруг Морада Тополино и увидел прелестную призрачную фигуру, прошеествовавшую по комнате, чтобы задуть свечу.

Да, понял он теперь, это была та самая девочка, даже еще не вполне женщина, и все же женщина до мозга костей.

И тогда Реджис сделал правильный вывод: он уже больше не мальчик.

Глава 15. За все надо платить

Год Пылающего Великолетия

(1469 по летоисчислению Долин)

Анклав Теней

Сооружение, обосновавшееся вдоль западной стены парящего в воздухе города Анклав Теней, столицы Незерила, казалось настолько же чужеродным среди грубых черных шпилей и защитных стен, насколько и сам город, примостившийся на вершине перевернутой, парящей в воздухе каменной скалы, выглядел чужеродным в мире, подчиняющемся основным законам природы.

Это строение именовалось Ковен, и Кэтти-бри находила место своего заключения весьма интересным. Здесь леди Авельер и ее преданные последовательницы, все - женщины и все, кроме Кэтти-бри, из незересов, занимались теорией и практикой, устраивали состязания по метанию огненных молний, подобно тому как лучники состязаются в стрельбе по мишеням. Здесь, в защищенных помещениях, под осторожным присмотром женщины-маги разного уровня мастерства отваживались опробовать новые заклинания или комбинации известных двумеров, объединенных воедино для достижения нового и более сильного эффекта.

В подвале находилось помещение для вызовов с других уровней, тщательно продуманное и скрупулезно выстроенное, со всех сторон окруженное могущественными рунами, чтобы не дать какому-нибудь демону или дьяволу вырваться наружу, сумеи они даже справиться с вызвавшим магом.

Ковен служил центром магических познаний и, будучи функциональным, насколько это вообще возможно, он был воистину красив, отвечая утонченному женскому вкусу и являясь воплощением комфорта и изысканности. У него не было большой центральной башни, доминирующей над всем сооружением, какие часто встречались в этом суровом городе, а нередко и в местах обитания магов по всем Королевствам, в особенности магов-мужчин, что, разумеется, вызывало немало не вполне пристойных шуток со стороны обитательниц Ковена. Ее место занимали несколько куполов, крытых различными драгоценными металлами. С каждого уголка крыши не таращились вниз злобные горгульи, в качестве водоотводов там обитали куда более приятные сирены и нимфы, за которыми присматривали веселые брауни.

Изнутри цитадель выглядела не менее привлекательно: повсюду использовались первоклассные материалы вроде ковров и гобеленов веселых расцветок, подходящих по тону к прочей обстановке. Винтовые-лестницы будили воображение, а большие окна, зачастую с цветными стеклами, пропускали достаточно света для занятий в многочисленных комнатах. Там было просторно и чисто, и младшие ученицы помогали слугам-бединам — нередко при помощи магии. Действительно, первые заклинания, разученные Кэтти-бри после прибытия в Ковен, относились к созданию невидимой магической прислуги, а также воды, ветра и

магического света: четыре наиболее полезные вещи, чтобы освещать паутину, сжигать ее, а потом убрать все следы.

Как ни странно, эта цитадель в частности и Анклав Теней в целом пробуждали у Кэтти-бри воспоминания о Серебристой Луне и Мензоберранзане одновременно, поскольку сочетали размах и грандиозность красоты первого и магическую импровизацию и загадочную сверхъестественность второго. Разумеется, Ковен стоя, вдалеке от остальных строений перенаселенного Анклава Теней и казался совершенно неуместным среди мрачных* и темных, четко очерченных зданий, преобладавших в городе.

Ее первые десять дней в доме леди Авельер не были неприятными, нетрудная домашняя работа чередовалась с занятиями — занятиями, которым Кэтти-бри всегда была более чем рада. Ее целью было как следует овладеть Искусством, и это место как раз предоставляло ей такую возможность. Родительское обучение — тоже приемлемо, хотя и ограничено, но это... это была грандиозная академия магии, с преподавателями, весьма сведущими в различных магических школах — от метателей огня и заклинателей взрывов до прорицателей и мастеров по вызыванию существ с низших уровней.

С ней никто не обращался дурно. Побои, которым она подверглась в момент пленения, казались некоей аномалией, предупреждением для начала, не более, и все остальные женщины в Ковене теперь радушно принимали ее, в особенности Риалле, которая отвела Кэтти-бри комнату по соседству со своей собственной.

Да, это место вполне подойдет и действительно поможет ей в достижении главной цели. Кэтти-бри взялась за учебу с большим рвением — и с куда большим пониманием и предыдущим опытом и подготовкой, чем могли предположить ее наставницы.

Она делала блестящие успехи, и преподавательницы Ковена нагружали ее все сильнее.

И ее успехи все равно были блистательны.

Однако спустя короткое время Кэтти-бри, к ее изумлению, перестало удовлетворять такое положение вещей, поскольку день за днем ее терзали тревожные мысли. Она не могла говорить с Миликки, не могла поклоняться богине, давшей ей эту вторую жизнь. Анклав Теней был городом, посвященным магии, в империи, которая однажды уже попыталась сместить богиню и провозгласить превосходство собственных заклинателей. В самые первые дни Кэтти-бри в Ковене ее постоянно спрашивали, сведуща ли она в исцеляющей магии и откуда та берется, а также об иных ее явных друидических способностях.

Она отбивалась от расспросов, недоверчиво пожимая плечами, благоразумно делая вид, будто даже не подозревает, что два типа магии, тайная и божественная, происходят из разных источников. Очевидно, это удовлетворило ее тюремщиков, но ни в коей мере не способствовало попыткам установить хотя бы какой-либо контакт с богиней или вознести молитву Миликки в доме леди Авельер.

Она постоянно думала о Нирае и Кавите и молилась, чтобы у них все было хорошо. Леди Авельер намекнула, что знает про секрет Кавиты и Нирая, и это прозвучало завуалированной угрозой в адрес Кэтти-бри.

Поэтому однажды ночью Кэтти-бри выскользнула из своей комнаты и, тихо ступая босыми ногами, направилась к парапету вдоль задней стены Ковена. Оттуда она пригляделась к городской стене неподалеку и увидела, что никто не охраняет ее. Она закрыла глаза и начала творить заклинание.

— Если ты превратишься в птицу и попытаешься улететь, я выпущу огненную стрелу, которая собьет тебя, — послышался голос леди Авельер у нее за спиной. Девочка застыла на

месте, волосы у нее на затылке встали дыбом.

Кэтти-бри сглотнула, пытаясь просчитать свой следующий шаг. Она непроизвольно глянула в небо, прикидывая, сколько времени ей может понадобиться, чтобы создать наверху достаточно мощное возмущение и иметь возможность самой призвать оттуда огненную стрелу. Однако это была смехотворная идея, поскольку, если бы даже она сумела совершить такое, могущественная леди Авельер запросто уничтожила бы ее.

— Не заставляй меня пожалеть о том, что к себе, маленькая Рукия из племени десаи, — продолжала леди Авельер, подходя ближе.

— Н-нет, госпожа, разумеется, нет, — услышала Кэтти-бри свой заикающийся лепет.

— Тебе не разрешено уходить, — стояла на своем провидица. — Я спасла тебе жизнь в обмен на обещанное забрать тебя к себе в школу, и теперь, когда ты здесь, на тебя распространяются здешние правила, дорогая малышка Рукия, и безо всяких исключений.

— Я не собиралась уходить, — возразила Кэтти-бри.

— Нет, собиралась. Предупреждаю тебя, не считай меня за дуру. Я слышу твои мысли с той же легкостью, как увидела тебя выходящей из комнаты.

Знает ли в таком случае Авельер про Кэтти-бри, а не только про Рукию? Известно ли ей о преданности Кэтти-бри Миликки? Неужели все, что она утаила при поимке, раскрыто?

— Тогда вы знаете, что я собиралась вернуться, — сказала Кэтти-бри, увереннее и спокойнее теперь, когда к ней вернулись ее решимость, мужество и собранность.

Если Авельер известно все о тайных мыслях девочки, она не стала бы связываться с Кэтти-бри на стене Ковена в такой час, учитывая, сколь многое поставлено на карту.

— Тебе вообще не позволено уходить, — подчеркнула леди Авельер.

Кэтти-бри обернулась, взглянув ей прямо в лицо.

— Я хочу видеть маму, — сказала она.

— У твоей матери все прекрасно, можешь не волноваться за нее.

В голосе леди Авельер не было особой строгости, но Кэтти-бри хватило ума сделать вид, будто это не и она принялась плакать и ныть:

— Я хочу к маме!

Леди Авельер приблизилась к ней и, к изумлению Кэтти-бри, обняла и крепко прижала к себе. В следующий миг прорицательница присела на корточки и посмотрела Кэтти-бри в глаза, нежно отведя назад ее каштановые волосы.

— Я знаю тайну Нирая и Кавиты, — сказала она тихо. — Они преступники, право же, и двенадцать принцев Анклава Теней не пощадят их, узнай они правду.

Кэтти-бри заплакала громче и прильнула к леди Авельер, шепча:

— Я хочу повидать маму.

Спустя довольно много времени леди Авельер отстранила девочку на расстояние вытянутой руки.

— Ты хотела обернуться птицей и улететь к десаи, — констатировала она.

— Совсем ненадолго, — заверила ее Кэтти-бри, шмыгая носом. — Я собиралась вернуться до рассвета.

— Почему я должна тебе верить? Ты хочешь убежать.

— Нет, госпожа, ни в коем случае! — Кэтти-бри призвала на помощь всю свою дипломатию; ей помогало, что она говорила правду.

— Тогда уходи отсюда утром, совсем, — сказала леди Авельер неожиданно и отвернулась. — Уходи от меня и больше никогда не возвращайся!

— Нет, госпожа, пожалуйста! Нет! взмолилась Кэтти-бри. — Тогда я лучше не пойду вообще. Я хочу увидеть маму, но не покинуть это место! Ни в коем случае не покинуть! Я столькому здесь научилась! Риалле теперь моя сестра! — Играя роль маленькой девочки, она постаралась, чтобы ее голос звучал на грани паники, и улыбка, которой леди Авельер ответила на эти слова, кажется, выражала симпатию, а не недоверие.

— Я отправляюсь обратно в постель, — сказала она немного погодя. — И утром ожидаю увидеть тебя бодрой и внимательной. — Она развернулась на каблуках и направилась прочь.

Кэтти-бри уловила скрытое разрешение уйти, но едва начав заново свое заклинание, сообразила, что до ребенка, Рукии, подобная тонкость, скорее всего, не дошла бы.

— Так я могу идти, госпожа? — спросила она, вся преисполненная надежды и горячей благодарности.

— Дитя, увидимся утром, — был ответ, но леди Авельер внезапно остановилась и обернулась, лицо ее снова было жестким. — А если нет, знай, что твои родители будут наказаны за свои преступления.

С этими словами она удалилась.

Кэтти-бри еще долго стояла на стене, пытаясь осмыслить происшедшее. Авельер разрешила ей улететь, но зачем? Ожидала ли она еще большей преданности от ученицы, которой разрешила нарушить правила, или все это было лишь свидетельством того, что великолепная незереская женщина вовсе не безжалостное чудовище?

Второе — решила пленница, хотя от промелькнувшей в голове мысли, что Авельер провоцирует ее, Кэтти-бри охватил ужас.

Она обернулась птицей и полетела прочь, и вскоре убедилась, что страхи были беспочвенны, что Нирай и Кавита в безопасности, в своей палатке, хотя, конечно, не все так «прекрасно», как утверждала. Авельер. Нет, они были в полном смятении, оплакивая потерю своей любимой дочери.

Как же все разом изменилось, едва Рукия очутилась ими! Вспышки улыбок, горячие объятия и ее заверение, что все было и будет хорошо.

На следующее утро Кэтти-бри погрузилась в свои занятия, когда к ней снова подошла леди Авельер и отвела в сторону.

— Ты должна оправдывать ожидания, — объяснил она ребенку, — добиваться поставленных целей. И я и стану слушать оправданий, если ты подведешь меня. Ты можешь навещать родителей раз в десять дней, но лишь при условии, что не разочаруешь меня.

Кэтти-бри не смогла сдержать улыбку. Снова она испытала подлинное потрясение, поняв, как ее тянет поиграть с Нираем в детские игры, как отчаянно хочется, чтобы Кавита гладила ее по густым волосам и рассказывала сказки бединов, ее предков, которые на самом деле даже не были ими. Почему-то это было совершенно не важно.-

Она пообещала леди Авельер, что станет лучшей ученицей из всех, что когда-либо были у нее, и искренне намеревалась исполнить обещание — как по тем же причинам, по которым она вернулась на Фаэрун, так и из неподдельной благодарности наставнице за ее удивительный поступок.

Она оправдает и превзойдет все возложенные на нее ожидания.

Маленький язычок пламени слетел с ладони молодой женщины, устремился в гущу ее врагов-орков и там взорвался, превратившись в огненный шар, уничтоживший всю ораву разом.

Щуря синие глаза от слепящего света, женщина-маг мысленно дотянулась до пламени и сформировала огненного спрайта, обретя живого союзника, состоящего из огненной стихии. Женщина сосредоточилась на этом лишь на миг, подчинив себе огонь и создав спрайта, и отвернулась прочь. Но спрайт знал, что делать: он взлетел на крышу и запрыгал там, оставляя за собой струйки дыма и искр, прежде чем кинуться на грудь ближайшему орку.

Женщина повернулась влево и взмахнула рукой слева направо, и, словно она плеснула горючей жидкостью, вдоль края крыши взметнулось пламя, запечатав этот фланг стеной опаляющего огня.

Она повернулась снова, нагибаясь и кружась, потом быстро распрямилась навстречу приближающейся горстке орков. Соединив большие пальцы рук и разведя остальные, она сотворила четвертое заклинание, и язык пламени в форме крыла полетел на ворота. Женщина-маг припала к земле, словно уходя от неких выпадов и ударов, и пнула в колено ближайшего к ней орка — как в виде дополнения к уже сделанному, так и потому, что ей нравилось ощущение физического удара.

Позади, из проема двери, ведущей на эту плоскую крышу Ковена, раздались медленные аплодисменты.

Кэтти-бри выпрямилась, оправила одежду, глубоко вздохнула и медленно повернулась к леди Авельер.

— Интересное представление, — сказала прорицательница. — Ты видишь себя боевым магом?

Кэтти-бри чуть запнулась:

— Я... Я хочу быть готовой.

— К битве.

— Да.

— Ты понимаешь, что живешь в городе, в Ковене, в окружении твоих сестер и всей мощи Незерила? Под защитой не имеющей себе равных городской стражи и великих двенадцати принцев?

Кэтти-бри потупилась. Она ожидала чего-то в этом роде, учитывая тон Авельер и достаточно кислое выражение ее лица. Внезапный хлопок сбоку заставил ее вздрогнуть, это пламя, пожирившее одного из учебных, манекенов-орков, обрело новую жизнь в каком-то воздушном кармане или, возможно, добралось до деревянного столба, поддерживавшего помост.

— Ты будешь проводить куда больше времени в общественных собраниях, чем на полях сражений, — заметила леди Авельер, обходя помост, чтобы присоединиться к ней. — И твоя

миссия на службе Ковену будет заключаться скорее в сборе и обработке информации, как я тебе уже не раз говорила.

— Да, госпожа. Те заклинания я отрабатываю тоже... — Когда Кэтти-бри договорила, леди Авельер взяла ее за подбородок и приподняла голову ученицы, чтобы они могли смотреть друг другу в глаза.

— Дорогая Рукия, почему тебя так притягивает огонь?

Кэтти-бри провела по губам языком, честно обдумывая вопрос, поскольку, по правде говоря, и сама удивлялась этому. Из всех школ тайной магии, доступных в рамках обучения, ей следовало признать, больше всего нравились и лучше всего давались вызывающие и формирующие заклинания сокрушительной и убийственной силы. А из их множества ее действительно привлекали те, что связаны с элементом огня, — во всяком случае, для занятий тайной магией. В конце концов, она с раннего детства знала, как вызвать огненную стрелу, и умела делать это с разрушительной мощью. Целых десять лет прошло с того дня, как она убила двух незерилских агентов такой вот молнией, ударившей с грозового неба над головой.

Наверное, дело в этом, думала Кэтти-бри, хотя, конечно, не сказала бы леди Авельер. Но в глубине души она чувствовала, что тут, возможно, есть и еще что-то. Ее божественная магия, которую она по-прежнему хранила в тайне от леди Авельер и всех остальных в Ковене, упражняясь в ней лишь в тех случаях, когда отправлялась навестить Нирая и Кавиту, и даже тогда — в укромных местах, где она создавала сады во славу Миликки, давала ей мощную защиту от стихий. Имея такое преимущество, Кэтти-бри находила огонь особенно притягательным. С такой защитной магией Миликки она могла не страшиться, что огненный шар внезапно обернется против нее.

Кроме того, оказалось, что она получает настоящее наслаждение от взрывов огненных шаров, от разливающихся от них волн тепла и ослепительного света, от их разрушительной и очистительной силы. Она улыбнулась, хотя это был и не лучший ответ леди Авельер, потому что вспомнила про Бренора, своего приемного отца. В годы, когда формировалась ее личность, Кэтти-бри растили как воительницу, женщину действия, которая не станет бегать от боя, а просто ринется в него. Мощь огненного шара завораживала ее, поскольку он не был коварным и не действовал исподтишка. Не по крови, но по воспитанию в Кэтти-бри было немало от дворфа.

Вздых леди Авельер вернул ее в настоящее, и она увидела, что наставница с явным разочарованием покачивает головой.

— Я ожидала от тебя большей утонченности, моя юная протеже, — сказала она. — Ты остаешься самой молодой ученицей из всех, кого я когда-либо допускала в свою гильдию, и надежды мои были воистину велики. Но ты тратишь время попусту, устраивая взрывы и пиная муляжи. Возможно, мне следовало бы отослать тебя тренироваться с городской стражей!

Слова эти, которые, видимо, должны были показаться Кэтти-бри обидными, на самом деле прозвучали для нее как музыка. Как она была бы счастлива вновь взять в руки меч или выпустить стрелу из Тулмарила, ее магического лука в прошлой жизни!

Выражение лица леди Авельер смягчилось, и, шагнув вперед, наставница провела рукой по густым каштановым волосам Кэтти-бри; с возрастом они еще порыжели и стали такими же, как в ее прошлой жизни. Кэтти-бри даже не вздрогнула от прикосновения удивительной женщины. В конце концов она начала доверять Авельер.

— Моя сила — знание, — пояснила леди Авельер — И с помощью этого знания, используя его, я получаю то, что хочу, без огненных взрывов и молний, понимаешь? Так принято у нас, в Анклаве Теней, в мире, где ты теперь живешь.

То, как Авельер объясняла все это, и в особенности ее тон показали Кэтти-бри, что речь идет не просто о ее пристрастии к взрывной магии. Леди Авельер — и титул этот подходил ей как нельзя лучше — была куда больше разочарована недостаточной благовоспитанностью ученицы и сознательным игнорированием ею светских правил приличия. В конце концов, Ковен частенько посещали высокопоставленные лица, и Рукия никогда не производила на них особого впечатления. Забавляла, возможно время от времени вызывая неодобрительные усмешки, но не впечатляла. Это было не то, к чему Рукия, или Кэтти-бри, стремилась и в чем преуспевала бы даже, в прошлой жизни.

Ей вспомнились первые встречи с Аластриэль из Серебристой Луны; действительно, леди Авельер чем-то напоминала ей Аластриэль. Кэтти-бри чувствовала себя настолько неловко, казалась себе такой незначительной рядом с той женщиной, которой, похоже, светские манеры давались исключительно легко, позволяя ей блистать в обществе.

И вновь Кэтти-бри подумала о Бреноре, и снова на душе у нее потеплело. Бренор мог пить эль с кем угодно, но поместите его в компанию джентльменов из, скажем, Глубоководья с бокалом хорошего вина, и... да, эту сцену не назовешь ни мирной, ни изысканной.

Комичной, возможно, но уж не изысканной — это точно.

— Ты находишь мое разочарование смешным? — поинтересовалась леди Авельер.

— Нет, госпожа, нет! — выпалила Кэтти-бри — разумеется, искренне. — Но только... вы такая красивая и такая грациозная. Вы плывете по бальным залам так же легко, как тени танцующих, и все головы поворачиваются вам вслед. Все женщины завидуют вам, и все мужчины хотят обладать вами.

Она сразу поняла, что своей лестью растопила всякий гнев, и хотя и использовала эти приятные слова, чтобы скрыть за ними свои воспоминания, но при этом не лгала.

— Но я совсем не похожа на лебедя, — продолжай она. — И быть может, мой выбор магии больше подходит именно мне — такой, какая я есть. Ваши внешность и изящество способствуют успешности тех заклинаний, про которые вы говорили, потому что мало кто в силах устоять перед вашими чарами даже и без всякой магии. Но, боюсь, мои... — Она умолкла и развела руками, словно предоставляя своей внешности говорить самой за себя. — Мои грация и обаяние будут лишь помехой для подобной приверженности магии принуждения.

Леди Авельер, подбоченившись, оглядела Кэтти-бри с головы до пят.

— Ну, ты немножко неуклюжа, и фигура у тебя мальчишеская, но ты еще только становишься женщиной. — Она взялась за рубашку Кэтти-бри и слегка присборила ее. — На самом деле я уверена, что, вступив в пору зрелой женственности, ты красиво округлишься. И ты вовсе не уродлива, хотя капельку, хм, рыжевата. И все же ты совершенно не похожа на тех страшилищ, что так часто встречаются среди твоих сородичей, — никто даже не заподозрит, что ты из бединов.

Кэтти-бри могла лишь улыбнуться в ответ на это предвзятое утверждение, поскольку, на ее взгляд Кавита была одной из красивейших женщин, каких она когда-либо видела в обеих своих жизнях: с гладкой коричневой кожей, невероятно густыми, длинными, блестящими волосами цвета воронова крыла и темными глазами, способными смутить любую душу своей

бездонной глубиной.

— Благодарю вас, милостивая госпожа, — выговорила она и присела в вежливом реверансе.

— Ступай и поработай над более утонченным репертуаром, — велела леди Авельер. — Ни у кого из нашего ордена на протяжении уже многих лет не возникало необходимости в огненном шаре. Исходя из того, какое впечатляющее огнеопасное представление мне довелось увидеть, осмелюсь предположить, что ты уже достаточно преуспела в этой области на тот маловероятный случай, если подобная надобность у тебя вдруг возникнет.

— Да, госпожа. — Кэтти-бри собралась поклониться, но спохватилась и снова сделала реверанс, а затем побежала прочь, довольная, что инцидент исчерпан.

Однако она понимала, что это не последний ее неприятный разговор с леди Авельер, и от мысли о том, через что ей, возможно, придется пройти несколько лет спустя, когда придет время покинуть Анклав Теней и Ковен, у нее по спине пробежал холодок.

Глава 16. Пугающая слава

Год Темного цикла

(1478 по летоисчислению Долин)

Твердыня Фелбарр

Бренор с трудом поднял тяжелые веки и увидел размытые серые тени там, где до этого была лишь нота. Постепенно, болезненно — из воздуха начали формироваться какие-то очертания, фигуры, подсвеченные неярким огнем очага, и два лица с широко открытыми глазами, низко склонившиеся над ним и напряженно всматривавшиеся в него.

Бренор разглядел старшего дворфа-мужчину и более молодую женщину в жреческих одеяниях, Имена «Парсон» и «Мандарина» вертелись в мозгу, не даваясь ему. Двое продолжали разглядывать его, и на их лицах удаление сменялось озабоченностью, а та, в конце концов, — облегчением и радостью.

— Хвала Морадину! — сказала женщина, наклонилась еще ниже и поцеловала юного Реджинальда Круглого Щита в щеку. — Я уж думала, мы тебя потеряем.

Другой дворф, соглашаясь, кивнул.

— А она при тебе с того момента, как ты упал, — объяснил он юноше, лежащему в полузабытьи на койке в твердыни Фелбарр. — Ни на шаг не отходит, вот как.

— Арр Арр всех нас спас тогда, можете не сомневаться, — заявила женщина. Да это была Мандарина Яркий Поплавок. — Что я была бы за жалкий и неблагодарный друг, покинь я его до конца лечения!

Другой, Парсон Глейв, снова кивнул:

— Да, но я уже подумал, что ты отправишься на встречу с отцом, мой юный друг.

— Бангором? — еле слышно прошептал сбитый с толку Бренор, с трудом разлепляя запекшиеся губы.

— Что-что? — переспросил Парсон Глейв, подавшись вперед.

Лишь теперь сознание Бренора начало возвращаться к настоящему. Он припомнил, как женщина-клирик звала его «Арр Арр», и сообразил наконец, что он больше не король Бренор, сын Бангора.

Во всяком случае — пока.

Последняя мысль некоторое время трепыхалась у него в голове, потом ее медленно сменили возвращающиеся подробности боя в горах, в особенности те последние отчаянные моменты, когда рядом с огромным горным великаном казалось, что все пропало.

— Так и было, — продолжал Парсон Глейв, не дождавись ответа от раненого. — И все это время Мандарина находилась рядом с тобой, всю обратную дорогу с гор.

— Остальные? — сумел более внятно прошептать Бренор.

— Победа за тобой, — сказала Мандарина, хотя Бренору показалось, что не в ответ на его вопрос. — Когда этот проклятый великан грохнулся наземь, земля как вздрогнет! А эти орки поджали хвосты да как давай удирать! Ха-ха, скажу я вам, это надо было видеть:

натыкаются друг на друга и визжат как резаные. А Рванный Дайн, он не собирался их отпускать, он гнал их с милю, а то и больше, и всю дорогу рубил их, и лягал, и колотил по-всякому!

— Огнун Кожаный Ремень рассказал про тебя королю Эмерусу, — добавил Парсон Глейв. — Отдыхай хорошенько, скажу я тебе, потому что впереди тебя ждет прием в твою честь.

Бренор, все еще старавшийся рассортировать события боя — он помнил, как метнул топор и ринулся на гиганта, но что запомнилось ему лучше всего, так это жгучая боль в животе, — попытался приподняться на локтях.

Он сразу же понял, что это была скверная идея.

Волны мучительной боли опрокинули его обратно, постепенно сменяясь приступами тошноты. Он начал кашлять и задыхаться, и Мандарина с Парсоном Глейвом поспешили перевернуть его на бок, чтобы он не захлебнулся рвотой.

Он взглянул на лужу возле кровати потрясенно и даже с испугом, поскольку к желчи в ней примешалось изрядное количество крови.

— Все в порядке, парень, — постарался успокоить Бренора Парсон Глейв, когда они снова перевернули его на спину. — Это лучше, чем было. Не переживай.

— Ага, мы поставим тебя на ноги дней за десять-двадцать, но твою вечеринку отложим этак на месяц, я так думаю, — добавила Мандарина.

— Да, месяц, не меньше, прежде чем этот молодец сможет выпить, когда в его честь станут говорить тосты, — с энтузиазмом согласился Парсон Глейв, широко улыбаясь. Он взглянул на Малыша Арр Ара и кивнул, потом достал маленький пузырек и поднес к губам раненого. — Выпей-ка пока вот это, парень, — попросил он, вливая ему в рот сладкую жидкость.

На этот раз Бренора не тошнило — наоборот, ему стало легко, тепло и покойно. И вслед за магическим зельем, стекающим вниз, к желудку, веки Бренора опустились, и тьма унесла его в край отрывочных и тревожных сновидений.

Бренор прибыл последним из шести участников отряда, отправившегося на разведку в Ровинские горы, и его приветствовали громче, чем всех остальных, вместе взятых; это понимали все присутствующие. Ибо то был миг славы Реджинальда Круглого Щита, и сотни пивных кружек в Фелбарре взлетели ввысь, когда Парсон Глейв ввел его в церемониальный зал — величественную и высокую, частью естественную, частью высеченную пещеру. В одной из стен был устроен огромный камин, в котором пылал огонь, освещая все вокруг оранжевыми вспышками, а сбоку от него, на достаточном удалении, чтобы не страдать от жара, на возвышении восседал на великолепном троне король Эмерус Боевой Венец.

Рядом с его троном был установлен другой, не столь богато украшенный, однако не уступающий ни высотой, ни местоположением. К этому второму креслу Парсон Глейв отвел героя вечера, и, когда Бренор хотел почтительно склониться перед королем, оказалось, что Эмерус первым поклонился ему.

Затем король выпрямился и развернул героя лицом к собравшимся, которые подняли кружки и оглушительно закричали: «Ура!»

И там, в первом ряду, стояла Увин Круглый Щит, с лицом мокрым от слез, кивая и шмыгая носом.

Бренор знал правила приличия, но пренебрег ими. Он не мог бы сказать, почему его так тронуло лицо Увин в этот миг, но он не в силах был сдержать свой порыв. Он высвободился из рук короля Эмеруса, прыгнул с помоста и, пробежав через зал, заключил Увин в крепчайшие объятия.

— Ради твоего отца, — шепнула она ему посреди грома аплодисментов.

Бренор смахнул слезу, первую слезу по своему погибшему отцу. И он обнимал Увин еще долго-долго, оторвав ее от пола и бережно баюкая в своих объятиях.

Когда он наконец отпустил ее и направился обратно к помосту, множество рук протянулось, чтобы похлопать его по плечу, и один из голосов, возвысившись над остальными, привлек его внимание.

— Ты спас мою сестру, сказала Маллабричес Опустившейся Молот. Бренор встретился с ней взглядом. — Она сказала, чтобы ты оставил ее, но ты не послушал. — У отчаянной воительницы, с метким прозвищем Фурия, глаза были на мокром месте, когда она торжественно кивнула ему в знак благодарности и одобрения.

Король Эмерус жестом предложил вернувшемуся на помост Бренору сесть, затем пригласил выступить очевидцев. Один за другим, начиная с Огнуна Кожаного Ремня, остальные пять членов ровинского разведывательного отряда вставали перед королем и героем и пересказывали собравшимся волнующую историю сражения. И каждый из рассказов превосходил прежние; конечно же, они отрепетировали роли, которые будут играть в этом историческом повествовании. Огнун обрисовал общую картину, потом Таннабричес рассказала о начале нападения и о великом мужестве Арр Арра, спасшего ее. Потом вступила Мандарина, подтвердившая, что Кулак умерла бы, поступи Арр Арр иначе.

Магнус Кожаный Ремень сорвал немало охов и ахов, описав появление великана, и огромное чудовище, с его слов, представлялось даже еще огромнее, чем в тот день на поле боя!

Последним вышел Рваный Дайн, старый воин. Глянув Бренору в глаза, он удостоил его уважительного кивка и дружеского подмигивания.

И затем, с рассудительностью ветерана, прошедшего множество битв, сдержанностью война, повидавшего немало убитых врагов, и грозной решимостью дворфа, готового принять смерть в Ровинских предгорьях, Рваный Дайн доказал, что бард из него не хуже, чем воин. Он надолго завладел вниманием толпы, ловящей каждое его слово, когда произнес напоследок:

— Так говорю вам я, и говорю правду, что если бы не Малыш Арр Арр...

Драматическая пауза в этом месте заставила толпу явственно ахнуть.

— Нет, — поправился, он. — Никакого Малыша больше нет.

Тишина взорвалась всеобщими восторженными воплями.

— Если бы не Реджинальд — сын одного из моих лучших друзей, да напоит его Морадин допьяна! — знайте, что ни один из нас не стоял бы здесь сегодня, а вы и не знали бы, что орки и великан шныряют к северу от ворот Фелбарра!

Зал взорвался, когда Рваный Дайн подошел к Бренору и вручил ему флягу с «Веселым мясником» — самый верный пропуск во взрослую жизнь, какой может дворф предложить юнцу. Он взял Бренора за руку и, вытащил его из кресла, отвел на середину помоста.

Подмигнув Увин, кивнув Рваному Дайну, а затем королю Эмерусу, Бренор осушил флягу.

К нему приблизился Эмерус, извлек из мешочка великолепную золотую медаль в форме круглого щита на мифриловой цепочке и повесил ее ему на шею.

— Исполнить желание! — выкрикнула из толпы Маллабричес Опустившийся Молот, и ее призыв был подхвачен залом:

— Исполнить желание!

Король Эмерус изобразил удивление, но Бренор точно знал, что оно наигранно. Король ожидал этого, как ожидал бы Бренор во времена подобных чествований, которые он возглавлял в Мифрил Халле. И действительно, Бренор, исполнил немало таких «желаний».

Наиболее часто, разумеется, желали бочонок пива, флягу с бренди или право пригласить на ужин красивую девушку — или же крепкого парня, если подобная почесть, оказывалась женщине.

— Бери девчонку, Малыш App App! — выкрикнул кто-то сзади, и все рассмеялись.

— Не такой уж и малыш, если выбирает девчонку! — подхватил другой.

— Кулак! — завопил один.

— Фурия! — требовал второй.

И далее в том же духе. Обе девицы Опустившийся Молот отчаянно краснели, а Бренор чуть ухмылялся, глядя на все это.

— А может, обеих, если Кулак и Фурия не против! — выкрикнул Рванный Дайн, и зал взорвался хохотом, и король Эмерус первый.

Наконец Эмерус утихомирил веселье и приобнял героя.

— Видишь, Реджинальд, — сказал король, — похоже, тут мы все согласны. Ты заслуживаешь исполнения желания, будь то оружие, или мифриловый доспех, или бочка пива, это в моей воле. Если это танец с девушкой, то тут, конечно, ей решать, ну а если речь идет о двойняшках Опустившийся Молот, тогда, сдается мне, их папаша захочет перекинуться с тобой парой слов.

Все опять засмеялись, и на этот раз даже Бренор присоединился к остальным.

— Но твое дело объявить желание, а наше — исполнить его, провозгласил король Эмерус. — Назови его! Морадин благословил тебя, а кто мы такие, чтобы с ним спорить?

При этих словах улыбка разом исчезла с лица Бренора, оно застыло, поскольку юноша пытался скрыть гримасу. Слова Эмеруса: «Морадин благословил тебя» — обрушились на него, словно брошенный великаном камень, оскорбляя его чувства, напоминая о тщетности всех усилий, о несмешной шутке, ставшей реальностью для Малыша App Appa.

Вскипающая ярость свела судорогой желудок и острой болью пронзила сердце. Морадин благословил его? Единственное, на что Бренор был способен, — это не начать проклинать Морадина прямо перед всеми, сию же минуту!

— Реджинальд? — спросил король Эмерус, и лишь тогда Бренор понял, что прошло уже немало времени. Он перевел взгляд с короля на публику, на Увин, Рваного Дайна, и Огнуна, и остальных членов разведывательного отряда, включая Кулак и Фурию, которые стояли рядышком и широко улыбались ему, глаза их предвкушающе блестели.

Он взглянул на Парсона Глейва, и ничего ему так не хотелось, как сбежать с помоста и отчитать жреца, сказать ему, что все это просто шутка, что Морадин играет ими, насмехается над ними и равно смеется над их победами и поражениями.

Но он не сделал этого.

И он знал, чего хочет, хочет сильнее всего: вновь очутиться в Ируладуне, проститься с Кэтти-бри, Реджисом и Вульфгаром, войти в пруд и отправиться в Дом Дворфа за

заслуженной наградой.

Но король Эмерус не мог даровать ему этого, и внезапно ему в голову пришла другая мысль.

— Попасть в Мифрил Халл, — сказал он. — Вот мое желание.

Король Эмерус, широко улыбаясь, начал было отвечать, но осекся, когда до него дошел смысл просьбы юного дворфа, и лишь молча уставился на героя вечера. Вокруг воцарилась тишина, многие недоуменно пожимали плечами.

— Мифрил Халл? — переспросил король.

— Да, — подтвердил Бренор и добавил, чтобы рассеять замешательство, поскольку просьба и впрямь была неожиданной: — И бочонок вот этого, — и поднял, пивную кружку с остатками «Веселого мясника».

Разумеется, это было то, что публика ожидала услышать, и ее смущение улетучилось под радостный рев толпы.

Значит, два желания! — объявил король Эмерус. — Быть по сему! — И толпа возликовала вновь, кроме сестер Опустившийся Молот, как заметил Бренор — казавшиеся слегка разочарованными.

Бренор продолжал улыбаться и отхлебнул добрый глоток «Веселого мясника», но все это было да вида, чтобы поддержать нелепый фарс с участием его поддельной личности. На самом деле он был поглощен собственными мыслями, взвешивая, чего будет ему стоить в эмоциональном плане исполнение его просьбы, возвращение в Мифрил Халл, где он дважды был королем.

Он нутром чувствовал, что должен вернуться туда, хотя и не слишком понимал почему.

Весна достигла своего расцвета и повернула к лету, но Бренор не осуществил свою мечту — ни весной, ни летом, ни вообще в этом году. Парсон Глейв не отпускал его, настаивая, что раны юного дворфа слишком серьезны для столь опасного и тяжелого похода. Бренору хотелось возразить; теперь, когда он объявил о своем плане возвратиться в Мифрил Халл, его желание попать туда только возросло. Но он не мог, поскольку Парсон Глейв сказал и ему, и королю Эмерусу, что Реджинальд может стать обузой в этом путешествии.

И поэтому король Эмерус посоветовал набраться терпения, а Бренор без возражений согласился.

По правде говоря, что могли значить эти несколько месяцев, пусть даже год?

Итак, он сосредоточился на том, чтобы снова стать здоровым и сильным, и в конце лета вновь приступил к тренировкам. Он также проводил как можно больше времени с Увин, поскольку ее поведение на приеме научила его одной важной вещи: возможно, он никогда не будет ощущать себя ее сыном, Реджинальдом Круглым Щитом, но и бедная Увин никогда не сможет видеть его никем иным. Он нес ответственность за нее, испытывал чувство долга перед нею и не намеревался от этого отказываться. Как бы он ни был зол на Морадина и иных богов, он не должен проявлять враждебность или безразличие к этой женщине, от которой не видел ничего, кроме безоговорочной материнской любви.

Однако к концу зимы года Темного цикла мрак снова начал сгущаться над Бренором, и к началу 1479 года, по летоисчислению Долин — года Нестареющего, терпение

рыжебородого дворфа совсем иссякло.

День за днем он приставал к старшим с вопросом, когда же пойдет первый караван из твердыни Фелбарр в Мифрил Халл, и множество раз встречался с Парсоном Глейвом, дабы удостовериться, что жрец не изменит своего недавнего решения касательно полной готовности Реджинальда к походу.

За всю свою жизнь, эту и прошлую, Бренор еще не чувствовал себя настолько готовым.

Он знал, что становится все вспыльчивее и несдержаннее, его терпение давно иссякло. Кулак и Фурия начали избегать его.

Однажды в начале второго месяца, алтуриака, во время учебного боя Бренор едва не раскроил череп противнику, настолько силен был удар его учебного оружия.

— Ну вот что, хватит! — заявил вскоре после этого Рваный Дайн, выйдя на тренировочную площадку, весь красный, с вытаращенными глазами и пеной на губах. Он бросился к стойке с оружием и выхватил деревянный топор, потом подскочил к Бренору.

— Давай против меня! — велел он.

— Мое занятие окончено, — ответил Бренор и отвернулся — и Рваный Дайн влепил удар ему по спине, заставив качнуться вперед.

Бренор выпрямился и глубоко вздохнул. Он заметил, что остальные воины отошли в сторонку и уставились на него. Он медленно повернулся к Рваному Дайну.

— Ну, давай! — потребовал ветеран.

Бренор широко развел руками, словно спрашивая; зачем?

— Целый год ты хандришь, плюешься и взбрыкиваешь! — заявил Рваный Дайн. — Тебе что, так чертовски не терпится убраться отсюда?

Бренор провел по лицу рукой и не моргая уставился на ветерана.

Рваный Дайн швырнул топор и круглый щит под ноги Бренору, потом схватил со стойки второй комплект.

Бренор взглянул на оружие, фыркнул и сверкнул глазами на Рваного Дайна.

— Клангеддину это угодно, — заверил его ветеран.

Бренор снова фыркнул.

И ушел.

Придя домой, он ни слова не сказал Увин, просто прошел мимо нее в свою комнату и принялся заталкивать одежду в мешок. Он не сомневался, что его поведение на тренировочной площадке повлечет за собой некие последствия, но также достаточно хорошо знал традиции дворфов, чтобы понимать: его не смогут лишить обещанного путешествия в Мифрил Халл.

— Клангеддин, — сплюнул он, набивая мешок, — надеюсь, тебе понравилось это представление!

— Тебе так не терпится покинуть меня? — долетел от дверей голос Увин, и Бренор поднял взгляд и увидел ее печальное лицо.

Он зажмурился и уставился в пол, изо всех сил стараясь отделить свою клокочущую ярость от того чувства, которое он испытывал к этой доброй женщине, отделить боль из-за ложных посулов Морадина и прочих богов от реальных радостей ни в чем не повинных дворфов.

— Не тебя, — прошептал он и вновь взглянул на Увин, и теперь уже на его серые глаза навернулись слезы, Он тряхнул головой, бросил мешок, подбежал к женщине. И обнял ее. — Ты была для меня всем, и даже больше. — И долго держал в своих объятиях, пока не затихли

ее всхлипывания.

— Мифрил Халл? — спросила она, успокоившись. — Что это тебе взбрело в голову?

Бренор попытался придумать, что бы такое сказать ей, — задача тем более сложная, что он и сам толков этого не понимал. Почему он высказал именно такое желание? Что ждет его там, кроме еще одного болезненного напоминания о глупой игре, в которую он и его народ играли всерьез, будто все это действительно имело значение?

— Я слышал об этом месте, — ответил он. — О герое по имени Тибблдорф Пуэнт и отряде «Веселые мясники» — лучших воинах среди всех дворфов.

— Тибблдорф Пуэнт?

— Древний воин, давно умерший. Телохранитель самого короля Бренора Боевого Топора.

Увин пожала плечами и взглянула на него, явно озадаченная.

— В Мифрил Халле воинов тренируют по-другому, — пояснил Бренор, придумывая на ходу. — Ты ведь гордилась мной, когда наш отряд вернулся с Ровинских гор?

— Ты же видел меня в зале, — ответила Увин. — Ты славно уважил своего отца!

— Ну вот, а теперь я хочу, чтобы было еще лучше, — пояснил Бренор. — Я стану тренироваться вместе с этими «мясниками», если они возьмут меня, а потом вернусь в Фелбарр и научу всех. Не переживай, пройдет совсем немного лет — и Реджинальд Круглый Щит еще займет место возле короля Эмеруса!

Это утешило ее, и на этот раз уже она заключила Бренора в счастливые объятия.

Бренор тоже обнял ее, шепча ободряющие слова. Ему тяжело было лгать Увин, но он рассудил, что еще тяжелее было бы причинить ей боль.

Он не намеревался когда-либо возвращаться в твердыню Фелбарр.

Во всяком случае, в качестве Реджинальда Круглого Щита.

Это он знал наверняка, хотя и не представлял, каким путем выберется отсюда.

Он уже готов был поднять оружие и сразиться с Рваным Данном, предвкушая, как повергнет ветерана на землю, и не сомневаясь, что сможет сделать это. У Бренора было больше боевого опыта, чем у Дайна, и в придачу к этому — сильное молодое тело. Да, сначала он подумал, что поединок — прекрасная идея, но потом его предполагаемый противник помянул Клангеддина.

Значит, их бой послужил бы лишь очередной забавой для богов.

Нет, Бренор не станет в этом участвовать. Поистине, появившись Клангеддин Сребробородый в этой комнате, Бренор схватил бы деревянный топор и запустил им богу в лицо.

Потому что все бессмысленно.

Потому что правды нет.

Потому что боги дворфов не отвечают взаимностью на верность своих глупых подданных.

Потому что все, что поддерживало короля Бренора всю его долгую жизнь, и даже его преданность своему клану, оказалось обманом, забавой, игрой без каких-либо последствий.

Он осознал, что продолжает прижимать Увин к себе с сокрушительной силой, но она не понимала, что гнев, а не любовь повелевает его мускулами, хотя и непреднамеренно. Похоже, однако, что она не возражала, и Бренор продолжал цепляться за нее, нуждаясь в чем-то или в ком-то надежном и заслуживающем доверия.

Алтуриак сменился чесом, и к концу этого третьего месяца был снаряжен первый

караван для отправки в Мифрил Халл.

Реджинальд Круглый Щит был назначен вторым стражником четвертого фургона. Его начальником стал не кто иной, как Рваный Дайн.

Глава 17. Осложнения

Год Ухмыляющегося Хафлинга

(1481 по летоисчислению Долин)

Дельфантл

Эти месяцы были одними из лучших в обеих жизнях Реджиса, и в основном из-за этого вот танца, именно с этим противником.

Доннола попыталась достать его серией быстрых выпадов острого клинка. Наступая, она плотно припечатывала ведущую ногу к мату, сохраняя правильный баланс.

Реджис отвечал, повернув клинок кверху и отбивая каждый выпад влево. Рапира Доннолы отклонялась всего на пару градусов, но этого было достаточно, чтобы он чуть-чуть промахивался мимо цели.

— В обе стороны! — сердито велела она, поскольку уже предупреждала Реджиса, чтобы он, отражая удары, не впадал в опасную монотонность, и, подчеркивая свои слова, на долю секунды задержала следующий удар, а затем нанесла его из-под колеблющейся рапиры Реджиса, и ее улыбка сделалась шире в предвкушении явной победы.

Но ввысь взметнулся кинжал Реджиса, левая рука взлетела над правой, и маленькое лезвие отбило атаку Доннолы вправо. Продолжая это движение, Реджис начал отводить свою рапиру назад и вниз и разворачивать назад правое плечо, подальше от клинка Доннолы.

Он прыгнул вперед, нанося сокрушительный удар, от которого его партнерша вскрикнула и едва не упала навзничь, настолько быстро она отступила.

Но Реджис не отставал от нее, нанося удары и сверху, и снизу и всегда сохраняя правильную фехтовальную позицию: нога, стоящая сзади, перпендикулярна линии атаки, стоящая впереди — указывает ее направление.

Доннола нырнула вправо, а когда Реджис развернулся, чтобы продолжить атаку, стремительно отпрыгнула влево. Обычно она вела бой не так, и Реджис понимал, что она испытывает его, используя приемы, с которыми он, скорее всего, может столкнуться во время поединка с соперником, вооруженным более тяжелым клинком, рубящим оружием или дубинкой. Доннола заставляла его двигаться и вертеться, чтобы посмотреть, сможет, ли он делать это, не нарушив стойки.

После множества атак и защит Реджис добился чистого и длительного преимущества, впервые за годы их спаррингов.

— Отлично, но берегись! — бросила Доннола, отскочив, назад и опустив клинок.

— Ой, стыдно! — возразил Реджис, поскольку смог победить ее. Он знал это!

— Ты продемонстрировал ловкость и способность сохранять баланс, — сказала Доннола. — Но не смог перейти к ближнему бою.

— Мне и не нужно было сблизаться, — запротестовал Реджис. — У тебя рапира и кинжал, и у меня тоже!

— Ближе! — велела Доннола снова занимая боевую стойку. — Без этого ты никогда не победишь. Или ты считаешь, что будешь фехтовать с хафлингами на рапирах? Нет, Паук, ты будешь драться с орком или человеком, больше и сильнее тебя, способным издали раскрыть тебе череп!

— Ха-ха! — добавила она, ловко парируя, удар, когда Реджис ринулся вперед, делая резкие, сбалансированные шаги, ни разу не выставив ногу, находящуюся сзади, перед той, что была впереди, сохраняя баланс и демонстрируя тем самым правильную фехтовальную «атаку».

— Оттуда не победишь! — рассмеялась Доннола, и когда Реджис устремился вперед еще яростнее, молодая женщина увернулась.

— Ага, а вот тут тебе в голову прилетит дубина! — воскликнула она, точнее, хотела воскликнуть, потому что ей снова пришлось увернуться и отступить, ибо Реджис продолжал преследование. Теперь он теснил ее умышленно, лишая ее пространства, загоняя в угол.

Он знал, что она видит это.

— Не поймаешь! — объявила она, делая пируэт в сторону, но Реджис предвидел это и двигался одновременно с партнершей, его рапира устремилась к ней. Она, как всегда, искусно парировала — блоком и ответным ударом, но Реджис был готов к такому повороту событий. Он тоже описал клинком круг, поверх рапиры Доннолы, потом под ней и резко вверх, отбив руку девушки кверху и бросившись вперед.

Он врезался в нее, вдавив ее спиной в стену, и они очутились очень близко друг к другу, лицом к лицу, правая рука Доннолы была поднята над головой и прижата к стене атакующим клинком Реджиса.

Кончик ее кинжала уткнулся ему под ребра в тот же самый миг, когда его кинжал отыскал путь к ее телу.

Она задохнулась, и он задохнулся тоже, поскольку не мог дышать в такой близости от этого прекрасного существа.

Они долго смотрели друг на друга.

Доннола поцеловала его внезапно, страстно — и оттолкнулась от стены.

Реджис чувствовал, как слабеют его колени, и единственное, на что он сейчас был способен, — это сохранять равновесие. Но затем Доннола оборвала поцелуй, и он снова чуть не потерял равновесие и, должно быть, упал бы лицом вниз.

Если бы рапира напарницы не уперлась ему в грудь, обозначая неизбежную смерть.

Она рассмеялась.

— Ты научишься, — сказала девушка, грациозно, точно бабочка, развернулась и выпорхнула из комнаты.

Реджис остался стоять, опустив рапиру, почувствуй себя совершенно беспомощным, с сумбуром в голове. Он пытался сосредоточиться на бое, на движениях, давших ему такое преимущество. Пытался извлечь из всего этого урок, но все попытки были тщетны, поскольку его тело и разум сжигал жар от поцелуя Доннолы.

Подумать только, что она поцеловала его так!

Ей двадцать с небольшим, всего на восемь лет больше, чем ему, и она столь умна и красива, и великолепно фехтует, и ее блестящая дипломатия...

Блестящая дипломатия?

Реджис потряс головой, стряхивая наваждение, и бросил взгляд на дверь, за которой исчезла Доннола — исчезла, обезоружив его внезапным поцелуем и победив, в поединке!

Указательный палец Периколо уткнулся в карту, разложенную на столе, и на лице его заиграла кривая улыбка.

Доннола взглянула на карту, карту Моря Падающих Звезд, пожалуй, самую подробную из всех существующих. Ибо это был проект, который Периколо вынашивал годами, сколько Доннола себя помнила. Дедушка потратил небольшое состояние на эту карту, одно время предлагая всякому выходящему в море судну некое вознаграждение за промеры глубин вокруг различных рифов и отмелей. А годами раньше Периколо нанял лучшего из известных картографов этого моря и привез его в Дельфантл, предоставив тому прекрасное жилище и все карты, которые они смогли добыть, чтобы завершить этот грандиозный труд.

Когда Ловкие Пальцы забирал Паука для утренних погружений, маг отлично знал, куда они направляются и какая там будет глубина.

Доннола подняла взгляд с карты на мага, спокойно стоящего сбоку, — очевидно, он уже слышал грандиозное сообщение Периколо, — а переведя взгляд на Дедушку, она увидела самую довольную и удовлетворенную улыбку, какую ей вообще доводилось видеть в жизни.

И тут она поняла.

— Ты нашел его, — выдохнула она.

Периколо лишь улыбался.

— Обломки корабля лича, — прошептала Доннола, вновь глядя на указующий перст, упершийся в место на карте к югу от Агларонда.

— Темной Души, — добавил Периколо, говоря о могущественном личе, предположительно запечатанном в серебряном гробу на борту своего корабля, «Бриллианта Тепурла». Согласно легенде, корабль был потоплен пиратами примерно во времена Магической чумы. Ходили слухи, что на нем находились ящики, битком набитые магическими сокровищами из логова Темной Души в Чондалвуде.

По всему юго-восточному побережью Моря Падающих Звезд моряки шептались о потерпевшем крушение корабле лича; на множестве вечеров, куда приглашали Доннолу, он служил главной темой разговоров. Она всегда думала, что это лишь слухи и легенды, источник интриг и фантазий, мечта о великом могуществе и богатстве. Девушка полагала, что все эти истории изрядно приукрашены, что они лишь дают повод праздной знати распушить перышки перед вымышленным приключением, но Доннола прекрасно знала, что Периколо действительно верит рассказам про сокровище «Бриллианта Тепурла». Он затеял эти поиски не ради могущества или даже денег, но потому, что полагал это главнейшим делом своей жизни.

Он станет тем, кто поднимет сокровища Темной Души, и за это имя Периколо Тоиолино навсегда останется среди легенд Моря Падающих Звезд.

— Откуда вы знаете, что это?.. — начала Доннола.

— Он здесь, — категорично ответил Перико. — В глубоководной впадине в двенадцати лигах к юго-западу от юго-западной же оконечности Агларонда.

Доннола с трудом сглотнула и снова уставилась на карту.

— Откуда ты знаешь?

— Я уже давно подозревал ответил Периколо.

— Я вызвал в той стороне водных элементарей, чтобы они поработали на нас, — добавил Ловкие Пальцы. Он отошел к стене, к комоду, на котором стояли астробланы и валялись свернутые карты и пара подозрительных труб. Из выдвижного ящика он извлек нечто, завернутое в черную материю, и перенес это на стол.

Глядя Донноле в глаза, маг медленно развернул сверток, достав похожий на кинжал осколок стекла, — нет, не стекла, поняла Доннола, а разбитого зеркала. Она склонила голову набок, не вполне понимая, что делать с этим странным предметом.

— Подойди и взгляни в него, — предложил Периколо. — Ты слишком большая, чтобы магия осколка активировалась сама собой.

Доннола приняла осколок у Ловких Пальцев и уставилась на свое изображение, точнее, на ту его часть, которую могла увидеть, поскольку ширина осколка не превышала трех пальцев в самой широкой части.

Она увидела половину своей улыбки и один карий глаз... нет, половину недовольной гримасы и карий глаз, налившийся кровью. Ошеломленная, она отпрянула и взглянула на своих собеседников.

Ловкие Пальцы с улыбкой протянул руку, и Доннола положила в нее осколок.

— Будь это целое зеркало, а не его кусочек, я ни за что не позволил бы тебе заглянуть в него, — заверил Периколо.

Доннола пожалала плечами, с возрастающим интересом наблюдая за магом, который извлек из одного из множества карманов своего просторного одеяния маленькую крысу. Животное уцепилось за его руку, когда маг перевернул его, демонстрируя Донноле. Ловкие Пальцы, стоя возле стола, нагнулся, держа в одной руке крысу, в другой — осколок, и опустил их на пол друг напротив друга, чтобы крыса смогла взглянуть на себя в зеркало.

Доннола ойкнула и чуть не подпрыгнула, когда из зеркала выскочила вторая крыса, точная копия первой. Вторая крыса свирепо набросилась на первую, и та ответила ей тем же. С внезапной, просто-таки безумной яростью грызуны кидались друг на друга, кусались и катались по полу тугим клубком, быстро превратившимся в кровавый. Воздух звенел от крысиного визга.

— Прекратите! — в ужасе взмолилась Доннола. Она взглянула на Ловкие Пальцы, который, оправдывая свое прозвище, уже водил рукой по воздуху.

Он сотворил рассеивающее заклинание, воздух замерцал от магической энергии, и одна из крыс попросту исчезла.

— Что это? — выдохнула девушка.

— Зеркало Вражды, — пояснил Периколо. — Всякий, кто заглянет в него, увидит там свою точную копию, которая выйдет из зеркала и затеет бой.

— И оно до сих пор содержит в себе мощнейшую магию, хотя явно было разбито и пролежало на дне морском лет сто, — добавил Ловкие Пальцы.

— По преданиям у Темной Души было такое, — заметил Периколо.

— И вы нашли это?.. — Доннола замолчала и ткнула пальцем в точку на морской карте.

Периколо мрачно кивнул:

— Обломки корабля лича. Я уже некоторое время подозревал это. А теперь у меня есть способ добраться до него.

Доннола кивала, слушая, потом глаза ее начали округляться, по мере того как до нее доходил смысл. Концовка «способ добраться до него» просто зазвенела у нее в голове.

— Ты же полюбил его как сына, запротестовала она, едва владея собственным голосом. Периколо смотрел на нее сначала, казалось, с удивлением, но потом — с добродушной улыбкой.

— А ты — и того больше? — парировал он.

Доннола в ответ расхохоталась, но ее дед не перестал усмехаться.

— Ты что, будешь отрицать, что любишь Паука? — осведомилась Доннола.

— С чего бы? Я принял его в свою семью, как если бы он был моим родным сыном... внуком, — ответил Периколо. — Его отец живет в купленном мною доме и на деньги учрежденного мною же фонда.

— И все же ты собираешься послать его туда, — холодно заметила Доннола. — Ты отправишь, его в бездну искать этот затонувший корабль.

— Опасность — это часть жизни, девочка моя, и важная часть. Никогда не забывай об этом!

— Ты пошлешь его на смерть!

— Я не приемлю такого определения! Долгие годы я искал утраченные сокровища Темной Души, и теперь они мои, они у меня в руках!

— Благодаря Пауку.

— Да.

— Значит, это сокровище для тебя дороже... — начала Доннола, но осеклась, увидев вспышку гнева в глазах Периколо.

— Именно любовь к парнишке заставляет меня предложить ему это, — возразил Дедушка. — О, будь у меня этот его дар генази! Из всех моих приключений, из всех побед и трофеев это затмило бы все, как огромная луна затмевает солнце!

— И опасностью затмило бы тоже?

Периколо фыркнул:

— Я же посылаю тебя каждую неделю в логово песчаных шакалов, хотя люблю больше, чем кого бы то ни было.

— Это же совсем другое, — запротестовала Доннола. — Я старше и опытнее.

— Но не тогда, когда начинала, — парировал Периколо. — Вспомни, моя прелестная внучка, сколько тебе было, когда ты впервые отправилась на бал в Дельфантле? Кажется, это случилось до твоего шестнадцатилетия, а Пауку уже почти на два года больше. К моменту когда тебе исполнилось столько же, ты уже побывала на множестве подобных сборищ в этих гадюшниках, и не раз эти балы заканчивались тем, что в ближайшем переулке обнаруживался труп, верно? И ты к своему восемнадцатилетию, с моего благословения и поощрения, уже ограбила с дюжину дворцов, обчистила карманы у половины лордов Агларонда и убила трех ассасинов, причем двух — в одном бою! Должен ли я был спрятать Доннолу в доме, как теперь мы прячем Паука?

Она хмыкнула, но ответить было нечего.

— Или ты теперь считаешь, что я не заботился о тебе и был безответственным?

— Это было совсем другое, — ответила она тихо и без особой убежденности.

— Он готов начать свой собственный путь, поднимаясь к высотам власти и ответственности.

— Другое, — прошептала она снова, качая хорошенькой головкой и сглатывая застрявший в горле комок.

— Почему же, девочка?

— Я отправлялась в дома знати, а его ты посылаешь в море искать сокровища лича.

Периколо перевел взгляд на морскую карту, разложенную перед ним, на точку, где его указующий перст оставил отметину на пергаменте, — точку, в которой, он верил, лежал «Бриллиант Тепурла». Он долго молчал, но потом посмотрел на Доннолу и кивнул.

— Чем больше риск, тем больше награда. — Судя по его улыбке, он оставался непреклонен.

— Риск для Паука, награда для Периколо? — саркастически бросила девушка.

Дедушка прищурился. Доннола затаила дыхание: она не привыкла видеть адресованную ей угрозу на этом лице.

— В случае успеха вся слава — Пауку, — ровно произнес он. — Вся слава и все добытые сокровища. На что они мне, в самом деле? Нет, это приключение, это покорение вершины, и я буду возглавлять его, и всякий раз, как на берегах Моря Падающих Звезд станут произносить имя, следом будут добавлять, что это я, Периколо Тополино, поднял сокровища с затонувшего корабля лича! И о Пауке будут говорить так же. Разве ты не понимаешь, девочка? — В его вопросе звучал гнев. — Я предлагаю Пауку шанс на бессмертие, шанс сделать себе имя, которое столетиями будет греметь по всему Агларонду!

— А если он погибнет?

— Мы оплачем его и найдем другого, который, возможно, справится с задачей, — без колебаний ответил Дедушка. Он тихонько рассмеялся и потрянул головой, сурово глядя на Доннолу. — Я не стану жить в крепости за высокой стеной, и ты тоже. Отвлекись от своих личных чувств к Пауку. Разве осторожность — то, чего ты в самом деле хочешь, любимая моя внучка? Значит, я ничему не научил тебя?

Доннола с трудом сглотнула.

— Что ты испытываешь, забираясь незваной гостьей в окно к богатому дуралею? — спросил он. — Что чувствует Доннола, обнаружив ассасина, затаившегося среди теней, или когда в грудь ей нацелен острый клинок?

Юная женщина смотрела на него не моргая.

— Что ты живешь, — ответил за нее Периколо. — Ты чувствуешь себя живой. Именно этому я учил тебя, и именно так ты жила. И я жил именно так! Разве есть какой-нибудь иной путь?

Пристыженная, Доннола опустила взгляд. Ей вспомнились ее авантюры за последние десять лет — сколько раз она стояла на краю гибели? А Периколо за эти же десять лет ходил по этой тонкой, как лезвие ножа, грани куда чаще, чем она. И судя по тому, что ей доводилось слышать о дедушке, нет, о *Дедушке*, последние десять лет стали самым спокойным периодом в его богатой на приключения жизни.

— Сомневаешься ли ты в моей любви к тебе? — спросил Периколо.

— Никогда, — без малейшего колебания выпалила Доннола и посмотрела прямо в глаза Периколо.

— Если бы я смог предложить эти погружения тебе, ты согласилась бы?

Молодая женщина облизнула губы. Она не ответила, но и она сама, и Дедушка, и тихонько посмеивающийся Ловкие Пальцы, разумеется, знали ответ.

— Поэтому не сомневайся в моей любви к Пауку, — попросил Периколо. — Я предлагаю ему грандиознейшее из приключений — «Бриллиант Тепурла»!

— Проклятый корабль могущественного немертвого.

— Затонувший корабль с огромными сокровищами, — поправил Периколо. — И я знаю,

где он, и Паук, с помощью Ловких Пальцев, может туда добраться. Ах, как я завидую этому юнцу!

Доннола начала было отвечать, но сразу умолкла. Нырнула бы она к «Бриллианту Тепурла», будь это возможно?

Разумеется. Без колебаний.

Улыбка — не поражения, но понимания — начала расцветать на лице Доннолы, и она поняла, что и сама изрядно завидует Пауку.

Реджис вошел в маленький, но хорошо обставленный домик не без некоторого беспокойства, как бывало всякий раз, когда он приходил сюда. Он не мог отделаться воспоминаний о прежних днях, когда находил Эйвербринна на полу, пьяного до бесчувствия.

Он набрел на отца в гостиной, тот спал, сидя в кресле, но, судя по лишь легкому беспорядку в одежде, это была просто безобидная дремота. Реджис, в прошлой жизни немало пролежавший на берегах Мер Дуалдона в Десяти Городах с привязанной к пальцу леской — рыболовецкой снастью, на которую никогда не клевала рыба, — против нее ничего не имел.

Он тихонько разжег огонь в очаге, уселся напротив Эйвербринна и принялся терпеливо ждать. Его обязанности в Морада Тополино на сегодня были исполнены, так что он никуда не спешил.

Он смотрел на хафлинга, сидящего напротив, изучая, выражение лица Эйвербринна. Мужчина дремал, хотя и не с самым довольным видом.

Да бывал ли Эйвербринн Параффин когда-либо доволен?

Наблюдая за ним, Реджис мысленно выбрал себя — обычное его занятие в последнее время. Он вспоминал, как Эйвербринн топил его в море — Реджис и в самом деле думал, что его топят, — чтобы узнать, унаследовал ли сын способности умершей матери. А потом пошли опасные погружения в любую погоду, и в первую очередь Реджис должен был добыть устриц — навязчивая идея отца, подогреваемая потребностью в выпивке, чего бы это ни стоило — ему самому или его сыну. Долгое время Реджис обижался на Эйвербринна, как обижался бы любой другой ребенок на такого непутевого отца.

Но Реджис не был ребенком из Дельфантла. Он уже знал нищету и испытывал жгучее чувство безнадежности, столь часто сопутствующее ей. В первой своей юности, в Калимпорте, он встречал множество Эйвербринов, по правде говоря, даже тайно поддерживал их, когда начал свое восхождение в гильдиях правящих пашей.

Он не мог сдержать улыбку, вспомнив один особенно удачный грабеж: он довольно быстро сообразил, что не сможет воспользоваться добычей, поскольку все золотые монеты паши оказались предусмотрительно помечены. Тогда Реджис под покровом ночи отнес мешок этих монет на одну из самых бедных окраин Калимпорта и разбросал монеты по всем улочкам. На другой день все трактиры и лавки в этом районе были переполнены грязными и нищими покупателями.

В Калимпорте Реджису были не чужды и милосердие, и сострадание к обездоленным, и все же ему понадобилось много лет, чтобы достичь такого же уровня сострадания к этому хафлингу, сидящему теперь перед ним.

В первые годы жизни Эйвербрйна в этом доме неприязнь лишь возрастала, поскольку Периколо по требованию Реджиса действительно затруднил для пьяницы добычу спиртного. По приказу Периколо ни в одном трактире ему не продавали алкоголь, что Эйвербрину очень не понравилось, и в этом он больше всего винил своего сына, Паука. О, и до сего дня он все же добывал выпивку, несмотря на все попытки Реджиса перекрыть ее источник.

Лишь постепенно эти двое пришли к некоему перемирию. Они не обсуждали пьянство Эйвербрйна, поскольку в этом вопросе договориться было невозможно, но старый хафлинг перестал поносить своего сына, во всяком случае открыто, и порой даже выглядел благодарным за то, что Реджис хотя бы взял на себя труд попытаться. А Реджис перестал обижаться на сломленного отца и навещал его, так же как навещал тех бедняг на грязных улицах Калимпорта. Он не может изменить Эйвербрйна, значит, пусть будет так.

Осознание того, что Эйвербрин на самом деле не отец ему, давало Реджису психологическую свободу, необходимую, для того чтобы сохранять объективность.

Эйвербрин всхрапнул и облизал губы, закачал вдруг головой, потом лениво приоткрыл один глаз и взглянул на Реджиса.

— Привет, парень, — непослушными со сна губами выговорил он.

— Привет, отец.

Эйвербрин потер рукой лицо и выпрямился в кресле.

— Давно тебя не видел, — невнятно буркнул он.

— У меня было много дел.

— С этими Тополино.

— Да.

— Ну да, ты же их любимчик! — хохотнул Эйвербрин, но шуткой это было лишь отчасти. Он сел еще ровнее, стирая с лица остатки дремоты. — Ты все еще выплясываешь с этой милашкой, да?

— Она учит меня фехтованию.

Пропойца грубо расхохотался, и этот звук скорее походил на хрип, чем на веселый смех.

— Ну, будь у меня возможность, уж я бы ее продырявил!

Реджис напрягся и промолчал, напоминая себе, что Эйвербрин безобиден, что за грубостью он прячет свое отчаяние.

— Она мой друг.

— Ну да, ты и твои важные дружки, — презрительно фыркнул Эйвербрин.

— С тобой они обошлись неплохо, — парировал Паук, не сумев вовремя прикусить язык.

Эйвербрин фыркнул громче и отвернулся к очагу.

— Извини, отец, но выглядишь ты хорошо.

— Сносно, мальчик, — рассеянно бросил он.

— Меня зовут Реджис. — Он не вполне понимал, почему сказал это, но так получилось.

— Это ты так решил? — отозвался явно озадаченный родитель.

— Конечно, а разве кто-нибудь готов оспорить мой выбор?

— Это не тебе решать! — резко бросил Эйвербрин, замахиваясь на Реджиса кочергой.

— А твоей матери!

— Она умерла.

— Ну, значит, мне! Мог бы сначала поговорить со мной, парень, узнать, одобрю ли я.

— У тебя был шанс, но тебя это не интересовало, — напомнил Реджис, и лицо

Эйвербрина вспыхнуло от гнева.

— Забываешься? — поинтересовался старший хафлинг.

Реджис покачал головой. Этот спор напомнил ему, зачем он пришел сюда: ему уже исполнилось восемнадцать. Запад начинал звать его, уговор с Миликки вспоминался все чаще и чаще.

— Может, я назвал бы тебя Эрнстом, — заявил Эйвербрин. — Так звали моего брата, твоего покойного дядю, он утонул в бурю в тысяча четыреста сорок пятом году. Совсем мальчишкой, знаешь ли. Да, надо было назвать тебя Эрнстом, в память о нем!

— Может, и надо было, но ты этого не сделал.

— Тебя будут звать так, как я скажу! — взревел папаша, ткнув кочергой, в сторону Реджиса — точнее, попытавшись, поскольку рапира молодого хафлинга в мгновение ока вылетела вперед, быстро отразила удар, клинок описал круг, очутившись под кочергой снизу. Едва заметный поворот, рывок — и Реджис выдернул кочергу из руки противника и со звоном откинул в сторону.

Эйвербрин ошарашенно взглянул на него, потом на упавшую кочергу. Он от всего сердца расхохотался.

— О, да эта девчонка Тополино учит тебя на совесть, парень! — заявил он. — А чему еще она учит моего мальчика?

Он плюхнулся обратно в кресло, поеживаясь от удовольствия.

— Многому, — только и ответил Реджис, сопровождай это слово широкой ухмылкой, рассудив, что нет смысла разубеждать Эйвербрина в его, несомненно, непристойных предположениях.

Тот пожал плечами и фыркнул, примирительно махнув рукой.

— Откуда ты выкопал это имя?

Реджис помолчал и отвел взгляд, в то время как Эйвербрин подался вперед и явно вдруг заинтересовался разговором. Быть может, пришло время сказать ему правду.

— Я слышал это имя много лет назад, — неуверенно начал он.

— Где? У этих Тополино?

— Гораздо раньше?

— Ну и где же тогда? — уже резче настаивал Эйвербрин.

Несколько мгновений Реджис обдумывай этот вопрос. Чего он добьется, рассказав все отцу? Старый пропойца, скорее всего, даже не поверит ему, а если и поверит, что это даст? Реджису говорили, что Эйвербрин на свой лад гордится им, по секрету рассказывая в местных харчевнях про «своего мальчика при Дедушке». Возможно, размышлял Реджис, ему просто захотелось причинить мужчине боль, лишить его того единственного, чем тот мог похвалиться за всю свою жалкую жизнь.

Но почему? Из пренебрежения? Оттого что Эйвербрин был жалким, вызывающим презрение отцом — пусть даже он вовсе не был отцом Реджиса.

Нет, тотчас же решил Реджис. Он позволял собственной мелочности управлять собой, но теперь для подобного не место. Главная цель, ради которой он вернулся на Торил, ожидает его в трех годах пути — долгого пути в Долину Ледяного Ветра.

Он взглянул на Эйвербрина и одарил того обезоруживающей улыбкой. Он действительно не хотел делать больно этому хафлингу. Это было так просто.

Он рассмеялся.

— Дедушка зовет меня Пауком. Паук Паррафин, сын Эйвербрина, ученик Дедушки

Периколо Тополино.

Эйвербрин сначала смотрел на него с еще большим любопытством, словно гадая, что, во имя Девяти Кругов Ада, вдруг изменилось и почему. Но затем он кивнул, даже немного посмеялся и переспросил:

— Паук, вот как? Это мне нравится куда больше.

Реджис был горд собой за то, что сумел подняться над собственной мелочностью, смог совладать со своими уязвленными чувствами настолько, чтобы отнестись к бедняге Эйвербрину с тем же состраданием, с каким и прошлой жизни относился к другим.

Однако улыбка получилась не слишком широкой, поскольку Реджис напомнил себе, что он действительно нанесет Эйвербрину рану, возможно смертельную, когда покинет Дельфантл, и эта неприятная мысль заставила его прикусить губу.

Как он сможет сделать это? Как уйдет в Долину Ледяного Ветра, за тысячи миль отсюда, когда он нужен здесь? Как сумеет оставить эту жизнь, выстроенную им на берегах Агларонда?

Он вспомнил Дзирта, и Кэтти-бри, и Бренора. Конечно, было бы здорово увидеть их снова.

Но потом он подумал об Эйвербрине, и Периколо, и Донноле — да, в основном о Донноле! — и обо всех, кого полюбил за время своей жизни здесь, в Дельфантле.

Хафлинги Дельфантла были добры к нему и к Эйвербрину. Еще до того, как Реджис связался с Периколо Тополино, им с Эйвербрином доводилось видеть добро от таких же хафлингов.

И если задуматься в этом городе высоких и отважных людей хафлинг Периколо смог достичь такого положения и известности! Даже самые консервативные воровские гильдии города, включая могущественное Трехпалое Кольцо, организацию, известную своим неодобренным отношением ко всем младшим гильдиям, относились к Периколо и его хафлингам из Морада с великим уважением. Реджис сам был свидетелем, как почтительно кланялись гвардейцы правителя Дельфантла, хобгоблины, когда Периколо Тополино проходил мимо.

— Хорошая община хафлингов, — сказал он вслух, обращаясь, однако, к себе, а не к Эйвербрину.

Тот, правда, услышал его.

— Что такое? — переспросил Эйвербрин.

— Хорошая община хафлингов, — повторил Реджис громче. — Я имею в виду, здесь в Дельфантле. Ничуть ее хуже других.

Ответом ему был странный взгляд отца.

Паук рассмеялся над собственной глупостью. Насколько знал Эйвербрин, Дельфантл — единственное место, где вообще бывал его сын!

Реджис кивал, не глядя на Эйвербрину и даже не слыша, что там говорит ему на эту тему старший хафлинг. Он обдумывал свое неожиданное положение, и, к своему удивлению, понял, что это немаловажно. Здесь, в Дельфантле, хафлинги не были существами второго сорта, и здесь он лично не был никому обузой. Ничего подобного! Здесь он был протеже, набирающим силу и мастерство под высочайшим покровительством.

Мысли его перенеслись к одинокой скале, вздымающейся в звездное небо посреди северной тундры. Этот образ занимал столь важное место в его душе в тот день, когда он вышел из Ируладуна. Он даже не представлял, насколько трудным окажется его путь домой

продолжительностью в двадцать один год. Выходя из Ируладуна, он думал, что будет просто пережить это время, проводя его в тренировках, вечных тренировках, и возвратится к Компаньонам из Мифрил Халла, словно ничто и не прерывало их героического приключения.

Теперь он знал, что это не так.

Он посмотрел на Эйвербрина, которому был нужен.

Он подумал о Периколо, который принял его, был бесконечно добр к нему и раскрыл перед ним удивительные возможности.

Он опять ощутил мягкость губ Доннолы.

Да, теперь он знал, что это совсем не так.

Реджис не мог придумать, как ему выбраться из всего этого. Он не мог сделать вид, будто ничего не было, и не мог даже подняться над проблемой, напоминая себе о высшей цели, ради которой ему была дана эта вторая жизнь.

Он думал об этом, ложась вечером в кровать. Он думал об этом во сне. Он думал об этом, просыпаясь по утрам.

Он пробовал объяснить это юношеским максимализмом, но, даже если и так, это все равно ничего не меняло.

Нет, тот поцелуй Доннолы ошеломил Реджиса; в обеих своих жизнях он никогда не испытывал ничего подобного. Но вкус его, оставшийся, на губах, служил хафлингу на протяжении часов и дней причиной не одних лишь счастливых размышлений, поскольку с именем Доннолы было связано еще кое-что...

Спустя четыре дня после случившегося он готовился к ежедневному спаррингу со своим инструктором. Доннола вошла, улыбаясь, в прекрасном настроении. Она вскинула клинок и отсалютовала ему.

Но он опустил рапиру острием в пол и покачал головой.

— У тебя что-то случилось? — спросила Доннола, искренне озабоченная, и тоже опустила оружие.

— Почему ты меня поцеловала? — напрямик спросил Реджис, не в силах больше сдерживаться.

Доннола попятилась, словно получила пощечину.

— Что?

— Ты поцеловала меня.

— Ты тоже поцеловал меня.

— Конечно! Ты такая красивая! — Реджис потупился, чувствуя, как заливаются румянцем щеки.

Смех Доннолы звучал в ушах, и он наконец поднял взгляд.

— Спасибо, — сказала она и сделала реверанс и тоже покраснела.

— Но почему? — спросил Реджис.

— Почему — что?

— Почему ты меня поцеловала?

Она начала было отвечать, но Реджис с мрачным видом продолжал:

— Чего ты хотела этим добиться?

Доннола отступила еще на шаг, но затем решительно шагнула к нему, выронив рапиру и подбоченившись. Она остановилась в нескольких дюймах от Реджиса и смерила его ледяным взглядом.

— Не можешь же ты влюбиться в меня! — настаивал Реджис. — Ты же показывала мне — ты учила меня! Ты таскала меня на все эти пышные приемы у всякой знати и показывала, как используешь свое очарование, чтобы манипули...

Мощная пощечина последовала быстрее, чем Реджис успел отреагировать.

Тяжело дыша, Доннола развернулась, намереваясь уйти, но Реджис поймал ее за плечо и притянул обратно к себе. И когда они столкнулись, он крепко обнял ее. Он увидел слезы в ее прекрасных карих глазах и поцеловал ее.

Она извивалась, пытаясь вырваться. Она старалась спрятать губы. Но Реджис не отступал и отыскивал их снова, и напряжение Доннолы постепенно спало, и теперь она уже целовала его не менее, если даже не более, страстно.

— Ты что, сомневаешься во мне? — спросила она и внезапно рванулась, и они оба повалились на пол, она поверх него.

— А ты так-таки никогда не целовалась ни с кем из них? Разве это не было частью твоей игры?

Карие глаза Доннолы полыхнули гневом, но вспышка быстро угасла, и девушка расхохоталась:

— Ну да, им, видишь ли, нравятся малышки вроде нас. Это дает им возможность почувствовать себя большими и сильными.

— Значит, ты целовалась с парой-другой лордов! — вскричал Реджис с деланой яростью и, поддавшись внезапному порыву, перекатил Доннолу на спину.

Доннола улыбнулась ему, ее влажные глаза искрились в солнечных лучах, вливавшихся в единственное окно комнаты.

— Да, кокетничала, и да, целовалась, — призналась она и внезапным рывком опрокинула навзничь самого Реджиса. — Поцелуй и кокетство, и ничего больше, — твердо произнесла Доннола. — Ничего и никогда, ни с кем... до этого момента.

Солнце давно село, лунный свет струился в окно, когда Реджис проснулся в объятиях Доннолы. Он чувствовал себя идиотом за то, что посмел сомневаться в этой чудесной девушке. Она не играла с ним; ее чувства были настоящими.

Как и его собственные.

Но и лежа там, в тусклом свете луны, Реджис не мог не думать о Дзирте и дороге в Долину Ледяного Ветра.

Все было очень, очень сложно.

Глава 18. Ласковые сети

Год Нестареющего

(1479 по летоисчислению Долин)

Незерил

В ясном небе над пустыней перемигивались звезды, узенький серп луны едва освещал потайной сад, но ЭТОГО слабого сияния было достаточно, чтобы влажные нежные лепестки множества цветов мерцали, подобно звездам в вышине.

Кэтти-бри пребывала в отличном расположении духа. Могло ли быть иначе, когда она настолько остро ощущала свою близость с Миликки?

В дни, когда она танцевала в Ируладуне, общаясь с богиней, она столь многое узнала — и о движении небесных сфер, и о вечном цикле жизни и смерти. И о благодати самой жизни в целом. Девушка знала, что она такая же частица этих звезд в небе, как и цветы у ее ног.

На душе у нее был покой.

И все-таки не совсем, поскольку это место и этот миг напоминали ей о причине ее возвращения на Фаэрун и стоящей перед нею в не столь уж далеком будущем задаче. Этот день, день весеннего равноденствия 1479 года, ознаменовал ее шестнадцатый день рождения, или «возрождения», как она втайне называла его. Она провела несколько часов с Нираем и Кавитой в лагере десаи и могла не возвращаться в Ковен до следующего утра.

— Еще пять лет, — прошептала она цветку и нежно погладила большой нежный лепесток. — Всего пять.

Она воскресила в памяти образ Дзирта и широко улыбнулась. Она покинула его чуть больше шестнадцати лет назад, по ее меркам, но для него с того момента прошло уже больше ста лет. Не угасли ли его чувства к ней? Помнит ли он ее вообще — во всех смыслах этого слова?

Быть может, при встрече окажется, что он счастливо женат, вероятно на эльфийке, и растит своих детей?

Женщина пожалала плечами. Такая возможность ее не радовала, но Кэтти-бри принимала ее именно как возможность, причем неподвластную ей. Она мечтала о встрече, мечтала увидеть его улыбку, ощутить его прикосновение. Как ей не хватало этого! Теперь, когда Кэтти-бри побывала в объятиях богини, когда столь глубоко постигла тайны мироздания, многое могло бы показаться ей незначительным. Но прикосновения Дзирта не относились к этим несущественным мелочам; их узы казались безбрежными, как вселенная, и вечными, как круговорот жизни и смерти, несмотря на препятствующие им обстоятельства.

Если Дзирт женат на другой, что ж, пусть будет так. Кэтти-бри знала, что он любил ее и будет любить ее всегда, так же как она всегда будет любить его.

Ее преданность не станет меньше в грядущей битве, о которой поведала Миликки в дни общения с богиней в зачарованном лесу. Если Госпожа Ллос или ее слуги явятся за Дзиртом, им сначала придется одолеть Кэтти-бри, чтобы добраться до него!

Она представила себе Пирамиду Кельвина в Долине Ледяного Ветра под таким же мерцающим небом, бесконечный ветер, треплющий ее волосы, студеной и колючий.

— Еще пять лет, — снова прошептала она.

— Пять лет до чего? — раздался суровый голос у нее за спиной.

Кэтти-бри застыла, улыбка ее погасла, глаза широко раскрылись. Она слишком хорошо знала этот голос!

— До чего? — вновь спросила леди Авельер. — И смотри на меня, дитя.

Кэтти-бри сделала глубокий вдох.

— Твоя магия не в силах конкурировать с моей, детка, — сказала леди Авельер, словно читая ее мысли. — И ты не сможешь трансформироваться настолько быстро, чтобы ускользнуть от меня.

Кэтти-бри медленно обернулась. Авельер стояла у входа в ее потайной садик, одетая в роскошное пурпурно-белое дорожное платье, и в этот миг она казалась выше Кэтти-бри, намного выше и импозантнее.

— Ты лгала мне. — Женщина произнесла это тихо, но каждое слово громом отдавалось в мозгу Кэтти-бри, словно ей выкрикивали их прямо в ухо.

— Нет, госпожа... — запинаясь, выговорила она.

— Я взяла тебя к себе, открыла перед тобой двери моего дома, а ты лгала мне, — настаивала леди Авельер.

— Нет...

— Да!

Кэтти-бри с трудом сглотнула:

— Ты говорила, что не знаешь, откуда у тебя способности к исцелению и трансформации, продолжала леди Авельер. — Ты не знала, были ли они дарованы божеством или имели иную природу. Но ты все это время обманывала меня, поклоняясь этому... богу?

— Богине, — сумела выговорить Кэтти-бри.

— Я пощадила твоих родителей! — закричала на нее леди Авельер. — Одно лишь мое слово насчет их магической практики — и Анклав Теней арестовал бы их и подвергнул пыткам на городской площади. И вот как ты отплатила мне? Ложью?

Говоря, она продвигалась вперед, пока не подошла совсем близко к Кэтти-бри, и воззрилась на нее с высоты Своего роста.

— К ним это не имеет отношения, — с запинкой произнесла Кэтти-бри, выпрямившись, но склонив голову. Мысль о том, что Авельер может сорвать зло на Нирае и Кавите, привела девушку в ужас: как станет она жить дальше, накликав такую беду на этих замечательных людей?

Но потом в ее сознание вплелась успокаивающая нотка, уверенность, что леди Авельер не сделает этого, что Нирай и Кавита не интересуют провидицу и не будут выданы ею.

Кэтти-бри подняла взгляд на женщину. Та протянула руку и ласково погладила ее густые волосы.

— О, моя милая девочка, — произнесла она голосом нежным, как цветочный лепесток. — Разве ты не понимаешь, что я полюбила тебя, как родную дочь?

— Да, госпожа, — услышала Кэтти-бри свой ответ.

— Мне просто больно, очень больно оттого, что ты не доверила мне свой секрет.

Я думала, вы не поймете.

— Доверие, дитя, доверие, — проворковала леди Авельер. — Я твоя наставница, а не враг. — Она привлекла Кэтти-бри к себе и огляделась. — Расскажи мне об этом месте. Это твое место поклонения этой... богине, да?

— Миликки, — прошептала Кэтти-бри.

— Да, так расскажи же мне поподробнее; Конечно же ты получила ее благословение! Я видела отметину.

Ладонь Кэтти-бри непроизвольно прикоснулась к предплечью другой руки, к шраму в виде единорога.

— Твой магический шрам, да, и силы, которые он дает тебе, — подхватила леди Авельер, хотя Кэтти-бри заметила, что провидица, даже не посмотрела вниз, не проследила взглядом ее неосторожное движение. — Расскажи мне об этом. Расскажи про Миликки, — промурлыкала наставница. — И про этого темного эльфа, и про скалу под звездами.

Обладая Кэтти-бри в этот миг нормальными мыслительными способностями, она поняла бы, что ее собеседница владеет гораздо большей информацией, чем та, которую она могла добыть в саду, поскольку девушка не упоминала про Дзирта вслух, а лишь думала о нем и мысленно рисовала его образ.

— Расскажи мне, Рукия, — заговаривала леди Авельер. — Кэтти-бри, — поправила ученица Миликки.

Лорд Прайс сидел в своем великолепном кресле, сложив ладони возле поджатых губ. Он ни разу не моргнул, пока леди Авельер изливала на него все эти бредни о юной Рукии из племени десаи.

— Она избранная Миликки, — произнес Пэрайс спустя изрядное время после того, как провидица закончила свое продолжительное повествование.

Леди Авельер могла лишь пожать плечами:

— Похоже на то.

— И вы ей верите?

Женщина вновь пожала плечами, но теперь добавила к этому кивок.

— Ребенок бединов — избранная Миликки, не являющейся богиней бединов? — скептически буркнул Пэрайс.

— Но она говорит, что вовсе не ребенок бединов, поправила леди Авельер. — Она утверждает, что ее имя не Рукия, а Кэтти-бри.

Теперь был черед Пэрайса Ульфбиндера пожать плечами, поскольку это имя ни о чем ему не говорило.

— Женщина из другого времени, до Магической чумы.

— Это лишь ее слова. Не кажется ли вам, что таким образом она просто пытается выгородить своих преступных родителей?

— Я тоже так думала. Но ее утверждения...

— Отчаянные выдумки отчаявшейся молодой женщины...

— В той прошлой жизни ее усыновил дворф, — перебила леди Авельер, — король дворфов.

Конец задуманной фразы застрял у Пэрайса в горле.

— Король дворфов? — переспросил он.

— Король Бренор Боевой Топор из Мифрил Халла, — пояснила леди Авельер. Она сказала мне это под двомером очарования, под заклинанием гипноза, под воздействием магического внушения.

— Она рассказала придуманную историю, — возразил Пэрайс.

— В библиотеке Анклава Теней есть запись о таком короле.

— Значит, девочка побывала в библиотеке.

— И упоминание о его приемной добери, Кэтти-бри...

— Значит, девчонка побывала в библиотеке! — вскричал лорд Пэрайс Ульфбиндер.

— ...которая была унесена среди ночи призрачным единорогом Миликки, — закончила леди Авельер.

Пэрайс откинулся на спинку кресла.

— Что вы хотите этим сказать? — кротко осведомился он.

— Эта человеческая дочь короля Бренора, которую Магическая чума лишила разума, умерла ночью и была тайно похищена из собственной постели божественным единорогом, так гласит легенда, — Она помолчала и натянула на лицо кривую усмешку. — Из постели ее мужа, темного эльфа Дзирта До'Урдена.

Лорд Пэрайс Ульфбиндер был одним из наиболее сдержанных и спокойных обитателей Анклава Теней, но его вопль походил на вскрик перепуганного ребенка. Он вскочил, отшвырнув прочь креслом.

— Имя, которое вы упоминали прежде, да? — уточнила леди Авельер, усмехаясь еще шире.

— Это безумие. — Пэрайс кинулся к своему письменному столу и уселся на него прямо перед женщиной. — Вы уверены, что не упоминали при ней это имя? Может, вы неумышленно подвигли ее на сочинение этой дикой истории?

— Не припоминаю, чтобы раньше я когда-либо упоминала это имя или слышала его, кроме как в этой самой комнате.

— Но ребенок владеет магией. Быть может, она незаметно сотворила коварный двомер, преодолела вашу защиту и прочла ваши мысли.

— Там не нашлось бы ничего полезного. Темный эльф меня не интересует. Я даже не вспомнила его имя, пока Рукия — Кэтти-бри — не назвала мне его, и даже тогда я едва узнала его. Лишь когда она упомянула о происхождении этого Дзирта, я припомнила наш давний разговор насчет дроу — пленника лорда Дрейго.

— Упущенного пленника.

— Тогда мы можем найти его, поскольку дитя твердо намерено разыскать его где-то после Года Разбуженных Спящих. Более того, у нее есть сообщники, с которыми она собирается воссоединиться в ночь весеннего равноденствия в том самом году.

— Сообщники-бедины?

Леди Авельер покачала головой.

— Тысяча четыреста восемьдесят четвертый, — пробормотал лорд Пэрайс. — Пять лет, почти день в день. — Он поскреб свою жидкую бородку. — Действительно интересно.

— Что я должна сделать?

— Отпустить ее! — не задумываясь воскликнул Пэрайс. — И следить за ней, за каждым ее шагом. Мы можем стать свидетелями битвы между богинями Торила, и это будет потрясающее зрелище!

Леди Авельер ничего не ответила, но на ее лице отразилось многое, и в первую очередь облегчение.

— Что, леди, — подразнил ее Пэрайс — а вы полюбили эту девочку.

Леди Авельер раскачивалась на пятках, обдумывая его слова. Ее первым побуждением было решительно возразить против подобного обвинения, но она быстро отказалась от этой идеи и честно постаралась глубже заглянуть в собственную душу.

— Она такая перспективная, такая способная, — ответила женщина. — Любознательность и надежда — с самого начала.

— Тут нечто большее, чем профессиональное любопытство, — заметил ее друг, хорошо знающий ее.

Леди Авельер кивнула.

— Вы считаете ее своей протеже.

— Считала, — быстро поправила его Авельер. — Теперь я понимаю, что это невозможно. Ее верность не принадлежит мне и никогда не принадлежала.

— Но она никогда не противоречила вам.

— Верно. Именно поэтому я буду рада поступить так, как вы говорите, и не наказывать ее за двуличие и тайное поклонение этой чужой богине.

Пэрайс Ульфбиндер лукаво усмехнулся, заставив леди Авельер досадливо, вздохнуть. Разумеется, он видел, ее насквозь. Он знал, как больно ей думать, что эта девочка, которую она пригрела и растила почти как собственное дитя, может быть предана кому-либо сильнее, нежели ей и ее Ковену. Понимать, что эта Рукия покинет их, после всего сделанного для нее леди Авельер! И сознавать, что Рукия получила здесь такую подготовку, что драгоценные ресурсы Ковена были потрачены даром, — она никогда не собиралась оставаться в нем!

Поэтому разумеется в душе леди Авельер испытывала некоторый гнев, ощущение, что эта девочка одурачила ее. Но приходилось признать, что сильнее гнева были грусть и разочарование. Рукия была для-нее неким проектом — и, да, ее протеже! Леди Авельер была очень привязана ко всем сестрам своего Ковена, но больше всех — к удивительной маленькой девочке из народа бединов, пойманной ею в сеть несколько лет тому назад.

Отпустить ее будет нелегко.

Кэтти-бри потеряла глаза, разгоняя сон, и повернулась к окну, удивляясь, что в него струится солнечный свет. Как-никак, окно выходило на запад, и обычно солнце освещало его лишь в конце дня.

Она распахнула окно и с изумлением воззрилась на солнце, клонившееся к западу.

Девушка отступила на шаг и обернулась, взглянув на свою разобранную постель. Как это возможно, чтобы прошло уже так много времени пополудни? Как она могла проспять целый день?

Она пыталась вернуться мыслями к прошлой ночи и вспомнить, как ложилась спать.

Но не могла.

Она попробовала вспомнить, какой сегодня день и когда она должна была встретиться со своими родителями в лагере десаи. Она смутно припоминала, что недавно разговаривала

с ними, но больше не помнила ничего.

Она торопливо оделась, причесала волосы и вышла, готовая всячески извиниться за не исполненные ею сегодня обязанности.

Немного пройдя по коридору, она наткнулась на Риалле, которая приветствовала ее широкой улыбкой и ласковым прикосновением.

— О, да ты встала! — сказала Риалле, прежде чем Кэтти-бри успела приступить к извинениям. — Мы так переживали за тебя.

— Я просто была в своей комнате, — нерешительно проговорила Кэтти-бри и полуобернулась, чтобы показать откуда она пришла.

— Десять дней, — отозвалась Риалле. — Мы боялись, что ты уже никогда не проснешься, хотя леди Авельер уверяла нас, что твоя болезнь пройдет.

— Авельер? Болезнь? — запинаясь, переспросила Кэтти-бри.

— Да, конечно, — о, но ты, наверно, ничего не помнишь из своих горячечных снов. Леди Авельер полагает, что это все шрам. — Она взяла Кэтти-бри за руку и приподняла ее рукав, показывая на шрам, напоминающий семь звезд Мистры. — Как нам сказали, другие с подобными отметинами в последнее время болеют точно так же. Но это пройдет — да нет, уже прошло. Ты так хорошо выглядишь!

Кэтти-бри никак не могла осмыслить всю эту информацию, сбивающую ее с толку. Впрочем, одно пришло ей на ум: последнее, что она помнила, — ее родители у себя в палатке. Не там ли настигла ее болезнь? И если это так, как она очутилась в своей постели в Ковене?

Кэтти-бри хотела было идти обратно, потом передумала и протиснулась мимо Риалле.

— Я должна поговорить с леди Авельер, — пояснила она.

Но Риалле лишь крепче сжала руку Кэтти-бри и удержала ее, а потом и вовсе заступила ей дорогу.

— Тебе нужно оставаться у себя в комнате, — сказала она. — Леди Авельер сама зайдет к тебе.

— Нет, я...

— Да! — решительно заявила Риалле. — Я как раз шла теперь проведать тебя. Леди Авельер распорядилась вполне ясно. Пойдем обратно, в твою комнату.

Кэтти-бри колебалась.

Риалле сильнее подтолкнула ее:

— Никаких возражений. Ты должна ожидать госпожу у себя в комнате. И не следует выходить оттуда без ее разрешения.

Она снова подтолкнула Кэтти-бри, и та уступила.

Некоторое время спустя она сидела в одиночестве на краешке кровати, мысли ее путались, в голове мелькали обрывки воспоминаний.

— Десять дней? — вслух повторила она, но никак не могла этого понять. Теперь даже память принялась выделять всякие фокусы: сначала Кэтти-бри казалось, будто последнее, что она помнит, — это лагерь десаи, но сейчас она сомневалась, что это самое позднее воспоминание. Теперь у нее было ощущение, что она припоминает, как выполняет свои обязанности по хозяйству в Ковене, предвкушая следующий свой визит в лагерь десаи. Но даже это представлялось странно далеким или, во всяком случае, довольно удаленным.

Случившееся не поддавалось разумному объяснению. Что-то было не так, очень не так. Кэтти-бри подняла оба рукава и осмотрела свои шрамы, даже провела пальцами по

каждому. С ними, похоже, все в порядке.

Некоторое время спустя к ней пришла леди Авельер и тут же поспешила заключить ее в объятия. Наставница повторила все то, что уже говорила Риалле, часто умолкая, чтобы нежно поцеловать девушку в щеку и погладить по голове.

— Я не... — начала было Кэтти-бри, умолкла и покачала головой. — Ничего о последних днях... последних... — Она снова покачала головой. — Полная бессмыслица.

— Я знаю, дорогая, — подхватила леди Авельер. — Горячечные видения. Ты была очень больна, хотя я не уверена, что это именно болезнь. Я чувствую, что это как-то связано с твоими магическими шрамами. Мы слышали о других...

— Да, мне сказали, — перебила Кэтти-бри.

— Во всех тех случаях заболевание быстро проходило и, похоже, больше не возвращалось, — добавила леди Авельер. — Я ожидаю, что и с тобой будет так же. — Она снова поцеловала Кэтти-бри в лоб. — А теперь отдыхай, я настаиваю.

Кэтти-бри без сопротивления дала леди Авельер уложить себя в постель.

— В ближайшее время меня ожидают в доме моих родителей, — сказала Кэтти-бри.

— О, нет, нет, нет, девочка, — возразила Авельер. — Ты еще долго не должна покидать Ковен. Нет, нет. Нет, пока я не буду уверена, что твоя болезнь действительно прошла. Тебе повезло, что она настигла тебя здесь, среди друзей, имеющих много возможностей помочь тебе выздороветь. Случись это в другом месте, ты, скорее всего, умерла бы.

— Они будут волноваться...

— Я найду способ послать им весточку, что с тобой все в порядке, и тыnavестишь их, когда сможешь — пообещала леди Авельер. Она еще раз поцеловала Кэтти-бри напоследок и тихо удалилась, оставив девушку наедине с ее сумбурными мыслями.

Покусывая губы, Кэтти-бри уставилась в окно, более всего на свете желая оказаться подальше отсюда, в одном из своих потайных садов, откуда она могла бы связаться с Миликки и получить кое-какие ответы. Кроме явной потери ею памяти и странных десяти прошедших дней, казалось, было что-то еще; где-то в глубинах подсознания Кэтти-бри не давали покоя некие противоречия.

Кэтти-бри вновь и вновь обдумывала разговоры с Риалле и леди Авельер, выискивая хоть какие-нибудь зацепки. Особняком всплыла одна мысль: почему Кэтти-бри должна была умереть, если бы болезнь овладела ею за стенами Ковена? Разве и Риалле, и наставница не сказали ей, что со многими случилось то же самое и что во всех случаях обошлось без серьезных последствий?

Кэтти-бри вздрогнула. Значит, Авельер просто солгала ей?

Она сосредоточилась, твердо решив вспомнить все или по меньшей мере привести всплывающие у нее в голове обрывки воспоминаний в некое подобие порядка.

Она опять посмотрела на дверь, потом на маленькое декоративное растение в углу комнаты.

И снова Кэтти-бри перевела взгляд на дверь и закусила губу. Осмелится ли она?

Осторожность подсказывала ей не делать этого. Та ее часть, что была Рукией, упрашивала не делать этого.

Но мудрость Кэтти-бри не давала покоя, настаивая, что что-то пошло не так.

Девушка подошла к растению и оттащила его к другой стене, не видной от двери, которая открывалась внутрь и должна была заслонить этот угол от глаз входящего на миг-другой.

Кэтти-бри снова метнула взгляд по сторонам. За все проведенные ею здесь годы она ни разу не пыталась затевать столь опасное дело.

Но ей необходимо было знать.

Она принялась шептать длинное и соответствующее серьезности момента заклинание. Отсюда, из Ковена, из летающего города Анклава Теней, она взывала к Миликки.

Она молила о помощи, о некоем божественном вмешательстве, чтобы избавиться от хаоса в голове. Шрам в виде единорога замерцал, голубоватый свет окутал ее руку, словно туман — горную речку холодным осенним утром.

Она не получила немедленного ответа, но зато ей напомнили о другом заклинании, более простом.

Кэтти-бри сотворила заклинания, рассеивающие магию, — сначала божественную, потом и тайную. Затем повторила их — уже применительно к самой себе, и с каждым разом все увереннее, поскольку начала понимать, что да, действительно, туман у нее в голове имел магическое происхождение.

Этот клубящийся туман начинал теперь рассеиваться, лишь чуть-чуть, но единственного кусочка этой мозаики, воспоминания о леди Авельер в пустыне, в потайном саду Миликки, хватило, чтобы в голове у Кэтти-бри сложилась вся ужасная картина.

Авельер знала!

Она знала!

Знала все!

Кэтти-бри хватала ртом воздух, пытаясь осмыслить свой последний разговор с женщиной в свете этого нового понимания. Она рассказала о своей прошлой жизни!

Что это значит для ее планов? Что это означает для Дзирта и остальных?

Однако ей не удавалось сосредоточиться на этом, поскольку сейчас было важнее другое. В мозгу у девушки вновь и вновь звучали прощальные слова леди Авелер.

Потом она поняла и уставилась на дверь с открытым ртом, и в голове у нее всплыло обещание, данное ей Авельер. Сердце ее отчаянно заколотилось.

Непосредственно перед встречей в потайном саду Кэтти-бри была с Нираем и Кавитой. Мнимая продолжительность болезни Кэтти-бри сюда никак не вписывалась. Стоит только Кэтти-бри поговорить с родителями она распознает ложь.

— Нет, — беззвучно шепнула девушка. Наставница, несомненно, отправится к Нираю и Кавите — не для того, чтобы успокоить их, но чтобы быть уверенной, что у Кэтти-бри никогда больше не будет возможности побеседовать с ними.

— О нет, — прошептала девушка, едва дыша. Она почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы.

Она подумала о Дзирте и о том, что рискуем не исполнить свою миссию. О своем долге.

Но и о долге перед родителями тоже, перед Нираем и Кавитой, от которых она не видела ничего, кроме любви и доброты.

Кэтти-бри понимала, что нужно уходить, и немедленно.

— Прости меня, Миликки, — прошептала она, плача уже в открытую.

Потому что знала, что должна сделать.

— Что она делает? — спросила леди Авельер у Риалле, вместе с которой они стояли на высоком балконе, прижавшись друг к другу под одеялом, укрывающим их от проливного дождя. Внизу на некотором отдалении виднелась фигурка Рукии, девушка металась из стороны в сторону, снова и снова озираясь через плечо, словно опасаясь погони.

— Бежит из Анклава Теней? — вновь спросила леди Авельер.

— Стена в другой стороне, — отозвалась Рукия.

Земля содрогнулась от громового раската, дождь усилился.

Леди Авельер обрушила на Рукию целый шквал заклинаний, чтобы сбить ее с толку, заблокировать ее память, заставить видеть вещи иными, чем есть на самом деле. И все же она не могла отрицать, что способности Рукии – Кэтти-бри, — Позволившие девушке найти в себе силы покинуть свою комнату, не говоря уже о территории Ковена, удивили ее.

— Если она покинет Анклав Теней, приведи ее обратно в цепях, — приказала леди Авельер.

— А если она направляется в лагерь десаи?

— Не позволяй ей.

— Ее... непросто удержать, — призналась Риалле.

Леди Авельер начала отвечать, но умолкла и кивком предложила Риалле вновь взглянуть на Рукию. Девушка метнулась через пустырь и вбежала в небольшой сарай, еще раз оглянувшись напоследок, прежде чем закрыть за собой дверь.

— Любопытный выбор, — заметила Рукия.

— Ты знаешь, что там?

— Склад, — ответила Риалле. — Масло, фонари и факелы в основном. Может, Рукия собирается отыскать канализационную систему Анклава?..

Ослепительно сверкнувшая гигантская молния прервала ее слова, и обе женщины в изумлении попятнулись. Почти сразу, буквально в то же мгновение, раздался грохот, заставивший содрогнуться камни, поскольку молния ударила совсем рядом с балконом, на котором они стояли, причем с такой силой, что женщин подбросило в воздух и они едва не слетели вниз.

Уцепившись друг за друга, чтобы удержаться на ногах, Риалле и леди Авельер устояли на небольшом строение, в которое угодила молния.

Землю сотрясли еще несколько взрывов, поменьше — без сомнения, огонь добрался до бочонков с маслом, и пламя взметнулось навстречу ливню.

— Рукия, — выдохнула Риалле.

Последний мощный взрыв сотряс площадь, заставив содрогнуться целый квартал Анклава Теней, и огромный огненный шар вырос над складом, подобно некоему дьявольскому грибу, затем поднялся в поднебесье и рассеялся, обратившись в дым и пар. После него осталось полностью уничтоженное здание—груда дымящихся обломков, шипящих под струями дождя.

Рукии видно не было.

Глава 19. Божественное озарение

Год Нестареющего

(1479 по летоисчислению Долин)

Мифрил Халл

Одинокая фигура продвигалась по узкому мосту, и в мерцающем свете факела по стенам огромного пустого зала плясали жуткие тени. Глубокие обрывы слева и справа лишь подчеркивали ее одиночество: неуверенно бредущий дворф, чей факел едва рассеивает тьму.

Он пошел еще медленнее, подойдя к центральной части этого величественного моста над пропастью известной как ущелье Гарумна. Эхо разносило звук его шагов — стук грубых башмаков по камню. По трепещущему свету факела понятно было, что его бьет дрожь.

У края округлой платформы дворф помедлил. По другую ее сторону в темноте раздавался рев воды — то был Водопад Бренора, обозначающий последний переход к восточным воротам Мифрил Халла.

Для Бренора это возвращение оказалось горьким, без единой капли сладости.

Всего десятью днями раньше он прошел здесь с караваном, но не замедлил шага и даже не осмелился взглянуть на возвышение в северной части этой церемониальной платформы. За недолгое время, проведенное им в Мифрил Халле, он больше не ходил этим путем на восток; проводил дни великом подземном городе и даже выбрался к западным воротам и лежащей за ними Долине Хранителя, месту его вероятного, величайшего триумфа.

Долину Хранителя теперь усиленно охраняли, понастроив повсюду оборонительные линии и расставив боевые механизмы вокруг важнейших высот. Защита от орков, так сказали Бренору, вернее, Реджинальду Круглому Щиту из твердыни Фелбарр, поскольку в последнее время эти назойливые существа стали очень активными.

Снова.

Как странно было Бренору слушать споры о себе самом, обсуждения своего королевского решения столетней давности, когда он заключил мир с королем Обальдом Многострельным. Приводились аргументы и за, и против, но Бренору все это очень напоминало те дебаты, которые он уже слышал и в которых участвовал во время переговоров.

Ничто не разрешилось. На земле воцарился относительный мир, но многим теперешним обитателям Мифрил Халла он скорее напоминал тигра, припавшего к земле перед убийственным прыжком, нежели сколько-нибудь подлинное и продолжительное союзничество или хотя бы терпимость между Мифрил Халлом и орками. Хуже того, поговаривали, будто теперь орки устраивали рейды по территориям королевств, окружающих их земли, и разведали оборону, и, вероятно, знали, как ее обойти.

Бренор не отрывал взгляда от возвышения, от пергамента, развернутого на нем и накрытого для безопасности тяжелой глыбой чистейшего хрусталя. Он с трудом сглотнул и медленно приблизился.

Он увидел подпись, свою подпись и грубые каракули короля Обальда.

— Неужели ты направил меня не туда, эльф? — тихо спросил он, словно беседуя с Дзиртом, с которым советовался по поводу этого важнейшего решения, и Дзирт настойчиво убеждал его подписать договор. — Ах, я не знаю, — прошептал Бренор.

— А что тут знать? — спросил позади него голос, заставив Бренора вздрогнуть, тем более неожиданный, что голосу не сопутствовал свет второго факела. Он обернулся и увидел Рваного Дайна, очевидно украдкой последовавшего за ним сюда.

— Будет ли этот договор соблюдаться в наше время, — ответил Бренор.

— Ба, этот договор, — хмыкнул старый воин. — Я помню, как его подписывали. Он мне никогда особо не нравился.

— Значит, король Бренор ошибся?

— Закрой свой рот, мальчишка! — обозлился Рваный Дайн. — Не смей плохо говорить про короля тех, под чьими сводами ты находишься.

— Это же было давным-давно, — возразил Бренор.

Рваный Дайн подошел к нему и коснулся хрустальной плиты, медленно обводя пальцем подписи Бренора и Обальда.

— Да, давно, но будь уверен, я-то помню, и король Эмерус Боевой Венец помнит тоже, можешь не сомневаться, особенно теперь, когда эти новые орки стали такими воинственными по всем Серебряным Землям.

— И ты думаешь, это была ошибка, что король Бренор подписал договор?

Некоторое время Рваный Дайн не отвечал, молча глядя на пергамент. Потом пожал плечами:

— Кто знает? Я, конечно, был против. И говорил об этом лично королю Эмерусу, хоть и был в ту пору совсем молодым, воином и меня мало кто знал.

— Король Эмерус стоял тут во время подписания, — сказал Бренор; он прекрасно помнил, как встретился с Эмерусом взглядом перед тем, как идти ставить свою подпись. В этом взгляде он прочел скорее согласие, чем неприятие своего решения.

— Ну да, стоял, — подтвердил Рваный Дайн. — Но это был не его выбор, имей в виду.

— Может, он предпочел бы войну.

— Многие дворфы предпочли бы!

— Но не король Бренор. — Бренор умышленно произнес это так, чтобы его слова могли быть восприняты как обвинение, рассчитывая вызвать реакцию Рваного Дайна.

Ветеран лишь снова пожал плечами, но не насупил брови в знак согласия.

— Да, к сожалению для короля Бренора. Он не нашел военной поддержки. Ни от Серебристой Луны, ни от Сандабара. — Воин умолк и глубоко вздохнул, и Бренор прекрасно знал, что должно было последовать далее. — Ни даже от Фелбарра.

— Король Эмерус не поддержал Мифрил Халл? — спросил Бренор, пытаясь изобразить удивление.

Рваный Дайн снова передернул плечами.

— Без Сандабара и Серебристой Луны мы ничего не смогли бы поделаться против тысяч орков, — сказал он. — Десятков тысяч! Десятков десятков тысяч!

— Значит, ты не винишь Бренора?

Рваный Дайн снова замолчал и долго глядел на договор.

— Знаешь, парень, если я на кого и был зол, так это на людей из Серебряных Земель и этих эльфов из Серебристой Луны и Лунного Леса. Мы могли бы выставить такое войско,

что весь мир вздрогнул бы! Могли загнать этого проклятого Обальда в его нору и навсегда отучить высовываться оттуда!

— Я тут слышал всякое насчет этого, — вставил Бренор. — Быть может, мы скоро именно этим и займемся!

И на этот раз Рваный Дайн, к удивлению Бренора, снова пожал плечами, неуверенно и почти покорно.

Глаза Бренора округлились:

— Ты что, разлюбил драки, старый пес?

— Ха, если я еще раз это услышу, скину тебя в пропасть, так и знай, — пригрозил Рваный Дайн.

— Тогда в чем же дело? Ты же наверняка слышал про неугомонных орков так же как и я. Ты знаешь, что эти орки напрашиваются на драку.

Рваный Даин огляделся, словно желая убедиться, что они и в самом деле одни.

— Король Коннерад... — начал он, покачивая головой.

— Достойный дворф, все так говорят, и сын героя, короля Банака. — сказал Бренор.

— Да, но без размаха, — пояснил Рваный Дайн. — Не по своей вине, но тем не менее это так. Когда говорил Бренор, остальные в Серебряных Землях слушали. Он был проверен в бою, и... о, это было нечто! Даже король Эмерус не превзошел бы его! Король Коннерад — достойный дворф, как ты говоришь, и народ любит его, можешь не сомневаться, но он не король Бренор. И короля Бренора нигде нет, а если Серебряные Земли не будут сражаться заодно, легионы Многих Стрел сомнут нас.

Бренор был одновременно и горд, и поражен. Мимолетный миг гордости был приятен, но быстро миновал, когда вся тяжесть мира навалилась на его юные, но крепкие плечи.

Он не знал, что сказать, зато хорошо знал, что ему хотелось бы сказать. Ему хотелось схватить Рваного Дайна за ворот и выкрикнуть ему в лицо всю правду.

А может, таков и был план богов с самого начала, вдруг пришло Бренору на ум.

— Тебе что-то известно? — спросил Рваный Даин.

Эти слова привели Бренора в чувство, и он понял, что от нахлынувших эмоций хватает ртом воздух.

— Ч-что? — пробормотал он.

— Тебе что-то известно?

— Ничего, — ответил Бренор, и он в самом деле не в состоянии был в данный момент ответить на этот или на любой другой вопрос, его мозг лихорадочно просчитывал варианты. Он обращал свой гнев против Морадина, против богов — за то, что они позволили Кэтти-бри и Миликк так манипулировать им, что украли смысл его жизни и награду за нее прямо у него из-под носа.

Но потом он подумал про Думатойна, Хранителя Тайны Под Горой, и ему пришло в голову, что его выход, из Ируладуна, хотя этому и способствовала Миликки, затевался, возможно, вовсе не ради нее.

Он вновь взглянул на договор, на свою подпись. Его величайшее достижение или величайшую глупость? Вот это действительно вопрос, и теперь, когда над Серебряными Землями нависла угроза войны, ответ казался Бренору очевидным.

Силою Миликки ему было даровано возрождению, но, вероятно, — да, более чем вероятно, убедил он себя затем — силою Морадина он был доставлен сюда, в это место и время, когда нависла угроза кризиса.

Мифрил Халлу, всем Серебряным Землям нужен был король Бренор, как только что утверждал Рваный Дайн.

И лишь Бренор Боевой Топор знал, где его искать.

Вечеринка была в разгаре, как всегда, когда большой караван одного из трех поселений дворфов в Серебряных Землях — Мифрил Халла, твердыни Фелбарр и твердыни Адбар — собирался в обратный путь после визита к соседям. Вдобавок прошлой ночью прибыл караван из Адбара, дав дворфам Мифрил Халла еще один повод откупорить этим славным вечером «Веселого мясника», что они и сделали.

Пили за Фелбарр. Пили за Адбар. Пили за Мифрил Халл. Пили за братьев из клана Делзун. За погибель Королевства Многих Стрел. Пили за то, что пьют!

Бренору странно было наблюдать за весельем из толпы, ведь он привык находиться на возвышении и возглавлять возлияния. Он не мог сдерживать улыбки, вспомнив, как много раз проделывал это, и с ним рядом были Дзирт и Кэтти-бри, Реджис и Нанфудл, и Тибблдорф Пуэнт, разумеется, который наполнял пенную кружку Бренора и хлопал его по спине с громогласным «ура!» после каждого приглашения выпить.

Он узнал короля Коннерада и вспомнил этого славного парня и его отца, великого военачальника и вождя, одного из храбрейших дворфов, каких ему довелось знать. Банак Браунанвил был очень полезен во время обороны Мифрил Халла от полчищ Обальда в период до подписания мирного договора.

Как было принято на подобных пирушках, каждый из отбывающих дворфов Фелбарра мог взобраться на помост и чокнуться с королем Мифрил Халла. Бренор встал в очередь сразу за Рваным Данном.

— Ты его знаешь? — шепотом спросил он ветерана.

— Короля Коннерада?

— Да.

— Ага, — ответил бывалый воин. — Тыщу лет, а может, больше.

— Тогда представь меня ему, прежде чем уедешь.

— И рассказать про твою славу? — саркастически поинтересовался Рваный Дайн.

— Ну да, без тени смущения и без колебаний ответил Бренор, демонстрируя золотую медаль на мифриловой цепочке, висевшую у него на шее. — Я буду просить его о милости, и это, разумеется, облегчит мне задачу!

— Что? — недоверчиво переспросил ветеран, оборачиваясь и с любопытством глядя на Бренора.

Бренор лишь отмахнулся, поскольку подошел черед Рваного Дайна совершить восхождение, чтобы стукнуть своей пивной кружкой о кружку короля. Что он и сделал, и выпил после душевного тоста, а потом обнял короля Коннерада за плечи — они и в самом деле были старинными боевыми товарищами. Рваный Дайн повернул короля лицом к юному дворфу, следующему в очереди.

— Малыш Арр Арр — пояснил ветеран.

— Сынок Арр Ара?

— Да, король Коннерад, это вот Малыш Арр Арр, Реджинальд Круглый Щит, и драчун

хоть куда! Побывать в Мифрил Халле было частью его желания, которое король Эмерус позволил ему назвать в награду, за доблесть.

— Почетное желание, вот как, в его-то годы? — отозвался король Коннерад, и Бренор понял, что тот прикидывается удивленным, чтобы польстить ему. — В самом деле, и медаль! — добавил король дворфов.

Он говорил громко, и многие услышали, так что Бренор вышел под приветственные возгласы и встал рядом с королем Мифрил Халла, рядом с дворфом, который стал королем, потому что Бренор самолично назвал его отца своим преемником, полностью отдавая себе отчет в том, что трон перейдет к Коннераду.

— Да, потому что это он изрубил кучу орков и погубил горного великана, а иначе много наших, и меня в том числе, перебили бы в Ровинских горах!

— Значит, я поднимаю эту кружку в честь героя! — провозгласил король Коннерад, чокаясь с Бренором.

Однако, когда их кружки соприкоснулись, король умолк, ибо Бренор уставился на него, причем таким взглядом, какой Коннерад Браунанвил явно уже видел прежде, от дворфа, который был его королем. В глазах Коннерада промелькнула искорка узнавания, но замешательство пересилило.

— О достославный король Коннерад, быть может, вы даруете мне награду большую, нежели право сдвинуть с вами кружки? — спросил Бренор.

Толпа разом затихла, захваченная врасплох дерзостью этого явно очень юного дворфа.

— Ах вот как? Ну говори, — предложил король.

— Я надеюсь попасть на запад, в Мирабар быть может, а то даже и в Лускан, — пояснил Бренор. — Мне сказали, что Мифрил Халл отправляет туда караваны, и я почел бы за честь сопровождать один из них.

Многие вокруг помоста пооткрывали рты, включая и тех дворфов, с кем Бренор пришел сюда из твердыни Фелбарр.

— Что это ты затеял, приятель? — Рваный Дайн шагнул вперед, но король Коннерад поднял руку, останавливая ветерана.

— Я хочу увидеть море, милостивый король, — ответил Бренор. — А мне говорили, что вы снаряжаете туда караваны.

— Да, верно, но в этом году уже слишком поздно. Следующий пойдет только весной.

— И я хотел бы сопровождать его.

— Ждать придется долго.

— Тогда могу ли я просить вас о второй милости?

— Эге, да у этого юнца железная хватка! — выкрикнул кто-то из толпы, вызвав новый взрыв хохота и восторженных воплей.

— Скоро он потребует королевскую дочку себе в постель! — взревел другой, и смех усилился.

И король Коннерад, похоже, потешался вместе со всеми, а вовсе не оскорбился, вопреки ожиданиям хорошей знавшего его Бренора.

— Я хотел бы тренироваться с вашим отрядом «Веселые мясники», — пояснил Бренор. — Ради моего отца, который всегда очень хорошо о нем отзывался, и ради дворфа по имени Тибблдорф Пуэнт...

— За Пуэнта! — долетел выкрик из толпы — выкрик, поддержанный ревом и ставший самым громким тостом в этот вечер. До чего же приятно было Бренору слышать столь

восторженные приветствия в адрес его дорогого и старинного друга, что героически погиб, защищая своего короля и помогая ему исполнить важнейшую миссию в далеком древнем королевстве, именуемом Гаунтлгрим.

— Я стал бы тренироваться в его честь и в память о нем, чтобы вернуть его силу в твердыню Фелбарр и лучше служить королю Эмерусу, — объяснил Бренор.

Король Коннерад на мгновение задержал взгляд на озадаченном лице Рваного Дайна, прежде чем кивнуть в знак согласия.

— Быть по сему! — провозгласил король, вновь поднимая свою кружку. — За Малыша Арр Арра из отряда «Веселые мясники»!

— Посмотрим еще, подойдет ли он, — проворчал задиристый дворф у края настила, еще один, которого Бренор знал в прошлом, хотя и не мог припомнить его имя. Помнил лишь, что тот служил в «Мясниках» под началом Пуэнта.

— На себя посмотри! — посоветовал Рваный Дайн. Малыш Арр Арр еще и тебя кое-чему сможет поучить!

— Ура! — вскричали гости из твердыни Фелбарр.

— Ура! — взревела толпа хозяев из Мифрил Халла.

Так и шло, бахвальство и тосты — все, как положено на пиру.

Рано утром следующего дня Бренор проснулся в том же зале. Голова у него раскалывалась от слишком многих «ура» и еще большего количества «хей-хо». Едва живой, он доковылял до ближайшего стола, где уже ждали в изобилии яйца, и бекон, и кексы, и ягоды.

— Мы гордимся тобой, сказал ему Рваный Дайн, плетущийся рядом.

— Спасибо тебе за помощь и поддержку, — отозвался Бренор.

— Ба, так ведь за мной должок, верно? Но не думай, Малыш Арр Арр, что мне было легко сделать это. Ты станешь гордостью твердыни Фелбарр. Эти «Веселые мясники» считаются лучшим боевым отрядом-в целом мире, и лично я не стану против этого возражать. Когда король Эмерус услышит о твоём выборе, он будет доволен, но знай, что и опасения у него тоже будут, потому что теперь ты всех нас заставил гордиться, слышишь?

— Да и еще раз да, — заверил его Бренор.

— А ты и вправду собираешься на запад, аж до самого моря?

— И снова — да, — подтвердил Бренор. — Мне нужно сделать это.

— Значит, ты ушел из Фелбарра года на два, а то и больше!

— И в твоих старых мутных глазах я все еще останусь ребенком.

Рваный Дайн улыбнулся, хлопнул Бренора по плечу и тут же вырубился, упав лицом в миску с овсянкой.

Бренор постоял над могилами Кэтти-бри и Реджиса, расположенными рядом на почетном месте. Здесь, под пирамидами из камней, лежали холодные смертные тела двух его любимых друзей. Бренор понимал, что теперь они, должно быть, истлели, превратившись в скелеты, а то и вовсе в пыль, поскольку прошло целое столетие.

Бренор всегда верил, что душа важнее тела, что освобождение от смертной оболочки не конец существования; тем не менее для него было шоком сознавать, что лежит перед ним.

Он вспоминал день, когда они с Дзиртом похоронили их. Он в последний раз поцеловал руку Кэтти-бри, и кожа ее под его губами была холодна. Он вспомнил, как ему хотелось проскользнуть между камнями и вдохнуть в нее свое тепло. Если бы было возможно, он поменялся бы с ней местами, взяв себе ее холод и отдав ей свою жизнь.

То был самый плохой день в жизни Бренора, день, когда его сердце было разбито.

И теперь он стоял тут, и слезы капали из его серых глаз, и все же он знал, что и Кэтти-бри, и Реджис живы, что они продолжают жить в телах, напоминающих те, что были у них в самом расцвете сил. Кэтти-бри, которую он видел в Ируладуне, была той самой Кэтти-бри, которую он знал как свою дочь, в расцвете юности и силы.

По соседству находилась его собственная могила, хотя она всегда оставалась пустой и была обустроена и освящена жрецами Халла лишь в качестве уловки, позволившей Бренору спокойно отречься от престола Мифрил Халла в пользу Банака Браунанвила в соответствии с истинной и тайной традицией дворфов. Бренор подошел к искусно возведенной пирамиде и оглядел ее, но, как ни странно, она не вызвала в нем никаких эмоций. Надгробие из сложенных в кучу камней действительно выглядело замечательно и вполне приличествовало королю, там даже присутствовала небольшая скульптура, изображающая короля Бренора в боевой стойке и венчающая вершину пирамиды. Следуя внезапному порыву, он снял висящую у него на шее медаль и повесил ее на один, из рогов на шлеме статуи.

Он улыбнулся, размышляя о том, что этот жест каким-то образом добавил веса и значимости пустому захоронению. Бренор понаблюдал за медалью, пока она не перестала раскачиваться, и решил, что все в порядке, ибо здесь и сейчас прошлое соединилось с настоящим во имя общей цели.

Отсалютовав на прощание прошлому, юный дворф снова углубился в катакомбы и наконец пришел к величайшему надгробию из всех — к могиле Гандалуга Боевого Топора. И здесь Бренор понял, что нашел родственную душу, ибо Гандалуг тоже был возвращен после смерти, после заточения в плену у Верховной Матери Бэнр, чтобы еще раз стать королем Мифрил Халла, совсем в другое время и в другом месте, нежели в пору первого своего существования.

— О, теперь я знаю, через что тебе пришлось пройти, мой король, — прошептал Бренор в темноту. — Как же скверно тебе, должно быть, пришлось, а?

Он опустил ладонь на камни, под которыми лежало тело Гандалуга, и закрыл глаза, словно общаясь с духом того, кто упокоился здесь с миром.

— С ним ли ты теперь? — спросил Бренор. — Отыскал ли ты в конце концов свое место за столом Морадина, мой старый король?

Задав эти вопросы, Бренор кивнул, уверенный в ответах, и лицо его озарилось улыбкой. Ему хотелось вернуться к тем, другим могилам, извиниться перед Кэтти-бри, и Реджисом, и Дзиртом за промедление. Возможно, он навестит их на обратном пути.

Поскольку теперь он знал, что больше не намерен идти в Долину Ледяного Ветра, и смирился с тем, что нарушил клятву, данную Миликки и своим друзьям.

Он — Бренор Боевой Топор, восьмой, десятый, а вскоре и тринадцатый король Мифрил Халла, посланный Морадином обратно, чтобы завершить начатое им же.

Он отправится на запад, там заявит о своих королевских правах и привилегиях, и его вновь признают как короля Бренора. Затем он возвратится, чтобы объединить Серебряные Земли. Это дар Морадина, решил Бренор, и он отвечает за него перед Морадином. Да, Морадина и хитрость Морадина, а значит, ответственность Бренора и хитрость Бренора.

Он кивнул.

— Да будет так, — прошептал Бренор.

Быть может, размышлял он, покончив со своими делами здесь, он сумеет отыскать Кэтти-бри, Дзирта и Реджиса. В конце концов, в его распоряжении будут разведчики, и, если Стокли Серебряная Стрела и его парни по-прежнему находятся в Долине Ледяного Ветра, возможно, Бренору удастся найти путь к друзьям.

Вероятно, слишком поздно для помощи, какие бы там планы ни вынашивала Миликки. Его выбор может дорого обойтись друзьям.

— Да будет так, — снова повторял упрямый Дворф. Если на то пошло, он мог войти в пруд в Ируладуне, отказавшись от путешествия еще до его начала. Вульфгар выбрал этот путь — можно ли будет обвинять Вульфгара, если Дзирта не удастся спасти от Паучьей Королевы?

Бренор глубоко вздохнул, успокаивая себя, и выпрямился.

— Я понимаю твою боль, мой старый король, — шепнул он Гандалугу. — Ты тоже выпал из своего времени.

Он кивнул и продолжал кивать, поворачивая в обратный путь, пытаясь убедить себя, что прав.

Не успев сделать и шага, Бренор остановился и развернулся обратно, лицо его исказилось.

— Так должно быть, — выдавил он. — Иначе все это — игра. — Он открывал и закрывал рот, пытаясь облечь свои мысли в слова, выразить чувство, овладевшее им.

Отказаться от места за столом Морадина ради планов Миликки, ради одного лишь Дзирта почему-то показав лось ему совершенно банальным. В конце концов, разве мало у богини приверженцев, способных выполнить эту миссию?

В свете этой неприкрытой и очевидной истины Бренор начинал понимать, что его решение покинуть Ируладун лишало смысла все, чего он достиг, лишало смысла многовековую жизнь, исполненную мужества и свершений, а более всего — верность обычаям и триаде богов, не имеющих отношения к Миликки.

Но в свете его вновь обретенного прозрения — что Морадин воспользовался магией Миликки, чтобы вернуть великого короля Мифрил Халла, который один мог спасти Серебряные Земли от вторжения Обальда Многострельного...

Для Бренора Боевого Топора логика и правомерность этого не вызывали сомнений. В свете прозрения он готов был простить Морадина за то, что с наградой в виде почетного места в Доме Дворфа придется подождать.

Возможно, даже более того, понял Бренор, и улыбнулся могиле Гандалуга.

— Я хорошо служил, — прошептал он, — своему роду, и моему народу, и богам! Поэтому мне дают еще один шанс, понимаешь? Да, я сделал ошибку, поставив свое имя под тем проклятым договором! Но теперь мне дали еще один шанс, чтобы разорвать его и совершить то, что я должен был сделать еще сто лет назад.

Он тихонько рассмеялся и вспомнил, как стоял на вершине скалы в Долине Хранителя, расшвыривая орков во все стороны.

— Эгей, орки, спите там вполглаза, слышите? Потому что у вас под кроватью завелся монстр и у него топор короля Бренора Боевого Топора!

Глава 20. Знакомство с Темной Душой

Год Ухмыляющегося Хафлинга

(1481 по летоисчислению Долин)

Дельфантл

На его головную ленту было наложено долговременное заклинание, освещающее воду вокруг него. И хотя благодаря этому Реджис мог видеть, куда плывет на такой глубине в этой мутной воде, он отлично понимал, что свет превращает его в прекрасную мишень.

Рыщут ли в этих местах акулы, в милях от побережья Агларонда? Или, может, слуги Умберли вроде злобных сахагинов или опасных мерменов?

У него было при себе кое-какое грозной оружие, и он знал, как сражаться даже под водой, но это погружение не несло с собой обычного ощущения свободы. Реджис находился сейчас намного дальше от берега, в куда более мутной воде и на гораздо большей глубине, чем когда-либо прежде.

Опускаясь осторожно и медленно, он придерживался за якорный канат. Еще можно было различить, наверху очертания вместительной шлюпки, где ожидали его Ловкие Пальцы, Доннола, Периколо и несколько членов экипажа. Он добрался до очередной ленты, привязанной к якорному канату, означавшей, что до дна остается еще пятьдесят футов. Тут Реджис помедлил, вглядываясь в темноту. Магический свет еще не доставал до океанского дна.

Реджис снова начал спускаться, медленно, нерешительно.

Слишком долго, понял он, покачал головой и начал подъем, снова медленно, чтобы телу было легче адаптироваться к изменениям давления. Он вынырнул прямо рядом со шлюпкой, хватая ртом воздух.

— Ну, ты видел его? — сразу же спросил Периколо, подходя к лееру и наклоняясь к воде.

— Я был недостаточно глубоко.

— Тогда почему ты вернулся?! — рявкнул Дедушка, Доннола положила руку ему на плечо, успокаивая.

— Я замеряю глубины и расстояние, — пояснил Реджис, выплевывая воду с каждым словом, поскольку вкус моря здесь был несколько более резким.

— Световой день закончится, — предупредил Ловкие Пальцы.

— Внизу его все равно нет, — быстро парировал Реджис. — В это погружение я доберусь до дна, но есть ли там обломки корабля, который мы ищем, я сказать не могу.

Периколо шумно вздохнул.

— Для этого, вероятно, понадобится множество погружений и не один день поисков, — напомнил Ловкие Пальцы старому хафлингу.

— И еще больше, если Паук всякий раз даже не будет добираться до дна! — фыркнул Периколо.

— Это далеко, — безропотно начал Реджис, поскольку понимал, что эти хафлинги не могут понять всех сложностей глубинного ныряния, однако он мог попытаться объяснить им. Он и так погружался вполовину глубже, чем когда-либо прежде, в водах куда более опасных и менее подходящих для этого, с более сильными течениями и ограниченной видимостью.

Он подплыл к якорному канату и проверил петлю, которой крепился еще один шнур, прицепленный к его сбруе. Сто футов эльфийской веревки, легкой и прочной, которой он привязана спасательному концу. Попад на дно, он сможет обследовать его в этом радиусе, и не более того, если только не осмелится отстегнуть поводок в этих опасных водах.

Периколо снова принялся протестовать, но Реджис не стал задерживаться, чтобы выслушать его. Он глубоко вдохнул и исчез в темной воде, на этот раз двигаясь куда проворнее, так что скоро добрался до отметки на канате в пятидесяти футах от морского дна и якоря и в три с лишним раза дальше от поверхности.

Хафлинг быстро опускался. Он ощущал давление в ушах, но чувствовал также, что тело его хорошо приспособляется. Это были дары предка-генази: способность надолго задерживать дыхание и тело, легко приспособляющееся к давлению на глубине.

Реджис заметил якорь, зацепившийся за каменную гряду. Он удивился, что вода здесь неожиданно холодная, и понял, что не сможет задержаться надолго. Он снова проверил крепление страховочной веревки, выпустил канат из рук и отплыл на всю длину поводка далее, по кругу.

Периколо уверял, что это то самое место, но Реджис не видел никаких следов кораблекрушения. Он спустился к гладкому песчаному океанскому ложу и заскользил между камнями. Чувствуя свою уязвимость, он без конца осматривался, словно ожидая, что из темноты вылетит гигантская акула и проглотит его один присест.

Однако сюрприз ожидал его внизу. Дно вдруг словно взорвалось, песок разлетелся по сторонам. Реджис шарахнулся и забулькал от изумления, глотнув немного морской воды.

Глаза его раскрылись еще шире, когда гигантская плотская рыбина взмахнула мощными плавниками и унеслась прочь, оставив за собой пенный след. Реджис никогда не видал такого чудовища, с могучими челюстями и волочащимся следом мускулистым хвостом.

Скат исчез из виду, песок успокоился, и Реджис тоже.

Он двинулся дальше, больше разглядывая дно и камни, в особенности небольшие гроты в этих камнях, чем глядя вперед. Его сильнее волновала собственная безопасность, чем поиск каких бы то ни было обломков.

Огромная крылатая рыбина вернулась, и не одна.

Реджис старался не шевелиться, пока гигантские скаты скользили вокруг. Он чувствовал их любопытство и сразу понял, что их привлекает его светящаяся налобная повязка. Они выскальзывали из темноты, всякий раз внезапно, и их белые брюха слепили ему глаза. Один за другим они проплывали мимо, и, несмотря на то что каждая рыбина — а их собралась, должно быть, дюжина, а то и больше, — была куда крупнее хафлинга и запросто могла нанести ему смертельный удар, Реджис поймал себя на том, что его развлекает эта сюрреалистичная картина. У него было ощущение, будто он не в воде, а скорее парит в ночном небе и вокруг летают волшебными небесные чудовища.

Прошло немало времени, прежде чем он напомнил себе о своей задаче и об огромной толще воды, отделяющей его от поверхности. Он двинулся дальше, а гигантские крылатые рыбы парили вокруг, словно почетный эскорт, и хафлинг в самом деле начинал

воспринимать их именно так, поскольку понял, что они не намерены причинять ему вред, что их влечет к нему не агрессия или голод, но любопытство.

Он почти завершил свой обход вокруг якорного каната, когда, перевалив через один из темных подводных хребтов, обнаружил, что морское дно здесь резко понижается, теряясь во тьме. Хуже того, течение в этой впадине было достаточно сильным, и Реджис ухватился за камни, решив, что надо возвращаться, а не лезть дальше.

Он уже готов был так и сделать, когда заметил на фоне камней впереди и ниже себя перекладину. Поначалу до Реджиса даже не вполне дошло, он повернул обратно и проплыл некоторое расстояние, прежде чем сообразил, что осталось за его спиной.

Мачта.

Реджис помчался обратно к гряде и спустился ближе к перекладине. Да, это была мачта, прижатая к камням. Используя ее вместо указки, хафлинг медленно продвинулся дальше, до самого конца выбрав длину страховочной веревки. Он не мог разглядеть наверняка, но ему казалось, что там дальше, внизу, есть еще кое-что, корпус, боком лежащий на камнях. Юноша натянул эльфийскую веревку, но запаса длины больше не было.

Реджис глянул вверх, в сторону ожидающего его долгого подъема в темноте, на скользящих вокруг скатов. На то, чтобы всплыть наверх, поднять якорь и переставить лодку, уйдет немало времени, а мысль о том, чтобы вернуться сюда после захода солнца, была не из приятных.

Реджис пробежал пальцами по своей сбруе, извлекая одно из снадобий Ловких Пальцев. Сколько раз говорил ему маг не пользоваться ими без крайней необходимости? Они дорого стоят и их долго готовить. Но Реджис не намерен был подниматься на поверхность и сегодня же погружаться снова. Он выдернул зубами пробку из флакона с холодной жидкостью, дающей возможность дышать под водой. Но даже после этого от юноши потребовалось все его мужество, чтобы продолжать. Он отвязал страховочную веревку и начал спускаться, цепляясь за камни с такой силой, словно лез по склону горы. Течение было очень сильным, и Реджис боялся, что, если его смочет, вода унесет его далеко-далеко и, возможно, не выпустит, пока он не утонет.

Но теперь он видел корпус, разрушенный и разбитый, переломившийся посередине.

Разумеется, он не мог быть уверен, что это тот самый корабль, который он ищет, поскольку дно Моря Падающих Звезд было усеяно обломками погибших кораблей.

И все-таки он верил.

И этот корабль манил его, будто напев сирены, но Реджис, замороженный магической мелодией, полагал, что его влечет лишь собственное любопытство.

Он подобрался ближе, но доплыть до разбитого корпуса было не так просто. Он оттолкнулся от камня и отчаянно заработал руками и ногами.

Течение подхватило пловца и потащило к затонувшему судну, а потом и мимо него! В последний миг хафлинг успел выбросить руку и мертвой хваткой уцепился за поручень.

Наконец ему удалось подтянуться к корпусу и по-паучьи пробраться вдоль борта к широкой зияющей трещине.

Он заглянул внутрь, осветив картину, много десятилетий таившуюся во мраке.

Рыбы метнулись во все стороны, и за вспышками их мерцающей чешуи Реджис разглядел раскиданные по всему трюму ящики, по большей части разбитые, но некоторые и целые, и один в особенности притягивал его взгляд, сверкая серебром в свете его налобной повязки.

Реджис заплыл внутрь корпуса и, избавившись от хватки течения, принялся тщательно исследовать трюм. Он открыл сумку, которую дал ему Периколо, магическую удерживающую сумку, и опустил в нее пару небольших коробочек, продолжая подбираться к большому серебряному ящику.

Нет, не ящику, понял он, очутившись прямо над ним.

Гробу.

Серебряному гробу с осколками разбитого зеркала на крышке и вокруг него. Реджис мельком заметил свое отражение в одном из больших осколков, но сразу же отвел взгляд, вспомнив историю о кровожадных крысах, рассказанную ему Доннолой.

Поздно.

Хафлинг, копия самого Реджиса, выскользнул из зеркала, выхватывая рапиру, точно такую же, как та, что висела у него на поясе.

Реджис вскрикнул, пуская пузыри отшатнулся, натыкаясь на ящики и коробки, думая только о том, как бы сбежать. Но ему было не уйти: порождение магии находилось слишком близко, полное решимости уничтожить его.

Он увидел острие рапиры, летящее ему в лицо.

— Его слишком долго нет. — Доннола свесилась через леер, напряженно вглядываясь в темную воду.

— Спокойно, девочка, — бросил Ловкие Пальцы. — Если потребуется, у твоего маленького дружка есть снадобья. Когда он нырял за ракушками, то оставался под водой и подольше.

Доннола в ответ лишь покачала головой. Она знала, что Ловкие Пальцы преувеличивает, Паук никогда не погружался так надолго, Доннола была в этом уверена.

— Быть может, ты воспользуешься магическим зрением и расскажешь, что там происходит? — спросил Периколо своего мага, явно нервничая не меньше внучки.

Ловкие Пальцы кивнул и принялся шарить по карманам плаща, извлекая один футляр с заклинанием за другим, пока не нашел подходящее. Он вытащил пергамент, прочистил горло и начал читать. Несколькими мгновениями позже рядом с ним возник глаз, огромный, выпуклый, со зрачком величиной с голову хафлинга, плавающий в воздухе, будто в воде.

Ловкие Пальцы сотворил над глазом заклинание, заставив его светиться, и затем отправил в море, вниз, вдоль якорного каната. Вскоре магический предмет достиг дна.

— Вижу его страховочную веревку, — объявил маг, поскольку лишь ему было доступно зрение магического глаза. — Паук на дне, в той стороне. Он указал на северо-восток, в направлении берега, хотя холмов Агларонда даже не было видно на горизонте. Одновременно с этим магический глаз устремился вдоль страховочной веревки.

Маг видел, что веревка не натянута, но не стал сразу говорить об этом.

— Он отстегнул страховку, — сообщил наконец Ловки Пальцы, и Доннола и Периколо охнули, и еще несколько их спутников зловеще зашептались. — Карниз... глубина возрастает.

— Значит, следуй за веревкой! — скомандовал Периколо, но Ловкие Пальцы уже делал именно это.

— «Бриллиант Тепурла»! — выдохнул маг. — И внутри него свет Паука!

Реджис отшатнулся, замахал руками в облаке пузырей, тщетно пытаясь отпихнуть рапиру. Он ощутил укол и непроизвольно вскрикнул, резко шарахнувшись назад. Он врезался в груды ящиков, развалившихся от удара, и, перекувырнувшись, ввалился в какое-то узкое помещение.

Он едва мог пошевелиться, и отступить было больше некуда, и ни единого шанса ускользнуть в сторону.

А двойник наступал, методично, без эмоций, выставив перед собой разящую рапиру.

Страх накрыл Реджиса черным крылом, окутывая, парализуя. Он не попадет в Долину Ледяного Ветра! Все его тренировки пойдут прахом.

Он никогда больше не увидит Доннолу.

Полустоя, полусидя, он ухитрился высвободить свою рапиру и неуклюже вскинул ее, защищаясь. Но его противник, зеркальное отражение его самого, был столь же искусен и брал верх. Едва Реджис выставил перед собой клинок, рапира двойника оказалась рядом, обвела его оружие, образовав небольшой водоворот, и сильно уколола его в руку. Легкое движение кисти, щелчок — и рапира вылетела из руки Реджиса.

Реджис попытался попятиться, взбивая воду и поднимая со дна обломки дерева и содержимое разбитых ящиков. Он даже, не замечал всех этих сокровищ! Драгоценные камни и украшения скатывались с громоздившихся груд монет. Серебряные блюда и золотые кубки подпрыгивали и отлетали прочь.

Реджис запустил руку за спину, пытаясь нащупать выход, но отступить было некуда. Его пальцы сомкнулись на ребристой крышке ящика, и когда рапира противника устремилась вперед, он снова вскрикнул и, инстинктивно заслоняясь, выставил перед собой руку с крышкой.

Импровизированный щит отразил атаку двойника, острие рапиры прошло насквозь и впилось Реджису в палец. Хафлинг выпустил обломок дерева, но тот никуда не делся, насаженный на клинок противника.

Перед мысленным взором Реджиса промелькнул образ Доннолы: если он хочет увидеть ее снова, теперь надо действовать быстро!

Он уперся правой рукой в груды обломков, рассчитывая оттолкнуться и вырваться из замкнутого пространства. Ощувив под пальцами цилиндрическую рукоять, он инстинктивно сжал руку и выдернул эту штуковину из кучи хлама.

Это был трехклинковый кинжал с длинным серебристым обоюдоострым основным лезвием и парой боковых лезвий исключительно тонкой работы, сделанные, казалось, из нефрита или какого-то иного темно-зеленого камня. Вырезанные в виде змей, они выходили из головки рукояти, перекрещивались, затем расходились, изгибаясь, по обе стороны от основного клинка. Раскрытые пасти резных змей составляли до трети от длины основного лезвия, доходившего хафлингу от кисти до локтя.

Реджису, однако, некогда было любоваться изысканностью отделки. С отчаянием понимая, как уходит время, он отбил в сторону кусок деревянной крышки и ринулся напролом, яростно размахивая кинжалом.

Его двойник отступил, но вода между соперниками быстро потемнела от крови.

Реджис наседавал, стремясь выбраться на более чистую воду, но почувствовал, что его

противник благоразумно отклоняется в сторону. Он развернулся, раскинув руки, чтобы контролировать вращение, и устремился вперед, потом попытался остановиться, поскольку двойник высвободил свой клинок, стряхнув с него обломок деревянного ящика.

Двойник вновь устремился прямо на Реджиса.

Защищаясь, юный хафлинг взмахнул своим новым оружием и поймал клинок рапиры между основным лезвием и, одной из змей. Он начал выворачивать запястье, рассчитывая крепче зажать клинок врага, и тут его глаза широко раскрылись, поскольку змеи на его кинжале каким-то образом ожили и плотно обхватили рапиру.

Реджис резко выкрутил запястье, и кинжал извернулся, помогая ему, а клинок рапиры переломился надвое.

Реджис попятился, затем ринулся на противника. Теперь, словно чувствуя, что он настроен убивать змеи на кинжале обвились вокруг его руки, образовав защитную корзинку. Реджис ощутил глухой удар в живот, но это его не остановило. Снова и снова он вскидывал руку, и его длинный кинжал находил свою цель, с легкостью впиваясь в плоть и кость.

Вода снова потемнела, но Реджис не отступал, продолжая отчаянно орудовать кинжалом. Вновь и вновь, подгоняемый страхом, боясь остановиться, он вонзал клинок во врага.

А потом его двойник исчез, будто мираж, начал уменьшаться и обратился в ничто, забрав с собой даже свою кровь из воды. Исчез полностью, бесследно, не оставив даже обломка рапиры, словно его никогда и не было, если бы не кровь самого Реджиса, струящаяся по руке.

Реджис глянул на рану, но поймал себя на том, что вместо нее смотрит на клинок, на изменившийся кинжал. Он представил себе его прежнюю форму, с тремя лезвиями, и словно в ответ на его зов змеи освободили его руку, изогнулись, образовав перекрестие, и вытянулись вперед, приняв изначальную форму.

В этом положении они застыли, вновь превратившись в неодушевленные боковые лезвия. Изумленный хафлинг продолжил свой опыт и мысленно нарисовал себе иной образ, подумав, что предпочел бы более крепкую и сильную хватку. Змеевидные клинки исполнили его пожелание, ожили и плотно, но удобно обвили его правую кисть. Он понял, что ему достался потрясающий трофей, но понимал также, что сейчас не время думать об этом. Нужно выбираться отсюда!

Он обернулся, ища свою рапиру, но она осталась там, в узком тупике, в куче деревянных обломков и развалившихся ящиков. Реджис скосил глаза на свою сумку, лежащую рядом с серебряным гробом. Он подобрал обломок доски и, осторожно приблизившись, к гробу, накрыл доской магическое зеркало.

Он знал, что должен убираться отсюда, он поднял сумку и повесил ее на плечо. Он должен...

Он должен открыть гроб.

Разумеется, эта мысль показалась ему нелепой, но выяснилось, что отделаться от нее не так-то просто.

Безуспешно пытаясь отвернуться, Реджис понял, что это не случайно.

Он уставился на гроб. Действительно ли там покоится великий лич Темная Душа?

Он должен открыть гроб. Он должен знать.

Он завис в воде прямо над домовиной. Только теперь он осознал, как много времени провел под водой, и подтянулся к поясу за вторым флаконом, понимая, что действие первого

заканчивается.

Но, едва успев достать пузырек, он заметил, что серебряная крышка гроба под ним словно истончается, становясь все менее и менее плотной. К своему ужасу, он увидел очертания тела, лежащего в гробу.

Крышка сделалась совсем прозрачной.

Он увидел труп, ослабившийся, гниющий, раздутый, страшный.

Труп смеялся над ним, открыв мертвые глаза.

Поднялась костлявая рука с обрывками плоти, шевелящимися в струях подводных течений, и потянулась к нему, высунувшись из гроба, словно крышки больше вовсе не было!

Реджис выронил флакон и ринулся к трещине в корпусе корабля, оставляя за собой водовороты воздушных пузырьков. Он отчаянно молотил руками, и если бы не змеи, обернувшиеся вокруг его кисти, он наверняка выронил бы кинжал!

Очутившись за пределами корабля, подхваченный течением, Реджис изо всех сил устремился к поверхности. Подъем был слишком быстрым, но это не имело значения. Он был не настолько глуп, чтобы всплывать с такой скоростью с подобной глубины, но в тот момент он знал лишь одно: нужно убираться оттуда!

— Там! Там! О, дитя мое! — голосил Ловкие Пальцы, подпрыгивая и указывая на северо-восток. Он все еще смотрел магическим глазом и видел, как Паук выскочил из потерпевшего крушение корабля, оставляя за собой кровавый след, с широко раскрытыми от ужаса глазами и легкими, готовыми разорваться, судя по его виду.

— Поднять якорь! — вскричал Периколо, и остальные хафлинги схватились за канат принялись тянуть.

Действие заклинания магического глаза закончилось.

— Быстрее! — подгонял экипаж Ловкие Пальцы, стуча себя по лбу и мысленно проклиная-краткосрочность своей магии. — О, Паук!

Они с Периколо свесились за борт, вглядываясь вглубь. Вскипела вода, Паук выскочил на поверхность в облаке брызг, глотнул воздуха и снова скрылся под водой.

— Быстрее! — приказал Периколо. — Держись мальчик! — закричал он. Услышав за спиной глухой стук, они с Ловкими Пальцами обернулись и едва успели сообразить, что это полетели на палубу башмаки Доннолы, как сама девица проскочила между Дедушкой и магом и прыгнула за борт.

— Доннола! — закричал Периколо. Он повернулся к членам экипажа, требуя, чтобы матросы пошевеливались, потом бросился к ним и тоже принялся вытягивать якорь.

— Сделай что-нибудь, маг! — воззвал он к Ловким Пальцам.

— Мне нечего предложить, Дедушка!

— Помощника! Какой-нибудь трюк с канатом! Скорость для Доннолы! Что-нибудь!

Но маг лишь беспомощно пожал плечами.

— Ничего, — повторил он убитым голосом, но тут же вскинул голову и завопил: — Она нашла его! — в ликовании прыгая по палубе.

Периколо доковылял до поручня и как раз в этот миг услышал, как якорь перевалился через ограждение.

Это, однако, уже не имело значения, поскольку Доннола приблизилась, крепко обхватив Паука одной рукой.

— Он умер? О, дитя! — запричитал Периколо, поскольку юный хафлинг не подавал признаков жизни.

— Помогите, — отплевываясь, попросила Доннола, явно выбиваемая из сил. Она подтолкнула Паука вперед, а Периколо и Ловкие Пальцы схватили его за тунику и рывком втащили на борт.

Несмотря на более насущные проблемы, оба так и ахнули при виде драгоценного кинжала в руке у Паука. Они уложили паренька на дно лодки, в то время как остальные помогли Донноле подняться на борт.

— Теперь на весла, поднять парус, живее, в Дельфантл! — скомандовал Периколо. — Мы должны найти жреца для мальчика!

— Паук, Паук! — молила Доннола, прижимаясь к распростертому хафлингу. — О Паук, не смей умирать!

Реджис, проваливаясь обратно в бесконечную тьму, не мог не откликнуться на этот зов. Он приоткрыл один глаз, откашлялся морской водой и сумел едва заметно улыбнуться.

Потом он провалился в беспамятство, покоясь в нежных объятиях Доннолы Тополино.

— Он спас мне жизнь, — сказал Реджис, принимая трехклинковый кинжал от Дедушки Периколо. — Я потерял рапиру.

— Ее легко заменить, — заметил Периколо. — И она не стоит того, чтобы возвращаться за ней на эту развалину

— Я бы туда больше не пошел, — решительно заявил Реджис. Сидящая рядом с ним Доннола положила руку ему на плечо успокаивая.

— Нет, нет, разумеется, нет. Не волнуйся, мой дорогой Паук, — с сердечной улыбкой ответил Периколо. — Твое невероятное мужество и удивительные способности превзошли все мои ожидания — мои весьма немалые ожидания, уверяю тебя! Я не стал бы просить тебя вернуться и в любом случае не собираюсь этого делать.

Он криво усмехнулся.

— Вы продадите координаты места кораблекрушения, — сказал Реджис, и Ловкие Пальцы с Доннолой удивленно взглянули на него, но потом кивнули в знак согласия и повернулись к Периколо, чья улыбка стала еще шире.

— Видите? — спросил Дедушка. — Паук оправдывает мою веру в него. Прекрасная логика, мой мальчик! Да, мы получили наши сокровища... — он махнул рукой на стол, заваленный драгоценными камнями, склянками с зельями и разнообразными безделушками, — и, вероятно, лучший из лотов, какой только можно отыскать. У меня есть все необходимые доказательства существования этого корабля, чтобы выставить на аукцион его местоположение; и что бы ни случилось с ним дальше, я...

— Вы записали за собой славу первооткрывателя места упокоения Темной Души, — перебил Реджис.

Периколо кивнул и хлопнул своего юного протеже по плечу:

— Тебе была обещана лучшая часть этих сокровищ, и ты, безусловно ее заслужил.

Реджис повернулся и оглядел стол.

— Кинжал могуществен, — вступил Ловкие Пальцы. — Намного сильнее всего, что тебе случилось до сих пор найти. Я подозреваю, что на него наложено множество заклятий и, более того, у него нет собственного характера и самолюбия, часто становящихся причиной гибели могущественного оружия.

Реджис кивнул, признавая правоту слов мага и вспоминая Хазид-Хи, Потрошитель, и то, что он сделал с Кэтти-бри больше века назад. Она не была готова к внутреннему поединку с мечом, и злобное оружие одержало над ней верх.

— Что он еще может делать? — спросил Реджис, но Ловкие Пальцы лишь пожал плечами и покачал головой.

— Кроме того, предлагаю эту вещицу. — Периколо протянул ему занятное кольцо, железную полоску с драгоценным камнем в виде призмы. — Я думаю, оно во многих случаях будет для тебя полезным.

Реджис взял его и поднес к глазам, и сразу же обнаружилось одно из полезных свойств кольца. Если посмотреть сквозь трехгранную призму, поле зрения сильно увеличивалось.

— И снова вещь, исполненная магии, — отметил Ловкие Пальцы. — И весьма полезная.

— Что оно еще умеет?

— Узнаешь, когда возникнет необходимость, — заверил его маг. — С волшебными кольцами всегда так.

Реджис надел кольцо на палец и вздрогнул, когда его окатила ледяная волна энергии. Он взглянул на кольцо с некоторым беспокойством.

— Есть заклинания, которые видят тепло, и существа, воспринимающие мир таким же образом, — пояснил Гибкие Пальцы то, что Реджису, разумеется, было хорошо известно, а вот Пауку — едва ли. — Я надеюсь, что с этим кольцом ты будешь невидимым для подобных двумеров.

— Однако это не слишком-то уютно, — заметила Доннола, обхватив себя руками и отстраняясь от Реджиса, и все рассмеялись.

Реджис закрыл глаза и обратился к кольцу, и холод исчез, и он уловил намеки на другие возможности вещицы. Ему пришло в голову, что, заказывая холод, он оказывается защищенным от тепла, возможно — даже от огня. И еще много чего есть внутри этой драгоценной призмы, понял он и не мог сдержать улыбки.

Облачко тумана поднялось из глубин и сгустилось над волнами Моря Падающих Звезд, над «Бриллиантом Тепурла». во тьме ночи. Там оно зависло на некоторое время, края его колыхал морской бриз, но рассеять туман ему было не под силу.

Потом облачко пришло в движение, но не по воле ветра. Оно плыло навстречу бризу, медленно продвигаясь на северо-восток, к побережью Агларонда и городу Дельфантл.

Реджис проснулся от ужасного вопля, от которого кровь застыла в жилах. Крик был

настолько жутким, что хафлинг скатился с постели на пол, путаясь в одеялах и простынях.

Наконец он выбрался из них, схватил свой кинжал и скорчился в углу, пытаясь решить, что делать дальше. Зажечь свечу он не осмелился.

Реджис глянул в окно, размышляя, не выбраться ли наружу и не обойти ли дом в поисках наилучшей позиции. Он пытался определить, что это был за вопль. Кто издал его? Откуда он исходил?

Он затаил дыхание, поскольку дверь его спальни разом распахнулась, впуская свет факела. Реджис узнал силуэт Доннолы, влетевшей внутрь, и кинулся к ней.

— Беги! — приказала она, пихая ему какие-то вещи.

— Скорее, госпожа, — сказал охранник Доннолы, входя в комнату с факелом.

В его свете Реджис разглядел, что за дары принесла ему девушка: португею и кошель. Его глаза округлились, когда он заметил висящую на ремне знаменитую рапиру

Периколо, а напротив нее, справа, кобуру поменьше для

— Беги и не оглядывайся, — сказала Доннола, вкладывая все в руки Реджиса.

— Дедушка? — задохнулся Реджис, и понял вдруг, кто это кричал.

— И это, — добавила Доннола, доставая синий берет — прославленный головной убор Дедушки Периколо Тополино.

И тогда, в этот ужасный миг, до Реджиса со всей очевидностью дошло, что великий хафлинг на самом деле мертв.

— Я не могу уйти, — прошептал он.

— У тебя нет выбора, мальчик, — сказал Ловкие Пальцы, входя в дверь. — Ради себя самого и ради всех нас!

— Что все это значит? — спросил Реджис.

Доннола схватила его за плечи, развернула лицом к себе и нежно поцеловала.

— Темная Душа, — шепнула она, отстраняясь. — Он здесь... за тобой. Беги, я тебя умоляю! В это окно, прочь из Дельфантла, скорее.

— Времени нет, мальчик, — добавил Ловкие Пальцы. — Мы не можем ни задержать его, ни победить.

Потрясенный хафлинг взял берет у девушки и выглянул в окно.

Доннола бросилась к нему, целуя снова и снова, жадно и страстно, нежно и печально.

Как мог он покинуть ее?

Но ему вспомнилась картина, увиденная на затонувшем корабле: ухмыляющийся истлевший труп лича-мага, — и ноги его сделались ватными.

Он надел португею, прицепил кинжал напротив великолепной рапиры, рядом с арбалетом, и стремительно выскользнул из окна, двигаясь по стене дома так же ловко, как любой паук. Он не стал спрыгивать на землю, как следовало бы, но, увидев внутри дома свет, подобрался по стене к комнате хозяина на втором этаже.

Едва заглянув внутрь, он сразу же заметил Периколо. Старый хафлинг сидел перед камином. Действительно старый! Серебряные волосы Дедушки сильно поредели и стали абсолютно белыми, а его лицо! Оно сделалось настолько сморщенным, словно Периколо внезапно постарел на десятки лет.

Прошло довольно много времени, прежде чем Реджис понял, что позабыл дышать.

Потом он заметил туман, вытекающий из-под закрытой двери комнаты Периколо, и лютый холод разлился по его жилам, и вовсе не из кольца.

— Темная Душа, прошептал он и кинулся прочь, спрыгнул прямо в живую изгородь,

перебежал под ее, прикрытием небольшую лужайку и помчался вниз по узким улочкам. Он долго бежал не оглядываясь. Но мыслями он был там.

Он бросил Доннолу. Оставил ее в одном доме с личем Темной Душой!

Слезы стыда струились по его щекам. Неужели он снова все тот же Реджис, хафлинг, увязавшийся вслед за героями, который чаще бывает своим друзьям обузой, нежели полезным спутником?

Он резко затормозил и развернулся, чтобы взглянуть на дом.

— Нет! — решительно произнес он, и руки его сами потянулись к рапире и кинжалу. Он не станет спасаться бегством в страхе, не бросит друзей, предоставив им одним встретиться лицом к лицу с этим опаснейшим противником!

Он сделал шаг в обратную сторону, но тут же остановился и попятился, увидев туман, сгущающийся с наружной стороны дома Периколо, маленькое пятнышко на фоне окна.

Не просто туман, безошибочно понял он.

Пришедший за ним, это он знал точно.

— Он здесь за тобой, — прошептал он, повторяя слова Доннолы.

Реджис отвернулся и побежал.

Уже на следующий день Паук сидел в одиночестве за капитанской каютой, на палубе парусника. Берег Агларонда давно скрылся из виду. На Пауке был головной убор Периколо, хотя Реджис воззвал к его магическим свойствам и тот превратился в простой матерчатый берет. Эта штука изменила и внешность самого Реджиса, сделав его на вид гораздо старше и с белокурыми кудрями вместо темных. Реджис даже добавил тонкие усики для пущего эффекта и острое бородки на кончике подбородка. А его рапира, это прославленное и необычное оружие, куда больше напоминала теперь обыкновенный клинок вроде того, с каким Реджис отправился к кораблю лича. Наручный арбалет он надежно спрятал поскольку эта вещь была совершенно уникальной, настолько мастерски сделанной, что это само по себе свидетельствовало о королевском богатстве, чтобы Реджис смог как следует замаскировать его. В любом случае его трехлинковый кинжал вполне уместился в арбалетный чехол, а сам Реджис хорошо владел техникой ведения боя обеими руками.

Он оглянулся, убеждаясь, что вокруг никого нет, потом занялся кошельком, висящим у него на поясе. Вещица была хорошо знакома Реджису, знал он и ключевые слова для ее активации — именно с их помощью он спрятал в сумке арбалет. Не знающие этих магических слов могли подумать, что это обычный кошелек с несколькими монетами внутри, но едва Реджис прошептал: «Во имя розовых жемчужин», как его рука проскользнула глубже. Намного глубже, по локоть, так и не нащупав при этом дна, хотя снаружи магическоеместилище по-прежнему казалось всего лишь маленьким поясным кошельком, в котором едва помещались пальцы.

Реджис подумал о монетах и ощутил под рукой груды золота.

Он очистил разум и мысленно услышал голос кошелька, рассказывающего о своем содержимом. В основном Реджис видел одежду: одна — для плохих дорог, другая сгодилась бы для самых изысканных приемов у лордов Глубоководья. Одно одеяние в особенности привлекло внимание Реджиса, и он обратился к кошельку и достал одеяние оттуда, узнав

боевой доспех Периколо: белую, рубашку с подкладкой из мифрила. Реджис снова огляделся и торопливо натянул ее, надев собственную фуфайку поверх, потом снова засунул руку в удерживающую сумку, тут же наткнувшись на другой предмет одежды, так называемый стенолом. Хафлинг улыбнулся и оставил его лежать на месте... пока.

Он располагал немалым количеством денег и драгоценных камней; по его предположениям, этого вполне должно было хватить на оплату проезда и питания, на многие годы вперед. Доннола хорошо позаботилась о нем этой страшной ночью.

Он представил себе большую книгу и извлек, ее из кошелька — и, едва взглянув на оглавление, снова нетерпеливо запустил руку в суму.

— Точно! — прошептал он, задохнувшись от восторга и изумления, поскольку обнаружил еще один предмет, точнее, набор предметов: портативную алхимическую лабораторию в придачу к книге рецептов, только что извлеченной им.

Он был хорошо подготовлен, а теперь и хорошо оснащен. Отныне он мог смотреть в будущее с надеждой.

Этот корабль направлялся к Землям Бладстоуна, в город Прокампур, хотя Реджис понимал, что это будет лишь остановка, что его путь из Дельфантла там только начинается. Он планировал сесть на первый же корабль идущий из Прокампура в Долины на западном побережье Моря Падающих Звезд. Восемнадцатилетнему Реджису пришлось время обратиться на запад, на дальний запад.

Мыслями он все время возвращался к Донноле. К Эйвербрину тоже — как его отец будет жить без него? А он даже не простился с ним, боясь навести лича на беспомощного хафлинга.

— Доннола присмотрит за ним, — сказал себе Реджис, и он верил в это, поскольку вообще верил в нее так, как ни в кого другого за всю свою жизнь.

Эта мысль глубоко поразила его, особенно учитывал начатый им путь, путь к его друзьям, Компаньонам из Мифрил Халла.

Он вернется в Дельфантл, сказал себе хафлинг. Сейчас он должен верить в Доннолу, верить, что она спасется от Темной Души. С помощью верного мага Ловкие Пальцы она станет ровень с Периколо.

Да, он должен верить в нее.

Но он вернется к ней, подумал Реджис и решительно кивнул.

Впрочем, не следовало забывать, что ему осталось меньше трех лет до встречи с судьбой в далеком месте под названием Долина Ледяного Ветра.

Он выдавил смешок, вспомнив свое первое путешествие туда, в другом теле и в другое время, десятилетия назад. Тогда он тоже полагал, что живет роскошно, сладко ест и мягко спит, что он прочно обосновался в Калимпорте и вполне доволен жизнью.

И тогда он тоже был изгнанником, и по пятам за ним шел смертельно опасный враг.

Реджису вспомнился Дедушка Периколо, каким он видел его в последний раз, — сидящий в кресле, внезапно, превратившийся в сморщенный труп.

Слезы потекли по пухлым щечкам хафлинга, и ничего он не хотел больше, чем отплатить безжалостному личу.

При этой мысли он, однако, затаил дыхание, припомнив ужасный, облик Темной Души.

К своему изумлению, Реджис понял, что предпочел бы для себя преследователя более земного — вроде Артемиса Энтрери.

Глава 21. Хитрость

Год Нестареющего

(1479 по летоисчислению Долин)

Анклав Теней

Крошечная мышь широко раскрытыми глазами смотрела на горящее здание. Упала крыша, оставшиеся бочонки с ламповым маслом взорвались, и очередной огромный огненный шар взвился в небо.

Мышь беззвучно молилась за тело внутри здания. Она чувствовала, что ее долг — присутствовать при этом, и все же знала, что ей не следовало бы этого делать. Когда разум наконец взял верх над эмоциями и ее чувством долга, она засемила прочь.

Потом, в переулке, мышь сделалась летучей мышью и улетела в ночь, к городской стене Анклава Теней и дальше, прочь из парящего города.

Кэтти-бри не осмеливалась вернуться в свое человеческое обличье. Леди Авельер не так-то легко одурачить, и она так просто не перестанет искать беглянку всеми доступными ей магическими способами.

Кэтти-бри оставалось лишь надеяться, что ее затея со взрывом и телом мертвой женщины собьет прорицательницу со следа достаточно надолго, чтобы она сумела ускользнуть.

Она думала о той женщине. Кэтти-бри наведальась на кладбище и подняла зомби. Она осквернила могилу и нарушила покой усопших.

Осознание этого угнетало ее, ибо подобный поступок нельзя назвать добрым делом. Но это было необходимо, а зомби подняла сила Миликки, хотя подобное заклинание противоречило основному принципу, провозглашаемому богиней: естественному циклу жизни и смерти.

Но теперь сложились чрезвычайные обстоятельства, и Кэтти-бри должна была принять дарованную ей способность оживлять мертвых как подтверждение, что Миликки понимает и одобряет ее выбор. Находясь под чарами и гипнозом, ученица выдала леди Авельер слишком много секретов. Это воспоминание заставляло юную женщину помнить, что ее могут поймать снова, и тогда она опять может оказаться беспомощной. Она трансформировалась еще раз и расправила могучие крылья. Через несколько мгновений орел приземлился посреди пустыни, обернулся волком и беззвучно поскакал в ночь на мягких лапах. Кэтти-бри понимала, что не сможет сохранять этот облик долго, поскольку ее магическая энергия быстро истощалась, поэтому ей необходимо было отыскать укромное место и должным образом защитить его от чужих магических глаз.

Разумеется, она помолится за ту бедную женщину, над чьим трупом надругалась, магически оживив его.

Устроившись на ночлег в тени нависающей скалы, она надеялась, что молитвы и отражающие чары, во множестве наложенные ею на покойницу, смогут противостоять

магическому вторжению Авельер, ради Кэтти-бри и ради самой умершей.

— Я не верю в это, — заметила леди Авельер, стоя возле дымящихся развалин. — Это не удар случайной молнии. Мы уже однажды видели это представление!

Мы скомпрометировали ее и все, что она намеревалась сделать, — осмелилась подать голос Риалле. — Быть может, Рукия сделалась бесполезной... нет, хуже чем бесполезной, опасной для замыслов названной ею богини, Миликки.

Поэтому она отправилась поближе к самым горючим материалам и уничтожила себя при помощи взрыва, инспирированного богиней?

— Похоже, божественного взрыва, многократно усиленного за счет содержимого этого сарая, — предположила Риалле.

Но леди Авельер покачивала головой в ответ на каждое слово этого жалкого объяснения.

— Это, скорее, пристало бы А'тар или Госпоже Ллос. Сомневаюсь, чтобы Миликки стала поддерживать... — Она умолкла, не в силах выговорить нужное слово, махнула рукой в сторону взорванного и горящего строения и закончила: — это.

Сквозь дымовую завесу приближалась тонкая фигура.

— Мы нашли ее, госпожа, — произнесла Иерика тихо и глянула через плечо в дальний угол разрушенного здания. — То, что от нее осталось.

Леди Авельер первой зашагала по дымящимся обломкам навстречу трем своим ученицам, туда, куда указала Иерика. Она проследила за их взглядами, посмотрела вниз и быстро отвела глаза от отвратительного зрелища.

Почерневший, обугленный, съезжившийся до половины своей исходной величины труп лежал на боку, одна рука откинута в сторону, другая, очевидно, сторела совсем.

Леди Авельер глубоко вздохнула, но сразу поняла, что это была не самая хорошая идея, поскольку от запаха горелой плоти ее едва не вывернуло наизнанку.

— Возьмите одеяло и соберите... это, — приказала она. — Отнесите в Ковен.

— Рукию? — спросила Иерика, явно смущенная таким отношением.

Леди Авельер гневно махнула рукой на труп.

— Это! — решительно повторила-она и поспешила прочь, не желая связывать увиденное, с именем Рукии.

Да, она уже однажды видела этот, трюк возле поселения десаи. Сердитая и недовольная гримаса на лице леди Авельер сменилась слабой улыбкой, поскольку она точно знала, что и мертвые умеют говорить.

Широко раскинув крылья, орел парил в потоках теплого воздуха, лениво кружа над лагерем десаи. Этот облик даровал Кэтти-бри острое зрение, и даже с такой высоты она могла ясно разглядеть лица тех, кто находился внизу. Она уже заприметила палатку Нирая и Кавиты и наблюдала в первую очередь за ней. В конце концов, она прилетела сюда ранним

утром, и вряд ли эти двое уже успели куда-нибудь уйти.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Как бы ей хотелось спуститься на землю, вернуться в человеческий облик и в последний раз горячо обнять отца и мать!

Но она понимала, что делать этого нельзя. Леди Авельер наверняка посетит ее родителей и запустит свою коварную магию в их мысли. Если они попытаются покрывать Рукию, их разоблачат и, без сомнения, ужасно накажут; и в любом случае просто позволить им знать правду, что дочь жива, означало снова навести леди Авельер на ее след.

Кэтти-бри постоянно напоминала себе об этой мрачной реальности, но, увидев лысую загорелую голову Нирая, выходящего из палатки, и не успев даже сообразить, что делает, она сложила крылья и спустилась ниже.

Обмявшись, она заставила себя сдержаться, но сердце ее просто разрывалось. Это ощущение лишь усилилось, когда к Нираю подошла черноволосая Кавита.

Он притянул ее к себе, нежно, как бы невзначай, и оба они устремили взоры к северу. Кавита заслонила ладонью глаза от утреннего солнца.

Девушка понимала, что они смотрят в сторону Анклава Теней. И думают о своей дочери. И так каждое утро, как искренне верилось ей.

Кружа, орел спускался все ниже, но пытался держаться позади от пары, чтобы Кэтти-бри могла слышать разговор, не отвлекая родителей.

— У нее все в порядке, — слышала она слова Нирая, и мужчина крепче прижал к себе жену.

Внимание Кэтти-бри привлек крик, это вождь заметил ее, парящую прямо над кольями палаток. Она понимала, что не может оставаться здесь, — члены племени сочтут ее угрозой для их пернатой живности.

Она пронеслась над лагерем и громко крикнула, пролетая над Нираем и Кавитой. Они разом обернулись, широко раскрыв глаза при виде падающего на них крупного орла.

Кэтти-бри поочередно опустила оба крыла, потом заложила крутой вираж вправо и заработала крыльями, набирая скорость и высоту. Она еще слышала, как охнула Давита:

— Рукия?

Кэтти-бри была удовлетворена. Ничего другого ей не оставалось, поскольку ради их же и своего собственного блага она не могла предложить ничего весомее намека. Она помчалась над пустыней, устремившись на запад, быстро оставив лагерь десаи далеко позади.

Едва ли ей доведется увидеть его, увидеть Нирая и Кавиту снова.

Когда она приземлилась в укромной лощине, ее магия истощилась и она вновь обрела человеческий облик. По щекам ее катились слезы.

— Пробуй еще, — потребовала леди Авельер у своего приятеля-мага.

— Моя госпожа, мне больше нечего предложить, — хрипло рассмеялся в ответ пожилой мужчина. — Я использовал все заклинания, что имею. Труп не станет говорить со мной!

— Тогда попроси ее душу вернуться из загробного мира, — настаивала женщина.

— Взгляните на раны! Да она тут же снова отправится обратно.

— Сделай это в любом случае, — холодно приказала леди Авельер.

— Вам следовало бы нанять жреца, — посоветовал пользователь темной магии.

— Уже, — заверила его женщина. Леди Авельер работала над трупом с помощью своих собственных заклинаний, и тоже безуспешно. Ей вообще никак не удалось пообщаться со скрюченным обуглившимся телом. Потом явилась жрица — и недешевая — и тоже смогла лишь покачать головой, не в силах связаться с умершей. Когда эти попытки потерпели неудачу, жрица безуспешно попыталась воскресить обгоревший труп. Воскрешение являлось одним из наиболее могущественных заклинаний в репертуаре любой жрицы, и действительно, лишь очень немногие могли хотя бы попытаться сотворить столь блистательное заклинание. Такая магия не могла потерпеть неудачу, и все-таки это случилось, причем самым жалким образом, поскольку в обгоревшем теле не промелькнуло ни малейшего признака жизни.

— Тело защищено охранительной магией, — объявила жрица. — Священной и очень сильной.

Провидица упрашивала ее попробовать еще раз, но та не пожелала больше в этом участвовать и поспешно удалилась. Очевидно, жрица не только отказалась сама, поняла леди Авельер, поскольку впоследствии ни один из жрецов больше не откликнулся на ее зов и не взялся исполнить ритуалы над этим трупом.

А теперь и этот человек, Деренек Темный, знаменитый в Анклаве Теней своим умением обращаться с немертвыми, оказался явно бесполезным.

— И что сказал жрец? — поинтересовался Деренек.

— Жрица, — поправила леди Авельер, но, вместо ответа, лишь снова уставилась на труп.

— Божественное благословение? — спросил маг. — Это тело было мощно защищено от осквернения.

— Магия Рукии, — кисло признала леди Авельер.

— Или сама Рукия, — произнес неожиданный голос от двери, и прорицательница с магом обернулись навстречу входящему в комнату лорду Пэрайсу Ульфбиндери. — Следует ожидать, что избранная богом будет столь защищена после смерти, верно?

— Разумеется, лорд Ульфбиндер, — почтительно ответил Деренек, низко кланяясь.

— Оставайся с ней, — велела леди Авельер некроманту. — Найди способ.

— Я испробовал все подходящие заклинания, госпожа, — ответил Деренек.

— Значит, попробуй их снова! — потребовала прорицательница. — А потом еще раз! Я добьюсь ответа. — Она удалилась из комнаты, увлекая за собой ухмыляющегося лорда Ульфбиндера.

— Ужасно вонючее, — заметил он, когда они оказались за дверью.

— Это не Рукия, — настаивала леди Авельер.

— Но вы согласны, что она была бы так же защищена от осквернения?

— Нет, — машинально ответила женщина, но сразу поправилась: — Да, но это не она!

— Откуда вы знаете?

— Я уже видела этот фокус. Похожему десаи так принято. Они использовали мертвого ребенка, чтобы скрыть правду о Рукии, много лет назад. — Она иронически хмыкнула. — И тогда тоже предполагалось, что причиной смерти стала случайная молния.

— Молния угодила в этот склад не случайно, — согласился Пэрайс.

— И это не было самоубийством, — настаивала леди Авельер. — Она этого не сделала

бы. Какая приличная богиня согласится на такое?

— Если цель для нее была важнее жизни, — нравоучительно заметил Пэрайс, — разве она не пожертвовала бы собой ради большего?

— Мы не представляли угрозы для ее цели.

— Но откуда ей было это знать?

— Она вообще ничего не должна была знать! — возразила леди Авельер. — Ни того, что я узнала правду о Ру... Кэтти-бри, ни того, что под моим магическим воздействием она разболтала во всех подробностях про грядущее рандеву.

— Если вы полагаете, что ей ничего не известно, почему же она тогда покончила с собой? Или зачем придумала такую хитроумную уловку? В таком-случае не похоже ли все это скорее на несчастный случай? Быть может, не случайное совпадение, но просчет запутавшейся молодой девушки? А если она каким-то образом распутала клубок ваших мыслей, разве не предпочла бы она убить себя, нежели поставить под угрозу саму цель ее возвращения на Торил? Вы же говорили, что она возродилась именно для этого.

— Это так, — признала леди Авельер. Она помолчала и уставилась на дверь, ведущую в комнату, стараясь собраться с мыслями.

Она не могла отрицать, что в словах Пэрайса был свой резон; будь это самоубийство мнимым или настоящим, в любом случае оно должно было быть устроено Кэтти-бри, обнаружившей, что ее тайна раскрыта.

— Это не Рукия, — решительно объявила она мгновение спустя. Она повернулась и взглянула Пэрайсу прямо в лицо, твердо и упрямо. — Она попыталась одурачить нас и ускользнула из Анклава Теней.

Пэрайс пожал плечами. Он не готов был спорить с ней.

— И я найду ее, — заявила леди Авельер.

— Я, безусловно, не стану вас отговаривать. Если божественным Ллос и Миликки угодно устроить драку за душу Дзирта До'Урдена, я был бы счастлив оказаться тому свидетелем.

— И вы им будете, — пообещала Авельер. — И если наша маленькая Рукия переживет это испытание, знайте, что она за все мне ответит.

В Серебряных Землях начиналось лето, по берегам великих рек расцвели вишни, осыпая воду белоснежными шелковистыми лепестками.

Эта картина затрагивала чувствительную струнку в душе молодой женщины, напоминая о далеких днях, о давно ушедших временах, и на мгновение, впервые за долгое время, Кэтти-бри почувствовала себя свободной от тяжелого груза. На миг, всего на несколько мгновений она сумела отодвинуть свои огорчения и страхи за Нирая и Кавиту на задний план и наслаждаться мыслями о встрече с Компаньонами из Мифрил Халла, с отцом Бренором и другом Реджисом, а больше всего — об объятиях Дзйрта.

Она снова была огромной птицей, грациозным ястребом, восседающим на ветке мертвого, засохшего дерева, склонившегося над восточным берегом реки Сарбрин немного вниз по течению от перекинутого через нее каменного моста. Кэтти-бри могла разглядеть разукрашенные стенки, окаймляющие с боков дорогу перед мостом. Дорога, извиваясь,

убегала к каменистым холмам и вела Кэтти-бри очень хорошо знала это — к восточным воротам обожаемого ею Мифрил Халла.

Как ей хотелось туда! Как она была бы счастлива вновь увидеть эти освященные веками стены, которые она так долго называла своим домом!

Она вздрогнула, представив, как стоит перед своей собственной могилой, своей и Реджиса. В этой могиле лежит ее прежнее тело, без сомнения истлевшее до костей.

Эта мысль недолго угнетала ее. Ибо теперь она была любимым детищем Миликки и видела мир сквозь призму философии богини — как бесконечный цикл, вечное существование в неких материальных рамках, служащих вместилищем души и придающих ей вещественность и форму.

Истлевающие останки под пирамидой в Мифрил Халле не имели к ней отношения. Уже не имели.

И все же эта мысль тревожила ее. Несмотря на всю преданность и веру в песнь, которой она научилась в Ируладуне, в путь Миликки, Кэтти-бри не хотела оказаться перед этой могилой.

Не теперь. Она еще попросту не готова.

Ястреб расправил крылья и взмыл в воздух, пронесся над рекой и направился дальше.

На запад, все время на запад.

Едва Кэтти-бри скрылась из виду, по дороге на восточный берег реки выкатился караван.

Головная повозка въехала на мост, и дворфы, перегораживающие его, закричали, но это были приветственные возгласы, а не требования назвать себя. Ибо над передней повозкой развеялся вымпел, хорошо знакомый народу Мифрил Халла.

На четвертой по счету повозке рядом с возницей сидел юный рыжебородый дворф, которому пришлось напомнить себе о необходимости дышать, пока они подъезжали к великолепным воротам Мифрил Халла, королевства, которым он дважды правил.

Часть 4. Путь к пирамиде Кельвина

Есть ли большая надобность в рамках социального развития, нежели потребности в доверии? Существует ли более важная составляющая для дружбы или для сплоченности команды?

И тем не менее на протяжении жизни много ли встречает каждый тех, кому он действительно может доверять? Боюсь, что очень немного. Да, в менее важных вопросах мы доверяем многим, но когда затрагиваются чувства, делающие нас по-настоящему уязвимыми, число наших доверенных лиц резко уменьшается.

Именно этого всегда недоставало в моих отношениях с Далией и в приятельстве с Артемисом Энтрери. На мой теперешний взгляд, можно только посмеяться над тем, что я доверял Энтрери больше, чем Далии, но лишь в тех вопросах, что касались взаимной выгоды. Окажись я в ужасной опасности, бросился бы кто-либо из них мне на помощь?

Полагаю, да, будь у них какие-то шансы на победу, но если их помощь означала бы истинную жертву, когда нужно пожертвовать жизнью, чтобы спасти мою... что ж, тогда я точно погиб бы.

Возможно ли, что я стал настолько циничным, чтобы принять это?

Кто я тогда такой и кем мог бы стать? Я позабыл, что у меня были друзья, готовые оттолкнуть меня с пути летящего копья, даже если это означало бы, что копье пронзит их самих. Так было с Компаньонами Из Мифрил Халла, где все были за одного.

Даже Реджис. Как часто мы посмеивались над Реджисом, отсиживавшимся в укромном месте, пока шел бой, но все мы знали наверняка, что наш приятель-хафлинг будет тут как тут, если нам придется туго, и я действительно не сомневался, что мой маленький друг прыгнет выше собственной головы, чтобы перехватить летящую мне в грудь стрелу, добровольно жертвуя собственной жизнью.

Не могу сказать того же о второй группе, с которой я путешествовал. Полагаю, свою жизнь за меня не отдали бы ни Энтрери, ни Далия — хотя, по правде, я никогда не знал, чего ожидать от Далии. Монах Афафренфер был способен на такую преданность, как и Амбергрис, дворф из Адбара, но заслужил ли я ее у них или нет, я не знаю. А Эффрон, искалеченный колдун? Не уверен, хотя сомневаюсь, что человек, пробующий себя в столь темном искусстве, может иметь великодушное сердце.

Возможно, со временем эта вторая компания сплотилась бы так же, как Компаньоны из Мифрил Халла, и, вероятно, вместе с укреплением связей не заставили бы себя ждать и самоотверженные проявления высочайшего мужества.

Но проведи я с ними хоть сотню лет, мог бы я ожидать от них такого же самопожертвования и доблести, как от Бренора, Кэттибри, Реджиса и Вульфгара? В безнадежной битве, когда шансы очевидно неравны, мог бы я выдвинуться во фланг нашему общему врагу и быть полностью уверен, что, когда придет время нанести удар, эти остальные окажутся рядом со мной, чтобы победить или умереть?

Нет. Никогда.

Такова связь, которая никогда не станет материальной, степень любви и дружбы, которая превыше всего — даже основного для всех инстинкта самосохранения.

Узнав про связь Далии с Энтрери, я не удивился, и не только из-за той роли, которую сам сыграл в ее изгнании. Она наставила мне рога, чего никогда, ни при каких обстоятельствах не совершила бы Кэттибри. И меня не удивило это открытие, поскольку принципиальное различие между двумя женищинами было очевидным с самого начала. Быть может, в первое время я обманывался насчет Далии, ослепленный интригой и страстью или же странной идеей, будто сумею как-то исцелить ее душевные раны, а скорее всего, потребностью найти замену тому, что я потерял.

Но я всегда знал правду.

Когда Эффрон рассказал мне о ее развлечениях с Энтрери, я сразу поверил ему, потому что это соответствовало моим представлениям о наших взаимоотношениях и об этой женищине. Я не был ни удивлен, ни сильно ранен. Тем не менее я лгал себе, тем не менее старался поверить этой лучшей из женищин, каковой я считал Далию.

Я хотел повторения Компаньонов из Мифрил Халла. Больше всего на свете я хотел снова познать ту степень дружбы и доверия — подлинного и глубокого, сердцем и душой, — что были у меня все эти годы с моими дорогими друзьями. Мир не засияет для меня, пока я не обрету этого вновь, и все же боюсь, что познанное мною однажды уникально, что оно — плод обстоятельств, которые я не могу воспроизвести.

Объединяясь с Энтрери и прочими, я пытался исцелить эту рану и вернуть себе радость жизни.

Но стоит задуматься об этой новой компании искателей приключений, как возникают неизбежные сравнения и понимаешь, что достиг лишь одного — сорвал корку с незажившей раны.

Мне кажется, теперь я более одинок, чем когда-либо прежде.

Дзирт До'Урден

Глава 22. Пирамида для короля

Год Наказанного Проныры

(1483 по летоисчислению Долин)

Невервинтер

— Я еще не встречал дворфа, который не явился бы на праздник выдачи жалованья, — сказал Джелвус Гринч перспективному молодому стражнику.

— Да, я тоже был, два десятка дней тому назад, — кивнул дворф. — И будь уверен, скоро снова пойду. Не обижайся, ладно?

Житель Невервинтера, немолодой мужчина, тепло улыбнулся.

— На сына Боннего Боевого Топора — конечно нет, — ответил он, с грустью вспоминая давно минувшие дни. Джелвус Гринч некогда был фактически главой города, удостоенным звания первого гражданина, опытным бойцом. Все отважные поселенцы, сражавшиеся в те опасные дни за молодой город, обращались к нему за советом и руководством.

Теперь Джелвус занимал гораздо более скромный пост, да и на тот его, похоже, назначили из вежливости. Генерал Сабина командовала всем многочисленным воинством, нанятым для защиты города, но она позволила Джелвусу распоряжаться некоторыми из наемников, хотя и очень немногими. Знак уважения, и не более того, — попав в Невервинтер, Бренор быстро понял это, — но во всяком случае хоть что-то.

Люди так торопятся возвеличить своих героев — и столь же поспешно сбрасывают их с пьедесталов, освобождая место для новых кумиров.

— И на того, чей род называет Дзирта До'Урдена своим другом, — кивнув, завершил Джелвус Гринч.

— Да, отец часто говорил о нем. Станный парень, как я слышал.

— Своеобразный, — поправил Джелвус Гринч.

— А вы его видели? — спросил Бренор, который пришел в Невервинтер в начале 1483 года и использовал тех же союзников, что и во время первого визита в эти края. Когда они с Дзиртом много десятилетий назад пришли сюда в поисках Гаунтлгрима, Бренор путешествовал под тем же самым именем — Боннего Боевой Топор, что и теперь, за исключением того, что на этот раз он объявил себя его отпрыском: Боннего, сын Боннего.

— Дзирта? — переспросил Джелвус Гринч. — Нет-нет, и, говорят, его нигде больше не могут найти.

— Что вы об этом знаете? — спросил Бренор, сглатывая комок в горле.

— Уже много лет про Дзирта ничего не слышно, так говорят, — сказал Джелвус Гринч. — Хотя искали его многие. Станные, — со смехом добавил он. — Еще один темный эльф — не помню его имя, но очень необычный тип! Этот, похоже, очень уж хотел найти его, как я помню.

— Одноглазый? — уточнил Бренор.

Джелвус Гринч с любопытством взглянул на него:

— Да.

— Джарлакс, — сказал Бренор. — Папа много мне про него рассказывал. Странные малые эти дроу, им никогда нельзя доверять.

— Но только не Дзирту, — сразу отозвался Джелвус Гринч. — Все говорят, что вернее его никого не было среди всех народов.

Бренор против своей воли вздрогнул. Напоминание причинило ему жгучую боль. Боль и стыд, учитывая его теперешний курс и намерения.

— Будем надеяться, что он еще жив, — вымолвил Бренор. Он получил от Джелвуса Гринча жалованье за десять дней и опустил монеты в кошель, висящий на поясе. Взвесив кошель на ладони, он ощутил его тяжесть и кивнул, уходя, уверенный, что теперь ему хватит средств для заключения сделки.

Невервинтер еще не до конца оправился после извержения вулкана, случившегося четырнадцатью десятилетиями ранее. Южная часть его вблизи реки и моста Крылатого Виверна была восстановлена и процветала, однако во множестве сохранились развалины старого города. Каждую ночь там, среди руин, загорались огни; и честные путники, и бродяги равно находили приют в этих остатках давно умерших домов.

И каждую ночь Бренор поднимался на стену и следил за этими руинами, в особенности за одним из домов, выискивая признаки обитаемости. Прошлой ночью он заметил отсвет костра в пустом окне, и этой ночью — ночью, назначенной заранее, — тоже.

Дворф спустился со стены и зашагал по пустым бульварам мимо черных зияющих входов в здания. Он знал, что за ним наблюдает множество глаз, от местного сброда до разбойников с большой дороги и безобидных путников. Но его знали как официального наемника из гарнизона Невервинтера, и он нес на плече топор с привычной легкостью. И в самом деле, раздраженный и рассерженный дворф был бы только рад угодить в засаду.

Он добрался до намеченного здания, помедлил перед разбитым дверным проемом и трижды коротко свистнул. Он даже не стал ждать подходящего ответа, пришедшего, когда дворф уже перешагивал через порог. В конце коридора за самодельной дверью он отыскал своих партнеров: хафлинга, человека и девушку-эльфийку.

— О, да это юный Боннего с нашими деньгами! — воскликнул человек, Девентри, тощий мужчина с острым лицом, украшенным несколькими воспаленными шрамами и пышной бородой. — Может, сегодня мы будем спать в приличной гостинице!

— Пустая трата денег, — бросила Вестра, эльфийка. На ней был зеленый плащ с капюшоном, весьма похожий на тот, что обычно носил Дзирт, вспомнил Бренор. Ее длинные белые волосы были завязаны в узел и убраны, в капюшон, а тонкое лицо покрыто дорожной пылью. «И все-таки она прехорошенькая, — подумал Бренор, — во всяком случае, для тех, кто находит изящных эльфов привлекательными».

— У меня болит спина, — пожаловался Девентри — Послушай, всего одна ночь в постели!

— Наверняка в компании с кучей вшей, — хмыкнула Вестра.

Девентри махнул рукой, веля ей умолкнуть.

— Итак, двадцать золотых, — обратился он к Бренору.

— Когда я увижу карту, ты увидишь золото.

Девентри улыбнулся и кивнул третьему из группы, хафлингу, которого они звали Шорох, видимо, потому, что, насколько мог судить Бренор, тот никогда не произносил ни слова.

Шорох извлек футляр со свитком, Девентри смел со стола тарелки и остатки их недавней трапезы, расчищая место посередине.

— Вот твоя карта, как велено, — сказал Девентри, помогая Шороху развернуть ее.

Бренор склонился над столом, но мужчина заслонил от него карту.

— Думаешь запомнить ее задарма, да? — проворчал Девентри. — Мы пол-лета рисовали ее, старались на совесть!

— На совесть плюс за двадцать золотых, — напомнил Бренор. — Да нет, не бойся, я не собираюсь держать все это в голове. А теперь подвинься, потому что пара-другая деталей расскажет мне всю правду, и если я увижу их там, где они должны быть, ты получишь свои монеты.

Девентри взглянул на Вестру. Та кивнула. Он отошел от карты.

Бренор сразу завидел скалистую долину, и мысли его тут же устремились сквозь годы назад. Дзирт и Далия вели тогда арьергардный бой против фанатиков Ашмадая, а в это время Бренор, Атрогейт и Джарлакс — невероятное трио — отыскивали долину и пещеру, которая привела их в Подземье и Гаунтлгрим. Дворфф осмотрел всю карту; похоже, вы было на своих местах.

— Вы нашли ущелье, — сказал он.

— Да, — ответил Девентри.

— И что было за ним, к востоку?

Девентри взглянул на него с любопытством, потом, посмотрел на Шороха, и тот показал на карте.

— Широкая долина, — ответила Вестра.

— Где полно камней?

— Да, и пещер.

Бренор кивнул и не смог скрыть улыбки. Его разведчики преуспели. Они нашли вход в Гаунтлгрим. Он пустил руку в кошель, достал пригоршню разнообразных монет и тщательно перебрал их, отсчитывая двадцать золотых, которые, по правде говоря, составляли почти все его богатство. После того как Бренор отдал обещанное вознаграждение, у него в кошелье остался лишь один золотой плюс горстка серебра и медных монет.

Он повернулся к Девентри, и тот потянулся за монетами, но Бренор отдал их не сразу. Он встретился с человеком взглядом, оценивая шансы, и предложил:

— Плачу больше, если отведете меня туда.

Он отдал мужчине монеты, затем оглядел всех троих. по очереди.

— Отвести и оставить тебя там? — спросила Вестра.

Бренор прикидывал свои возможности. Путешествие к пещерам может оказаться опасным, а уж вглубь Подземья — и того хуже. Рискнет ли он показать вход в чудесный Гаунтлгрим этим троим?

Он улыбнулся и кивнул, вспоминая призраков древнего города. Быть может, там сейчас Стокли Серебряная Стрела, подумалось ему, вместе с сотней дворфов из Долины Ледяного Ветра — хотя, когда Бренор в бытность свою в Мифрил Халле начал наводить справки, оказалось, что там никто не слышал о Гаунтлгриме ничего, кроме старинного предания, описывающего сражение.

Тем не менее дворфф понимал, что, несомненно, многие натыкались на это место. Ашмадайцы точно знали о нем, и Стокли со своими ребятами тоже.

— Возможно, — ответил он Вестре. — Или идти со мной в туннели. Потратите время

не зря, можете не сомневаться.

— Пятьдесят золотых, чтобы отвести тебя, — заявил Девентри.

— Десять, и ни медяком больше, — отрезал Бренор, и хотел бы он действительно иметь эти десять золотых монет! Но ждать, когда пройдут следующее десять дней, и еще следующие десять он не мог.

— Двадцать или ничего, — сказал Девентри.

Бренор пожал плечами, забрал купленную карту, скатал ее, убрал в футляр и засунул его в карман жилета.

— Значит, ничего, — бросил он, развернулся и пошел прочь.

— Ладно, десять! — крикнул Девентри ему вслед.

Бренор не обернулся.

— Северо-западные ворота, на восходе, — объявил он и ушел. Ему нужно было найти Дарема Шоу, начальника стены, и сложить с себя полномочия. Его время в Невервинтере подошло к концу. Впереди его ждал Гаунтлгрим, а после него Мифрил Халл.

У короля Бренора Боевого Топора была своя война.

По ночам ветер нес с собой прохладу, напоминая о том, что лето кончается и время, отпущенное Бренору для путешествия в Серебряные Земли, быстро истекает. Он уже подумывал, не отправиться ли вместо этого к Вратам Балдура или в Глубоководье и не нанять ли мага, чтобы тот сотворил над ним заклинание телепортации. Или, может, ему удастся найти могущественную колдунью, которая соорудит для него летающую колесницу или живой огонь.

При этой мысли дворф покачал головой, вспоминая, что за последнее время уже пробовал нечто вроде этого.

— Ну, собираешься ты делиться своими догадками или так и будешь сидеть тут и ныть весь остаток вечера? — поинтересовалась Вестра.

— А? — Бренор был застигнут врасплох, настолько он погрузился в свои раздумья. Он оглядел костер и две фигуры, сидящие напротив. — А где крысеныш?

— Разведывает дорогу впереди, — ответил Девентри.

— Шорох считает, что есть более короткий путь в долину пещер, — добавила Вестра.

— Насколько более короткий? — уточнил Бренор.

— Заволновался, да? — усмехнулся Девентри. — Деньги те же, что за десять дней, что за два!

— У меня впереди долгий путь, — спокойно ответил Бренор. — Когда мы найдем то, что ищем, вы поймете. Может, даже захотите идти со мной дальше. — Он кивнул, обдумывая дальнейшие возможности. Если он сумеет добраться в Мирабар, примерно в двух сотнях миль к северу, но по хорошо обозначенным и довольно крепким дорогам, он найдет союзников, достаточно влиятельных, включая изрядное количество дворфов. Если он откроет им, кто он есть на самом деле, зимние снега не помешают им пересечь Тайный лес и прийти в Мифрил Халл.

— Я здесь ради твоих монет, и не более того, — напомнил Девентри таким тоном, что Бренор тут же вспомнил, что ему не слишком нравится, этот агрессивный грубиян. Но дворф

быстро подавил свои личные чувства. Его миссия важнее. Он здесь один, в отличие от этих троих, а добрую помощь непросто найти в таких диких краях.

— Держу пари, ты еще передумаешь, — заявил он небрежно и с широкой ухмылкой. — Но если нет, то знай, что я заплачу больше, столько, что тебе будет не утащить.

— Опять намеки, — заметила Вестра.

— Доставьте меня в долину пещер и пару дней сопровождайте в туннеле, и тогда ты поймешь, эльфийка.

— В туннеле? — переспросила Вестра, похоже отнюдь не в восторге от такой перспективы.

— Нас ни во что такое не впутывай, — бросил Девентри.

Бренор лишь закрыл глаза, улыбнулся и принялся насвистывать мелодию, про себя вспоминая слова старой песни, той, что пели гномы, — о затерянных землях, и глубоких рудниках, и сказочных сокровищах.

На следующее утро, проснувшись, он увидел, что все три его компаньона собрались вместе и хафлинг что-то чертит в грязи острием кинжала.

— Что он нашел? — спросил Бренор.

— Пещеры... сегодня, — ответила Вестра.

Они двинулись дальше, срезая путь по южному склону холма, и оттуда через широкую долину. Вдалеке на севере маячила гора с плоской макушкой, при виде которой Бренор снова перенесся на годы назад, к извержению вулкана и разрушению Невервинтера. Это событие запечатлелось в его памяти на всю жизнь, теперь уже на две жизни, и он мог представить его в деталях, словно это случилось вчера.

Они следовали за Шорохом, который задавал быстрый темп, сделали очень короткий привал в полдень, чтобы перекусить, и снова углубились в лес. Бренор не представлял, где они находятся, тем более что место казалось ему незнакомым, и сориентировался лишь после того, как из леса они вышли к южной границе горной долины.

Бренор внимательно осмотрел долину и кивнул, заметив далеко на северо-западе проход, по которому попал в это место в прошлый раз.

— Итак? — напомнил Девентри.

Дворф разглядывал окрестные скалы, пытаясь представить, как они выглядят с противоположной стороны долины.

— Вот эта, — решил он, указывая на вход одной из множества пещер, видимых под этим углом.

— Ты сказал отвести тебя в долину, и вот мы здесь, — ответил Девентри, протягивая руку.

— Не глупи, парень, — возразил Бренор. — Пошли дальше, послушай меня, и ты увидишь такое, что изменит всю твою жизнь.

— Десять монет золотом, — потребовал Девентри.

Бренор указал небритым подбородком в сторону отдаленной пещеры:

— Плачу вдвое. Каждому.

— Что, по двадцать золотых монет каждому? — переспросила Вестра.

— Давай плати, Боннего! — потребовал Девентри.

— Я только что пообещал шестьдесят, и знай вы мое настоящее имя, вы поняли бы, что это просто жалкие гроши, — усмехнулся Бренор и зашагал дальше, а три его спутника усталились друг на друга.

Девентри схватил уходящего дворфа за плечо и рывком развернул его.

— Десять! — потребовал он.

Развернувшись, Бренор дернул плечом вверх, сбросив руку Девентри, и внезапно зажал кисть человека у себя под мышкой. Затем дворф резко развернулся на пол-оборота в другую сторону, отведя плечо и дернув за собой Девентри, и тот с ходу врезался в своего противника, который при этом даже не дрогнул.

Свободная рука Девентри потянулась к короткому мечу, но Бренор был проворнее: он сгреб человека за грудки и хорошенько встряхнул. Потом дворф с невероятной силой оттолкнул Девентри назад на несколько шагов, и тот оказался на самом краю плато. Не удержавшись, человек потерял равновесие, упал и покатился вниз по травянистому склону.

— Предложение остается в силе, — через плечо бросил Бренор, направляясь ко входу в пещеру. Он надеялся, что остальные двое удержат Девентри и вразумят его. А если дворф ошибся, тогда он просто утихомирит глупца при помощи своего топора и пойдет один.

Всего несколько мгновений спустя стало ясно, что он не ошибся.

— Что это такое? — оторопело выдохнула Вестра, уставившись поверх небольшого подземного озерца на обработанную стену того, что казалось замком. Замок под землей! Они стояли в большом зале, озаренном зеленоватым светом, который излучали необычные лишайники. Свод огромной пещеры поддерживало великое множество колонн естественного происхождения, вокруг многих из них вились искусственно сделанные ограждения. Диковинную картину дополняли растущие по берегу пруда гигантские грибы, оранжевая внутренняя поверхность их огромных шляпок улавливала, усиливала и рассеивала призрачный свет.

— Дом дворфа клана Делзун, — пояснил Бренор.

— Там твои сородичи? — спросила эльфийка.

— Может, кто-то и есть, а может, пусто. И возможно, мы не пойдем далеко вглубь, чтобы выяснить это. То, что мне нужно, находится прямо за вон той открытой дверью.

Бренор взялся за топор и примерился к ближайшему грибу. В несколько ударов повалив его, дворф принялся отрубать гигантскую круглую шляпку.

— Он делает плот, — пояснила Вестра своим приятелям.

— Добро пожаловать на борт, если желаете, или можете оставаться тут. Я ненадолго.

Шорох был уже рядом с ним, помогая очистить шляпку гриба изнутри, и по поведению и выражению лица хафлинга Бренор понял, что пойдет дальше не один.

Действительно, все четверо оказались снова в сборе, хотя переправлять их через темную воду пришлось в три приема.

Бренор возглавил группу, но, когда они перешагнули порог Гаунтлгрима, шаги его сильно замедлились, ибо каждый шаг отзывался в его памяти торжественными и яркими воспоминаниями. Вслед за ним Вестра несла факел, и тень Бренора бежала впереди него, покачиваясь в мерцающем свете, и эта бесплотная пляшущая тень каким-то образом очень соответствовала ему, была столь же призрачной и нереальной, как и все его приключение. Тяжесть, давившая ему на плечи, становилась все ощутимее по мере того, как они шли по коридору в грандиозный приемный зал Гаунтлгрима. Справа на помосте покоился Трон

Богов, откуда на Бренора снизошли лидерский дух Морадина, пронизательность Думатойна и сила Клангеддина на время его схватки с Биалтиматуче, Демоном Ямы. Он живо вспомнил ее теперь, ту окончательную победу, загнавшую изначальный огонь в его водяную клетку.

Дворф сосредоточил все внимание на троне, шагая через величественный зал. Три его спутника нетерпеливо перешептывались у него за спиной, но опередить его не пытались.

Приблизившись к трону, Бренор остановился, увидев две каменные пирамиды, вознесшиеся позади. Он вспомнил слова Кэтти-бри в магическом лесу и сразу понял, что это такое и кто погребен внутри: одна для Бренора, другая для Тибблдорфа Пуэнта.

Камни, составлявшие одну из пирамид, были разбросаны, так что в ней образовалась зияющая дыра. Его ли это могила, подумал он. Неужели его усыпальница, его тело были осквернены и ограблены? Он с трудом сглотнул в приступе минутной паники при мысли, что вся его затея с приходом сюда провалилась.

Он был настолько поглощен собственными мыслями, что едва заметил, как Вестра, Девентри и Шорох пробрались за его спиной к трону.

— Руки прочь, ради вашего же блага! — в последний момент успел предостерегающе крикнуть Бренор, когда Шорох уже потянулся к отполированному дереву резного подлокотника.

— Ты взял нас сюда, чтобы угрожать? — сердито напустился на него Девентри. — Если тут есть сокровища, они такие же наши, как и твои, дворф, даже если мне придется перерезать тебе глотку, чтобы получить свою долю!

Бренор злобно глянул на Девентри и шагнул к нему.

— Этот трон для дворфов, ты, глупец, — бросил он, потом подошел к трону и уселся в огромное кресло. Он ожидал просветленности, уверенности и силы, но его надежды разом разбились вдребезги, когда он почувствовал гнев трона, его эмоциональное и физическое отторжение, буквально подбросившие Бренора в воздух и швырнувшие его с помоста на пол с такой силой, что он покатился кубарем.

Потрясенный, король Бренор перевернулся, сел и вновь уставился на трон.

Морадин отверг его!

Трое его компаньонов рассмеялись над ним.

— Так значит, он напичкан магией! — заявила Вестра. — Доброй или злой, а скорее всего, и той и другой понемножку.

— Но, похоже, не так уж он любит дворфов, — глумливо ухмыльнулся Девентри.

Бренор не знал, что ответить. Его мысли путались. Конечно, он много раз проклинал Морадина и прочих за эти двадцать лет своей второй жизни, но теперь это осталось в прошлом. Он пришел к пониманию истины: его вернули, чтобы исправить ошибки короля Бренора, а Миликки была лишь орудием для достижения этой великой цели. Он обнаружил ошибку в собственных рассуждениях и вновь обрел цель и покой.

Но почему же тогда трон отверг его?

Быть может, из-за физических изменений, гадал он, из-за того, что теперь в его жилах течет кровь не королей, но капитанов стражи? Точнее говоря, с виду он похож на молодого Бренора, но кровно связан с Реджинальдом Круглым Щитом и Увин, а не с линией Гандалуга.

Это представлялось таким банальным, почти издевкой над замыслами богов и трона. Он король Бренор. Он увидел правду, и скорректировал свои пути, и изменил свое отношение к богам, давшим силу этому трону.

— Вы насмежаетесь надо мной, — прошептал он своим богам, и мрачные мысли громоздились вокруг, погребая его под своей тоскливой безнадежностью. Он был настолько потерянным, что даже не заметил, как три его спутника столпились возле трона, что-то тихо обсуждая и выдергивая соломинки из-под прохудившейся обивки сиденья.

Бренор заставил себя подняться и, пошатываясь, поковылял к ним.

— Не смейте, — произнес он.

— Трон для дворфов? — зло отозвался Девентри, обернувшись. — Похоже, кресло с этим не согласно.

Бренор покачал головой, пытаясь отыскать слова, чтобы правильно объяснить им. Он увидел, как Шорох нетерпеливо потирает свои маленькие ручки, а Вестра подсаживает его на сиденье.

— Не надо! — предостерег Бренор.

— Мы все попробуем по очереди! — огрызнулся Девентри.

Хафлинг запрыгнул в кресло и поерзал, сложив руки на груди. Еще несколько мгновений на лице его отражав лось нетерпение, но затем оно сменилось растерянностью, быстро перешедшей в страх. Он начал конвульсивно подергиваться, словно в спину ему вонзались стрелы магической энергии, как на самом деле и было! Он попытался закричать, отчаянно кривя губы.

— Заберите его оттуда! — завопил Бренор, нетвердо шагнув вперед.

Вестра обернулась к Шороху и бросилась к нему, но в тот же самый миг кресло выбросило хафлинга — но не так, как Бренора, а намного сильнее, так что бедный Шорох подлетел в воздух. Вылетая с трона, он задел Вестру, в кровь разбив ей лицо и сбив с ног, и понесся дальше, высоко и далеко, шагов на десять от трона, если не больше. Он неуклюже рухнул на землю, подвернув под себя ногу, и по залу эхом разнесся хруст кости. Шорох ударился плечом и головой о камень и долго катился по полу, пока не врезался с силой в стену, где и забился в агонии. Ох, как же закричал этот предположительно немой хафлинг!

Остальные трое бросились к нему, Вестра попыталась перевернуть его на спину, но, судя по всему, единственное, на что она была способна, — это бороться с тошнотой, подступающей при одном лишь виде ран хафлинга. Его голень была сломана надвое, из разорванной кожи торчали кости.

— Что ты наделал? — заорал Девентри Бренору в лицо.

— Я предупреждал вас! — крикнул дворф в ответ.

Но Девентри оттолкнул его, и тогда Бренор лишь сделал шаг назад для устойчивости и ответил сильнейшим хуком справа, от которого мужчина завалился набок.

— В следующий раз это будет топор! — предостерег Бренор.

— Что ты знаешь? — требовательно спросила Вестра, оставив хафлинга и направляясь к Девентри, чтобы помочь тому подняться.

— Я знаю, что ваш приятель задумал ограбить это место и сообщил об этом трону, стерегущему его, и получил то, чего заслуживает вор!

Девентри начал орать на него, Шорох продолжал вопить и стонать, но голос Вестры пробился сквозь весь этот шум.

— Нет, Боннего, — настойчиво потребовала она, б здесь не только это! Что тебе известно про этот трон, про это место?

Бренор с трудом сглотнул.

— Мое имя не Боннего, — произнес он, но остальные не слышали. Он повернулся,

кивком пригласил их следовать за ним и направился вправо от трона, в сторону пирамид.

— Что будем с ним делать? — услышал он слова Девентри за спиной.

— Ты понесешь его, — приказала Вестра.

Несмотря на отчаянную потребность осмотреть захоронения, выяснить, чье же — его собственное или Пуэнта — было осквернено, Бренор обернулся, чтобы проследить за этой троицей. Прежде чем пытаться тронуть Шороха с места, им, разумеется, следовало бы дать ему немного отдохнуть, соорудить шину для его ноги и вправить на место плечо.

Но Девентри, очевидно, был не настолько сообразителен, а может, не настолько сострадателен. Он попытался поднять хафлинга, и тот забился и закричал сильнее прежнего. Судорожно дергающаяся рука Шороха угодила человеку в глаз, и хафлинг завопил еще громче, когда Девентри бросил его обратно на камни.

— Он тут все вокруг настроит против нас! — воскликнула Вестра. — Шорох, уймись!

Разъяренный Девентри прижал к глазу ладонь. Его свободная рука схватилась за меч и потянула его из-за пояса, и не успела Вестра прикрикнуть на него, признать его опомниться, как мужчина сильно и уверенно ткнул острием вниз.

И Шорох больше не кричал.

Бренор содрогнулся от отвращения и злости на себя за то, что привел этих трех монстров, в священный Гаунтлгрим. Он взглянул на трон: быть может, поэтому тот отверг его?

Он решительно двинулся к своей могиле, но услышал позади окрик Девентри:

— Постой, дворф, давай сочтемся!

Он продолжал идти.

— Боннего! — вскричал Девентри, на этот раз куда ближе, и Бренор развернулся ему навстречу с топором в руке. Он оказался лицом к лицу с Девентри и Вестрой, оба держали оружие на изготовку.

— Меня зовут не Боннего, — процедил Бренор сквозь стиснутые зубы! — Я Бренор. Бренор Боевой Топор. *Король* Бренор Боевой Топор из Мифрил Халла. Возможно, вы обо мне слышали.

Двое переглянулись и пожали плечами, явно недоумевая, потом снова повернулись к дворфу, выставив перед собой клинки.

— И что же ты предложишь в обмен на свою жизнь? — спросила Вестра. — Какую компенсацию за смерть Шороха?

— Об этом тебе лучше спросить своего большого приятеля.

— Его убило кресло! — парировал Девентри. — Убило это место, и это ты привел его сюда.

— Его убила глупость, — с кривой усмешкой поправил Бренор. — И эта глупость — твоя собственная.

Девентри зарычал, взмахнул мечом, ринувшись вперед, и нанес рубящий удар сверху. Взметнувшийся круглый щит Бренора легко перехватил удар. В тот же миг дворф наискось полоснул топором, заставив Девентри втянуть живот и отскочить. Мужчина тяжело приземлился и подался вперед, без сомнения рассчитывая сразу же снова броситься на Бренора, но дворф был слишком опытным воином для столь очевидного встречного удара. Бренор немного приподнял топор и, шагнув вперед, вывернул запястье, изменяя направление движения по инерции и нанося очередной рубящий удар.

Девентри снова отступил, но на этот раз недостаточно, лезвие топора прорубило его кольчужный доспех, разрезало рубаху и кожу под ней, оставив кровавый след.

— Заходи справа! — крикнул скривившийся Девентри Вестре. — Атакуй его с фланга!

— Ага, атакуй меня с фланга и дай мне возможность выбирать, кого из вас, скота, я прикончу первым! — бросил Бренор и свирепо ринулся в атаку, почти сокрушив беднягу Девентри еще до того, как схватка по-настоящему началась. Мужчина неуклюже отмахнулся мечом влево, отражая удар топора, и отшатнулся, когда круглый щит Бренора врезался ему под ребра.

— Вестра! — позвал Девентри, спотыкаясь и пятясь. Он изловчился бросить взгляд в ее сторону, и, хотя у Бренора было полное преимущество и дворф не сомневался, что мигом покончит с противником, у Девентри был настолько потрясенный вид, что в миг возникшей паузы Бренор тоже взглянул на эльфийку.

Побледневшая Вестра стояла, уставившись куда-то вдаль.

Она прошептала одно лишь слово:

— Дроу.

Бренор расслышал его и резко обернулся, почему-то думая, что это, должно быть, Дзирт, пришедший ему на выручку, ибо разве Дзирт не являлся ему на выручку всегда?

Он сразу заметил две фигуры, приближавшиеся медленно, неотвратно, с вытянутыми вперед руками, скрюченными наподобие когтей пальцами и горящими красными глазами.

— Еще! — воскликнул Девентри, и Бренор обернулся, проследил за его взглядом и тоже увидел вторую пару, движущуюся к ним. Дворф понимал, что здесь что-то не так, поскольку движениям противников не доставало грации и скорости темных эльфов. Сильно не доставало!

Он с изумлением увидел, как большая летучая, мышь, летевшая рядом с парой, приближающейся к Девентри, перекувырнулась на лету и обернулась еще одним черным эльфом.

— Вампиры, — услышал он голос Вестры.

Он обернулся посмотреть на нее, но она не оглядывалась. С факелом в руке девушка мчалась к выходу.

— Беги! — крикнул дворф, поворачиваясь к Девентри, и увидел, что человек уже сражается с двумя мертвыми. На удивление быстрые, они уворачивались от его отчаянных атак, а когда одному из вампиров удалось поднырнуть под удар и хлопнуть человека рукой по плечу, удар оказался такой силы, что Девентри подлетел: в воздух и повалился набок.

Бренор зарычал и бросился было на помощь, но тут же остановился и прокричал предостережение Вестре, за спиной у которой воздух наполнился взмахами новых крыльев. Она ткнула факелом сначала в летучих мышей, потом в вампиров, а затем факел полетел в сторону, и три фигуры навалились на завизжавшую эльфийку, увлекая ее на пол.

Бренор не знал, кому кидаться на помощь. Он снова повернулся к Девентри, но увидел, что человек отчаянно размахивает руками, а дроуподобное существо сидит у него на спине, впиваясь зубами в шею и голову.

Девентри вертелся волчком, бился и брыкался, и сумел закинуть меч за плечо и глубоко всадить его в тварь, свалившуюся на пол с потусторонним криком, но утащившую с собой засевший в ней меч. Мужчина потянулся за ним, безнадежно пытаясь вернуть оружие, но успел сделать лишь один шаг, как еще две твари оседлали его, с жадностью вонзив в него зубы и когти.

Бренор не увидел, чем все закончилось, поскольку теперь он обнаружил очередную пару немертвых дреу, надвигающихся на него, тянущих к нему холодные когтистые руки.

Его топор вонзился в одного и отбросил в сторону, но победить их было нельзя. Бренор понимал это, отчасти по воплям Вестры, явно доживающей последние мгновения отпущенной ей жизни.

Боевой Топор кинулся к трону, взывая к Морадину, прося силы, что была у него прежде.

Он не мог победить и не мог убежать. Двое немертвых погнались за ним, наступая на пятки.

Если он запрыгнет на трон и будет отвергнут, его прикончат раньше, чем он успеет подняться на ноги. Он понимал это.

Поэтому он петлял вокруг трона и между двумя могилами, сам не зная зачем. Погоня была слишком близко!

Он остановился, развернулся и, широко размахнувшись, всадил топор в бок ближайшей твари, вогнав его почти до обуха, так что монстр отлетел прочь. Бренор едва удержал оружие в руках и потерял равновесие, в то время как второй изголодавшийся вампир был уже совсем рядом.

Бренор утвердился на ногах, быстро качнулся назад и не задумываясь метнул боевой топор.

Оружие с сокрушительной силой ударило подступающего дреу прямо в грудь и отшвырнуло его в темноту.

Бренор не погнался за ним, он развернулся к могилам, к невоскресшей гробнице.

Его гробнице, надеялся он, и молил богов, чтобы внутри было его оружие. Он соскользнул на пол, схватил ближайший камень и откатил его в сторону. Вестра к тому времени уже затихла, и Бренор пытался не слышать отчаянных воплей Девентри, сосредоточившись на своей явно безнадежной задаче.

— Они едят меня! — взвыл человек, и Бренор с трудом сглотнул и отшвырнул прочь очередной камень.

Взявшись за третий, он услышал позади шарканье, и, вместо того чтобы откатить камень от пирамиды, он поднял его и, швырнув в лицо приближающемуся вампиру, сбил того с ног.

Бренор снова отвернулся, упал на колени и понял, что это в самом деле его могила, поскольку увидел часть скелета внутри, и костлявые руки сжимали рукоять оружия, которое он, конечно же, узнал,

Дворф устремился к топору, отчаянно пытаясь дотянуться, уверенный, что, если этот топор со множеством зазубрин вновь окажется у него в руке, он пробьет себе путь отсюда, оставив позади раскромсанных на части дреу-вампиров.

Он почти схватил его!

Тяжелый башмак опустился на его предплечье, вдавливая руку в камень, не давая двинуться дальше.

Вампиры сгрудились вокруг — теперь они были со всех сторон — и потянулись к нему, жадно сверкая красными глазами, скаля белые клыки, сверкающие даже в сумеречном свете.

Глава 23. Ухмыляющийся герой

Год Ухмыляющегося Хафлинга

(1481 по летоисчислению Долин)

Элтургард

Повозка, подпрыгивая, катила по Торговому пути, более чем в сотне миль к северо-западу от города Триэля и впятеро дальше от Глубоководья.

Реджис сидел у задней стенки, съежившись под толстым зимним одеялом, поскольку сезон уже заканчивался. Ноги хафлинга свисали из-под откидной задней стенки, высунувшись из-под одеяла и демонстрируя потрясающие высокие черные ботинки, чудесным образом избежавшие грязи раскисших дорог.

— Дым на западе! — раздался ожидаемый возглас одного из всадников, сопровождающих торговый караван, и хафлинг кивнул, услышав это подтверждение их местонахождения. Реджис уже бывал здесь прежде, хотя с тех пор и прошло много десятилетий. По его прикидкам, они приближались к реке под названием Извилистая и знаменитому мосту Боарескир.

Впереди садилось солнце, и, глядя назад, на Дракониий лес и Простирающиеся леса, Реджис заметил вдалеке сверкающие пики очень верно названных Закатных гор. Хафлинг снова кивнул, оценивая путешествие, начавшееся в Дельфантле темной ночью на исходе лета.

По другую сторону этих далеких гор их восточные склоны спускаются к западным берегам Моря Падающих Звезд, великого моря, которое он видел каждый день своей второй жизни, вплоть до этого самого путешествия. Он отплыл из Дельфантла в Прокампур в королевстве Импилтур на северном побережье, а оттуда — в город Сюзейл, средоточие власти великого королевства Кормир. Теперь Реджису оставалось лишь вздохнуть при мысли об этом великолепном и суматошном месте, с его прекрасными базарами и не оставляющими равнодушным парадами армий Пурпурных Драконов. Более миллиона человек называли Сюзейл своим домом; воистину, этот город стоял в одном ряду с величайшими городами Фаэруна.

А дворцы! При мысли об этих раззолоченных особняках Реджису опять-таки оставалось лишь улыбнуться и кивнуть да похлопать по своей поясной сумке, где лежало его снаряжение взломщика. Он повидал интерьеры многих из них, хотя, как правило, под покровом ночи и без факела.

Он кивнул увереннее, обещая себе, что когда-нибудь вернется туда. Несомненно, Реджис не покинул бы Сюзейл столь внезапно, если бы тот дотошный властитель города не оказался также искусным магом; Если бы только Реджис знал об этом до того, как нанес визит в его дом однажды ночью...

Приняв облик гнома Нанфудла — его чудесный берет мог придать ему внешность даже представителя другой расы, — своего приятеля из другого времени и другой жизни, Реджис

покинул город в конце лета года Ухмыляющегося Хафлинга, оплатив проезд в караване, прошедшем сто миль по западной дороге в сторону Проскура и потом еще сто — к городу Ириабор, самой западной точке королевства Кормир.

И там Нанфудл попросту исчез, зато появился дворф Кордио Хлебноголовой. Кордио путешествовал по Элтургарду, доехав по Торговому пути до Триэля, где пришло время снова сменить облик.

И тогда, благодаря сине-крапчатому берету, на свет появился Паук Периколо Тополино, великолепный племянник того самого Периколо Тополино из Агларонда.

Ах, что это был за год, мечтательно размышлял Реджис. Какое путешествие, сколько новых мест, и звуков, и запахов, и экзотических блюд — любому путнику на зависть! Он побывал уличным бродягой, гномом — изготовителем зелий, дворфом — искателем приключений, а теперь стал хафлингом, художником-дилетантом, щедро переплачивающим за все и, разумеется, возмещающим свои убытки под покровом ночи.

Он проехал тысячу миль, если считать по прямой, и, вероятно, вдвое больше — по извилистому, но восхитительному пути своего странствия на запад.

Восхитительному, но лишь до той поры, пока он не оглядывался на восток, например как теперь, когда образ прекрасной Доннолы Тополино так четко вставал передним. Стоило Реджису закрыть глаза, как он видел ее особенно ясно, чувствовал ее прикосновение, ее нежные пальчики гладили его кожу, жаркое дыхание обжигало ухо. Он ощущал ее запах, ее вкус...

— Эй, коротышка! — ворвался в его воспоминания громкий окрик, и Реджис едва не вывалился за борт, разворачиваясь лицом к кричавшему — грязному мужчине, правившему повозкой.

— Дай мне воды, да пошевеливайся! — приказал человек по имени Кермиллон. — Не то я выкину тебя в грязь и напьюсь из твоих ушей!

— Ага, и, может, туда попадет чуточку его мозгов, да? — добавил второй возница, Йогер, крепкий мужчина, чуть почище одетый и умытый, но в остальном такой же негодяй, как и первый.

Реджис залез в повозку с ногами и осторожно пробрался по правой стороне к сиденью возницы, где Йогер сунул ему мех для воды. Хафлинг поспешно наполнил его из бочонка и подал обратно.

— Слушай лучше и шевелись поживее! — предупредил Кермиллон.

Йогер сделал жадный глоток, не сводя глаз с хафлинга.

— Надеюсь, вы слышали про; моего тезку, — предположил Реджис.

— Не сказал бы, — ответил Йогер.

— Его звали Дедушка Периколо.

— Я думал, он твой дядя.

— Его все звали Дедушкой, — лукаво ответил Реджис, но ему оставалось лишь фыркнуть и покачать головой, поскольку откровенный намек на Периколо как главу гильдии ассасинов явно не был понят этой невежественной деревенщиной.

— Ступай назад, сядь и умолкни, — велел ему Кермиллон. — Ты заплатил за проезд до Кинжальной долины и, может, попадешь туда, но если будешь слишком докучать, я вышвырну тебя в грязь и там и оставлю.

Реджис был только рад подчиниться. Он начал было разворачиваться, но помедлил при виде дымок от лагерных костров, поднимающихся над деревьями неподалеку. Он кивнул,

вспоминая мост Боарескир и торговцев, вечно стоящих лагерем по обе его стороны.

— Славное местечко, — не задумываясь, обронил он и сообразил, что произнес это вслух, лишь когда оба человека повернулись и с любопытством взглянули на него.

Реджис в ответ лишь небрежно коснулся своего знаменитого берета и прошествовал в конец повозки.

Белые палатки усеяли поля по обе стороны дороги задолго до въезда на мост: в сущности, это был целый город, состоящий из торговых шатров и открытых рынков. Десять повозок каравана до Кинжальной долины съехали на свободное место справа от дороги, где виднелись загоны и поднимались дымки над кузнями. Здесь было все, чтобы пополнить припасы, подковать лошадей и даже прикупить новых, если нужно, хотя, поскольку дороги по обе стороны от моста были пустынные на десятки миль, все услуги и товары обходились недешево.

Реджис был рад убраться подальше от своих свирепых возниц и побродить в сутолоке базарной площади. Разодетый в пурпурно-голубые шелка, в синих перчатках из кожи ягненка, при берете и отделанной драгоценными камнями рапире, умышленно выставленных напоказ, он убедительно играл роль хафлинга-аристократа. В конце концов, Доннола хорошо выучила его, и это после десятилетий, прожитых им в прошлой жизни во дворцах пашей Калимпорта. Многие торговцы вокруг моста Боарескир были из Амна, а Реджис прекрасно знал традиции и обычаи тех мест.

Воплощенная смесь опытности и наивности, он слонялся среди палаток, улыбаясь и кивая. Он переходил от ларька к ларьку, с притворным одобрением разглядывая всяческие безделушки и пустячки, но остановился у одного прилавка, уставившись на квадратный кусочек выбеленной кости.

— Ты любитель слоновой кости? — осведомился круглолицый торговец в белых одеждах и пестрой накидке, традиционной в южных пустынных землях. — Большая редкость, очень большая! Из бивней чудовищ Чулта!

Реджис протянул руку к вещице, но остановился и взглянул на торговца, дожидаясь разрешения. Мужчина с готовностью закивал.

Реджис покатал кубик по ладони, и позабытое ощущение перенесло его в иное место и время.

— Слоновая кость из джунглей, — объявил торговец.

Но Реджиса было трудно обмануть.

— Кость форели, — поправил он. — Из северных озер.

Торговец начал было спорить, но Реджис осадил его взглядом, не допускающим возражений. Хафлинг знал этот материал до мелочей, и одно ощущение его под пальцами унесло путешественника мыслями на берега Мер Дуалдона в Долине Ледяного Ветра.

— Сколько? — спросил он, потому что должен был иметь эту вещь. Он рассеянно окинул взглядом прилавков и ларьки по соседству. В его арсенале взломщика имелись кое-какие нужные предметы — маленькие ножички и крохотные напильники, подходящие для многих случаев, но он решил, что ему нужен нож, по-настоящему способный резать.

— Слоновая кость, — упорствовал торговец! — Пять золотых монет.

— Дурацкая рыба кость, — уточнил Реджис, — и я даю тебе две.

— Две и двадцать серебром!

— Две и пять, — объявил Реджис. — Лишь нетерпение заставляет меня предлагать это, поскольку я еду на север и достаточно скоро буду на Побережье Мечей, где материала

предостаточно.

— Так ты резчик?

Реджис кивнул:

— Был.

— Был? В детстве, что ли? — рассмеялся мужчина, и Реджис присоединился к нему, мысленно напоминая себе, что у него теперь тело молодого хафлинга, едва вступившего в пору взросления.

— Сделай что-нибудь симпатичное, а я продам это для тебя, идет? — предложил торговец, беря монету и отдавая костяной кубик. — Найдешь меня тут -а я продам твой товар, шестьдесят щ тебе, сорок — мне.

— Семьдесят — тридцать.

— Шестьдесят один.

— Семьдесят один! — объявил хафлинг, не уступая торговцу в горячности и сверкая глазами. Он знал, что возможность поторговаться для этих людей важнее нескольких лишних монет, которые им порой случалось получить или сэкономить.

— Ха-ха! — подхватил торговец. — Ладно, шестьдесят пять, но ты дашь слово молчать, чтобы другие мои поставщики не выторговали себе что-нибудь еще похлеще, идет?

— Паук Периколо Тополино, — представился юный хафлинг с легким поклоном.

— Ади Абба Адидас, — ответил торговец с куда более замысловатым поклоном. Они пожали друг другу руки, и торговец крепко хлопнул хафлинга по плечу. — У нас будет отличный бизнес, да! — провозгласил он.

Паук двинулся в обход палаток, дипломатично делая вид, что интересуется то одним, то другим. Он шествовал важно и самоуверенно, одна рука в перчатке постоянно лежала на сверкающей рукояти его чудесной рапиры, другая всегда была готова вежливо коснуться берета.

Через дорогу, следуя направлению, указанному ему Ади, он обнаружил ларек с множеством интересующих его трав. В конце концов, он не собирался отказываться от своих алхимических занятий, особенно учитывая маленький дистиллятор и прочие необходимые для этого предметы, надежно упрятанные в его магической поясной сумке. К радости Реджиса, у торговца травами нашлось также на продажу несколько свитков с инструкциями по приготовлению некоторых отваров, неизвестных хафлингу, включая рецепт исцеляющего зелья.

Разумеется, это значительно облегчило его запас монет, но Реджис ушел оттуда легкой походкой и с искренней улыбкой на устах. Да, этот день складывался прекрасно, тем более что путешественник получил передышку от докучливых Кермиллона и Йогера.

Очевидно, эта мысль оказалась пророческой, поскольку, повернув за угол очередного ряда палаток, Реджис заметил обоих возниц, беседовавших с парой неряшливого вида типов — одноглазым дворфом и высоким человеком в одеждах, когда-то, вероятно, дорогих, но с тех пор повидавших виды. У высокого мужчины были длинные черные волосы, тонкие усики и золотые серьги в ушах. Реджису подумалось, что он куда уместнее выглядел бы на палубе пиратского корабля у Побережья Мечей, нежели здесь, у моста Боарескир.

Не вполне понимая, что думать об этом сговоре, если тут вообще был сговор, Реджис юркнул обратно, скрывшись с глаз. Ему стало немного не по себе при виде того, как Кермиллон протянул высокому человеку небольшой кошелек, а Йогер в тот же момент выставил перед собой руку ладонью вниз на уровне своего пояса, словно описывая кого-то

ростом с хафлинга.

— Наверное, пустяки, — сказал он себе и поспешил обратно через, дорогу к более представительно, выглядевшим палаткам.

Очень скоро, переполненный звуками и перебранками на торгах, он позабыл об этом, и к нему снова вернулось хорошее настроение, столь подходящее его теперешнему облику и одежде. Больше он ничего не покупал, хотя интересовался многими товарами во множестве разных ларьков, а также забавлялся, выслушивая предложения торговцев, желавших приобрести его чудесный берет — хотя они и не подозревали, насколько чудесный, думалось Реджису — или, чаще, его рапиру.

— Пять тысяч золотом! — предложила одна женщина, указав на оружие, даже не подержав его в руках.

— Славная госпожа, — ответил Реджис, — а если это не более чем несбалансированная палка, утыканная скверными камнями?

Женщина улыбнулась и покачала головой.

— Я разбираюсь в камнях, — сообщила она, протянув руку.

Реджис поколебался мгновение, потом чуть пожал плечами и, вытащив рапиру из ножен, грациозно подал ей.

Женщина взяла клинок и не менее ловко взмахнула им. Хафлинг понял, что она умеет обращаться с оружием, и эта мысль немного напугала его, когда он осознал свою уязвимость. Но нет, сказал он себе, это же приличный рынок, она не станет протыкать его.

Женщина, кивнув, вернула клинок.

— Я-то думала, что делаю тебе щедрое предложение, — сказала она. — Похоже, что нет.

— В самом деле, — отозвался Реджис, возвращая рапиру в ножны на левом бедре, исполнив предварительно пару разученных движений.

— Она стоит того даже просто как украшение, — сказала Женщина. — Камни что надо.

— У вас верный глаз.

— Тем и живу. Как насчет десяти тысяч?

Реджис улыбнулся, прикоснулся пальцами к берету и покачал головой, впрочем вежливо.

— Пятнадцать, — предложила женщина, — потому что я знаю твой секрет. На клинке могучая магия!

— Верно, — согласился Реджис. Он не был уверен насчет наложенных на рапиру заклятий, поскольку почти не использовал ее иначе как по прямому назначению. Он не чувствовал в ней ничего необычного, в отличие от странного и могущественного кинжала, но рапира казалась гораздо легче, чем ей следовало быть, и наносила удары с удивительной силой, без затруднений пробивая почти любые доспехи.

— Дорога как память, — пояснил он и галантно поцеловал торговке руку, прежде чем уйти.

Он едва успел отойти на несколько шагов, как его в очередной раз окликнули.

— Эй, погоди! — крикнул кто-то, и Реджис, подняв взгляд, непроизвольно отступил на шаг при виде этого торговца — одноглазого дворфа, стоящего перед большой палаткой.

Волосы на загривке у Реджиса поднялись дыбом, едва он вспомнил, где видел этого дворфа раньше. И теперь тот совершенно случайно остановил его? Он раздумывал что лучше: убежать или же вежливо отказаться от сделки и ускользнуть в сутолоке базарной

площади.

— Прежний Реджис поступил бы так, — прошептал он сам себе, подходя к окликнувшему его дворфу.

— Уверен, эта маленькая игрушка очень хороша в деле, а ты и не подозреваешь об этом, подремывая в своей повозке.

— Даже не задумывался об этом, дружище, — признался Реджис. — Но да, я и в самом деле проспал все последние дни в повозке, это верно. Да, всю дорогу от Сюзейла. И еще десять дней на палубе до этого.

— Непохоже, чтобы твоя одежда была попорчена не погодой, а?

— Просто она новая; — пояснил Реджис.

— Тогда сегодня на ночь уложи ее в постель, предложил дворф. — У меня кроватей много. Эти возчики потеснятся как-нибудь, и я пушу тебя за несколько медяков.

Реджис, разумеется, понимал, что это ловушка, и снова инстинкт велел ему просто уйти. Но он опять напомнил себе, что он уже не тот хавлинг, убегающий от проблем или, как в данном случае, от вероятной схватки. Он вспомнил о своих упорных занятиях с Доннолой и о долгих годах, когда он готовил свое тело именно к таким вот ситуациям.

«Я не смогу помочь Кэтти-бри и Дзирту, если меня убьют», — подумал Реджис и заколебался.

«Значит, меня не убьют», — упрямо решил Паук Периколо Тополино.

— Медяков, говоришь? Заклинаю, скажи же, сколько медяков ты хочешь, добрый господин?..

— Тиндеркег, — подобострастно ответил дворф. — Господин Тиндеркег, к вашим услугам, господин?..

— Тополино. Паук Периколо Тополино.

— Ага, да только нам такое и не выговорить, ха-ха!

— Сколько?

— Что?

— Сколько медяков за постель, господин Тиндеркег?

— Ах да, это. — Одноглазый дворф умолк и, казалось, немного растерялся, словно лишь теперь начал просчитывать ответ, — еще один очевидный знак для Реджиса, что не просто совпадение свело его с этим конкретным дворфом в этот конкретный момент.

— Да несколько, — забормотал Тиндеркег. — Сколько добрый господин Перико... Перика... ну, вы сами дадите.

Реджис полез в кошель, выудил несколько монет, серебряных и медных, и протянул дворфу. Он глянул на запад, где солнце висело теперь совсем низко, длинные тени накрыли ларьки, и торговцы принялись убирать товары на ночь.

— Покажи же мне мою кровать, — попросил он дворфа. — Дорога была долгой и грязной.

— Грязной, вот как? Что ж, за несколько лишних монет я могу устроить вам ванну, — сказал дворф. — И воды наберу с восточной стороны моста, вот как!

Эти последние слова едва не ускользнули от Реджиса, еще не заглядывавшего в воды Извилистой реки, но он припомнил кое-какие истории про это место, которые слышал вскоре после Смутного Времени. По словам некоторых бардов, выступавших в Мифрил Халле, вода вверх по течению от моста Боарескир была чистой, а ниже его — отравленной, как утверждалось, в результате битвы богов. Реджис не помнил всего предания, но какая бы

магия не отравила Извилистую реку ниже моста Боарескир, она же породила на свет часто звучащее в этих краях ругательство: «Иди попей с западной стороны моста!»

Хафлинг уже собрался было отказаться от предложения дворфа, но передумал, увидев в нем возможность поменяться местами со своими предполагаемыми противниками. Ни один дворф, и уж точно не этот вонючий тип, не предложит по доброй воле устроить для кого бы то ни было ванну, тем более за столь жалкие гроши, учитывая трудоемкость процесса. Но есть ли лучший способ заставить жертву без оружия и доспехов, чем захватить ее врасплох в ванне с водой?

— Да, ванна была бы очень кстати, — согласился Реджис и протянул дворфу еще несколько монет. — И, дружище, брось туда несколько камней погорячее, чтобы я смог прогнать ломоту из своих измученные странствием костей. Полагаю, я еще раз быстренько взгляну кое на что тут по соседству и скоро вернусь устраиваться на ночлег.

С этими словами он удалился, борясь, хоть и с трудом, с искушением прибегнуть к помощи берета и вновь сменить облик.

— Расскажи-ка нам, приятель, где ты побывал, — напевал Реджис, расплескивая рукой воду в ванне. — Ты же чудес, поди, немало всюду повидал! За рассказ тебе мы пива вволю, друг, нальем, ну а, коль затянешь песню, дружно подпоем!

Дальше он не мог припомнить ни слова, поэтому принялся просто мычать, время от времени вставляя словцо-другое, по звучанию скорее напоминающее наречие дворфов. Он также продолжал болтать рукой в воде, стараясь, чтобы всякому по ту сторону занавески казалось, что он действительно плещется в ванне.

И действительно, занавеска вдруг отлетела в сторону, и высокий человек с тощими усиками и длинными черными волосами выскочил из-за нее, заноса над головой

Реджис вскинул ручной арбалет и выстрелил мужчине в грудь.

— Ты слишком похож на скверного пирата, — сказал он, когда мужчина повалился на пол. Из-за его спины возник Тиндеркег и размахнулся тяжелым молотом.

Одним движением Реджис отбросил арбалет, выхватил рапиру и отпрыгнул назад. Почти сразу же он ринулся вперед и нанес колющий удар, поранив дворфу руку. Острие рапиры не прошло насквозь, поскольку на дворфе был прочный доспех, но противник Реджиса завопил и отшатнулся.

Реджис выхватил кинжал, хотя и не знал, чем тот может быть ему полезен; конечно, нечего и пытаться отбить или перехватить им этот здоровенный молот!

Тиндеркег свирепо ринулся вперед, заставив хафлинга отступить новым могучим ударом. И снова дворф был близок к своей цели, но на этот раз он угодил молотом по краю ванны, круша дерево! и вода хлынула на пол.

Тиндеркег выдернул молот, рассыпая щепки, и снова взмахнул им перед собой, потом обратно, слева направо, перед хафлингом.

Видя, что высокий человек позади дворфа поднимается, Реджис понял, что нужно действовать быстро. Он перехватил трехклиновый кинжал и подскочил к Тиндеркегу слева — и как подскочил! Призма в его кольце вспыхнула, едва хафлинг начал движение, и он внезапно ощутил внутри себя ее магию вместе с возникшей откуда-то мыслью:

«Искривление времени». И вправду, Реджису показалось, будто время или пространство, а может, и оба они в этот миг изменились в его пользу: дворф двигался намного медленнее и не мог остановить хафлинга, выскочившего у него из-за плеча слева.

Не слишком понимая, что происходит, но уж точно не собираясь упускать такую возможность, Реджис размахнулся и всадил кинжал в спину дворфа. Клинок пробил шов доспеха и глубоко погрузился в тело, и Реджис завертелся вслед за Тиндеркегом, шатающимся от боли и пытающимся на ощупь дотянуться до кинжала.

Все часы, проведенные возле дверного косяка за чтением алхимических книг с одновременными упражнениями с рапирой, позволили хафлингу сделать следующее движение не задумываясь. Его правая рука вылетела вперед, и острое тонкого клинка попало в цель.

— О-о, ты ослепил меня! — взвыл Тиндеркег, отшатнувшись и выронив молоту зажимая обеими руками свой единственный глаз. Почти сразу же он опустил руки, из пронзенного глаза хлынули кровь и сукровица, и дворф замотал головой, словно лишь теперь поняв, что ошибся,

— Ты убил меня, — поправился он и замертво повалился ничком на пол.

Реджис не видел этого, поскольку поспешил заняться вторым убийцей, и тот, как быстро понял хафлинг, не был новичком в обращении с клинком. Он заметил капельку крови на груди у мужчины, как раз пониже ворота рубахи. Выстрел Реджиса был удачным, но, как он и опасался, яд дроу утратил большую часть своей силы за те месяцы, что прошли с его бегства из Дельфантла. В движениях этого типа не было ни намека на медлительность, понял Реджис к своему ужасу, отчаянно отбиваясь рапирой от града сабельных ударов.

Он едва держался. Даже сохраняя правильную фехтовальную позицию — правая нога впереди указывает на цель, левая нога сзади перпендикулярна ей, — он едва успевал за движениями высокого человека й, уж конечно, не мог состязаться с ним в длине рук.

Он вновь мысленно воззвал к кольцу, прося немножко магии, но почувствовал, что оно еще не готово к новому маневру.

Он отбил летящую саблю влево и перевел рапиру поверх нее, рассчитывая уколоть мужчину в руку. Но его противник был наготове и отдернул кисть, едва клинок Реджиса коснулся плоской стороны сабли. Тут же последовал мощный ответный удар — прямо в лицо хафлингу

Реджис вскрикнул и выбросил левую руку с кинжалом перед собой, поймав саблю между основным лезвием и одним из боковых.

Одним?

Реджис ничего не понял, но заметил, что у кинжала осталась лишь одна из нефритовых змеек, захватывающих клинки. Выдернув саблю, он увидел вторую змейку и решил на мгновение, что та магически обвилась вокруг его руки, чтобы обезопасить ладонь.

Однако он завопил снова, гораздо громче и испуганнее, когда понял, что вторая змейка просто отделилась от кинжала! Отделилась и ожила у него на ладони!

Высокий человек напирал, тесня хафлинга, и просто от отчаяния Реджис взмахнул рукой с кинжалом и запустил в противника змейкой. Пока та летела, хафлинг запнулся и повалился на пол, и они с противником оба вскрикнули, когда змея приземлилась на рубашку мужчины. Не останавливаясь, змейка быстро заскользила вверх, между руками пытавшегося сбросить ее человека, прямо к его шее.

И там эта крошка — не длиннее предплечья Реджиса — обернулась вокруг горла

мужчины, и когда бандит попытался схватить ее, он вдруг дернулся назад и выгнулся дугой, словно кто-то стоял позади и душил его гарротой. И тут Реджиса захлестнула волна холода, жуткого и смертельного.

Он увидел лицо, злобно скалящееся на него из-за плеча высокого мужчины, иссохшее лицо мертвеца, лицо призрака или лича — Темной Души! Широко раскрыв глаза, хафлинг застучал ботинками по полу, пытаясь поскорее отодвинуться. Реджис не мог вдохнуть, как не мог, разумеется, и высокий мужчина, выронивший клинок и схватившийся за змею обеими руками, отчаянно сопротивляясь и вытаращив глаза.

Казалось, злобное мертвое лицо смеется, выпуская изо рта клубы холодного пара.

Затем призрак исчез в облаке серого дыма.

Высокий человек лежал неподвижно, мертвый, обмякшая теперь змея растянулась поперек его горла.

— Соберись обратно, — прошептал Реджис, хватая ртом воздух. — Стань целым. — Он встал на колени и взглянул на свой кинжал. Там по-прежнему оставалось одно боковое лезвие, а по другую сторону, на месте второго, он увидел зачатки змеиной головы, только начинающей оформляться.

Она отрастает заново, понял он, точно так же как призма в кольце на его руке восстанавливает свою магию. Это магия клинка убила скверного пирата, а вовсе не Темная Душа, хотя, похоже, кинжал принадлежал самому личу, пришел к выводу Реджис, начиная постигать ценность и силу оружия.

Хафлинг подошел к двум своим врагам — убедился, что они мертвы, и заодно избавил их от монет, камней и драгоценностей. Он поддел змею кинжалом, даже передвинул ее в сторону, но в ней не осталось ни капли жизни.

Реджис снова осмотрел оружие, и ему показалось, что второе лезвие еще чуть-чуть подросло.

— Это магическая вещь, а не проклятие, — сказал он себе. Он вспомнил утверждение Ловких Пальцев насчет того, что у кинжала есть и другие способности и, что важнее, что у него нет ни сознания, ни самолюбия, которыми обладали столь многие из известных магических видов оружия. Реджис подумал об ухмыляющемся призраке и порадовался этому.

Хафлинг глубоко вздохнул, заставляя себя успокоиться. Он воображал себя героем, твердо решив, что на этот раз будет им, что станет полезным членом братства Компаньонов из Мифрил Халла, а не обузой, нуждающейся в защите. Он кивнул, взглянул на свое оружие и на дело своих рук.

Вот, значит, каково это — быть героем. Он не побежал от схватки и, черт возьми, победил. Он опять кивнул, напоминая себе, что этот бой закончен лишь наполовину.

Прекрасно одетый хафлинг уверенно прошествовал между повозками и вышел в круг света от пылающего бивачного костра. Он ухмыльнулся, увидев ошеломленные лица двоих мужчин. Разумеется, они были в шоке, поскольку заплатили за его убийство, и на тебе — он тут как тут!

Проходя мимо крепко сбитого Йогера, Реджис выпростал из-под дорожного плаща

ручной арбалет и выстрелил мужчине в лицо, потом выпустил оружие из рук. Привязанное к поясу, оно со звоном упало ему под ноги. Молниеносным движением Реджис бросил в стонущего человека маленькую змейку. Та приземлилась у мужчины на животе и магическим образом закрепилась там, а затем быстро заскользила вверх, прежде чем дурень успел хотя бы среагировать.

Йогер вскрикнул, потом начал хватать ртом воздух и давиться, но Реджис даже не взглянул на него. Хафлинг продолжал идти в сторону Кермиллона, по-прежнему не обнажая ни рапиры, ни кинжала. Кермиллон выхватил из костра небольшое бревно и принялся отмахиваться им, крича, чтобы хафлинг не подходил к нему.

Но Реджис продолжал идти.

Он слышал, как Йогер у него за спиной упал и забился, суча ногами. Слышал перепуганные выкрики от соседних повозок, но сейчас он сосредоточился на Кермиллоне, угрожающе размахивающем поленом.

Оказавшись в пределах досягаемости, когда мужчина начал замах, Реджис активировал свое кольцо с призмой, включая искажение пространства и времени. На этот раз Реджис знал, чего ожидать, он прыгнул и развернулся на лету. Приземлился сзади и сбоку от Кермиллона, уже с рапирой в руке. Хафлинг немедленно приставил ее острие к голове мужчины чуть пониже уха, проткнув кожу, но лишь чуть-чуть.

— Брось бревно по-хорошему, — велел он и, когда у Кермиллон заколебался, вонзил рапиру чуть глубже.

— О, пожалуйста, господин Паук! — задохнулся человек, кренясь набок, подальше от настырного клинка.

— На колени, — приказал Реджис, и Кермиллон плюхнулся на колени.

Реджис взглянул поверх него на Йогера, продолжающего отчаянно биться и корчиться, но без всякого толку. Другие подошли к костру в тот самый момент, когда Йогер вытянулся и затих, подергивая ногами в предсмертных судорогах.

— Что здесь происходит? — обрати возчик Реджису и Кермиллону. Остальные бросились к Йогеру.

— В чем дело, малыш? — спросил другой мужчина.

— Скажи им, — велел Реджис Кермиллону.

Человек молчал.

— Расскажи — или я всажу свой клинок тебе в голову и сам все им объясню, пока буду оттирать с рапиры твои мозги твоей же рубахой.

Начали собираться возчики, пассажиры, местные торговцы, стеной вставая вокруг маленького костра и противников.

— Лучше ты говори, — посоветовал один.

— Ага, лучше мы послушаем твое объяснение! — добавил другой.

Реджис посильнее надавил острием шпаги, и Кермиллон вскрикнул.

— Говори правду, и я попрошу, чтобы к тебе проявили снисходительность.

— Я не знаю... — начал Кермиллон.

— Там неподалеку двое мертвых! — возвестил вновь прибывший, хафлинг, одетый по-дорожному, и, казалось для боя. Он вышел на свет, задним еще-три хафлинга в таких же одеяниях. — Стаффингс убит в своей палатке, — продолжал хафлинг. — Стаффингс и длинный. Похоже, этой ночью они попытались обмануть постояльца, и не ошибусь ли я, предполагая, что этот постоялец стоит сейчас перед нами?

— Стаффингс? — переспросил Реджис.

— Стаффантл Тиндеркег — для тех, кому было до этого дело, — ответил хафлинг. — И просто Стаффингс для всех остальных.

— О да, он заманил меня в свое логово, посулив постель и ванну, за монеты, полученные от этих двоих. — Реджис немного надавил, и Кермиллон заскулил и скособочился. — Давай, скажи им.

— Если хочешь сохранить жизнь, возчик, — поддержал другой хафлинг, доставая короткий сверкающий меч.

— Да! Да! — забормотал Кермиллон. — Но не убивать его! Нет, только ограбить... вот этого! — Рапира отодвинулась, и он упал и перевернулся, тыча пальцем в сторону Реджиса. — Этого! Сплошная похвальба и денег без счета! Да он же крыса, говорю я вам! Мерзкая крыса!

Реджис рассмеялся и, коротко взмахнув рапирой, отсек мужчине указующий палец, а затем убрал ее обратно в ножны, в то время как Кермиллон скрючился на земле, подвывая от боли.

— Ну, этот мертв, — сказал мужчина, склонившийся над Йогером.

— Тремя жалкими убийцами меньше, — бросил Реджис, взглянул на Кермиллона и добавил: — А вскоре, вероятно, будет и четвертый.

Несколько возчиков вышли в круг, подхватили Кермиллона и уволокли прочь.

Подобные сцены были нередки на торжищах вокруг моста Боарескир, и интерес быстро угас, зрители разошлись, одни спорили, кому достанутся повозка и груз Кермиллона, другие же, торговцы, рассуждали насчет отличной палатки, которую можно будет теперь открыть, если одноглазый дворф действительно мертв.

Четверка хафлингов, однако, приблизилась к Реджису, и их предводитель изящно поклонился ему.

— Вы прекрасно владеете собой, мастер Тополино, — сказал он.

— Вам известно мое имя? — отозвался Реджис. Он скрестил взгляды с хафлингом, в то же время спокойно поднимая арбалет и аккуратно убирая его обратно в магическую поясную сумку.

— Оно было мне известно еще до встречи с вами, хотя я не знал, что вы носите его, — ответил тот.

Реджис с любопытством взглянул на него.

— Дедушка Периколо, — вступил один из троих, стоящих позади. — Я много раз бывал в Дельфантле и хорошо знал его.

— Ах, но где мои манеры?! — воскликнул старший. — Я знаю ваше имя, но не назвал вам своего. Я Довегардо из «Ухмыляющихся пони». — Он низко поклонился.

— «Ухмыляющихся пони»? — переспросил Реджис, стараясь не рассмеяться.

— Называемся так из-за наших скакунов и года, — ответил тот, кто утверждал, что знаком с Дедушкой.

Реджис на миг задумался, но потом понял намек на 1481, Год Ухмыляющегося Хафлинга.

— А я Шовиталь Тердиди, — продолжил хафлинг.

— Он работал с «Коленоломами», — пояснил Дорегардо, и Реджис пожал плечами, не улавливая связи.

— А, значит, вы не бывали в Землях Бладстоуна, — заметил Шовиталь.

— Был однажды в Импилтуре, но только один сезон. — ответил Реджис.

— Если когда-либо вернетесь туда, отправляйтесь в Дамару и знайте, что среди знаменитых «Коленоломов» у вас есть друзья.

— «Коленоломы»! — радостно взревели остальные двое, вскинув в воздух обтянутые перчатками кулаками.

— Мы провозглашаем верность этой банде, нашим братьям по общему делу, сказал Дорегардо.

— Делу?

Дорегардо приблизился и дружески положил руку на плечо Реджиса.

— Вы, разумеется, знаете, какая дилемма стоит перед нашим народом. К хафлингам всегда относятся как к ворам или, хуже того, как к детям. Но только не к «Коленоломам», ездящим по дорогам Дамары и соседней Ваасы. При их появлении разбойники забиваются в свои Темные норы, а горожане видят это и торжествуют.

— Дорегардо говорил от вашего имени со здешними торговцами, успевшими познакомиться с «Ухмыляющимися пони» и начать доверять им за те несколько месяцев, что мы вместе, — добавил Шовиталь. — Поэтому вашу версию этой истории никто не подвергал сомнению.

— Потому что вы как «Коленоломы», — сделал вывод Реджис.

— Мы ездим по Торговому пути от Мемнона до Глубоководья, и к востоку, и обратно до Элтургарда, — пояснил Дорегардо.

Реджис оглядел всю компанию, одного за другим:

— Вчетвером?

— Нас одиннадцать, — ответил Дорегардо. — И мы были бы рады двенадцатому. — Он бросил взгляд на мертвого Йогера, лежащего возле повозки. — В особенности двенадцатому, умеющему постоять за себя столь... эффективно.

Реджис рассмеялся над лестным предложением.

— Я едва держусь в седле, — ответил он, поскольку первой его реакцией было вежливо отказаться.

— Этому легко научиться, — заверил Шовиталь, и тон его отрезвил Реджиса и заставил понять, что это предложение не было ни случайным, ни пустым. Они говорили серьезно.

— У меня есть дела на дальнем Севере, — сказал Реджис. — Добираетесь ли вы до Лускана?

— До Глубоководья, — ответил Дорегардо. — Но можем поехать и дальше и, возможно, помочь вам с этими делами, о которых вы говорите.

Реджис покачал головой, пытаясь все обдумать. До назначенной встречи оставалось два с половиной года.

— Мне нужно поспать, — сказал он. — Могу я провести ночь в вашем, без сомнения безопасном, лагере и дать вам ответ утром?

Хафлинг по имени Паук проснулся от запаха жарящегося бекона и яиц и чудесного насыщенного аромата кофе, щекочущего его ноздри. Он приподнялся на локтях и наскоро пересчитал хафлингов, спящих вокруг лагеря, быстро поняв, что здесь присутствует

большая часть группы.

Доброе утро, мастер Тополино! — приветствовал его Дорегардо, заметив, что Реджис сел.

— Паук, — поправил тот. — Меня зовут Паук. — Он снова огляделся, чувствуя себя уютно как дома и в то же время участником рискованного и захватывающего приключения. — Паук из «Ухмыляющихся пони», — добавил он.

— Ура! — закричали хафлинги, вскидывая в воздух кулаки в перчатках.

— Полагаю, мне понадобится пони, — сказал Реджис.

— За мостом их полно, — сообщил Дорегардо.

— У меня есть монеты, чтобы прикупить одного, — заверил Реджис.

Вошел Шовиталь с двумя тарелками, наполненными едой, и двумя дымящимися кружками кофе.

— Подарок за рассказ о Дельфангле, — сказал он, усаживаясь на бочонок возле постели Реджиса. — Расскажи мне о Морада Тополино!

То, что он назвал особняк этим малоизвестным именем, послужило для Реджиса подтверждением, что хафлинг в самом деле бывал в Дельфангле, как и говорил. Реджис кивнул, принимая тарелку и кружку, и в паузах между глотками поведал Шовиталю о глубоководных погружениях и розовых жемчужинах. Он хотел было рассказать заинтересованному хафлингу о кончине Дедушки, но передумал. Не теперь.

— А знаете, кто главный компаньон Дедушки? — спросил он, когда к ним присоединился Дорегардо с тарелкой в руках.

— Усатый маг? — предположил Шовиталь.

Реджис покачал головой.

— Доннола, — сообразил Шовиталь и продолжал с восторженным придыханием, как и всякий мужчина-хафлинг при мысли об этой девушке: — Прекрасная Доннола! Ах, кто увидел ее, никогда не забудет!

— Доннола! — вскричал еще один хафлинг на другом краю лагеря, поднимая кружку, и все подхватили этот клич.

— Шовиталь рассказывал о ней, — пояснил Дорегардо.

Уверен, что его слова, какими бы лестными они ни были, не способны воздать ей по справедливости — сказал Реджис; он в самом деле так думал, и как же терзала его сердце разлука с Доннолой Тополино! Он повернулся к Шовиталю. — Если ты когда-нибудь вернешься в Дельфангл, найди ее, умоляю, и скажи, что видел меня... Паука, и что со мной все в порядке, и я однажды вернусь к ней.

— Паук? — переспросил Дорегардо, качая головой. — Какое необычное имя!

— Оно заслужено, — заверил Реджис. — Его дал мне сам Дедушка Периколо, когда я был еще совсем маленьким.

— Я слышал про хафлинга по имени Паук, — сказал один из членов банды, сидевший неподалеку. Все повернулись к нему, и Реджис испугался, не слишком ли он разболтался. — Так это ты? Мастер лазать по стенам, обучавшийся в собственном доме Периколо?

Паук уставился на него, не зная, как поступить.

— Мы обзавелись здесь ценным компаньоном, — сообщил хафлинг Шовиталю и Дорегардо.

— Мы тоже так решили, — кивнул вожак.

— И тем, кто у вас в большом долгу за то, что приняли мою сторону и поддержали меня

прошлой ночью, — не преминул вставить Реджис.

— Это не составило труда, — заверил Дорегардо. — У меня было немало стычек со Стаффингсом, и я не жалею о его смерти. — Он коротко рассмеялся. — Я еще не поздравил тебя с этой славной победой?

Реджис припомнил бой и ту легкость, с которой рапира вошла в единственный глаз Стаффингса. Он пожал плечами, немного смущенный.

«Ухмыляющиеся пони» вскоре отправились в путь, Реджис ехал верхом на вьючном муле, пока не удалось обзавестись подходящим скакуном на другом берегу Извилистой реки. Они проехали мимо дерева, на котором болтался повешенный Кермиллон, и заметили могильщиков, копающих четыре ямы на небольшой поляне позади него.

Глава 24. Пряжа

Год Нестареющего

(1479 по летоисчислению Долин)

Луруар

Орел плыл по небу вместе с восходящими воздушными потоками надвигающегося фронта, легко скользя на запад, и теперь его взору открылась холмистая местность, именуемая Крагс. Кэтти-бри знала, что за этими холмами находятся Лускан, и Побережье Мечей, и горный перевал, который приведет ее домой, в Долину Ледяного Ветра.

Учитывая ограниченность ее магии, она предполагая спустя несколько дней миновать Лускан и еще через десять дней добраться до Десяти Городов в Долине Ледяного Ветра.

Она размышляла о своем недавнем доме, о Нирае и Кавите и надеялась, что у них все хорошо. Дошли ли до них слухи о ее смерти? Побывала ли леди Авельер в лагере десаи, чтобы расспросить их? Или, того хуже, наказала ли она их?

Эта мысль тревожила Кэтти-бри и лишала покоя, присущего полету — мигу высокого одиночества. Быть может, ей следовало остаться в Незериле, чтобы защитить родителей, думала она, сражаться и, вероятно, погибнуть рядом с ними, если бы туда заявила Авельер.

Конечно, умереть, кивнула она. При этом легчайшем движении головы Кэтти-бри отметила странную боль, чувство сдавливания во всех конечностях, похожее на то, которое она испытывала в момент смены облика. Ее зрение тоже вдруг изменилось, словно становясь из орлиного человеческим или же каким-то странным, промежуточным, и всего на миг, на одно кратчайшее мгновение небо вокруг нее потемнело, потом его словно подсветили сзади, и в этот момент, меж ясным днем и полночными звездами, она увидела или вообразила грандиозную паутину из гигантских нитей, накрывшую весь мир.

Кэтти-бри не знала, что и думать; ей было не до разгадывания ни непонятого видения, ни ощущения сдавленности в руках и ногах, ни странностей зрения. Мир внизу показался вдруг очень далеким, и на мгновение женщина подумала, уж не поднял ли ее какой-то грандиозный воздушный поток на огромную высоту.

Но нет, поняла Кэтти-бри, это была лить иллюзия, порожденная ее изменившимся зрением, возвращением к обычным человеческим глазам.

Ее магия превращения таяла!

Тогда она сосредоточилась на тайной магии, вызвав из памяти заученное заклинание левитации, но мысли ее путались, и она не могла разобраться в них в этом тумане. Заклинание казалось ей бессмысленным, не удавалось отчетливо выговорить слова. Что-то было очень, очень не так! Стало трудно лететь — она чувствовала, как потрескивают ее крылья, грозя вот-вот превратиться в руки.

В обычном состоянии Кэтти-бри поднялась бы перед обратным превращением повыше, чтобы падение было более длительным, а значит, больше времени оставалось для активации ее левитационной магии. Но слова нужного заклинания попросту не приходили ей в голову.

Это леди Авельер. Прорицательница нашла ее и атакует магически, рассеивая ее двеомеры, путая мысли.

Она устремилась к земле под острым углом, сложив крылья и круто пикируя вниз, понимая, что должна опуститься на землю как можно скорее. Заметила сосновую рощицу и направилась туда, продолжая снижаться.

Кэтти-бри почувствовала, что магия улетучивается, и рванулась изо всех сил вверх, чтобы выйти из пике. Это удалось, но в следующий миг крылья стали превращаться в руки. Она полетела на землю примерно с пятидесятифутовой высоты, вновь став человеком там, где человеку быть не следует. Девушка изо всех сил пыталась вызвать левитацию, но не могла припомнить слова в сколько-нибудь правильном порядке, да и времени уже все равно не было.

Она врезалась в густую сосну, и, ломая ветки и собственные руки и ноги, провалилась сквозь крону вплоть до самой нижней ветки, за которую ухватилась руками, но лишь на миг, а затем рухнула плашмя, ударившись спиной о землю, и больше не помнила ничего.

— Город в смятении! — доложила Риалле, ворвавшись в комнату вместе с Иерикой.

Леди Авельер коротко взглянула на них и снова повернулась к окну, ничего не ответив. Она видела суматоху на улицах вокруг Ковена, спешащих повсюду курьеров, несомненно доставляющих послания от одного лорда к другому.

Что-то случилось. Что-то могущественное и драматичное, и не только в стенах Ковена, где это ощущалось особенно остро.

— Что это значит, госпожа? — осмелилась задать вопрос Иерика.

— Мы не знаем, что это, так как же она может ответить на твой вопрос? — проворчала Риалле.

— Вы сделали, как я сказала? — спросила леди Авельер, поворачиваясь и адресуя свой вопрос Иерике. Молодая женщина кивнула — Тогда начинай.

Иерика взглянула на Риалле, ища поддержки. Они шли к покоям леди Авельер порознь, но встретились в широком вестибюле главного здания. Риалле возвращалась с улицы, Иерика — из старой библиотеки.

— Госпожа, эти слова нелегко выговорить... — начала Иерика.

— Попробуйся, — приказала леди Авельер. — Это простой двеомер.

Иерика глубоко вздохнула, подняла руку ладонью кверху и начала негромко повторять заклинание. Несколькими мгновениями позже у нее на ладони вспыхнул свет, в первый момент яркий, потом потускневший. Иерика опустила руку, но светящийся шар остался парить в воздухе перед ней.

— Во имя богов, — выдохнула леди Авельер и вновь повернулась к окну, но теперь она смотрела в небо, а не на городские улицы. Ранее в этот день сестры пребывали в замешательстве, поскольку подготовленные ими заклинания перепутались и стали бесполезными. Словно этого было недостаточно, теперь Иерика, юная колдунья, несведущая в древней магии, только что активировала заклинание света, причем заклинание, лет сто или больше считавшееся утраченным.

— Что это означает, госпожа? — спросила Иерика.

— Мы — магократия, — спокойно ответила леди Авельер. — Это значит, что мы познаем замешательство, потом будет переходный период, а потом мы обретем новую силу.

Молодые женщины тревожно переглянулись.

— Живость ума, — сказала им леди Авельер, повернувшись к ученицам и успокаивая их взглядом. — Незерилская империя превосходит остальных, потому что мы мудрее. Прежде мы уже знали такие космические... чудеса. — Она кивнула и указала на дверь. — Идите и отдыхайте, а потом готовьте ваши заклинания заново. Давайте посмотрим, что принесет нам завтра.

Ученицы поклонились и ушли, и леди Авельер снова вернулась к своему окну. На нее надвигалось нечто непостижимое, не похожее ни на что, с чем она встречалась в этой жизни, провидица чувствовала это, и страшилась, и надеялась. Мир всегда был нестабилен — ее дорогой Пэрайс поделился с ней некоторыми соображениями насчет «Тьмы Черлриго», даже намекнул на то, что, возможно, ткань магии становится все более непрочной. Да, какая-то нестабильность была, и разве не леди Авельер лично обнаружила возрождение этой избранной смертной богини Миликки?

А теперь этот непонятный день, и что это в конечном счете означает, леди Авельер не может сказать наверняка.

Но что бы ни последовало вслед за этим магическим сбоем — ибо только таким словом леди Авельер могла описать события сегодняшнего дня, — она намеревалась извлечь из этого выгоду.

Так поступает мудрый.

Болезненные судороги заставили Кэтти-бри очнуться. Она лежала на земле, все вокруг было в крови, одна ее нога странно изогнулась, явно сломанная, в руке, похоже также сломанной, пульсировала боль. Солнце висело низко на западе, и девушка поняла, что пролежала здесь немало времени. «Повезло, что вообще осталась в живых», — подумала она.

Левитация подвела ее. Почему же она оказалась не способна вспомнить слова и мелодию заклинания? И почему дарованная шрамом магия трансформации исчезла столь быстро?

Продолжая раз за разом задавать себе эти вопросы, Кэтти-бри вернулась к опасению, что леди Авельер нашла ее и заставила упасть. Она попыталась приподняться на локте и в отчаянии огляделась, хотя любой поворот головы отзывался новой болью.

Кэтти-бри призвала на помощь всю самодисциплину, выработанную за годы двух жизней, отгоняя прочь страхи, заставляя себя сосредоточиться. Она вспоминала другие подготовленные ею заклинания, но ни одно из них, похоже, не могло помочь ей теперь, и, хуже того, ни одно она не могла вспомнить отчетливо. Если Авельер явится сюда, сможет ли ее ученица прибегнуть хотя бы к простейшим из них, чтобы обезопасить себя?

Она вернулась к своему сильнейшему защитному заклинанию, ее излюбленному двумеру, и сконцентрировалась на погоде. Да, она вызовет бурю и, если появятся враги, поразит их насмерть мощными, огненными, стрелами.

Кэтти-бри надеялась, что смогла запустить магию, но, для того чтобы собрались тучи и началась буря, требовалось время.

Кроме того, поняла она, чувствуя, что теряет сознание, нужно остановить кровотечение.

Девушка начала молиться, взывая к богине с просьбой о заклинании исцеления, и, к ее великому облегчению, в отличие от тайных заклинаний эти слова, эти молитвы легко изливались из нее. Она увидела светло-голубой туман, сгущающийся вокруг ее раненой правой руки, вытекающий из широкого рукава платья.

Заклинание продолжало работать, и Кэтти-бри ощутила прилив мягкого успокаивающего тепла, нежного, как атлас, и протекающего сквозь ее тело, словно пенная волна. Затем эта волна рассыпалась и обдала горячей энергией ее сломанную руку, вплоть до самого магического шрама богини, чьей милостью ей была дарована эта сила исцеления.

Дрожащей левой рукой Кэтти-бри засучила рукав платья. Когда рассеялся туман, она взглянула на магический шрам — голову единорога Миликки — и несколько раз моргнула, пытаясь понять, то ли это игра света, то ли у нее кружится голова из-за потери крови. Ибо шрам, хотя и остался, выглядел даже более отчетливым, чем прежде, но походил скорее на татуировку, нежели на родимое пятно. Золотой рог существа и вся его голова были обведены золотом.

Очередная волна боли вызвала у раненой гримасу и напомнила о случившемся, и девушка снова воззвала к богине, прося о помощи. Над единорогом вновь поднялся туман, божественные силы вновь вернулись к ней, причем, как показалось Кэтти-бри, их даже прибавилось.

Она сотворила третье малое исцеляющее заклинание и, когда мысли ее прояснились, перешла к следующему, позволяющему исцелять более серьезные раны, сфокусировав энергию на своей ноге. Ей сразу же стало лучше в теплом коконе голубого сияния, словно нежнейшие из океанских вод смывали все дурное прочь. Беглянка села прямо и даже согнула колено, поскольку нога ее снова выпрямилась.

Она переживет это падение. И вероятно, на следующий же день двинется в путь, раз ее божественные силы восстановились, так что она может и в дальнейшем исцелять свое разбитое тело.

Кэтти-бри сделала глубокий вдох и задержала дыхание, потом подняла рукав на левой руке.

Семиконечная звезда осталась и, как и голова единорога, казалась теперь более отчетливой, словно нанесенной рукой художника, за исключением того, что обведена она была не золотым, а кроваво-красным, словно вокруг знака Мистры пульсировала паутина воспаленных вен.

Что же это означает?

Кэтти-бри попыталась вспомнить тайное заклинание из своего репертуара, но, увы, как ранее левитация, так и эти заученные двумерные были потеряны для нее и представлялись нагромождением бессмысленных слов.

Интуитивно она выбрала одно: свой излюбленный огненный шар. Девушка закрыла глаза и мысленно вернулась к тому времени, когда впервые попробовала сотворить это заклинание, в другом теле, столетие назад, и попыталась пробраться сквозь беспорядочное нагромождение слов.

Теперь слова начали отделяться друг от друга, и она услышала собственный голос, нараспев произносящий заклинание — отчасти древнее, отчасти новое, и на ее ладони возникла огненная горошина. Кэтти-бри подбросила ее в воздух и повелела лететь прочь, в небо, подальше от деревьев, и там она подобающим образом взорвалась, расцвела огненным

шаром, а голубые струйки магической энергии засияли вокруг левой руки Кэтти-бри, вокруг символа семиконечной звезды.

Девушка взглянула на нее и покачала головой.

Что бы это значило?

Пока она смотрела, как языки пламени рассеиваются без следа, кое-что еще привлекло ее внимание и породило новые вопросы. В опускающихся на землю сумерках: она заметила мерцание первых звезд.

Но где же вызванная ею буря?

Она огляделась. Небо было идеально ясным. Ее заклинание потерпело полную неудачу.

.>

Что бы это значило?

— Что это значит? — спросила леди Авельер у Пэрайса Ульфбиндера в тот же самый день. Ей и ее ученицам удалось восстановить некоторые магические заклинания, но едва-едва и очень избирательно.

— Нестабильность, — отозвался Пэрайс; леди Авельер заметила, что, судя по его виду и тону, он был весьма взволнован. — Сегодня утром я беседовал с лордом Дрейго Куиком. Возможно, это то, чего мы боялись.

— Поясните.

Незересский лорд покачал головой.

— Что-то надвигается на мир — на оба мира! — но пока я ничего не могу объяснить. Двенадцать принцев обращаются к мудрости жрецов.

— Старых религий? Старых богов?

— Где ваша бывшая ученица? — спросил Пэрайс. — Вы нашли ее?

— Рукия? — Авельер беспомощно развела руками.

— Вы говорили, что не верите, будто она погибла в огне.

— Нет, конечно же, обгоревший труп, найденный нами среди обломков, был не ее.

— Тогда где же она?

— Нигде поблизости ее нет, я в этом уверена, — ответила леди Авельер. — При помощи магии я обшарила весь Незерил...

— Запад, — перебил Пэрайс. — Ищите на западе. Побережье Мечей. Лускан. Долина Ледяного Ветра.

Леди Авельер с любопытством взглянула на него;

— Откуда вы знаете?

— Разумеется, я провел собственные исследования и изыскания, после того как вы пришли ко мне с той крайне любопытной историей, — ответил Пэрайс. — Вы упоминали про одинокую гору.

— Она может находиться где угодно.

— Возможно, она в Долине Ледяного Ветра.

Леди Авельер пожала плечами, поскольку название ей ничего не говорило.

— Обширная бесплодная тундра, расположенная к северу от города Лускан за Хребтом Мира, — пояснил Пэрайс. — Мало кто обитает там, немногие даже просо путешествуют

туда, но некогда там находился дом Дзирта До'Урдена, Бренора Боевого Топора и его приемной дочери, Кэтти-бри.

— Как Мифрил Халл...

— А города Долины Ледяного Ветра расположены вокруг одной-единственной. горы, вздымающейся над тундрой.

Леди Авельер облизнула губы и обдумала новость. Вполне возможно.

— Ищите между Анклавом Теней и Долиной Ледяного Ветра, — посоветовал Пэрайс — Вероятно, вы разыщете свою исчезнувшую беглянку.

— И что тогда?

— Наблюдайте за ней. Не возвращайте ее в Анклав. Давайте выясним все, что возможно, но на безопасном расстоянии.

— У нас остается пять лет до той встречи, о которой она говорила, — напомнила леди Авельер.

— Ничтожный срок по меркам космического календаря. Но более чем достаточно для мудрой леди Авельер и ее Ковена, чтобы найти это непокорное дитя, да?

Женщина кивнула.

— Библиотеки Анклава Теней уже открыты для всех практикующих магов, — добавил Пэрайс, когда провидица повернулась к выходу. — Похоже, мы должны заново приспособливать нашу магию.

— На старый лад?

— Кто знает? — пожал плечами лорд.

— Может, Рукия? — съязвила леди Авельер, покачала головой и беспомощно улыбнулась, и Пэрайс ответил ей тем же.

На другой день раненая почувствовала себя куда лучше даже еще до того, как вновь омыла себя исцеляющей магией Миликки. Заклинания, использующие тайную магию, оставались бессвязным набором слов, и она обнаружила, что едва ли способна уловить тончайшие оттенки интонаций, отмеченные в ее книге заклинаний. У нее было такое ощущение, будто вся магия повернулась на несколько градусов, причем отдельные ее части — в разные стороны. Она ничего не могла понять.

— Пусть будет так, — промолвила Кэтти-бри, выбираясь из-под сосновых веток, послуживших ей постелью. Она взглянула на восходящее солнце, потом огляделась, отыскав далекие холмы Крагс и север, где вздымались высокие пики величественного Хребта Мира, хотя Кэтти-бри и не могла видеть их с такого расстояния.

Девушка прикинула свое примерное местонахождение, а также год и месяц. У нее полно времени, чтобы добраться до Долины Ледяного Ветра, — целые годы, — так что, пожалуй, вполне можно изменить маршрут.

— Глубоководье? — прошептала она. Лорды этого величайшего из городов, разумеется, станут изучать эти странные явления, но как ей, замарашке из другой части света, добыть какую-либо информацию у этих надменных особ? Ибо теперь она не принцесса Кэтти-бри из Мифрил Халла, но просто малышка Рукия из племени десаи, то есть попросту никто.

Она подняла руки и встряхнула ими, чтобы откинуть рукава. Ее магические шрамы?

Помогут ли они ей?

Но они больше не были даже похожи на шрамы. Всякий опытный татуировщик на Побережье Мечей мог бы создать подобные рисунки на ее предплечьях.

Молодая женщина сделала глубокий выдох и обратилась к заклинаниям, рассчитывая изменить облик и продолжить свой путь туда, куда она решит. Кэтти-бри закрыла глаза и сфокусировалась на шраме, желая вновь стать огромным орлом.

Ничего не произошло.

Она открыла глаза и взглянула на свои руки. Никакого тумана, ни намек на магию.

Она не могла превращаться. Не могла обернуться орлом, мышью или волком. Это открытие стало для нее болезненным ударом. До Долины Ледяного Ветра оставались сотни миль, и теперь, столь внезапно, дорога становилась куда более опасной и непредсказуемой.

Кэтти-бри заставила себя успокоиться и трезво оценить возможные варианты. Даже без изменения облика и способности вызывать бурю и молнии она оставалась ученицей Миликки, наделенной божественными силами. И она — маг, обучавшийся в Серебристой Луне и в Анклаве Теней. Она не маленький ребенок, потерявшийся в пути, она — Кэтти-бри, однажды, в иной жизни, уже проделавшая этот путь. Она может сражаться и использовать магию, и божественную, и тайную. Она огляделась по сторонам и полезла на сосну, чтобы осмотреть окрестности. Ее поврежденная нога заболела от усилий, несмотря на всю примененную к ней магию.

Беглянка вернулась мыслями в предыдущий день, когда она еще парила в вышине. Как раз на западе отсюда есть дорога, припомнила она и кивнула, поскольку знала эту дорогу, Долгий Путь, как ее когда-то называли.

Девушка улыбнулась, представив, куда может привести ее эта дорога и что она сумеет узнать, когда доберется до нужного места.

Она отыскивала ветку подходящей длины, чтобы использовать ее как трость, и решительно двинулась в путь. Она Кэтти-бри. Волею Миликки она была возвращена в этот мир ради великой цели, и она не подведет.

Путница вышла на дорогу, точнее, на то, что от нее осталось, ибо теперь это была заброшенная и редко используемая колея, и повернула на север. Нога ее болела, но девушка не останавливалась и не замедляла шаг.

День начал угасать, ночь опускалась на землю, и Кэтти-бри принялась подыскивать место для ночлега. Она сошла с дороги и поднялась по склону небольшого холма. Но едва начала сооружать яму для кострища, выкладывая ее края камнями, чтобы огонь не был виден издали, как небо на севере вдруг озарилось внезапной вспышкой оранжевого пламени.

Кэтти-бри кинулась к северному склону холма и вгляделась вдаль.

Стрела молнии расколола ночное небо. За ней последовал огненный шар, а затем россыпь разноцветных искр и вспышек, настолько великолепных, что девушка с одобрением рассмеялась.

Парой мгновений позже она услышала отдаленный звук разрывов, а также что-то, похожее на радостные крики.

Вспыхнул еще один огненный шар, на этот раз ниже над землей, и осветил большой особняк, стоящий на холме.

— Широкая Скамья! — вскрикнула Кэтти-бри. И не так уж далеко. Все мысли о ночевке тут же вылетели у нее из головы, и она с новой решимостью устремилась в путь.

Ночь сгушалась вокруг. Долгий Путь местами больше походил на тележную колею, но

продолжавшиеся на севере вспышки указывали ей путь, и вскоре она вошла в городок Широкая Скамья, место обитания Гарпеллов, где она несколько раз бывала по разным поводам в прошлой своей жизни.

Казалось, все жители городка вышли на улицы. Сотни людей радостно шумели и плясали, наслаждаясь представлением на холме, на землях Дворца Плюща, особняка Гарпеллов, где маги, по-видимому, демонстрировали свое искусство на грандиозном празднестве, запуская в небо огненные шары и молнии, а также творя всевозможные эффектные заклинания, устроив великолепное и пышное шоу.

— Что это? — спросила Кэтти-бри у молодой пары, встретившейся ей у подножия холма.

— Никто, кажется, не знает, — ответил парень. — Но видно, у наших магов Гарпеллов нынче вечером хорошее настроение!

Путешественница обошла собравшихся и отыскала дорогу, ведущую наверх, к воротам дворца на холме. Они выглядели как простой кусок забора десяти шагов в длину, ни к чему не прикрепленный по краям, но Кэтти-бри знала, что это не так. По обе стороны от ворот простиралась невидимая стена, огораживающая весь холм и стоящий на нем дворец.

Девушка подошла к воротам и покричала, но никто не услышал или не отреагировал. Она даже видела их — магов, собравшихся на вершине холма, а многих — и вовсе на крыше особняка. Они весело галдели и творили заклинания одно за другим.

Кэтти-бри покричала снова и, когда ответа не последовало, принялась шептать собственное заклинание. В воздух взлетела огненная горошина, превратившаяся в огненный шар.

Люди внизу завопили и подались назад от изумления — и, конечно же, от страха. А сверху раздались крики и призывы к осторожности, и маги попрятались. Тотчас же к ней подбежала городская стража, а вскоре после этого по ту сторону ворот появилась группа Гарпеллов.

— Кто ты, явившаяся в Широкую Скамью незваной и занимающаяся здесь магией? — спросил жилистый старый маг в мятой одежде.

Вместо ответа Кэтти-бри подняла руки и встряхнула ими, и из-под съехавших рукавов показались ее отметины.

— Друг, — ответила она. — Хотя и не была здесь много лет.

Худощавый старик-маг подошел ближе и оглядел ее:

— Я тебя не знаю.

— Не знаете, — кивнула она. — Но я знаю о вас; во всяком случае, знаю Гарпеллов, и кое-кто из них некогда считал меня своим другом. Когда я расскажу вам свою историю, вы поймете.

— Тогда продолжай! — приказал старик.

Кэтти-бри оглянулась через плечо на городскую стражу, потом с сомнением посмотрела на мага.

— Ну, тогда пошли! — предложил мужчина, стоящий позади нее, но едва он приблизился, жилистый маг поднял руку.

— Когда-то я была знакома с Гарклом, — осмелилась признаться Кэтти-бри, надеясь, что это имя из прошлого пробудит вспышку воспоминаний. — И знавала также Биддердуу.

— Тех самых Биддердуу? — охнул человек позади нее и попятился, мотая головой.

Кэтти-бри с любопытством оглянулась на него, не вполне понимая его реакцию, а

также удивляясь, почему он говорит о Биддердуу во множественном числе. Она покачала головой, оглянулась на мага и увидела, что он уже возится с воротами. Чародеи пригласили ее войти и повели к вершине холма.

— Я Пенелопа, — представилась женщина средних лет, входя в уютную комнату, где маги оставили Кэтти-бри, попросив ее чувствовать себя как дома. Девушка начала было подниматься со своего кресла, но Пенелопа жестом показала ей, чтобы она не вставала, и села напротив.

— Кэ... Ру... — начала было Кэтти-бри, но ей пришлось умолкнуть и рассмеяться над собой, поскольку то, что должно было стать простым знакомством, явно таковым не являлось. Назваться своим настоящим именем означало породить множество вопросов, намного больше, чем вызвало ее появление здесь, во Дворце Плюща, а воспользоваться именем десаи значило облегчить леди Авельер задачу по ее выслеживанию.

— Делли, — пленительно улыбнулась она, позаимствовав еще одно имя у своего далекого прошлого. — Делли Керти.

— Добро пожаловать, Кэ-ру-делли, — ответила Пенелопа Харпелл, понимающе улыбаясь.

— Делли Керти, — решительно повторила Кэтти-бри.

— И что же привело Делли Керти в Широкую Скамью, могу ли я спросить?

— В основном ваше магическое представление сегодняшней ночью. Я была в пути и заметила его, а поскольку я тоже практикую Искусство...

— Тогда ты, без сомнения, уже знала про Широкую Скамью и не нуждалась в огнях и молниях, чтобы попасть сюда.

Кэтти-бри мрачно уставилась на женщину, и та ответила ей тем же. Девушка начала сочинять какое-то объяснение, но поняла, что лишь глубже увязнете собственной лжи под внимательным взглядом Пенелопы. Это же Гарпеллы, напомнила себе Кэтти-бри, славные люди, пусть и немного... эксцентричные. Гарпеллы всегда были союзниками Компаньонов из Мифрил Халла, и самого Мифрил Халла тоже. Именно они поспешили на помощь Бренору, когда дроу наводнили туннели дворфов.

— Я направлялась на побережье, — сказала Кэтти-бри. Но недавние события остановили меня и, признаюсь, поставили в тупик.

— Пожалуйста, продолжай.

— Изменения, — пояснила Кэтти-бри. — С магией. — Она пожала плечами и выложила свой козырь, снова поддернув рукава платья, чтобы обнажить два магических шрама, выглядевших теперь обычными цветными татуировками.

Пенелопа сощурилась, увидев помеченные предплечья, молодой женщины, она наклонилась в кресле, чтобы рассмотреть их поближе, и даже взяла левую руку Кэтти-бри и немного повернула ее, чтобы лучше видеть семиконечную звезду.

— Какой художник рисовал это? — спросила Пенелопа.

— Это не художник.

Хозяйка дома снова взглянула ей в глаза:

— Это магические шрамы?

— Или были ими.

Пенелопа выпрямилась и огляделась по сторонам. Она подошла к двери и закрыла ее, затем вернулась и встала перед Кэтти-бри. Задрала платье и повернулась боком, демонстрируя отметину на левом бедре: багрово-синие пятно на коже.

— Нет бы моему стать таким же симпатичны, как у тебя! — сказала она. — Ты ничего не делала, чтобы подправить шрам?

— Это случилось только что, когда я была одна на дороге.

— И что же ты делала одна на дороге?

— Направлялась к побережью, я уже говорила вам.

— Это опасные места для путешествия в одиночку, даже для мага.

— Я летела, — призналась гостя. — Благодаря силе шрамов я летела как птица. А потом упала.

Пенелопа с шумом вобрала в себя воздух.

— В чем дело? — спросила Кэтти-бри.

— Ты не хочешь назвать мне свое настоящее имя, Делли Керти?

— Вы все равно не поверите мне, поэтому нет, пока нет. В свое время, возможно, когда мы обе придем к большому взаимному доверию.

Пенелопа обошла вокруг ее кресла:

— Мне сказали, ты упомянула семью Биддердуу.

— Одного Биддердуу, — поправила Кэтти-бри.

— Хорошо, одного Биддердуу. Которого?

Кэтти-бри смущенно рассмеялась.

— Биддердуу, — ответила она. — Биддердуу Гарпелла.

— Никакого Биддердуу Гарпелла нет.

— Он был. А кто тогда такие Биддердуу?

— Биддердуу умер сто лет назад, — ответила Пенелопа. — Его наследники живут в лесу, окружающем Широкою Скамью.

Кэтти-бри несколько мгновений обдумывала услышанное.

— Оборотни, — прошептала она.

— Да, Биддердуу, как мы их называем. Местные жители очень боятся их, но, по правде говоря, они охраняют город и не причиняют нам вреда. Я удивляюсь, что ты не встретила с ними на дороге, явившись в ночи и так подозрительно. Но с другой стороны, возможно, Биддердуу тоже любовались представлением.

— Оно было просто необыкновенным, — согласилась Кэтти-бри.

— Необыкновенное шоу для удивительного времен, — признала Пенелопа. — Странные вещи творятся вокруг Дворца Плюща.

Кэтти-бри рассмеялась подобной сдержанности.

— Репутация Гарпеллов бежит впереди них, добрая госпожа.

Пенелопа помедлила, словно оценивая, ее ответ, но не смогла скрыть собственной усмешки.

— Полагаю, да. Вполне заслуженная репутация. — Она снова села в кресло, и лицо ее посерьезнело. — Откуда ты знаешь о Биддердуу Гарпелле? И ты упомянула у ворот еще одного.

— Гаркла.

— Откуда ты знаешь о Гаркле?

— Я выросла в Мифрил Халле.

Пенелопа выпрямилась, принимая ее слова к сведению.

— Выросла среди дворфов Боевого Топора? И при этом обучалась магии?

— Меня должным образом готовили, — ответила Кэтти-бри. — Не архимаг, конечно!

— Я видела твой огненный шар. Тебе нравится вызывать духов?

— Мне нравится взрывать, — криво усмехнулась Кэтти-бри.

— Ты говоришь как Гарпелл!

— Нравится взрывать, когда я не нахожусь рядом с тем, что взрываю, — уточнила

Кэтти-бри, и Пенелопа рассмеялась и хлопнула ее по коленке.

— Ну, может, не совсем как Гарпелл, — признала она. — Скажи мне, есть у тебя на данный момент в запасе еще какие-нибудь заклинания?

Кэтти-бри на миг задумалась, потом кивнула.

— Огненный веер, — сказала-она, соединяя кончики больших пальцев и взмахивая остальными.

Пенелопа огляделась, потом поманила Кэтти-бри за собой на пустую середину комнаты, где можно было воспламенить ладони, не рискуя устроить пожар.

— Один момент. — Женщина вышла из комнаты и вскоре вернулась с двумя мужчинами, одним того же возраста, что сама Пенелопа, и другим — намного старика

— Мой муж, Доуэл, и Киппер Харпелл, старший в клане.

Оба вежливо склонили головы. Доуэл развернул пергамент, держа его перед Киппером, и кивнул Пенелопе.

Пенелопа перешла на свободное место перед Кэтти-бри и предложила:

— Пожалуйста, начинай свое заклинание.

Гостья воздела руки к небу и заговорила нараспев.

— Пожалуйста, громче, милое дитя. — попросил Киппер.

Девушка прочистила горло и начала снова, и несколькими мгновениями позже на ее пальцах пылал огненный веер; надежный двумер, пусть и не ошеломляющий. Она повернулась взглянуть на троих наблюдателей и увидела, что все они ухмыляются, а Киппер еще и кивает.

— И взгляните на ее руку! — воскликнула Пенелопа, заметив голубой туман, стгущающийся вокруг левого предплечья вновь прибывшей. Она подскочила к девушке и потянула ее к остальным, отдернув рукав и демонстрируя семиконечную отметину.

— Что? — спросила Кэтти-бри.

— Мистра, — благоговейно произнес Киппер, склонив голову.

— Значит, это правда, — добавил Доуэл, широко улыбаясь.

— Что? — спросила Кэтти-бри.

— Твои заклинания, начала объяснять Пенелопа, но Киппер перебил ее:

— Ты черпала свою силу из старых источников. Тебя так научили?

Кэтти-бри не знала, что ответить. Да, ее так научили, но в другой жизни. В этой все было иначе.

— Что это значит? — спросила она, не ответив на вопрос.

— Пряжа, девочка, — продолжал Киппер, — ты чувствуешь ее?

Кэтти-бри вспомнила тот миг, когда магия ее шрамов исчезла, вспомнила вспышку в небе, похожую на затмение, на паутину.

Похожую на Пряжу Магии.

Она ошеломленно уставилась на Пенелопу.

— Ваш праздник, — шепотов выговорила она, сопоставляя одно с другим. — Неужели последствиям магической чумы пришел конец?

Пенелопа неожиданно крепко обняла ее.

— Мы молим об этом, — прошептала она, — Молим об этом.

Месяцы спустя Кэтти-бри смотрела из окна своей комнаты во Дворце Плюща на восток, в сторону Незерила. Силы ее магического шрама, способность изменять облик и вызывать бури не вернулись к ней, как и к другим отмеченным знаками магам в этом доме, и, судя по всем признакам, Магическая чума действительно отступила.

Наконец-то.

Но что это означало для Нирая и Кавиты? Или, размышляла Кэтти-бри, для Авельер и Ковена?

Гарпеллов, похоже, переполняла радость от этих новостей, хоть им всем пришлось переучиваться. Библиотека Дворца Плюща, разумеется, возникла задолго до Магической чумы, так что они были хорошо подготовлены к такому внезапному изменению магии. А Кэтти-бри, поразмыслив об этом, пришла к выводу, что сама готова к этому едва ли не лучше всех остальных! Поскольку изначально она обучалась по старым канонам; многие ли маги в Королевствах, за исключением эльфов и дроу, могли сказать о себе то же самое?

Считанные единицы, поняла она, поскольку Гарпеллы не до конца отказались от своих прежних навыков.

Были и другие заметные различия между нею и магами, окружавшими ее, и Кэтти-бри могла объяснить это только удивительными днями, проведенными ею в Ируладуне. Когда она взывала к своей магии, ее магический шрамы отзывались, чего не было ни у Пенелопы, ни у нескольких других аналогично помеченных волшебником. Даже у Кэтти-бри эта реакция казалась скорее внешней, поскольку ее магия была не слишком сильной. Случись ей сойтись в поединке заклинаний с Пенелопой, девушке очень быстро пришел бы конец, она не сомневалась в этом.

И все же ей было чему поучиться у Гарпеллов, пригласивших ее остаться и тренироваться с их наставниками. Она была искуснее многих в переделывании заклинаний обратно на старый лад, и Киппер, а также остальные, высоко ценили, ее труды в этом направлении и делились с нею лучшими своими двомерами в обмен на ее заклинания.

Так в четвертый раз с момента превращения Кэтти-бри из воина в мага она обрела новую школу. В первый раз она занималась у великой леди Аластриэль из Серебристой Луны, потом с Нираем и Кавитой, затем в Ковене, и вот теперь здесь, во Дворце Плюща. Мог ли любой изучающий тайную магию желать большего? Ей действительно посчастливилось!

— Нет, в пятый раз, — произнесла она вслух, поправив себя, поскольку вспомнила величайшую из наставниц, ту, от которой получила свои божественные способности. Она взглянула на правое предплечье, на голову единорога, и вновь услышала магическую песню Миликки.

Девушка решительно качнула головой, думая о своем грядущем воссоединении со своим возлюбленным Дзиртом и размышляя о цели своего возвращения. Что ей предстоит, гадала

она. Быть может, за Дзиртом в самом деле охотится Паучья Королева, которая явится, чтобы сразиться с воплощением Миликки? Что сможет она поделать против этой откровенной силы? Или это будет сражение представителей, миньоны против миньонов? О, но в любой подобной схватке Кэтти-бри с уверенностью поставила бы на Компаньонов из Мифрил Халла!

Она поняла, что широко улыбается, — по правде сказать, ей показалось, что улыбка у нее просто до ушей! Снова выйти в путь с Дзиртом! С Бренором и Реджисом — ох, как же она надеялась, что они отыщут путь к Пирамиде Кельвина в день весеннего равноденствия в 1484 году! В этот миг она была уверена, что найдет Дзирта; в этот придающий бодрости миг Кэтти-бри обрела мужество и отвагу и сердце гулко забилося у нее в груди.

Она понимала, конечно, что Дзирт, возможно, давно умер, что Бренор и Реджис могут погибнуть за время долгого пути. Знала, что ее собственный путь далеко не безопасен, что пройти предстоит много трудных миль, а силы ее ограничены, что по следу ее, возможно, уже идет опасная прорицательница с кучей своих приспешниц.

Однако в этот миг Кэтти-бри знала, что найдет свою любовь. И встанет рядом, готовая сражаться. Радость на ее лице сменилась суровой решимостью, и молодая женщина снова погрузилась в занятия.

Лето сменилось осенью, а осень — зимой, и на смену году Нестареющего наступил год Прихода Глубокой Воды. Бренор выехал с караваном из Мифрил Халла, направляясь в Мирабар, а Реджис переплывал Море Падающих Звезд, но Кэтти-бри не могла этого знать.

Год завершился снова, наступил год Ухмыляющегося Хафлинга, и сезоны сменились еще раз. Бренор пересек Мирабар и отправился к Вратам Балдура, в то время как Реджис ехал с «Ухмыляющимися пони» по Торговому пути, и оба они были не так уж далеко от Широкой Скамьи. Но Кэтти-бри не отрывала глаз от книг, ведь дальнейшее развитие ее возможностей соответствовало желаниям Миликки и должно было сослужить хорошую службу им с Дзиртом.

Кэтти-бри надеялась, что пробудет в Широкой Скамье еще год-другой, а может, даже немножко дольше, если сумеет достичь мастерства, необходимого для овладения заклинанием телепортации, благодаря которому мгновенно перенесется в Долину Ледяного Ветра.

Таков, по крайней мере, был ее план, но однажды серым утром незадолго до начала 1483 года Пенелопа позвала ее в свои покои, где супруг волшебницы и старый Киппер уже сидели вокруг рабочего стола.

— Мы привыкли считать тебя другом, даже членом семьи, — обратилась к ней Пенелопа, едва девушка заняла указанное ей место. — Многие поговаривали, что тебя нужно формально посвятить в Гарпеллы.

Кэтти-бри хотела спросить, означает ли это, что она должна будет превратиться в статую, или стать оборотнем, или испепелить себя сбившимся с курса огненным шаром, или предпринять еще что-нибудь столь же катастрофичное, но, оценив мрачную атмосферу вокруг, мудро решила оставить свои шутки при себе.

— Мы открыли для тебя наш дом и наши книги, — добавил Киллер.

— Вы были безмерно щедры, все вы, — подтвердила гостья.

— Не думаешь ли ты, что пришло время поведать нам правду о Делли Керти? — напрямик спросила Пенелопа.

Кэтти-бри глубоко вздохнула и уставилась на Пенелопу, свою подругу и наставницу,

неуверенно, но не потому, что не доверяла хозяевам и не думала о них. Вовсе нет!

— Ты колеблешься.

— Настолько ли важен этот отдельный кусочек правды? — спросила Кэтти-бри.

— Да, — ответил Доуэл с неожиданной и пугающей серьезностью.

— Киллер обнаружил некую нежелательную магию, нацеленную на Дворец Плюща, — пояснила Пенелопа — Заклинания обнаружения, прорицания, удаленное видение. Некто ищет здесь что-то — или кого-то.

Кэтти-бри закрыла глаза и сделала еще один успокаивающий вдох. Хотя прошли годы, она сердце чуяла, что это леди Авельер.

— Так ты скажешь нам правду? — спросил Доуэл.

— Нет, — без колебаний ответила Кэтти-бри.

— Для нашей же пользы? — уточнила Пенелопа, и Кэтти-бри кивнула.

— Значит, за тобой охотится могущественный враг, — сделал вывод Киппер и кивнул, когда Кэтти-бри взглянула на него. — Тогда хорошо, что ты здесь. Ты среди друзей, тоже могущественных.

— Нет, — ответила Кэтти-бри, снова не задумываясь. — Хорошо, возможно, для меня, но не для вас.

— Мы сильны...

— Это не имеет значения, — перебила Кэтти-бри. Мыслями она была уже вне стен Дворца Плюща. Если бывшая наставница охотится за ней, Авельер и ее незересские пособницы не станут выступать против Гарпеллов. Они будут высматривать и выискивать, и они получают горячий след, когда Кэтти-бри наконец покинет этот дом.

— Опасность мне не грозит, — пояснила Кэтти-бри. — Равно как и вам, когда я тут. Но будет лучше, если я уйду; во всяком случае, теперь. Я не предполагала делать такой крюк во время пути, хотя и ни на что не променяла бы эти последние годы. Щедрость Гарпеллов превосходит даже их эксцентричность, а это не так уж мало!

— Ты должна поведать нам удивительную историю! — возразила Пенелопа. — Про Гаркла, и Биддердуу, и Мифрил Халл, и Делли Керти. Я хочу услышать...

— В другой раз. Обещаю вам. Однажды я вернусь в Широкую Скамью и отплачу вам за щедрость такими историями, что вы умрете со смеху. Знаю, что это жалкая плата за те уроки мастерства, что вы дали мне.

— Это была взаимовыгодная сделка, — возразил Доуэл. — Твои уникальные навыки работы по-старому послужили нам так же, как мы послужили тебе.

— Очень великодушно с вашей стороны сказать такое, — заметила Кэтти-бри. — Значит, я вольна уйти?

— Разумеется, — сказала Пенелопа, — хотя мы и предпочли бы, чтобы ты осталась.

— Я вернусь, — повторила Кэтти-бри, глядя ей в глаза, со значением произнося каждое слово. — Но могу ли я попросить еще об одной милости? — Она посмотрела на Киллера, самого искусного из компании. — О магической транспортировке?

Старик приподнял кустистую бровь.

— И секретности, — добавила девушка. — Я скажу о том, куда мне надо, вам одному, и вы дадите слово, что ни с кем не поделитесь этим знанием, даже с вашими коллегами — Гарпеллами.

— А мы даже не знаем твоего имени, — посетовала Пенелопа.

Кэтти-бри обернулась к ней, пожала плечами и крепко обняла женщину.

Собрав все необходимое в дорогу и немного ознакомившись с современной географией местности к западу от Широкой Скамьи, путешественница остановилась на месте, показавшемся ей достаточно гостеприимным и находящимся в пределах досягаемости от ее главной цели. Она не станет просить Киллера перенести ее в Долину Ледяного Ветра поскольку не хочет, чтобы он или кто-либо другой узнал, куда она в конечном итоге направляется.

Она вышла из портала, созданного старым магом, на горный перевал, возвышающийся над маленьким городком, притулившимся у западных предгорий Хребта Мира. Городок именовался Аукни, и его правители вели свой род со времен еще до Магической чумы, и оттуда, из этого рода, были Меральда и Кэлси, маленькая девочка, которую в давно минувшие дни Вульфгар ненадолго принял как своего собственного ребенка.

Глава 25. Верность

Год Наказанного Проныры

(1483 по летоисчислению Долин)

Гаунтлгрим

Со всем свойственным дворфам упрямством Бренор не обращал внимания на приближающихся монстров, сопротивляясь давлению башмака, каждой унцией своей силы продвигая себя к топору со множеством зазубрин. Если бы только он смог дотянуться...

Но он не мог и тихо зарычал, поскольку башмак надавил еще сильнее, прижав его со сверхъестественной силой, впечатывая руку в камень. Когтистые пальцы рвали его одежду и кожу, потусторонние вопли голодных немертвых дроу эхом отдавались от стен пещеры.

— Пошли вон! — услышал Бренор, и грубый голос и акцент заставили его застыть. Руки перестали хватать его, но башмак продолжал держать крепко. Дворф сумел извернуться и мельком взглянуть на своего мучителя — и задохнулся от потрясения, оцепенев настолько, что был не в силах сопротивляться, когда толстая рука протянулась вниз, схватила его за воротник и грубо, удивительно, легко вздернула на ноги.

— Ты все еще дышишь только потому, что ты дворф, вор, но знай, что дышать тебе осталось недолго! — объявил вампир — немертвый дворф в гребенчатом доспехе. — Я хочу, чтобы ты узнал, чью могилу грабишь, прежде чем я сломаю тебе шею.

— Пирамиду короля Бренора, — выдохнул Бренор и добавил тонким от совершеннейшего шока голосом: — Пуэнт.

Вампир встряхнул его так грубо, что у Бренора загремели все кости:

— Как ты меня назвал?

— Пуэнт... о, мой Пуэнт, во что ты превратился?

Вампир-дворф, Тибблдорф Пуэнт, уставился на юного дворфа, оглядел его сверху донизу, потом заглянул ему в глаза. Их с Бренором взгляды встретились, и они молча смотрели друг на друга на протяжении многих ударов сердца — ударов сердца Бренора, но не мертвого берсерка.

— Мой король? — спросил Тибблдорф Пуэнт. Он выпустил ворот Бренора, и его рука заметно дрожала, когда он отдернул ее. — Мой король?

Вампиры-дроу вокруг них беспокойно шипели и шаркали по полу, явно желая наброситься на живого дворфа и разорвать его в клочья.

— Фу! Убирайтесь прочь! — прикрикнул на них Пуэнт и угрожающе замахнулся. Компания отступила в темноту, пятясь, протестующе шипя, и вскоре вампиры уже взялись за трех спутников Бренора, чтобы попить их еще теплой кровью.

— Что ты делаешь? I — не веря себе, воскликнул Брег нор, оглядываясь по сторонам в откровенном ужасе. — Пуэнт, что?

— Вы умерли, потянув за рычаг, — ответил Пуэнт, и Бренору почудился оттенок обиды в его голосе. — А я нет. Ну вот, а тот проклятый вампир, приятель Далии, куснул меня в шею

и передал мне свое проклятие.

— Вампир, — пробормотал Бренор, пытаясь понять, пытаюсь отыскать хоть какой-то смысл в этом безумии. Тибблдорф стал вампиром, он обитает в залах Гаунтлгрима в компании вампиров-дроу? — Пуэнт, — заговорил он с сочувствием, и участием, и явным замешательством, что ты тут делаешь?

— Стая проклятых дроу обосновалась в этом месте, — ответил берсерк. Его лицо превратилось в злобную маску, он свирепо зарычал, и Бренор на миг испугался, что бывший телохранитель набросится на него в приступе убийственной ярости. В глубине души он понимал, что страх небезоснователен: Тибблдорф Пуэнт был на грани, внутренняя борьба ясно отражалась в его мертвых глазах.

— Я сдерживаю их. Я сражаюсь с ними! — заявил Пуэнт. — Да, но это все, что от меня осталось, мой король. Все, что осталось от Пуэнта. И будьте уверены, мой король, это очень сладко — вонзять клыки в их костлявые шеи, можете не сомневаться. Да, вот это счастье, мой король!

Говоря, он придвинулся на шаг, сверкая удлиненными клыками, и на миг Бренор снова решил, что Пуэнт сейчас вцепится своему королю в горло.

Но тот отодвинулся, хотя явно с превеликим трудом.

— Я твой король, — напомнил Бренор. — Я твой друг. И всегда был твоим другом, а ты — моим.

Вампир заставил себя кивнуть.

— Если бы вы были мне другом, то убили бы меня, — сказал он. — Да, но вы не можете, а я не собираюсь позволять вам это. — Он бросил взгляд на каменную пирамиду и пнул ее, и его сверхъестественная сила заставила крупные валуны раскатиться в стороны.

Бренор смотрел на свой собственный труп, на топор со множеством зазубрин, перенесший десятилетия бездействия так, словно не прошло и дня. Юноша видел свой прежний доспех, подобающий королю, и небольшой круглый щит с изображением пенящейся пивной кружки клана Боевого Топора, щит, отразивший удары тысячи врагов. Он смотрел на череп, свой череп, серовато-белый, с лоскутьями высохшей кожи, и столь шокирующим было осознание того, что он видит собственную гниющую голову, что до Бренора далеко не сразу дошло: его увенчанный одним, рогом шлем исчез! Он попытался вспомнить, где потерял его. Быть может он упал в яму Предвечного, когда они с Пуэнтом переползали через пропасть?

Неважно, постарался он убедить себя.

— Я пробовал убить себя, — продолжали Тибблдорф, явно не обращая внимания на душное смятение Бренора. — Была возможность, да, но когда солнечный свет проник в ту пещеру и начал жечь меня... я сбежал. Убежал вниз, сюда, во тьму. Удрал в безумие, вот как, но я не сдался, мой король. Я сражаюсь!

Бренор высвободил свое проверенное старое оружие из руки скелета.

— Но, мой король? — внезапно спросил бывший телохранитель, и по тону Бренор понял, что последует дальше. — К-как? — запинаясь, выдавил Пуэнт. — Вас же не может быть!

Бренор обернулся и взглянул на старого друга.

— Да, но я есть, — и это часть дьявольской игры. Я много чего рассказал бы тебе, старый дружище, но боюсь, моя история так же темна, как и твоя. — С этими словами он взглянул на Трон Богов, проводник божественной силы, столь мощно исторгнувший его. Он

пришел сюда, исполненный надежд, с возрожденной верой в Морадина, восхищаясь хитростью бога дворфов, использовавшего Миликки.

Но теперь, когда трон отверг его, Бренор не знал, что и думать.

— Помоги мне взять доспехи и щит, — попросил он.

Тибблдорф Пуэнт, посмотрел на него с сомнением.

— Это я и есть, дурень, и такого взгляда я, по-моему, не видал от тебя с тех времен, когда Нанфудл отравил меня, чтобы я мог убраться из Мифрил Халла.

Пуэнт ошарашенно моргнул, обдумывая его слова.

— Мой король, — склонил он голову и начал помогать Бренору с трупом.

Надев свой старый доспех, Бренор поведал Пуэнту историю об Ируладуне, об обещании, данном Миликки, и свидании, назначенном на вершине Пирамиды Кельвина. Ему пришло в голову, что вампир перебивает его не так часто, как можно было бы ожидать от Тибблдорфа Пуэнта, у которого на все было собственное мнение, но лишь внимательно приглядевшись к своему старому другу, он понял, насколько был прав: Пуэнт его по-настоящему даже не слушал. Более того, то, как Пуэнт посматривал на Бренора в этот миг, означало, что даже теперь вампир борется с искушением, порождаемым его болезнью. Бренор видел, что мертвый жаждет крови, любой крови, даже его, Бренора.

— Значит, теперь ты здесь убиваешь дроу, да? — внезапно спросил Бренор, чтобы отвлечь старого друга.

— Да, но теперь убиваю не так много. Они там, внизу, знают про меня, — ответил Пуэнт. — Несколько сделал вампирами, как вы видели, еще нескольких убил совсем, но теперь я больше времени провожу в верхних залах, а не возле Кузни и этих проклятых дроу.

— Кузни?

— Да, они пользуются ею.

Бренор скривился при мысли, что Кузня Гаунтлгрима, одна из главных святынь его наследия Делзун, находится в руках темных эльфов.

— Вы бы лучше ушли. — Казалось, Пуэнт с трудом вытаскивает из себя каждое слово. — Я подвел вас, мой король, не заставляйте меня подвести вас снова.

— Но ты все еще охраняешь этот зал, — возразил Бренор, придвинулся ближе и положил руку на крепкое плечо друга. — Даже таким, какой ты есть, ты сторожишь, этот зал, мою могилу и трон.

— Это все, что у меня осталось, — пожаловался Пуэнт. — Последняя ниточка... — Голос его дрогнул.

Бренор похлопал дворфа-вампира по плечу и пожима- кяце кивнул.

— Мой верный Пуэнт, — подбодрил он бывшего телохранителя. — Ты верен до конца.

Пуэнт замотал головой.

— Все, что есть у любого дворфа, — сказал Бренор, — верность. Вся честь — в верности своему слову и своим друзьям. Больше нам нечего дать и ничего иного от нас не ждут.

Едва выговорив последние слова, Бренор снова бросил взгляд на трон и понял, почему был отвергнут им.

— Дзирт, — сказал он скорее себе, чем вампиру.

— Да, видел его в начале моей болезни, — неожиданно сообщил Пуэнт, и Бренор обернулся к нему. — Это он оставил меня в пещере на восходе солнца, но он думал обо мне лучше, чем я оказался. — Он покачал заросшей волосами головой и уныло уставился в пол.

Бренор пытался осмыслить эти слова, но в голове засели другие мысли.

— Из него получился бы хороший дворф, да? Из Дзирта?

— Слишком тощий, — ответил Пуэнт. — Но душой — да. Никто не был более предан вам, чем он, кроме меня.

— Невознагражденная преданность, — едва слышно пробормотал Бренор, внезапно почувствовав себя изрядно пристыженным. Он снова оглянулся на трон. — Добрый друг, — добавил он громче.

— Да, но если бы он им был, то убил бы меня совсем в той пещере. — Голос Пуэнта внезапно вновь изменился. — Нельзя доверять сердцу вампира.

Эти слова больно задели Бренора, а осмыслив их, он все понял. Боевой Топор резко развернулся, держа топор наготове.

Но Тибблдорфа Пуэнта нигде не было видно. Бренор обежал все вокруг.

— Пуэнт! — звал он. — Ты затеял охоту на меня, дворф? Пуэнт!

Ответа не было.

Бренор постучал топором по щиту:

— Пуэнт?

Он услышал какую-то возню за тронем и прыжком обогнул его, как раз вовремя, чтобы увидеть, как облачко тумана с дворфа величиной уплывает вдаль и втягивается в трещины в полу. Бренор побежал туда, но Пуэнта там не было. Бренор посмотрел на трон, сиденье которого теперь мог видеть, и там, на сиденье, лежал его однорогий шлем.

— Ах, Пуэнт, мой Пуэнт, — прошептал Бренор со слезами на глазах. Он положил топор перед тронем и дрожащими руками потянулся к шлему — единственной короне, которую он когда-либо носил. — Верный Пуэнт, — шепнул он снова, думая, что, даже будучи больным, под проклятием вампиризма, Тибблдорф Пуэнт устыдил его и показал, каким должен быть настоящий дворф.

Верность.

И тут Бренор понял яснее, чем когда-либо с того самого дня, как он вышел из Ируладуна. Все мысли о Морадине, одурачившем Миликки, вылетели у него из головы. Он, Бренор, дал клятву в обмен на возрождение, и это была клятва прийти на помощь другу, самому верному, какого он когда-либо знал. Дзирт До'Урден сражался за Мифрил Халл, за Бренора свирепо, как никто другой.

— Компаньоны из Мифрил Халла, — произнес он. — Каким же дураком я был!

Он надел на голову шлем, поднял топор и, решительно рыкнув, снова взобрался на сиденье трона богов.

— Мудрость Морадина, — повторил он вслух. — Тайны Думатойна. Сила Клангеддина. И все для тех дворфов, которые верны. Нет для дворфа ничего превыше чести. Слово и сердце. Верность!

Он откинулся на спинку и закрыл глаза, и ощутил, что раны его начинают исцеляться.

Он думал о Кэтти-бри, и о Реджисе, и, конечно, о Дзирте. Думал о своем мальчике и желал ему вечного мира в Чертогах Темпуса. Думал о бедном Пуэнте и знал, что должен вернуться сюда и дать своему другу возможность упокоиться с миром.

Но не один.

Компаньоны из Мифрил Халла даруют покой Тибблдорфу Пуэнту.

Да, и потом они пойдут на восток, к Мифрил Халлу, и начнут войну, которая должна быть начата.

Да.

— Он думает, что он один здесь хозяин, — раздался чей-то голос, отвлекая Бренора от его мыслей.

Дворф выпрямился и увидел, что к нему приближаются три фигуры. Темные эльфы, вампиры, сразу понял он, поскольку двое двигались неуклюже. Однако третий, тот, что шел в середине, выглядел более свободно, более естественно, и Бренору на миг подумалось, что этот еще жив.

— Твой приятель-дворф — главный вампир, — сказал этот дроу, приказав другим остановиться. Он говорил на общем языке, искажая и растягивая слова так, что Бренор не сразу понял их. — Он думает, мы просто его слуги, но, быть может, это верно не для всех нас.

Бренору не нужно было даже до конца расшифровывать его речь, чтобы понять их смертоносные намерения.

«Брось меня на них» — мысленно попросил он трон, сконцентрировавшись; и почти так же, как перед этим, но на этот раз к его пользе, Трон Богов с силой исторг его, швырнув в воздух. Бренор летел и кричал: «Морадин» — во всю глотку и от всего сердца.

Он врезался в двух вампиров поменьше, так что они разлетелись в стороны, и приземлился полностью готовый нанести удар. Вампир-дроу попытался вскрикнуть, но, прежде чем хоть одно слово сорвалось с его губ, голова покинула плечи, срубленная начисто, и покатила в темноту.

Бренор взревел и крутанулся влево, навстречу атаке одного из меньших вампиров. Сила Клангеддина хлынула в его руки — он чувствовал, что боги вошли в него, одобряя, — когда он размахнулся и наискось ударил топором.

Немертвый дроу упал, разрубленный надвое.

Бренор снова развернулся и увидел, что третий из группы убегает, он подпрыгнул в воздух и снова превратился в летучую мышь.

— Не уйдешь! — завопил Бренор и метнул топор.

Вращаясь, оружие устремилось к цели.

Вампир грохнулся наземь, и Бренор, подбежав, увидел, что тот мертв, застигнутый на полпути в превращении из дроу в летучую мышь, однорукий, однокрылый, с безобразно изуродованной головой.

Дворф нагнулся, ухватился за рукоять топора и высвободил оружие.

— Верность! — крикнул он в темноту. — Держись, мой Пуэнт! Я найду тебя, не сомневайся, и отправлю в Дом Дворфа, где тебе самое место!

Но не теперь, знал он. Уже поздняя осень, и перевал, ведущий в Долину Ледяного Ветра, до которого еще по меньшей мере десять дней пути, скоро закроется. Если он не пробьется сквозь первые снега, то в течение нескольких месяцев не сможет попасть в Десять Городов и, вероятно, не успеет оказаться на месте вовремя, чтобы исполнить клятву.

Бренор вытащил из ранца факел и зажег его от того, что догорал рядом с растерзанным телом Вестры. Он наскоро прочел молитву по своим погибшим спутникам, всем троим, но не мог задерживаться, чтобы соорудить над ними пирамиды, да они этого все равно не заслуживали. Молитвы было вполне достаточно.

Он двинулся прочь, в однорогом шлеме и с пенной кружкой на щите, с испытанным топором на плече, с мудростью Морадина, тайнами Думатойна и силой Клангеддина, пульсирующими в нем.

Король Бренор Боевой Топор из Мифрил Халла.

Но куда важнее, и теперь он знал это, — друг Бренор Боевой Топор, принадлежащий к
Компаньонам из Мифрил Халла.

Глава 26. Модный Паук

Год Наказанного Проныры

(1438 по летоисчислению Долин)

Лускан

Маленькая фигурка в сером дорожном плаще низко пригнулась под дождем к седлу темно-гнедого пони, медленно шагавшего к далеким воротам Города Парусов. Паук не оглядывался на многие пройденный мили пути с того дня, как они расстались с «Ухмыляющимися пони» и Дорегардо увел свой отряд обратно, по обычному южному маршруту. Его путь лежит теперь перед ним, постоянно напоминал себе Реджис, борясь с искушением повернуть лошадку и скакать во весь опор за своими товарищами.

Как много всего он оставил позади за годы своей второй жизни... Друзья, в том числе один совершенно особенный, в Дельфангле, друзья по Торговому пути... Он обязательно встретится с ними снова, поклялся Реджис.

Но теперь его дорога ведет вперед, а не назад.

— Кто ты и чем занимаешься? — окликнул его стражник из приземистой башни перед закрытыми южными воротами Лускана.

Хафлинг взглянул вверх и откинул капюшон своего плаща, явив взорам синий берет, который он носил слегка набекрень, на левую сторону, приплюснутым спереди при помощи золотой пуговицы в виде бегущего пони. Вьющиеся каштановые волосы, мокрые от измороси, свисали юноше на плечи, и он отпустил тонкие усики и бородку клинышком — полоску волос от нижней губы до середины подбородка, очень похожую на ту, что носил его наставник, Периколо Тополино.

— Паук Тополино, — ответил он без колебаний, и его даже не подмывало назваться Реджисом, именем, от которого он давно отказался, — путешествовал с Дорегардо и «Ухмыляющимися пони».

Глаза стражника на миг расширились, он оглянулся и пошептался с кем-то невидимым, стоявшим позади.

— Никогда о таких не слышал, — заявил он, снова повернувшись к Пауку.

Хафлинг из отряда по поддержанию порядка пожал плечами; он не поверил человеку, но его это ничуть не волновало.

— По какому делу? — продолжил стражник.

— Проездом, — ответил Паук, — на Север. У меня, семья в Одиноком Лесу, в Десяти Городах. Полагаю, туда скоро пойдут последние караваны. — Из прошлой жизни он достаточно хорошо знал здешнее расписание, чтобы понимать, что говорит правду, поскольку восьмой месяц, элиазис, 1483 года уже начался, а перевал через Хребет Мира снега зачастую закрывали еще до конца девятого месяца. Возможно, ему следовало бы прийти в Лускан на пару десятков дней раньше, но расстаться с «Ухмыляющимися пони» оказалось трудным делом. Он оставил за спиной две полноценные жизни и обе успел

полюбить, и теперь переходил к третьей и мог лишь надеяться, что она будет наполнена любовью и дружбой не меньше прежних.

— И у тебя есть золото, чтобы заплатить каравану за проезд? — осведомился стражник, по мнению Паука, слишком хитро.

— Поскольку я намереваюсь отправиться на Север в любом случае, то ожидаю, что у торговцев хватит золота, чтобы позволить себе ехать в моем обществе, — ответил Паук, Стражник смерил его скептическим взглядом.

— Прошу тебя, открывай свои ворота, — сказал Паук. — Боюсь, этот дождь промочил меня насквозь, и я страстно мечтаю о горячем очаге и вкусной еде перед тем, как лечь спать.

Стражник колебался, разглядывая его сверху. Хафлинг выпрямился и немного поправил плащ, сдвинув левую руку таким образом, что пола плаща отошла в сторону, явив взорам рапиру во всем ее великолепии. Хитрый Паук не забыл слегка развернуть пони вправо, чтобы стражнику было лучше видно.

Наконец мужчина оглянулся, сказал что-то, чего Паук не расслышал, и вскоре ворота начали со скрипом открываться.

Паук Периколо Тополино сидел в седле очень прямо, плащ свисал с левого плеча, левая рука оставалась свободной, и он управлял своим скакуном одной правой. Хафлинг всячески старался выглядеть уверенно. В конце концов, уверенность в себе — лучшая защита от возможных грабителей и убийц.

Насколько он мог судить на первый взгляд, а также из информации, собранной за последние месяцы на юге, город очень сильно изменился к худшему за те сто лет, что прошли с последнего визита Реджиса. Лусканом по-прежнему правили пять верховных капитанов и их так называемые Корабли, все как один состоящие из пиратов и головорезов самого скверного пошиба. Это был город отъявленных мерзавцев, где труп, лежащий на обочине дороги, не вызывал удивления.

Слева от Паука виднелись мачты множества кораблей. Большинство из них, вероятно, вскоре отправятся на юг, так что их матросы вполне могут пойти на рискованное дело в Лускане, рассудив, что покинут порт еще до того, как магистраты сумеют поймать их.

Учитывая это, Паук, направлявшийся к северным воротам города, держался правой, восточной стороны узких улочек и удаленных от моря кварталов, стараясь оставаться в зоне видимости с восточной стены. Значительная часть Лускана лежала теперь в развалинах, и, увидев Верхний мост, переброшенный через реку Мирар и ведущий к северным воротам, он понял, что мосты тоже в ужасном состоянии, причем настолько, что Реджис задался вопросом, а выходят ли вообще из Лускана караваны, направляющиеся на Север.

Его взгляд отметил одно из строений на берегу реки, южнее Верхнего моста, и хафлинг облегченно вздохнул, увидев, что Дом Лошадей Баливера, очевидно, еще существует. Он направил своего пони туда, где двое юношей и женщина грузили сено на телегу.

— Рад нашей встрече, — поздоровался он, спешиваясь, с удовольствием отметил, что эти трое улыбнулись, и удивился, насколько такая мелочь, как улыбка, способна осветить эти жалкие развалины, выдающие себя за город.

— И мы тоже, добрый господин, — ответила симпатичная девушка лет двадцати. — Постой, или аренда, или, может, и то и другое?

— Постой, — сказал Реджис, передавая поводья одному из парней, вышедшему вперед. — Его зовут Рамбл, или же Рамблбелли — для друзей. Прошу, обращайтесь с ним хорошо. Это славный и преданный пони. — Он снял седельные сумки со спины Рамбла и перекинул

их через плечо, потом порылся в кошельке. — Три серебряные монеты за ночь? — полуспросил, полупредложил он.

— Да, вполне достаточно.

— Тогда здесь за десять дней, хотя сомневаюсь, что пробуду в городе так долго, и еще немножко за особый уход за моим вечно голодным пони. — Он отсчитал молодому человеку четыре золотых. — И еще немного сверх, когда я буду забирать его, — добавил он, когда счастливый парень повел Рамбла прочь.

— Мне нужно найти жилье и караван в Долину Ледяного Ветра, — добавил Реджис повернувшись к девушке. Он взглянул на север, на постройки на другом берегу, и поинтересовался: — А что, «Красный дракон» еще работает?

Ясно было, что они не имеют представления, о чем он говорит.

— Может, он имеет в виду «Одноглазого Джакса»? — заметил оставшийся юноша.

— Это постоянный двор на северном берегу, — пояснила девушка. — Достаточно приличный, как я слышала.

— Лучше ему ночевать у нас на сеновале, — предложил парень.

— Ну и что это за место? — осведомился Реджис.

— Удобное, — ответила девушка. — И там, конечно, вы скорее узнаете все новости про караваны к Северу, только... — Она взглянула на своего сомневающегося напарника.

— Я вижу, вы при оружии, — сказал парень. — Умете им пользоваться?

— А что, придется?

Молодой человек лишь пожал плечами.

— Места и ночлега безопаснее ему не найти, — сказала девушка напарнику и повернулась к Пауку. — В «Одноглазом Джаксе» нередко бывают дроу, — пояснила она. — Но хозяин там — Капитан Курт. Ночлег у «Одноглазого Джакса» — самое безопасное, что вы можете найти в Лускане.

— Не так уж это много, — заметил парень.

— А я многого и не ожидал, — заверил его Реджис. Он взглянул в сторону Верхнего моста. — Он не провалится подо мной?

— Его все чинят, — ответил юноша. — Начали еще до моего рождения. Нет, там довольно безопасно, если внимательно смотреть под ноги, но, если на месте артель, что там работает, они потребуют от вас раскошелиться и заплатить за проход.

Паук из «Ухмыляющихся пони» лишь улыбнулся и покачал головой. За этой улыбкой, однако, скрывалась подлинная печаль от вида того, во что превратился некогда гордый Лускан. Ибо он, Реджис был здесь в 1377 году, когда капитан Дюдермонт попытался вырвать город из-под власти Тайного Братства и верховных капиталов. Если бы Дюдермонт победил, Лускан мог бы сейчас быть уменьшенной версией могущественного Глубоководья, блистающим бриллиантом на побережье, усеянном процветающими портами. Но увы, Дюдермонт потерпел неудачу и погиб.

И с этого, похоже, началось, угасание Лускана, его медленное и болезненное умирание.

Хафлинг бросил девушке серебряную монету, поблагодарил ее за информацию, прикоснувшись к своему нарядному головному убору, и двинулся в сторону моста.

Ступив на Верхний мост, он осторожно выбирал дорогу, поскольку камни на переправе выкрошились, и местами сквозь дыры виднелись грязные воды реки Мирар. Более чем грязные, понял хафлинг, поскольку они были черными как чернила, а издаваемый ими мерзкий запах долетал до моста и раздражал обоняние. Реджис был столь поглощен поиском

безопасного пути, что прошел не меньше трети моста, прежде чем заметил, что на самом деле он там не один. Возле кучи камней и деревянных плашек сидели три грязных человека, одетых в цвета неизвестного ему Корабля.

При его приближении компания поднялась на ноги, потянувшись кто за лопатой, кто за киркой, а из-за кучи камней появился четвертый.

Реджис боролся со своими инстинктами, напоминая себе не замедлять шага и не выказывать ни малейшего беспокойства.

— Эй, послушай, что ты тут забыл? — осведомился ближайший из группы.

— Я гость вашего славного города, направляюсь к «Одноглазому Джеку» в поисках комнаты, — весело ответил Паук.

— «Джаксу», ты имеешь в виду, — поправил его мужа.

— Ну да, «Джексу», — подтвердил хафлинг.

Второй мужчина подошел и встал рядом с первым, держа кирку, словно боевой топор, поперек груди.

— Значит, у тебя достаточно монет? — поинтересовался первый.

— Стал бы я искать комнату, если бы у меня их не было?

— Хватит, чтобы оплатить и комнату, и пошлину? — спросил другой из-за спин остальных, и лишь тогда по голосу Реджис понял, что это женщина.

— Не вижу никаких объявлений о пошлине, да и стражник у южных ворот ничего об этом не говорил, — небрежно бросил хафлинг.

— Нам не нужны никакие объявления, и стражники нам не указ, — заявил первый мужчина, вскидывая кирку на плечо и придвигаясь ближе, чтобы иметь возможность достать ею до головы Реджиса.

— Эй, малявка! Открывай свою кошелек, и мы тебе скажем, хватит ли там денег, чтобы перейти на ту сторону! — рявкнул грубиян с лопатой.

— Хм, — пробормотал Реджис, прикидывая варианты. У него в кошельке было несколько монет, и куда больше — в потайном отделении, где эта компания ни за что их не найдет. Вероятно, проход обойдется ему не дороже нескольких серебряных монет.

Нескольких серебряных монет и изрядной доли самоуважения.

— Нет, — ответил он. — Не думаю, что стану платить какую-либо пошлину.

— Ты не прав, — заявила женщина, продолжая держаться позади компании.

— Отойдите по-хорошему, — попросил Реджис и, взмахнув левой рукой, отбросил полу плаща, демонстрируя свою знаменитую рапиру.

— Ах ты коротышка! — обозлился первый замахиваясь киркой.

Но Реджис был быстрее, его правая рука метнулась к левому бедру и выхватила оружие одним неуловимым движением, а левая проскользнула в противоположную сторону прямо под вылетающим клинком и нырнула под правую полу плаща. Там у правого бедра притаилось в полной готовности его третье оружие, в кобуре, смещенной чуть назад, чтобы быстрее и легче было его выхватывать.

Вылетела из ножен, рапира, вылетел из кобуры ручной арбалет, разворачиваясь в движении, и в тот же миг, как острие клинка уперлось в горло мужчины с киркой чуть ниже подбородка, арбалет нацелился прямо в лицо человеку с лопатой.

— Прежде я вежливо просил, но теперь настоятельно требую, — сказал Реджис. — Отойдите.

Двое мужчин переглянулись. Реджис надавил рапирой, показалась кровь.

— Ты хоть знаешь, какому Кораблю угрожаешь, а? — возмущилась женщина.

— Я знаю, что у одного верховного капитана команда может стать меньше на трех мужчин и одну женщину, — ответил Реджис. — Если, конечно, кто-нибудь из вас не выживет после падения с моста и купания в этой крайне непривлекательной воде внизу.

Эта последняя часть фразы, похоже, возымела наибольший эффект, как заметил Реджис; от лица женщины отхлынула кровь.

— Я не стану просить вас снова, — заверил их Реджис.

Они отошли в сторону, и хафлинг перешел через реку, ухмыляясь от уха до уха.

Подбодренный собственной смелостью, чуть позже он уверенно вошел в таверну, именуемую «Одноглазый Джакс». Его удивило написание имени: он, разумеется, подумал, что заведение было названо в честь двух карт в стандартной колоде, но он просто не обратил на это внимания, понимая, что, вероятно здесь мало кому под силу хотя бы правильно выговорить это, и еще меньше - понять разницу между «Джекс» и «Джакс».

Едва он оказался внутри, на него уставилось множество глаз; Реджис отбросил капюшон и смахнул капли воды со своего берета. Он знал, что выглядит весьма лихо, этаким героической фигурой, и ни в малейшей степени не пытался скрыть это. Дерзость ему поможет, постоянно напоминал он себе, как это уже случилось на мосту. Он не должен, не станет демонстрировать хоть малейшую уязвимость.

На поясе у него находились ножны с тремя видами оружия на синих лентах под цвет его берета. Рапира висела на левом бедре, ручной арбалет — на правом, точно посередине, а кинжал в новеньких ножнах — сразу за ним. На Реджисе были черный кожаный жилет и белая рубашка, расстегнутая у ворота ровно настолько, чтобы продемонстрировать нижнюю рубашку из мягких материй со сверкающими мифриловыми нитями. Картину дополняли светло-коричневые ботинки, высокие и модные, из сверкающей черной кожи, не уступающей по качеству отличной выделки жилету; и в самом деле, это была работа одного и того же мастера-кожевника, считавшегося лучшим — и уж точно самым дорогим — во всех Вратах Балдура.

Стягивая перчатки для верховой езды — кожаные, но выкрашенные в синий, под цвет берета и перевязи, — он оглядывая комнату, вежливо кивая тем, кто разглядывал его наиболее заинтересованно. Заткнув перчатки за пояс, он подошел к барной-стойке заказать вина и спросить насчет комнаты.

— И как долго вы планируете оставаться у нас, господин? — осведомилась барменша, привлекательная юная особа с серыми глазами и густыми волосами цвета ореха, лишь чуть светлее, чем его собственные.

— Господин Тополино, — представился хафлинг и коснулся своего берета. — Паук Тополиной из Агларонда. Я хотел бы получить комнату на все время, пока не найду подходящий караван, идущий на Север.

— Мирабар? Аукни?

— Долина Ледяного Ветра, — сказал Реджис. — Я направляюсь в Десять Городов.

Барменша поставила перед ним на стойку стакан вина.

— И что за дела могут быть у вас в этом заброшенном краю?

— Мои собственные, — ответил он, полагая странным, что некто, живущий в настоящее время в Лускане, способен заклеить какое бы то ни было иное место словом «заброшенный».

— Вот и хорошо, — отозвалась, она. — Я просто хотела поддержать беседу.

Реджис улыбнулся ей:

— Мои извинения. Я не привык к дружеским беседам. Боюсь, на северных дорогах это теперь большая редкость, там мне чаще приходится говорить при помощи клинка, нежели моего обаяния.

— Значит, тебе надо стать полюбезнее, — сказал мужчина рядом с ним, но довольно игриво, отметил Реджис, поэтому он рассмеялся и велел барменше поставить мужчине выпивку за его счет.

— Здесь вам клинок не понадобится, — пояснила барменша.

— Вы владелица?

— Я? — переспросила женщина со смехом, подхваченным всеми остальными, сидевшими достаточно близко, чтобы слышать. — Нет-нет. Я только готовлю напитки да получаю деньги.

— И услаждаешь наши взоры своей красотой, — добавил мужчина подле Реджиса, поднимая стакан в ее честь.

Остальные присоединились к нему, и барменша сделала реверанс и рассмеялась, а затем ушла на другой конец стойки, на зов каких-то иных завсегдатаев.

— Но имей в виду, маленький приятель, только лишь взоры, — предостерег мужчина. — За Сереной стоит сам Одноглазый, а он не из тех, кого стоит сердить, как бы хорошо ты ни управлялся с этими славными штучками у тебя на поясе.

— Так Одноглазый — это человек? — удивился Реджис. — Я-то думал, это карта в колоде.

— Не человек, — загадочно поправил другой посетитель, и все по соседству захихикали.

Хафлинг пока оставил эту тему. Он подошел к столу возле пылающего очага, заказал еды и был весьма удовлетворен ее вкусом, равно как и качеством комнаты, когда поднялся на второй этаж устраиваться на ночь. Внизу у лестницы он обнаружил доску объявлений, но там был записан лишь один караван, и он направлялся в порт Лласт на юге, а не в Долину Ледяного Ветра

— До конца сезона будет еще один, — сообщила Серена, заметив разочарование хафлинга, стоящего перед доской объявлений.

Он улыбнулся ей, коснувшись своего берета, изящно поклонился и поднялся по лестнице, прекрасно понимая, что многие завсегдатаи, сидящие в общем зале внизу, сейчас, вероятно, судачат о нем.

Реджис соорудил ловушку у двери, воткнув между верхним ее краем и косяком тоненькую планку и установив на нее флакон с приготовленной им кислотой. Всякого непрошеного гостя будет ждать пренеприятный сюрприз.

Потом он перетащил свою маленькую кровать в противоположный угол комнаты, где ее заслоняла открывающаяся внутрь дверь, и положил рядом с собой арбалет. Реджис заново смазал установленную стрелу ядом-и по соседству выложил еще одну, одобрительно кивнув самому себе. Он служил «Ухмыляющимся пони» разными способами. Был их лучшим взломщиком, когда требовалось добыть информацию в местах вроде Врат Балдура, был и алхимиком отряда, приготавливая составы для врачевания, для увеличения быстроты и отваги, и эту отраву тоже научился варить. Она была не настолько эффективной, как усыпляющее зелье, дроу, которое ею заменяли, поскольку, у Реджиса не было доступа к грибам, растущим только в Подземье, но он отыскал подходящий ингредиент — гриб, что

водится в лесах вокруг холмов Крагс. Возможно, эта отравка и не усыпила бы крупного противника, но, как правило, замедляла движения. Кроме того, хитрый Паук в качестве дополнительного бонуса добавлял в нее вытяжку из особо жгучего перца, и при попадании крохотной стрелы у врага появлялось ощущение, будто его проткнули раскаленной кочергой.

Отличный способ отвлечь внимание противника и получить таким образом преимущество. Реджис знал это по поединкам с теми, кто был сражен его хитроумным оружием.

Прежде чем укладываться, хафлинг проверил комнату, внимательно вглядываясь в каждую трещину в стене через увеличивающую призму своего кольца в поисках потайной двери или скрытой бойницы.

И все же, несмотря на все предосторожности, он мало спал этой ночью, ожидая засады, а кроме того, вновь пытаясь примирить в себе две совершенно разные сущности — Паука и Реджиса. На юге и на востоке он был Пауком Паррафином, а потом, после бегства из Дельфантла, стал Пауком Перикола Тополино, и лучшего имени для себя не мог и желать!

Но теперь, когда до Десяти Городов было уже почти рукой подать, должен ли он оставаться Пауком? Или же снова стать Реджисом? Он рассмеялся, вспомнив, что назвал пони тем самым именем, каким его самого частенько называл Бренор.

— Буду обоими понемногу и ни одним по-настоящему, — решил хафлинг и попытался уснуть. Но, разумеется, отвлекшись от своих раздумий, он лишь вспомнил о собственной уязвимости и возможной засаде, а с этими тревожными мыслями в голове спать ему удавалось только урывками.

Однако обошлось без засады, и на следующее утро хафлинг спустился вниз, чтобы обнаружить улыбающуюся Серену и отличный завтрак, приготовленный для постояльцев гостиницы.

Что за пестрое сборище представляли из себя эти постояльцы: все до единого оборванцы, уставшие от дорог, точнее, от морей, изгой, выскивающие работу где только возможно. Реджис сел в дальнем углу зала, возле очага и одного из немногих окон, в которое в случае необходимости смог бы выскочить. Он сидел спиной к стене и, поглощая еду, не опускал головы, внимательно оглядывая комнату.

Ему пришло на ум, что любой из дюжины присутствующих был бы готов убить его за несколько серебряных монет.

Это открытие перенесло его мыслями в прошлое, к головокружительным временам капитана Дюдемонта, когда этот славный человек пытался вырвать Город Парусов из-под власти пиратов и Главной башни Тайного Знания. Дюдермонт потерпел ужасное поражение, и его гибель стала гибелью и для Лускана, что было очевидно, судя по разложению как властей, так и граждан.

— Увы... — прошептал Реджис.

Все, кроме нескольких постояльцев, покинули гостиницу, сразу как позавтракали, но пришли другие, особенно после того, как Серена заняла свое место за барной стойкой.

Реджис сидел и наблюдал. Знания были сейчас его самым важным союзником. Информация означает жизнь.

Он проявлял ту же осторожность следующей ночью, и последовавшим за ней днем, и третьей ночью тоже.

Утром третьего дня, вскоре после завтрака «Одноглазый Джакс» заполнили завсегдатай.

Реджис осмелился перебраться в бар, где его тепло приветствовала Серена.

— Ах, господин Паук, да вы набрались духу вылезти из своего угла, — заметила она. —

Я вам уже говорила, вам не нужно ничего бояться здесь, и оружие вам не понадобится.

— Мне пришлось научиться осторожности на собственном горьком опыте, — пояснил хафлинг.

— Разумеется. И это сослужит вам добрую службу во многих уголках Лускана, и уж точно в Десяти Городах, когда вы туда попадете.

Реджис дотронулся до своего синего берета, удивленный и весьма пораженный тем, что она потрудилась запомнить такую мелочь насчет его предполагаемого места назначения.

—хлопотный сегодня день, — сказал он.

— Набор на службу. — Серена кивком указала, на доску объявлений. — В судовые команды в основном. В следующие десять дней много кораблей выходит в море.

— Кто-нибудь направляется на Север?

Серена рассмеялась:

— Может, один-другой и планируют зайти в Аукни, но никак не в Долину, если вы об этом.

— Я просто в шутку спросил, — пояснил Реджис. — Я уже бывал здесь однажды и хорошо знаю, что плавающие ледяные поля грозят погубить каждого, кто осмелится плыть в тамошних водах.

— Бывали здесь? — недоверчиво переспросила Серена. — А вы сказали, что из Агларонда.

— Верно.

— Значит, вы опытный путешественник. Вам уже есть хотя бы двадцать?

Хафлинг рассмеялся и поднял стакан с вином:

— Я старше, чем выгляжу, уверяю вас.

— И все же я полагаю, что всякий из вас... невысоких, пояись он в Лускане, привлек бы к себе, внимание, но еще четыре дня назад я слыхом не слыхивала про господина Паука Тополино, как и те, с кем я говорила.

— Вы говорили обо мне с другими, вот как?

Серена пожала плечами:

— Лускан полон глаз и ушей. Появление, подобное вашему, не часто увидишь. Если вы надеялись избежать внимания, то знайте, что это вам не удалось.

Реджис в свою очередь пожал плечами и снова отхлебнул из стакана. Он соскочил со стула, подошел к доске и, терпеливо дождавшись, когда более высокий местный житель, внимательно изучавший ее, отойдет, занял его место. Этим утром добавилось несколько объявлений о найме, в основном в экипажи, и лишь одно — насчет каравана, но увы, в Мирабар, а не в Долину Ледяного Ветра.

— Еще будет, — утешила его Серена, когда он снова вернулся в бар.

Вскоре после этого Реджис опять сидел в своем углу, наслаждаясь обедом. В зале было полно народу. Все, казалось, пребывали в отличном настроении, и в самом деле, большинство в тот день собрались в «Одноглазом Джаксе», чтобы выпить на прощание, перед тем как снова выйти в море. Реджис получал неподдельное удовольствие от этого зрелища и многочисленных тостов и обнаружил, что чувствует себя здесь уже более расслабленно. В итоге большую часть времени он просидел поглядывая в окно и несколько раз затаивал дыхание при виде проходящих мимо темных эльфов. Однажды пара дроу зашла

в «Одноглазый Джакс» — и как почтительно встретили их все остальные!

Дроу заметили роскошно одетого хафлинга и задержали на нем взгляды, заставив Реджиса пожалеть, что в этот день он не оделся чуть менее броско и богато. В самом деле, один из темных эльфов подошел к Серене и завел негромкий разговор. При этом он нарочито оглядывался, не считая нужным скрывать, что расспрашивает барменшу о господине Пауке Тополиной.

— Замечательно, — пробормотав хафлинг и начал подумывать, не подойти ли и не поучаствовать в беседе в открытую.

Однако все эти мысли разом вылетели у него из головы, когда в зал вошел высокий рыжеволосый человек в сопровождении нескольких внушительного вида головорезов. Судя по тому, как раздалась толпа и люди поспешили убраться прочь с дороги, это явно была какая-то важная птица.

Рыжеволосый направился в бар, и Серена кинулась обслуживать его, а темные эльфы провозгласили тост в его честь и осушили стаканы, а затем быстро удалились.

Реджис подмечал все это, пытаясь разобраться в скрытых взаимоотношениях. Когда рыжеволосый отошел к доске объявлений у лестницы, Реджис осмелился вернуться в бар.

— Верховный капитан Курт, — шепнула Серена, подавая ему напиток. — Я думаю, вы нашли, свой каравай, мой маленький друг.

Реджис наблюдал за мужчиной, который держал объявление в руке, но пока не прикалывал его к доске, читая другие, уже вывешенные. Хафлинг был поглощен этим занятием, когда толпа в общем зале опять затихла, а затем грянуло «ура!». Реджис недоуменно оглянулся, ища причину всеобщей радости.

И тут он едва не свалился со стула, поскольку понял, что пришел хозяин заведения. Дроу, и отнюдь не одноглазый, — Реджие знал это точно, хотя тот действительно носил черную повязку.

— Джакс, — тихо прошептал хафлинг. — Джарлакс?

Он с тревогой отметил, что при упоминании этого имени дроу резко обернулся к нему, и Реджис съежился над своим стаканом, мысленно ругая себя за то, что позабыл, насколько острым может быть слух дроу, а уж Джарлакса — и подавно.

Реджис затаил дыхание и не осмеливался поднять взгляд, поскольку услышал магически усиленный стук грубых башмаков по деревянному полу, приближающийся к нему.

— Мы знакомы, любезный господин? — осведомился Джарлакс, подойдя прямо к Реджису и жестом велел Серене принести им обоим вина.

— Нет, любезный господин, — ответил Реджис, не осмеливаясь взглянуть в лицо этому опаснейшему из наемников.

— Паук Тополино из Агларонда, — сказала Серена, принесшая выпивку. — Он прибыл к нам несколько дней назад, здесь проездом и надеется присоединиться к каравану, идущему в Долину Ледяного Ветра.

— В Долину Ледяного Ветра? — переспросил Джарлакс с очевидным, хотя и явно, на взгляд Реджиса, наигранным изумлением.

Реджис решился взглянуть на улыбающегося дроу. Джарлакс всегда улыбался.

— У меня там семья, — робко пояснил хафлинг.

Джарлакс ответил не сразу, он пристально разглядывал хафлинга и, казалось, был несколько удивлен. Реджис пытался сглатывать бесшумно — возможно ли, чтобы наемник его узнал? Этого не может быть, мысленно сказал себе хафлинг, поскольку они не виделись

с темным эльфом более ста лет, по летоисчислению дроу.

И все же этот пронизательный, понимающий взгляд...

— Я сказала ему, что он, наверное, везунчик, потому что, говорят, верховный капитан Бениаго как раз сегодня объявит о караване, идущем в Долину, — сообщила Серена.

Джарлакс продолжал разглядывать Реджиса головы до пят.

— Вы хорошо экипированы для желающего наняться, в караван простым охранником, — проговорил он негромко, когда Серена отошла.

— Я не хочу путешествовать в Долину Ледяного Ветра в одиночку, — сказал Реджис. — Йети, и гоблины, и все такое.

— Какой замечательный берет.

Реджис с трудом сглотнул, подозревая, что Джарлакс уже распознал магические возможности головного убора.

— Моя семья была весьма состоятельной, — пояснил он. — Быть может, до вас доходили слухи о Дедушке Периколо Тополино из Агларонда.

— Дедушке? — отозвался Джарлакс, подобающим образом выделив это слово. — Нет, не доводилось... пока.

«Просто заткнись!» Мысленно Реджис выбрал себя. Он не должен вступать в двусмысленные беседы, с типами вроде Джарлакса. Этот мастер шпионажа очень скоро будет знать о Реджисе больше, чем тот сам о себе знает!

— Довольны ли вы пребыванием в моем заведении? — вежливо поинтересовался Джарлакс.

— Да, мисс Серена — прекрасная хозяйка, — кивнул Реджис.

— Ну что же, сударь, удачного вам путешествия, — пожелал дроу, прикоснувшись к своей вызывающе огромной широкополой шляпе. — И да ждет вас дорога, достойная того, чтобы по ней идти к домашнему, очагу, достойному того, чтобы к нему возвращаться с друзьями, достойными того, чтобы за них выпить.

— И вам того же, — ответил Реджис и с облегчением наблюдал, как Джарлакс перешел к другим посетителям, а вскоре и вовсе покинул заведение.

Прошло немного времени, и верховный капитан Бениаго Курт повесил свое объявление и тоже ушел, и Реджис поспешил к доске и с изрядным облегчением убедился, что и в самом деле объявлен набор возчиков и охранников для торгового каравана, отправляющегося через десять дней в город Брин-Шандер в Долине Ледяного Ветра.

Как и думал Бениаго, Джарлакс ожидал его в переулке неподалеку от «Одноглазого Джакса».

— Интересный хафлинг, верно? — заметил Бениаго, лейтенант Бреган Д'эрт, при помощи магии принявший облик человека и служивший отряду наемников-дроу в качестве верховного капитана одного из самых могущественных Кораблей Лускана.

— Он попросится к тебе в караван, — сообщил Джарлакс. — Возьми его с собой и проследи, чтобы в Лускане его никто не побеспокоил.

Бениаго не скрывал своего удивления:

— Ты его знаешь?

Джарлакс пожал плечами:

— Пожалуй, он мне кого-то напоминает. Не могу вспомнить кого, да и едва ли смогу узнать, учитывая этот берег, что на нем.

— Шляпа, изменяющая облик?

Джарлакс кивнул:

— Этот ручной арбалет у него на поясе стоит много тысяч золотом, и магических вещей у него хватает, включая необычную шляпу.

— И рапиру, — добавил Бениаго. Похоже, он был впечатлен.

Джарлакс еще раз кивнул и задумчиво уставился на стоящую в отдалении таверну.

— Тебе что-то известно? — осведомился Бениаго.

— Немногое? — признался Джарлакс. — А я не люблю мало знать.

— Я мог бы порасспрашивать... — начал было Бениаго, но Джарлакс покачал головой, разом пресекая ход его мыслей.

— Не смей его беспокоить? — приказал главарь.

— А наблюдать?

Командир Бреган Д'эрт кивнул:

— Наблюдать, и когда вернется — тоже.

— Он собирается остаться на Севере на зиму, так сказала Серена.

Некоторое время Джарлакс обдумывал услышанное. По какой-то причине, затерянной в далеком прошлом и непонятной ему самому, казалось правильным для этого хафлинга быть в Долине Ледяного Ветра.

— Тогда я должен буду знать, где он находится.

— Каждый его шаг, — заверил Бениаго хозяина.

Теплым осенним днем, пять десятидневок спустя, Реджис развалился на берегу озера Мер Дуалдон. Он снял ботинки и поставил их на мох рядом с собой, а рыболовную снасть привязал к пальцу. У него за спиной примостился среди сосен уютный дом, снятый им в пригороде небольшого городишки под названием Одинокий Лес.

Мало что изменилось здесь за сто лет, и Реджие был рад этому. В прошлой жизни он долго прожил в этом городке, в доме, стоявшем едва ли в сотне шагов от нынешнего. Как бы ни сожалел Реджис о дорогах, оставшихся позади, у него было чувство, будто он вернулся домой.

Он лежал на спине и смотрел на пушистые белые облака, лениво ползущие по яркосинему пологу осеннего неба над Долиной Ледяного Ветра.

Реджис думал о Донноле, о том, как он хотел бы, чтобы она была сейчас рядом, чтобы они вместе рыбачили и вырезали по кости, живя тихо и наслаждаясь неспешной сменой времен года.

— Он остался в Долине Ледяного Ветра, — доложил Бениаго Джарлаксу в подземелье

древних развалин Лускана, населенных призраками и известных как Иллуск, где у Бреган Д'эрт располагался местный штаб. — Возможно, этот малявка — преступник; быть может, он одурачил «Ухмыляющихся пони» Дорегардо, поскольку я узнал, что последние пару лет он ездил с ними.

— Они что, забрались так далеко на север, аж до Лускана, чтобы разузнать о нем?

— Нет. Если Дорегардо и ищет его, мы об этом не слышали.

— Но этот тип, битком набитый деньгами, магией и явно не промах, предпочел удалиться в Долину Ледяного Ветра?

— Может, он посредник? — предположил Бениаго. — Возможно, на дальнем юге есть силы, заинтересованные в торговле с Десятью Городами?

Джарлакс пожал плечами. Называющий себя Пауком упомянул про Дедушку, это был титул, обычно закрепленный за главами гильдий ассасинов. Может, этого малыша, отправили на разведку? Но тогда как это согласуется с «Ухмыляющимися пони», отрядом добровольцев, охраняющих порядок, которые уж явно не в дружбе с ассасинами?

— Присмотреть за ним? — спросил Бениаго, правильно истолковав выражение лица Джарлакса.

— Вполглаза, — велел главарь. — И наведи справки в Агларонде насчет некоего Дедушки Периколо Тополино.

Глаза Бениаго округлились при упоминании титула.

— И без шума, — добавил Джарлакс.

Бениаго кивнул.

Глава 27. Стечение обстоятельств

Год Убийств В Храмовом Притворе

(1482 по летоисчислению Долин)

Долина Ледяного Ветра

Отнюдь не улыбками встретили Кэтти-бри, когда она зашла на единственный постоянный двор Аукни, продуваемой всеми ветрами, просоленной деревушки, примостившейся между южным побережьем и высокими скалами западной стороны Хребта Мира, смотрящимися в великий океан.

Она подошла к главному столу и изучила меню.

— Побольше рыбы, — весело сказала она, мужчине, чей фартук выдавал в нем повара или владельца, а может, и то и другое вместе.

— Рыбу едят те, кто живет на берегу, — заметил другой мужчина, сидящий неподалеку, без намека на тепло в голосе. Кэтти-бри обернулась взглянуть на него и увидела, что он тарачится на ее тело и, конечно же, не смотрит ей в глаза.

— Три золотых, и получишь еду, — сказал человек в фартуке.

Девушка слегка вздрогнула, услышав столь недомерную:

— Три?

— Ты пришла сюда с караваном?

— Нет, одна.

— Три золотых, и получишь еду — угрюмо повторил мужчина.

— Я не настолько голодна.

— Три за закуски, три за еду, — произнес женский голос с другой стороны, и Кэтти-бри повернулась к говорившей, которая годами и манерами была под стать хозяину и являлась, вероятно, его женой.

— Есть свободные комнаты? — спросила путница.

— Все есть, если у тебя есть золото, — сказал другой мужчина. Он гнусно подмигнул девушке — Верно?

— Пять золотых за ночь, — ответил хозяин.

Гостья воздела руки, то ли сдаваясь, то ли не веря своим ушам.

— В Аукни не так уж много приезжих, — сообщил мужчина.

— Да уж, загадка, которую без мага не разгадаешь, — отозвалась Кэтти-бри с едким сарказмом. — Есть в этом городе другой постоянный двор?

— Думаешь, я бы тебе сказал, если бы и был? — поинтересовался владелец.

— Нет, — сказала его жена.

— Но комнаты есть, — добавил другой мужчина. — Только тебе придется разделить их кое с кем! — Он грязно хохотнул, и этот смех преследовал Кэтти-бри, пока она не выскочила обратно на улицу.

Она оглядела прохожих, ежащихся под толстыми плащами от ледяного ветра, дующего с

воды. Это место было воплощением суровости, таким же холодным, как подступающая зима.

Кэтти-бри двинулась вдоль главной, судя по всему, улицы селения, широкого бульвара, огибающего открытый рынок. Она обошла это торговое место, рассматривая товары — в основном поздние фрукты и овощи, чередующиеся с возами рыбы. Девушка делала вид, будто интересуется ими, хотя, по правде говоря, могла воззвать к своим божественным способностям и магически создать еду получше той, что лежала перед ней. Она спросила об обеде на постоялом дворе лишь для того, чтобы завязать разговор, поскольку, хоть она и была в Аукни мимоходом, это место давно интересовало ее.

Здесь бывал Вульфгар, и здесь он нашел настоящее приключение, в результате которого оказался с приемным ребенком на руках, хоть и ненадолго, пока не вернул девочку ее матери, Меральде, бывшей тогда хозяйкой Аукни.

— Не хватай руками, если не покупаешь, — огрызнулась на Кэтти-бри одна из торговок, когда девушка потянулась к яблоку.

— Как я тогда узнаю, насколько оно свежее? — спросила та.

— Узнаешь, когда попробуешь, а попробуешь, когда заплатишь за него.

Кэтти-бри пожала плечами и убрала руку.

— Скажите, пожалуйста, кто старейший житель в Аукни? — спросила она.

— А?

— Кто живет здесь дольше всех? Кто может знать давних временах?

— Ну, я постарше тебя, так что ты хочешь знать? — отозвалась торговка.

— Линия Аука, восходящая к Меральде...

Женщина рассмеялась.

— Ее дочь, Кэлси?

— Леди Кэлси, — поправила женщина. — Умерла, когда я была еще маленькой.

— Это ее ребенок сидит теперь на троне?

Торговка покачала головой:

— Оба ее ребенка умерли раньше ее, и линия оборвалась вместе с ними.

Кэтти-бри покусала губу, придумывая, куда дальше направить разговор.

— Вы помните леди Кэлси?

Женщина пожала плечами:

— Немного. Бедная девочка, родившаяся и результате изнасилования и вдобавок похищенная тем самым насильником.

Кэтти-бри хотелось опровергнуть эту неверную информацию, поскольку Вульфгар уж точно не насиловал Меральду. Ничего подобного. Он вмешался и похитил малютку Кэлси, чтобы спасти ее от мести лорда Аукни, поскольку, хотя Меральда и была его супругой, глупый лорд не был отцом ребенка. Как и Вульфгар. Меральда была влюблена в другого мужчину — Кэтти-бри не знала его имени, — когда лорд Аукни заставил ее стать его невестой, не зная, что она уже носит ребенка.

— Незаконнорожденная леди, — продолжала торговка, качая головой и вздыхая.

— А ее отец? — Кэтти-бри страшилась услышать ответ, но она должна была знать.

— Чудовище, варвар, будь проклято его имя, каким бы оно ни было. В Аукни его не произносят, имей в виду.

Кэтти-бри закрыла глаза и заставила себя успокоиться и подавить желание начать рассказывать, как было дело, прямо сейчас же. Она снова взглянула на женщину и кивнула, выдавив из себя улыбку, прежде чем уйти.

— Ты покупаешь это яблоко? — резко спросила та.

Девушка еще раз осмотрела фрукт, который, разумеется, был далеко не первой свежести. Но она взглянула на нахмуренную торговку и нехотя взяла его.

— Четыре серебряные монеты, — потребовала селянка, запросив в несколько раз дороже его стоимости.

Но Кэтти-бри не намерена была больше спорить, поэтому она отдала монеты и мрачно побрела по улице прочь из Аукни. По петляющей тропе она спустилась туда, где скала уходила в море, села на темный камень и уставилась на холодный прибой.

Пейзаж вполне соответствовал ее настроению, поскольку этот день оказался грустным напоминанием о ненадежности памяти и самого времени. Если говорить о событиях, имевших место в Аукни, то Вульфгар замечательно прожил свою жизнь. Он помог леди Меральде поступить правильно и растил Кэлси с любовью и соблюдением всех правил приличия, а затем возвратил ребенка законной матери, что далось ему ценой немалых душевных и эмоциональных потерь. И за все это его вовсе не поминали в Аукни добром. Похоже, совсем наоборот.

Кэтти-бри оглянулась на каменистые утесы, чтобы еще раз увидеть далекие крыши и извивающиеся дымы очагов, уходящие в холодное осеннее небо. Эти дымы казались ей холодным порождением холодного огня в холодном месте, и она сразу поняла, что не имеет ни малейшего желания идти туда и вообще когда-либо возвращаться в Аукни.

Она снова взглянула на темную воду, и на губах ее заиграла кривая улыбка.

Она сотворила заклинание, чтобы защитить себя от жестокости стихий. Ее правая рука мягко засияла, синеватые струйки магической энергии поползли из рукава. Она подпернула кверху свой черно-белый наряд, вошла в прибой и сотворила еще одно заклинание, и на этот раз туман тайной энергии поплыл от ее левой руки. Она вызывала себе морского коня.

Когда тот явился, она убрала свои кожаные башмаки в заплечный мешок и уселась на спину дельфина. То было не обычное животное, но магическое существо, всецело подвластное ей. Кэтти-бри ухватила за спинной плавник и мысленно пришпорила своего коня.

Она держалась вблизи от берега, ее магический скакун петлял между камнями, и девушка быстро устала, удивляясь тому, насколько утомительной оказалась езда верхом. Однако Кэтти-бри никуда не спешила, если не считать желания убраться подальше от Аукни, так что она разбила лагерь под уступом скалы, расположилась возле магического костра, ела сотворенную ею пищу и повесила сушиться свое белое платье и черную шаль на ветвях ближайшего дерева.

Она продолжила путь на следующее утро, затем в полдень, после долгого перерыва на обед и отдых, и наконец призвала волшебного скакуна для третьего перехода за этот день, правда короткого.

Кэтти-бри было покойно наедине со своими мыслями, она была близка к природе, близка к Миликки. На третий день она отметила поворот на север, вокруг самого западного горного отрога, и в полдень шестого дня после отъезда из Аукни, выходя из воды, путешественница чувствовала под босыми ногами холодную грязь вместо мокрого твердого камня.

Ветер загудел у нее в ушах, и она поняла, что вернулась домой.

Она вызвала нового скакуна, призрачного единорога, и поехала на восток вдоль северного берега реки Шенгарн, растянувшейся на многие лиги. Преодолевая снега,

ознаменовавшие начало зимы 1482 года, Кэтти-бри добралась до города Бремен на южных берегах Мер Дуалдона. Ветер дул теперь куда более пронизывающий и в куда более холодном краю, нежели Аукни, но, когда Кэтти-бри смешалась с обитателями этого северного поселения в Десяти Городах, она не почувствовала этого.

Совсем наоборот.

Она вернулась домой, в знакомые места, и, хотя после стольких десятилетий лица сменились, Долина Ледяного Ветра не изменилась, и Десять Городов тоже. Кэтти-бри черпала огромную поддержку в этой узнаваемости, перебираясь из города в город в проплывающей чередой дней и месяцев. Благодаря ее магическим способностям она была воспринята обществом как ценное приобретение и вскоре обзавелась друзьями во всех тавернах каждого города.

Ей нужно было завоевать доверие и создать сеть по сбору информации, а никто не осведомлен обо всех прибытиях и отъездах лучше тех, кто торгует едой и питьем.

Год Наказанного Проныры

(1483 по летоисчислению Долин)

Долина Ледяного Ветра

— Очень необычный хафлинг, — прошептала Кэтти-бри, выглядывая из травы на гребне горы, спускающемся к берегу озера, и ее глаза наполнились слезами.

Именно так ей его и описывал один из многочисленных друзей, появившихся у нее за полтора года жизни в Долине Ледяного Ветра. Она не жила постоянно ни в одном из городов, но в основном делила время между Брин-Шандером, поселением дворфов у подножия Пирамиды Кельвина, и этим местом, Одиноким Лесом.

В Брин-Шандере десять дней назад она и услышала про эту странную личность, щеголя и франта, явившегося с караваном из Лускана. Небольшое расследование привело ее сюда, на окраину Одинокого Леса, и вот она сидит над озером и смотрит на Реджиса.

Конечно же, она узнала своего милого старого друга. Теперь у него была растительность на лице, а вьющиеся темные волосы оказались куда длиннее, чем она помнила, но это, без сомнения, был Реджис и по внешности, и по манерам.

Он сумел выжить и пришел в Долину Ледяного Ветра.

В этот миг Кэтти-бри испытывала величайшее облегчение. Она с тревогой ждала этого момента все последние месяцы, кружа по Десяти Городам. По правде говоря, она была удивлена, узнав, что Реджис и Бренор не прибыли в Долину раньше ее, и этот факт лишь напомнил ей о множестве опасностей, подстерегающих на пути сюда и даже просто в процессе выживания на протяжении двадцати одного года в Королевствах. Этот мир был дик и мрачен; выпавшие ей самой испытания лишь подтверждали это.

Не найдя друзей, вместе с новостями она стала собирать информацию о Дзирте,

которого в Десяти Городах не видели долгие годы и который, как говорили, прибежал в Долину Ледяного Ветра, спасаясь от огромного демона, и павшая духом женщина была рядом с ним. Кэтти-бри видела памятник дреу по имени Тиаго у западных ворот Брин-Шандера, на месте, где Тиаго, как утверждали, уничтожил балора в великой битве, стершей с лица земли часть стены Брин-Шандера и ворота. Но то сражение состоялось пятнадцать лет назад, если не больше, и с тех пор о Дзирте не было слышно ни слова.

Ничего.

В девушке, не имеющей никаких сведений о Дзирте, прибывшей в Долину первой из троих, вышедших из Ируладуна, все последние месяцы росли сомнения и страхи, и теперь при виде Реджиса на сердце у нее воистину потеплело.

Ибо вот он, Реджис, развалился на берегу Мер Дуалдона с привязанной к пальцу леской. Сколько раз Кэтти-бри наблюдала эту картину до Магической чумы?

Ей хотелось кинуться к нему и заключить в объятия, но она сдержалась. Она прошла слишком долгий путь, чтобы опрометью бросаться к Реджису, — по крайней мере, пока она не узнает, как он попал сюда и что принес с собой, умышленно или нет.

Ибо в глубине сознания Кэтти-бри не могла отделаться от собственных страхов. Она знала, что леди Авельер не перестала охотиться на нее. Хотя прошло уже два года с момента ее бегства из Дворца Плюща, магического перехода, похоже сбившего погоню со следа, ученица не могла недооценивать упрямства наставницы. Авельер знала, что она жива, что она инсценировала свою гибель в Анклаве Теней и отправилась на крайний запад. Возможно, провидице даже было известно о месте назначения беглянки, Додине Ледяного Ветра. Кэтти-бри не знала точно, поскольку не представляла, как много она выболтала, находясь под гипнотической магией могущественной прорицательницы. Вполне могло быть, что противники находятся где-то в Долине Ледяного Ветра, возможно даже в одном из городов, затаившись в ожидании.

Если это так и бывшую Рукию поймают, хорошим же другом она окажется и для Реджиса, и для Дзирта, если потянет хафлинга за собой.

Так что пока она радовалась, наблюдая за ним издалека.

Кэтти-бри вернулась в лес, остановилась неподалеку от дома Реджиса и соорудила там святилище Миликки — небольшой садик, защищенный от наступающей зимы, за которым она намеревалась заходить вплоть до ночи весеннего равноденствия.

Девушка кивнула, довольная своим выбором. Она станет пристально наблюдать за Реджисом, но втайне.

— Сегодня у нас шумно, — сказал Дарби Снайд Кэтти-бри, когда десятью днями позже она подошла к барной стойке его таверны в Бремене. Это был крупный мужчина с могучими ручищами и гигантскими бакенбардами, спускавшимися по щекам до самого подбородка и едва не смыкающимися внизу.

Кэтти-бри осмотрелась. И действительно, таверна «Дуралей» этим вечером была забита до отказа, причем шумной публикой. Особенно выделялась одна громкоголосая группа у окна. Проходя мимо, Кэтти-бри слышала их вопли и свист.

— Ты из-за этого послал за мной? — осведомилась она. — Или же твои кладовые

опустели от такого наплыва гостей?

— Да маленько еды не помешало бы, мисс Керти, если бы у вас нашлось подходящее заклинание, — признался Дарби, и Кэтти-бри кивнула. Первые, свои десять дней в Долине Ледяного Ветра она провела здесь, в Бремене, и снимала комнату в этой самой гостинице, расплачиваясь за кров и стол своими магическими двеомерами. Она наколдовывала еду, исцеляла незначительные раны у посетителей, даже лечила некоторые болезни, все во славу заведения, и взамен Дарби замечательно к ней относился.

На самом деле Кэтти-бри, вновь под именем Делли Керти, имела подобные соглашения и с таверной в Брин-Шандере, и с дворфами из Стокло, что под горой, и менее обременительные договоренности с хозяевами постоянных дворов во всех городах.

— Похоже на команду, из Лускана, — заметила волшебница.

— Говорят, Корабль Ретнора, — подтвердил Дарби.

Кэтти-бри кивнула.

— Тогда зачем ты зовешь меня? Может, ждешь, что будет драка, и надеешься продать какие-нибудь исцеляющие заклинания?

Изумленный Дарби быстро обернулся к ней, увидел ее широкую ухмылку и от души расхохотался.

— Нет, дорогуша. Я подумал: ты, возможно, захочешь узнать, что они расспрашивали про твоего дружка.

Улыбка Кэтти-бри исчезла:

— Дружка?

— Того маленького хафлинга, которого ты искала и, говорят, нашла в Одиноком Лесу.

Кэтти-бри взглянула на него с недоверием, но потом поняла, что нет ничего удивительного, если молва о поисках Реджиса довела ее до Одинокого Леса.

— Они его знают? — спросила она.

Дарби пожал плечами:

— Я-то им не сказал, конечно, но этого малыша найти несложно, судя по тому, что я услышал, с его-то нарядами и манерами. Сдается мне, они его быстро отыщут. Может это его друзья.

Кэтти-бри взглянула на компанию головорезов и решила, что не может прийти к такому же выводу.

— Будь начеку, Реджис, — раздался голос ниоткуда, и хафлинг, развалившийся на берегу озера, широко раскрыл заспанные глаза. Он чуть не подскочил, но упоминание его настоящего имени удержало его, равно как и тон, и сам по себе голос, странно знакомый.

— Я здесь, рядом с тобой, — снова раздался шепот. — Четверо с Корабля Ретнора в лесу, ищут тебя.

— Кэтти? — прошептал в ответ хафлинг, внезапно поняв. Реджис не мог перевести дух и даже не мог найти слова — да и что они значили в этот прекрасный миг! То была Кэтти-бри, он знал это! Она сумела уцелеть; их безумный план встретиться на Пирамиде Кельвина — Реджису и самому теперь не верилось, что он, преодолев все, вернулся в Долину Ледяного Ветра, — совсем скоро мог осуществиться.

Но она здесь, двадцать один год спустя, стоит рядом с ним... невидимая?

— Я скажу тебе, когда они будут близко, — пообещала Кэтти-бри, возвращая Реджиса к более насущной проблеме. — Притворись, что дремлешь, и подмани их.

Реджис чуть-чуть изменил позу, переместив руку поближе к рукояти арбалета у правого бедра и заняв более удобное положение для стремительного прыжка с разворотом. Эта мысль заставила его нервно взглянуть на свою босую ногу и привязанную к пальцу снасть.

Он почувствовал прикосновение рук к этой самой ноге и едва не подпрыгнул от неожиданности, а его невидимая подруга осторожно отвязала леску.

— Они у опушки, — тихо сообщила Кэтти-бри, — осторожно пробираются вперед.

— Счастлив «видеть» тебя, — негромко поприветствовал Реджис с иронической улыбкой, поскольку, разумеется, вовсе не мог видеть вновь обретенную подругу.

Кэтти-бри стала тихо напевать, и Реджис почувствовал, как в него вливается тепло. Когда девушка начала второе заклинание, он положил руку на эфес рапиры и ощутил, что его хватка стала крепче, словно ему на время передалась физическая сила ее богини.

Она готовит его к бою, понял Реджис, окутывая охранными чарами и магической энергией. Хафлинг ухмыльнулся, но ненадолго.

— Лук! — внезапно вскрикнула Кэтти-бри.

Хафлинг взвился в воздух, разворачиваясь в прыжке и одновременно выхватывая арбалет. Как и говорила невидимая женщина, к нему бежали четверо: трое мужчин, размахивающих мечами, и женщина, державшаяся позади, с луком, нацеленным в его сторону.

Он услышал, как Кэтти-бри выпевает слова очередного заклинания; хафлинг вскинул руку, чтобы выстрелить, но увидел летящую к нему стрелу. Она ударилась во что-то — вероятно, в какой-то магически щит, — вспыхнула и отскочила, но сумела-таки причинить вред, нырнув вниз и впившись Реджису в бедро. Он вскрикнул и выстрелил, но никто из трех бегущих к нему мужчин не замедлил шага.

Раненый хафлинг упрямо пытался сохранить равновесие и выхватил свой клинки, кривясь, от боли, поскольку стрела, засевшая у него в ноге, раскачивалась. Но он понял, что вошла она неглубоко и что он может перенести на эту ногу тяжесть тела, — и, несомненно, должен это сделать.

Трое разбойников были уже почти рядом, не более чем в пяти шагах от него. Реджис мысленно обратился к кольцу с призмой, пытаясь вычислить наилучший угол для своей атаки в момент замедления времени, выбирая позицию, с которой он сможет быстро поразить сразу двух противников.

Но тут между ним и его врагами возникла Кэтти-бри, применив свой новейший магический двумер, наступательный, рассеивающий заклинание невидимости. Она выставила перед собой ладони и запустила огненный веер, прерывая атаку.

Трое нападающих разом остановились, один покатился по песчаному берегу, и все они отчаянно отбивались от жгучих языков пламени.

— Лучница! — Выкрикнул было Реджис, но когда огонь рассеялся, хафлинг глянул за спины атакующих и увидел, что оставшаяся вдалеке женщина распростерлась на земле лицом вниз.

Кэтти-бри снова принялась за заклинание, и Реджис бросился к ней, рапирой отбив в сторону меч мужчины, что был посередине. Реджис обвел своим клинком этот меч и, сделав шаг вперед, нанес удар, сильный и точный, глубоко вонзив острие в цель.

Едва заметив, как человек отшатнулся, Реджис сделал полуоборот вправо. Теперь он использовал кольцо, шагнув навстречу подбегающему мужчине настолько быстро, что бандит даже не заметил этого шага.

Кинжал хафлинга глубоко вонзился человеку в спину, ноги того подкосились, и он рухнул наземь.

Реджис снова развернулся вправо и увидел, что человек, в которого он воткнул рапиру, снова наступает, но теперь не на него, а на Кэтти-бри. Реджис взмахом руки отправил к пирату маленькую змейку и крикнул, привлекая к себе внимание мужчины.

Этого было достаточно, чтобы сбить атакующего, и, когда бандит понял, что происходит, магическая змейка уже обвилась вокруг его шеи.

Реджис поморщился, как всегда, при виде злобного, разлагающегося призрачного лица, что ухмылялось-ему из-за плеча человека, туже затягивая змеиную гарроту.

Мужчина рухнул на землю, выронив меч. Он забился, но не мог просунуть пальцы под удавку. В отчаянии он избрал другую тактику: схватил меч и ткнул им поверх своего плеча, словно ощутив присутствие призрака. К его облегчению и к изумлению Реджиса, меч угодил в призрачное лицо и существо взорвалось, обернувшись облачком бесплотного тумана, развеявшегося по ветру, и змея тоже умерла, разжав свое смертоносное кольцо.

Пират жадно втянул в себя воздух и попытался встать, но Реджис был тут как тут, пронзив ему рапирой одно плечо, потом другое, и когда пират снова упал, вторая змея шлепнулась ему на грудь и поспешила обернуться вокруг горла. Человек задергался и попытался снова нанести удар мечом, но хафлинг придавил ногой его кисть и снова уколол в плечо, лишая сил.

Пират задыхался, отчаянно пытаясь вобрать в себя воздух. Свободной рукой он ухватил душащую его змею и предпринял жалкую попытку раздавить ее о плечо, но тщетно.

Его глаза вылезли из орбит, и Реджис сморщился и начал отворачиваться. Но оказалось, что хафлинг не может отвести взгляд, и он, будто загипнотизированный, наблюдал, как глаза пирата закатились и мужчина затих.

Реджис не смог вынести этого — зрелище было слишком безжалостным для него. Он снова с силой вонзил рапиру, но не в пирата, а в призрака.

Еще одно облачко тумана — и призрака исчез, а вторая змея упала замертво, и на мгновение Реджису показалось, что пират тоже мертв. Но потом мужчина тихо застонал и пошевелился, едва дыша.

В полной уверенности, что раненый мужчина больше их не побеспокоит, Реджис отпрыгнул от него навстречу третьему из банды, который к этому моменту поднялся с песка слишком близко от Кэтти-бри.

Женщина стояла, глядя на него, и ее спокойствие объяснило Реджису, что происходит. Ибо разбойник поднялся, лишь наполовину, подтянув под себя одну ногу и опираясь коленом другой о землю, но в такой позе он и остался, неподвижный, застывший, удерживаемый каким-то магическим двумером. Его одежда еще дымилась, поскольку он налетел прямо на пылающие ладони Кэтти-бри и, более того, один из языков пламени возродился к жизни, облизывая левое плечо замершего разбойника.

— Твоя нога, — с тревогой сказала Кэтти-бри и потянулась к стреле.

Однако Реджис проскользнул мимо, не сводя глаз с бандита. Он сбил ладонями огонь и принялся разглядывать человека, поскольку узнал в нем того, кого держал на острие рапиры на Верхнем мосту в Лускане. Хафлинг снова приставил рапиру к горлу мужчины,

намереваясь прикончить его.

— Реджис, нет! — выкрикнула Кэтти-бри. — Он еще долго не будет для нас угрозой, уверяю тебя.

Реджис огляделся. Похоже, ни одному из четверых не под силу было стать для кого бы то ни было угрозой. Один, кашляя, лежал на земле, и жизнь едва теплилась в нем, а по плечам и рукам стекали струйки крови. Второй едва шевелился, ерзая по песку, его тело ниже пояса оставалось совершенно неподвижным. Женщина вдали под деревьями лежала ничком, уткнувшись лицом в грязь.

Кэтти-бри начала заклинание.

— Что с ней случилось? — спросил Реджис, указав подбородком на женщину, и тут же охнул и втянул в себя воздух, поскольку его спасительница нагнулась и выдернула стрелу, торчавшую из ноги. Жгучая боль быстро сменилась успокаивающим теплом магического исцеления.

Кэтти-бри встала рядом с ним, поддерживая, пока ее магия не подействовала в полную силу.

Он снова заглянул в ее синие глаза, и ему показалось, что все эти годы растаяли без следа, словно они его дорогая подруга никогда не разлучались? Он притянул ее к себе и стиснул в объятиях.

— Благодарю, друг мой, — шепнул он ей на ухо.

— Я не забыла, как ты пытался помочь мне, когда меня ранило во время Магической чумы, — прошептала в ответ Кэтти-бри. — Я много чего не забыла!

— И я, — заверил ее Реджис и, приобняв повел к женщине, лежащей под деревьями.

— Мой выстрел оказался более метким, чем я предполагал, — заметил Реджис, когда они дошли и хафлинг обнаружил маленькую арбалетную стрелу, торчавшую из шеи женщины.

Он нагнулся, чтобы забрать стрелу, и перевернул спящую женщину на бок. Ее Реджис тоже знал по встрече на лусканском мосту.

— Или мне повезло, — добавил хафлинг и мог лишь покачать головой, поскольку, стреляя из арбалета, он даже не целился в лучницу, и это действительно было самое настоящее везение.

— Ах, Реджис, ты всегда был везучим! — сказала Кэтти-бри.

— Согласен, ведь мне повезло иметь такую подругу, как ты, — отозвался хафлинг.

Укрывшись за деревьями, дроу наблюдал, не вполне понимая, что все это означает. «Откуда взялся у хафлинга этот союзник?» — недоумевал Браэлин Джанквей.

— Магическая чума? — беззвучно повторил он, подслушивая разговор этих двоих. Его послали в Долину Ледяного Ветра следить за необычным хафлингом, который, как теперь представлялось Браэлину, казался тем необычнее, чем дольше он за ним наблюдал.

Браэлин беспомощно покачал головой. После того, что он здесь увидел, дроу был вполне уверен, что тут все не так просто, как кажется.

— Реджис, — прошептал он, повторяя имя, которым женщина называла малыша — того, кто прибыл в Лускан под именем Паука Тополино.

Это имя — Реджис — о чем-то смутно напоминало ему, но о чем — Браэлин вспомнить

не мог. Однако то, как хафлинг назвал женщину — Кэтти-бри, — безусловно, говорило кое-что даже этому молодому дроу, лишь недавно вступившему в ряды Бреган Д'эрт.

Браэлин Джанкве качнул головой, решив, что Джарлакс будет весьма доволен им, когда получит столь удивительную информацию. Оставалось лишь надеяться, что Джарлакс одобрит также и его вмешательство в драку, поскольку это стрела из его ручного арбалета свалила пиратку-лучницу, а вовсе не какой-то там удачный выстрел подвергнувшегося нападению хафлинга.

Глава 28. Дома, снова дома

Год Наказанного Проныры

(1483 по летоисчислению Долин)

Долина Ледяного Ветра

— Растительность на лице тебе очень идет, — сказала Кэтти-бри Реджису, когда они уселись в его маленьком домике у озера.

Реджис не смог сдержать улыбки, сияющей, обрамленной его тщательно подстриженными усиками и бородкой, клинышком. Он едва мог поверить, что снова видит ее, своего милого друга Кэтти-бри, его компаньона в прошлой жизни и в посмертии.

— Но я все такой же, да? — спросил он.

— Другие декорации, но ты, несомненно Реджис, да, — поддразнила Кэтти-бри, дергая его за длинные локоны.

— Я узнал тебя, едва услышал твой голос, — признался он. — А видеть тебя теперь... это переносит меня прямиком на склоны Пирамиды Кельвина, где мы оба были куда моложе. — Говоря это, Реджис понял: он и вправду рад, что, вернувшись, компаньоны похожи на свои прошлые воплощения. Как странно было бы видеть Кэтти-бри в теле другой женщины. Но нет, это была она, ее золотисто-каштановые волосы, длинные и густые, и эти синие глаза.

Девушка встала перед ним, чтобы подбросить очередное полено в огонь.

— Зима быстро приближается, — заметила она.

— Платье, — произнес вдруг Реджис, и Кэтти-бри, обернувшись, с любопытством взглянула на него.

— Это платье, что на тебе, — пояснил он. — Разве это не то самое, что было на тебе в Ируладуне? Как это...

— Просто похожее. — Она повернулась, демонстрируя белое многослойное одеяние. — Я купила его у портного в Анклаве Теней, думая о том, что было в лесу.

— В Анклаве Теней? — переспросил Реджис. — В сердце Незерилской империи?

Кэтти-бри кивнула.

— Похоже, нам обоим есть что рассказать, — рассмеялся хафлинг.

Его подруга улыбнулась в ответ и еще немного покружилась, слегка оттянув платье на бедре.

— Когда мы были в Ируладуне, меня одевала богиня, верно?

— Это разумно, — согласился Реджис. — И красиво.

— Просто очаровательно, — подхватила Кэтти-бри и, как заметил Реджис, следка покраснела. — А ты, похоже, преуспел. Драгоценные камни на рапире, ручной арбалет, головной убор, что на тебе, — я думаю, об этом стоит послушать.

— Скоро зима. У меня будет время много чего рассказать тебе. — и выслушать твои истории, разумеется. И да, моя жизнь была... захватывающей. — «И снова будет», —

подумал он, но не сказал.

— Однако твой кинжал... — заметила Кэтти-бри. Ведь она видела его темную магию.

— Это орудие, инструмент, и не более того, — заверил ее Реджис.

Кэтти-бри нерешительно и осторожно посмотрела на него.

— Это не Хазид-Хи, — заверил он ее. — Он не способен чувствовать. Это инструмент.

— Довольно ужасный, как мне кажется.

— А моя славная рапира проделывает дырки в сердцах, а твои заклинания сжигают врагов заживо.

Девушка улыбнулась и, похоже, удовлетворилась этим. Реджис, разумеется, мог понять ее неуверенность, поскольку и сам еще не до конца избавился от страха перед этим кинжалом. Всякий раз, как он использовал удушающих змей, жестокое лицо призрака служило Реджису болезненным напоминанием о подлости его поступка, не важно — оправданного или нет.

Потом он подумал о Темной Душе и заколебался, не рассказать ли Кэтти-бри, что, возможно, его преследует могущественный враг — лич, но быстро отказался от этого намерения. Со времени его отъезда из Дельфантла прошли годы, и, даже если бы Темная Душа продолжал искать Реджиса, маловероятно, чтобы личу удалось найти его. След давно остыл — так, во всяком случае, надеялся хафлинг.

Суматоха за окнами привлекла их внимание, и они заметили людей, проходивших мимо дома, четырех пиратов Ретнора под стражей и в цепях. Никто из них не умер, Кэтти-бри исцелила их всех. Даже тот, кого Реджис ударил в спину кинжалом, снова был на ногах.

— Этих бандитов повесят? — спросил хафлинг.

— Скорее, отправят на работы, — ответила Кэтти-бри. — Рабочие руки здесь всегда нужны, ты же помнишь.

Реджис кивнул. В Лускане в былые дни их притащили бы на Карнавал Воров, прилюдно подвергли пыткам и, скорее всего, жестоко казнили. В лучшем случае они годами сидели бы в подземной тюрьме с отрубленными руками. Но здесь, в Десяти Городах, опасных преступников чаще всего наказывали тяжелым трудом.

Реджис улыбнулся этой мысли: сколько раз эта далекая окраина, граничащая с дикими землями, оказывалась намного цивилизованнее, чем великие, по всеобщему мнению, города Фаэруна. Постоянные опасности делали отношения между людьми чище, и монеты значили здесь меньше, чем помощь, еда ценилась выше золота, а рука товарища была важнее плети магистрата.

Хорошо быть дома.

Бренор прислонился к повозке, беспокойно поглядывая на горы, встающие на севере, с вершинами, укрытыми низкими тучами. Это был последний в нынешнем году караван, направляющийся в Долину Ледяного Ветра и попусту застрявший сейчас посреди дороги чуть не на окраине Лускана. Дворф подрядился в него охранником, но старший погонщик не заплатил ему жалованья.

— Не уверен, что мы вообще проедем, — пояснил он.

Теперь, глядя на серые тучи, скрывающие горные пики, Бренор словно снова слышал его

слова. Он знал, что означают эти облака. Он ощущал разлитый в воздухе леденящий холод. Элиент, девятый месяц, сменялся марпенотом, и, хотя в большей части Королевств этот десятый месяц именовался также листопадником, в Долине Ледяного Ветра листья немногочисленных деревьев, конечно, давно опали и вскоре покроются первым снегом — если уже не похоронены под ним.

— Всадник! — услышал он, возвращаясь к реальности. Бренор оттолкнулся от повозки и взглянул на северную дорогу, убеждаясь, что действительно приближается разведчик, посланный начальником каравана.

Мужчина подъехал к головной повозке и тихо посоветовался с горсткой стоявших там людей. Один сдернул шапку и со злостью хлопнул ею о борт повозки, и Бренор понял, что упустил свой шанс.

Старший погонщик взобрался на повозку и прокричал, чтобы остальные подошли ближе. Бренор пошел к нему, впрочем уже догадываясь, что будет дальше, поскольку не хуже других знал, что такое Долина Ледяного Ветра, понимал, какое на дворе время года, и видел эти тучи.

Вместо временного окна перед этим последним караваном оставалась маленькая форточка. Теперь она захлопнулась.

— Возвращаемся! — приказал старший погонщик.

Под стоны и жалобы рабочие принялись за дело, перераспределяя грузы для возвращения их на склады Лускана, сортируя повозки по принадлежности их верховным капитанам. Сквозь шум и гам Бренор пробрался к старшему погонщику, который продолжал разговор с вернувшимся разведчиком.

— Что, дороги совсем нет? — спросил дворф.

— Снега уже огру по пояс, и он валит и валит, — ответил разведчик.

— Перевал закрыт, — подтвердил старший погонщик.

— Я намерен попасть в Десять Городов, — заявил Бренор.

Мужчины лишь рассмеялись над ним и пожали плечами.

— Может, ты найдешь в Лускане мага, и он отправит, тебя туда, — предположил разведчик. — Ни на какой лошади туда не добраться, разве что на крылатой.

Дворф постарался скрыть досаду, — в конце концов, эти двое не виноваты, и старший погонщик оказался настолько великодушен, что позволил Бренору идти с караваном, хотя охранники уже были набраны.

Но что оставалось делать Боевому Топору? У него не было денег, а услуги магов, разумеется стоили недешево.

— Мне некуда идти, — проворчал он.

— Большинство поселится в «Одноглазом Джаксе», — сказал разведчик. — Ты у какого капитана?

— Я — что?

— Из какого ты Корабля?

— Он не из Лускана, — пояснил старший погонщик.

Разведчик кивнул:

— Да, если у тебя есть монеты, я предложил бы «Одноглазого Джакса». Единственная в городе безопасная гостиница для тех, кто не из Лускана. И ты можешь вступить в один из Кораблей. Корабль Курта сильнее остальных, но у них и требования выше, и весной они могут тебя так просто не отпустить.

Бренор решительно отмахнулся, заставив человека замолчать. Он совершенно не собирался связываться с верховными капитанами Лускана и, по правде говоря, мимоходом взглянув на этот город, не намеревался снова возвращаться туда. Он обратил взор на восток, на рассыпанные по полям коттеджи и фермерские домики, местами обитаемые, но в основном лежащие в развалинах.

— Может, кто-нибудь тебя и пустит, — сказал старший погонщик, проследив за взглядом Бренора и читая его мысли.

Дворф почти не слушал его, думая о своем. Он знал, что перевал будет закрыт до конца года и все начало 1484-го тоже. К северу от Хребта Мира зима приходит рано, и, когда она вступает в свои права, пробиться сквозь нее невозможно.

Бренор обдумывал, не отказаться ли от своей цели. Мирабар не так уж далеко, — вероятно, он сумел бы добраться туда до того, как здесь, по южную сторону гор, выпадет глубокий снег. Он подумал, что мог бы сообщить, кто он такой, правителям города — и они, возможно, предложили бы ему магическую помощь по переброске в Долину Ледяного Ветра.

Бренор покачал головой. Он не готов был объявить правду о себе. Теперь он знал свое место — не короля Мифрил Халла, но одного из компаньонов, и не собирался привлекать такое внимание к своей персоне, усложняя, а возможно, даже подвергая опасности миссию, которую взвалил на свои плечи, покинув Ируладун.

Но до весеннего равноденствия оставалось меньше шести месяцев, и перевалы были закрыты. Таковыми они останутся до конца этого года, как, разумеется, и в начале следующего. Попасть в Долину Ледяного Ветра в первом месяце, хаммере, всегда было невозможно, и по меньшей мере всю первую половину алтуриака тоже, а иногда даже в третьем месяце, чесе. Ни один караван не пойдет туда до конца четвертого месяца, намного позже назначенной Бренору встречи.

Но в алтуриаке снега начнут таять, думал Бренор, покачивая головой в такт размышлениям. Конечно, это ненадежное время года, чтобы путешествовать по Долине, когда грязевые ямы настолько глубоки, что даже горный великан может утонуть в них, а вода то ли замерзшая, то ли полурастаявшая — не узнаешь, пока не рискнешь перебраться на ту сторону. И хотя дороги солнечным утром могут казаться чистыми, в конце зимы метели начинаются без всякого предупреждения и порой выпадает несколько футов снега.

Дворф покачал головой, сплюнул и потопал к фермерским домикам — узнать, сможет ли он найти приют на зиму.

Реджис протиснулся в дверь с охапкой хвороста, бросил дрова перед очагом и поспешил обратно, закрыть дверь, в которую задувало снег. Зима, как всегда, свирепствовала, и даже поход до дровяника и обратно был мучительным для хафлинга.

Он вернулся к очагу, сбросил плащ и едва не подскочил, заметив высокую фигуру, стоящую в дверях кухни.

— Я варю тебе отличный суп, — пояснила Кэтти-бри. — Согреть твои кости.

— Когда ты вернулась? Как ты вернулась?! — воскликнул в ответ Реджис. Девушка покинула его за несколько дней до начала бури, отправившись в Брин-Шандер.

— Богиня хранит меня, — подмигнула ему Кэтти-бри.

— Отлично, тогда дрова впредь носишь ты, — заявил Реджис.

— Я могу сотворить заклинание, чтобы твои косточки так не мерзли, — посулила волшебница.

— Поздно.

В ответ девушка улыбнулась не менее широко, чем хафлинг, но улыбка ее была недолгой.

— Что слышно? — спросил Реджис, ибо подруга уходила на разведку.

— Ничего не слышно, — вздохнула она. — Дзирта никто не видел, и имя его произносят без симпатии.

— Это все из-за истории с демоном, — заметил Реджис, поскольку Кэтти-бри рассказала ему о сражении, у западных ворот Брин-Шандера. Очевидно, Дзирт и какие-то его спутники прошли через город и отправились дальше на восток, и больше их не видели. Вскоре после этого в Брин-Шандер явился огромный демон, искавший Дзирта. Он напал на город, и лишь благодаря героизму другого дроу, по имени Тиаго, его группы воинов и нескольких странных существ, полудроу, полупауков, удалось победить его. История была запутанная, поскольку все эти события произошли давно, когда Реджис еще только-только научился ходить в их с Эйвербрином пристройке. Десять Городов всегда были местом, куда приходили и уходили, где умирало больше, чем рождалось, так что мало кто помнил сражение у ворот Брин-Шандера, хотя на том месте, где был уничтожен гигантский демон, установили памятную плиту.

Насколько Реджис и Кэтти-бри могли предположить, вероятно, за демоном в Брин-Шандер последовала Бреган Д'эрт, и в связи с этим Реджис гадал, правильно ли он сделал, что не признался Джарлаксу там, в Лускане, кто он есть на самом деле. Возможно, им с Кэтти-бри и Бренором, если дворф вообще объявится, придется вернуться туда и отыскать Джарлакса в надежде узнать, где Дзирт.

— Ну хорошо и что нам делать? Неужели все было напрасно? — Задавая этот вопрос, Реджис уже знал на него ответ. Если Дзирт не найдется, Реджис попросит Кэтти-бри отправится с ним в Агларонд, к Донноле Периколо, где она сможет помочь им сразиться с личем, если только, лич еще там.

Нет, решительно, сказал он себе, все было не напрасно. Вовсе нет. Он, Паук Тополино, проживет свою вторую жизнь, что бы судьба ни уготовила ему, с учетом уроков первой жизни.

— Будем верить, — сказала ему Кэтти-бри. — Миликки наказала нам, когда встретиться, и этот день быстро приближается.

— Бренора так и нет, а вот зима уже есть, — напомнил Реджис. — Может, твой отец снова умер и отправился в Дом Дворфа за своей наградой.

Девушка кивнула, ни словом, ни взглядом не возразив против его предположения.

— Мы делаем все, что можем, в надежде, что эти труды помогут Миликки и нашему другу.

— Если Дзирт вообще еще жив, — буркнул Реджис, но кивнул в знак согласия. В ночь весеннего равноденствия он вместе с Кэтти-бри полезет на Пирамиду Кельвина. Однако он боялся, что они окажутся там лишь вдвоем, и уже начинал гадать: а что, если Госпожа Ллос забрала таки Дзирта? Быть может, их миссия — спасательная? Быть может, от них ждут, что они вдвоем отправятся на пресловутое Дно Дьявольской Паутины, чтобы вернуть своего старого друга, томящегося там?

Реджис с трудом сглотнул, думая о том, что лич, в конце концов, не так уж и страшен.

— Будем верить, — повторила Кэтти-бри и пошла за кастрюлей с супом.

Реджис кивнул, но он, не мог не видеть страха, явно отражающегося на ее прелестном лице. Дзирта не было нигде, они оба ничего даже не слышали о нем, а ведь его возлюбленная больше года выискивала здесь, в Долине Ледяного Ветра, любое упоминание о нем. Никто не видел дроу за эти последние без малого двадцать лет, если верить историям о битве у западных ворот Брин-Шандера.

И действительно, Дзирт ушел из Десяти Городов давным-давно, и не на запад, а на восток, в дикую тундру.

Реджис понимал, что дроу почти наверняка мертв, и знал, что Кэтти-бри тоже понимает это.

А Бренор?

— Ты пришла в Стокли из Брин-Шандера? — внезапно спросил хафлинг.

Кэтти-бри обернулась и кивнула, потом с мрачным видом медленно покачала головой.

Реджис понял, что она хотела сказать. Если бы Бренор возвратился в Долину Ледяного Ветра, он наверняка направился бы туда, в место, которое долго называл, своим домом, чтобы быть рядом с другими членами клана Боевого Топора.

Бренора не было в Долине — живого, во всяком случае.

— Это не было обещанием, — произнесла вдруг Кэтти-бри.

— Что ты имеешь в виду?

— Миликки лишь чуть-чуть повернула призму реальности, чтобы-дать нам шанс, но ее план был не пророчеством, а надеждой.

Реджис снова сглотнул тугой комок.

— Двадцать один год — это долгий срок, — заметил он. — Я несколько раз едва избежал смерти, и мой путь, долго оставался под сомнением.

Девушка кивнула.

— Быть может, нашему другу.. нашим друзьям повезло меньше? — предположил хафлинг.

Кэтти-бри развела руками и слегка пожала плечами, и Реджис заметил, как увлажнились ее темно-синие глаза.

Он быстро подошел и крепко обнял подругу Реджис предлагал ей свою поддержку, но и сам не меньше нуждался в ней.

Год Разбуженных Спящих

(1484 по летоисчислению Долин)

Окрестности Лускана

— Ну, так ты точно погибнешь, и мне будет не хватать тебя, — сказала фермерша

дворфу, который всю зиму работал на ее семью и жил в сарае. — Только я тебя полюбила, господин Бонного Боевой Топор, как ты удираешь, да еще в Долину Ледяного Ветра, худшее из всех паршивых мест! Ох, какой же ты дурак!

Пока женщина говорила, Бренор, едва сдерживал ухмылку. Эта семья была вполне добра к нему, предоставив жилье у себя на сеновале в обмен на дополнительную пару рук, помогавших им управляться с фермой в зимние месяцы.

— Зима закончится рано, говорят разведчики, — возразил он. — Когда я пришел к вам, то говорил, что пробуду здесь недолго.

— В это время года Долина погубит тебя.

По правде говоря, Бренор не мог не согласиться с женщиной. Он знал, что в тундре севернее Хребта Мира его ждут снег и грязь. Знал, что волки, и йети, и гоблинское отродье во множестве вылезли наружу и рыщут в поисках какой-нибудь еды после скудного зимнего пайка. Долина Ледяного Ветра пробуждалась в третьем месяце каждого года, и в этом месяце народа там гибло больше, чем в любом другом.

— Никто туда не ходит, — ворчала женщина. — Ни один караван не тронется с места еще месяц самое малое! А ты — нате вам, мы с семейством тебе так опостытели, что ты лучше убежишь навстречу смерти, чтобы не видеть нас больше!

Бренор громко расхохотался и шагнул к хозяйке, чтобы крепко обнять ее, — и лишь тогда заметил, что у нее что-то болтается за плечом. Он с любопытством отступил на шаг и остановился.

— От моего мужа, — пояснила она, вытащила из-за плеча два предмета и бросила к ногам Бренора. — По крайней мере, они дадут тебе шанс.

Дворф уставился на странный подарок, похожий на пару плоских дисков из гнутой древесины, с кожаными тесемками, переплетенными внутри.

— Снегоступы, — пояснила фермерша. — Наденешь, и они помогут тебе перебраться через...

Бренор заставил ее замолчать, вновь стиснув в объятиях. Больше она могла ничего не объяснять, поскольку все было понятно с первых же слов. В самом деле, во время прошлой своей жизни в Долине Ледяного Ветра он видел такую обувь.

— Ты была добра к этому старому дворфу, — прошептал он, притянув женщину к себе.

— Старому? Глупый, да у меня сын тебе ровесник!

Бренор лишь рассмеялся и крепче обнял ее.

Он ушел тем же утром, после обильного завтрака за столом в главном доме, и фермер с фермершей доверху набили его заплечный мешок хлебом, яйцами и копченым мясом.

Начиная это путешествие в конце второго месяца года Разбуженных Спящих, он пребывал в самом боевом расположении духа, хотя прекрасно знал, какие опасности ждут впереди, и ему в самом деле трудно было думать об этом переходе иначе, нежели как о самоубийственной затее. Если его не засыплет припозднившаяся снежная буря или не поглотит весенняя грязь, то наверняка ему придется немало поработать топором, прежде чем он увидит дымы Десяти Городов.

Но он должен попытаться.

Его клятва, его слово, его верности— все, что сделало его Бренором Боевым Топором, сделало Компаньоном из Мифрил Халла и дважды королем Мифрил Халла, — свидетельствовало, что он должен попытаться.

— Пять дней, — сказал Реджис Кэтти-бри, войдя в маленький домик у озера и поспешно закрыв дверь, за которой ледяной дождь со снегом поливал всю Долину. Было четырнадцатое часа, третьего месяца, пять дней оставалось до весеннего равноденствия, самого священного дня Миликки.

— Мой день рождения, — кивнула Кэтти-бри. — Или возрождения, как я его называю.

Реджис в ответ выдавил улыбку, но ненадолго.

— Ничего не слышно? — с тоской спросила она.

— Ничего, ни в Одиноким Лесу, ни среди дворфов Серебристой Луны, что под горой. — На протяжении нескольких последних десятидневков Кэтти-бри и Реджис по очереди покидали свой маленький домик и Одинокий Лес, выискивая слухи обо всех, кто появлялся в городах. Но никаких слухов не было, лишь тишина и суровая местная зима.

В то же самое утро по другую сторону озера Красные Воды, в городе Бремени, дверь постоянного двора «Дуралей» с грохотом распахнулась, и в общий зал буквально ввалился полузамерзший, покрытый грязью дворф с дикими глазами.

Хозяин заведения, Дарби Снайд, первым подбежал к бедняге и помог ему хотя бы сесть.

— Откуда ты такой взялся? — спросил Дарби у удивительного посетителя.

Дворф тупо посмотрел на него, рассмеялся безумным смехом и упал без памяти.

— Взгляни на его топор! — сказал один из жителей Бремени, заглянувший в «Дуралей», чтобы позавтракать.

Дарби заметил оружие, окровавленное, со слишком хорошо знакомой жителям Долины Ледяного Ветра шерстью, застрявшей среди многочисленных зазубрин на лезвии. На щите дворфа тоже были кровавые пятна, а кровь на кольчуге была его собственная, как они выяснили, когда переложили его на койку и, пытаясь устроить поудобнее, стали снимать кольчужную рубаху и обнаружили рваную рану от когтя йети.

Еще один посетитель принес воды, Дарби принялся промывать рану, и, ко всеобщему изумлению, дворф уселся и замотал косматой головой.

— Ба! — фыркнул он. — Мне нужно идти! Могу я попросить у вас немного еды?

— Идти? — не веря своим ушам, повторил Дарби. — Да ты того гляди помрешь, болван! Ложись обратно! — Он мягко надавил на плечо дворфа, заставляя того лечь.

— Он нуждается в целителе, — заметила женщина сбоку. — Что, Делли нынче в Бремене?

Остальные пожимали плечами и переглядывались, не зная ответа.

— Не видел ее, — сказал кто-то.

— Пойдите и спросите, — велел им Дарби. — Узнайте, видел ли кто-нибудь Делли Керти, ибо этому малому, похоже, пригодилась бы капелька ее тепла.

Где-то близко и в то же время бесконечно далеко Бренор услышал имя: «Делли Керти», и оно на какое-то время осталось порхать в глубинах его сознания.

Глаза дворфа вдруг широко распахнулись, и он снова попытался сесть, несмотря на

протесты Дарби.

— Как ты сказал? — переспросил он у хозяина гостиницы.

— Ложись обратно! — настаивал Дарби.

— Кто? — выпалил Бренор, обращаясь к нему.

— Кто? — ошарашенно переспросил трактирщик.

— Делли Керти, ты сказал?

— Ну да, — подтвердил Дарби.

— Колдунья, но добрая, — пояснила женщина.

— Скажи, мне, — настаивал Бренор, — как она выглядит?

Дарби, женщина и несколько завсегдатаев с любопытством переглянулись. Дарби повернулся к Бренору и принялся описывать ему ту, кого они знали как Делли Керти, — это имя жены Вульфгара в прошлой жизни, которое, как понимал дворф, Кэтти-бри вполне могла использовать как псевдоним. Если он Боннего Боевой Топор, то и она вполне могла стать Делли Керти.

И пока Дарби описывал рыжеволосую колдунью в белом платье и черной шали, улыбка Бренора ширилась с каждым словом и он понимающе кивал.

Она сделала это! Его дочь сумела выжить и добраться до Десяти Городов! Кэтти-бри жива и здорова, как ему сказали, и скоро он снова будет с ней.

— Так ты ее знаешь? — спросил Дарби, поскольку на лице гостя все было написано вполне ясно.

— Какой сегодня день? — спросил в ответ Бренор. — Пятнадцатое часа?

— Четырнадцатое, — поправила женщина из-за спины Дарби.

Бренор схватил трактирщика за руку и крепко сжал ее:

— Дай мне- поешь и немножко отдохнуть, дружище, и заплачу тебе, как только смогу.

— Ты ее знаешь? — повторил Дарби.

Бренор кивнул.

— Друг? — спросил Дарби, и дворф кивнул снова.

— Такой, что ты себе и представить не можешь, — заверил Бренор, и по щеке его покатились слеза. Он наконец лег и позволил себе забыться счастливым сном.

Глава 29. Подъем Бренора

Год Разбуженных Спящих

(1484 по летоисчислению Долин)

Долина Ледяного Ветра

Солнце медленно плыло по восточному краю неба, первые лучи дневного света протянулись через Долину Ледяного Ветра, щекоча обледеневшие вершины Пирамиды Кельвина. Реджис помедлил у дверей, любуясь их хрустальными контурами.

— Озаряет Подъем Бренора светом надежды, — заметила Кэтти-бри, встав рядом с ним.

Хафлинг кивнул, надеясь, что ее слова окажутся пророческими. Друзья торжественно двинулись прочь от маленького домика у озера. Защищенные охранными заклинаниями Кэтти-бри, вооруженные зельями, сваренными Реджисом, подбодренные погодой, куда лучшей, нежели та, что стояла в Десяти Городах последние несколько дней, они бодро двигались на запад.

Они говорили мало, поскольку каждого одолевали собственные страхи насчет этой важнейшей из ночей — весеннего равноденствия 1484 года. Для Кэтти-бри ее день рождения был обещанием, возможным исполнением надежд, подаренных Миликки в магическом лесу Ируладун. Она была жрицей Миликки, более того — избранной богини, и шагала вперед, ожидая многого, при этом прекрасно все понимала.

Она зачитывала всевозможные варианты, и, судя по тому, что она повидала, вкупе с пониманием, что предложение Миликки — лишь шанс, и ничего более, почти все представлялись скорее ужасными, чем радостными.

Но она должна была идти.

Что до Реджиса, для него это было распутье, великий перекресток в его второй жизни. Здесь он вернет долг Миликки, здесь снова обретет, как он надеялся, лучших из друзей, с которыми когда-либо шагал по одной дороге.

Но теперь он знал, что существуют и другие дороги, которые тоже манили его. «Ухмыляющиеся пони» ехали по Торговому пути, и Доннола возглавляла Морада Тополино далеко на востоке, и в обоих местах его примут с распростертыми объятиями. Конечно, он не забыл своих старинных друзей, но Реджис понимал, что у него есть выбор.

Темнота застала спутников у подножия Пирамиды Кельвина. Там они помедлили, глядя на знакомые тропинки из давным-давно прожитой жизни. Кэтти-бри поднималась на гору прошлым летом, просто чтобы убедиться, что Подъем Бренора по-прежнему доступен, но лишь однажды, и недолго, и не до самой вершины.

Она не смогла заставить себя завершить задуманное, откладывая настоящий подъем для этой ночи.

Кэтти-бри взяла Реджиса за руку и легонько сжала ее.

— Ну что ж, пойдем, — сказала она.

— Узнаем, сбудутся ли наши надежды, — отозвался Реджис. — А если нет...

Подруга крепче сжала его руку и глянула на него, и печаль на ее лице заставила его умолкнуть. Теперь, когда Реджис познал любовь, он куда лучше понимал, что объединяло Кэтти-бри и Дзирта. Каких бы опасений ни был полон хафлинг, он знал, что эта любящая женщина рядом с ним рискует потерять куда больше. Реджис в ответ тоже сжал ее руку и повел наверх по склону горы, к тому особому месту, которое называлось Подъемом Бренора, — нижнему северному пику, голой скале, достающей, казалось, до самого ночного неба и плывущей среди звезд.

Нетерпение завладело Бренором при виде света факела, и он как мог быстро устремился туда, надеясь, ожидая увидеть Кэтти-бри, а может, даже Дзирта и Реджиса рядом с ней. В конце концов, кто еще мог оказаться на склоне Пирамиды Кельвина в ночную темень в такое время года?

Его надежды разлетелись в прах при виде группы, и он замедлил шаг и стал передвигаться крадучись, не понимая, что происходит и что за неприятная троица стоит на поляне перед ним.

— Ну, он же следопыт, и весьма ловкий, — услышал он голос дворфа, притом дворфа-женщины. Он заметил, кто это сказал. Он не узнал ее, и она не походила на женщину из клана Боевого Топора.

«Особенно учитывая, с кем она водит компанию», — подумал Бренор, когда подал голос второй член группы — костлявое, искореженное, уродливое маленькое существо, возможно человек, возможно что-то более гнусное:

— Но куда бы он мог направиться?

— К дворфам Боевого Топора, — сказал третий, крепкий мужчина в скромной на вид одежде.

— Пойдем туда и проверим, — предложила женщина-дворф.

Решив, что эти трое не враги клану Боевого Топора Бренор двинулся было вперед, но тут же попятился, когда уродливый человечек — или, как ни удивительно, тифлинг, сообразил вдруг Бренор, — добавил:

— Энтрери велел, чтобы мы сразу уходили, еще до рассвета. На юго-восток и прочь из Долины.

Энтрери? Это имя диссонансом загудело у Бренора в мозгу, имя, которое он не слышал много десятилетий и которое не хотел бы никогда услышать вновь. Он потряс головой, уверенный, что неверно разобрал слова тифлинга, но человек возразил:

— Значит, Энтрери ошибся. Дзирт не бросил бы друга в таком состоянии, как и я.

— Верно, — согласилась женщина-дворф.

Бренор бесшумно отступил на пару шагов, в замешательстве покачивая головой.

— Дзирт? — прошептал он едва слышно. — Энтрери?

Он оглянулся на факел, не зная, что делать дальше. Может, пойти за этими тремя и разведать, что сможет? Но Кэтти-бри в Долине Ледяного Ветра, он узнал об этом в Бремене в «Дуралее». Она, должно быть, там, наверху, на Подъеме Бренора, ждет его.

Бренор скользнул прочь, на тропу, очень хорошо знакомую ему, ибо мало что изменилось в этом месте, которое он так долго называл домом. Когда незнакомцы скрылись

из виду, он перешел на бег, без усталости поднимаясь все выше, сердце у него колотилось, но скорее от предвкушения, чем от усталости.

Он добрался до места, где вдоль тропы лежал снег; искрясь в лунном свете. Дворф упал на колени, чтобы лучше рассмотреть отпечаток легкого башмака и следы когтистых лап огромной кошки. Эти следы были хорошо знакомы ему.

Однако радовался Бренор недолго, поскольку рядом с небольшим заснеженным участком он заметил лужицу. Дворф обмакнул в нее пальцы, поднес их к глазам и принюхался.

Кровь.

Много крови, пятнающей след.

Бренор вскочил столь стремительно, что поскользнулся и упал прямо лицом в грязь. В следующее мгновение он уже был на ногах, на бегу протирая глаза, и едва начал снова что-то видеть, как резко остановился застыл на месте, услышав долгий басовитый рев большой кошки, рев пантеры, крик Гвенвивар.

Горестный крик, подумалось ему, словно плач, говорящий о великой потере.

Увидев открывшуюся им картину, Реджис крепче и стиснул руку Кэтти-бри: Дзирт, бессильно обмякший привалившийся к Гвенвивар, и если бы не пантера, дроу наверняка упал бы.

Явно в полузабытьи, с окровавленной головой, едва наступая на одну ногу, еле передвигаясь, дроу молча тащился вперед, к Подъему Бренора.

— Идем, идем! — вскричал Реджис и, взглянув на Кэтти-бри, увидел, что лицо ее застыло от ужаса. Хафлинт подтолкнул ее вперед, повторив еще громче: — Идем же!

Кэтти-бри, спотыкаясь, двинулась вперед и начала петь ту же песню, что Реджис слышал от нее в лесу, Ируладун, когда она взывала к своей богине. Песнь Миликки.

Дзирт, казалось, услышал ее и даже оглянулся на приближающуюся женщину, хотя Реджису подумалось, что глаза его израненного друга уже ничего не видят.

Наверное, Дзирт просто не заметил ее, поправил себя хафлинг и кинулся к дроу, чтобы поддержать, его, поскольку в этот миг узнавания все силы, по-видимому, покинули Дзирта и он попросту упал.

Кэтти-бри подхватила дроу и закричала: «Нет!» — с таким отчаянием, что Реджис проклял всех богов.

Все это... и они опоздали лишь на какой-то миг?

Внизу на тропе Бренор Боевой Топор услышал этот безнадежный, отчаянный крик, дополненный горестным плачем Гвенвивар. Он попытался прибавить ходу, но оступился и упал, и от удара о землю все его свежие раны заныли еще сильнее.

Однако ему было не до этого. Шепча:

— Девочка моя! Девочка моя! — он вскочил и побежал.

Нет! — кричала Кэтти-бри, обнимая Дзирта. — Не покидай меня! Не смей!

— Исцели его! — взмолился Реджис.

Но она покачала головой, поскольку знала, что не сможет. Раны были слишком тяжелыми, он уже ушел слишком, слишком далеко. У нее не было времени, не было сил.

— Кэтти, попробуй! — вскричал хафлинг.

Как могли они проститься с ним, не успев даже сказать: «Здравствуй!»

Гвенвивар закричала, долго и жалобно, словно запела скорбную песнь, и Реджис, подойдя ближе и увидев жуткую рану на голове Дзирта и его обмякшее тело, разделил с большой кошкой ее смятение. Он остановился в нескольких шагах, боясь приблизиться, страшась принять реальность происходящего.

Кэтти-бри смотрела на него, качая головой.

Потом из рукавов женщины потекли голубоватые струйки магического тумана, обвиваясь вокруг нее и Дзирта, словно сама Миликки заключила их в свои объятия. Кэтти-бри непонимающе смотрела на них, потом взглянула на Реджиса и пожала плечами, потому что магия явилась непрошеной.

— Что?.. — спросил Реджис, вернее, хотел спросить, но ему помешал крик.

— Дзирт! — раздался вопль откуда-то сзади, и Реджис резко обернулся, а Кэтти-бри вскинула взгляд, поскольку они, конечно же, узнали этот голос.

— Чертов ты эльф! — вопил Бренор, карабкаясь по тропе. Он добрался до них и разом остановился, широко раскрыв глаза и разинув рот при виде происходящего, и все слова явно вылетели у него из головы.

— Бренор? — донесся голос, с другой стороны, и Реджис снова развернулся, а сердце его подпрыгнуло при звуках этого голоса.

Голоса Дзирта.

Кинувшись вперед, Бренор зацепил хафлинга, и они вдвоем налетели на Дзирта, Кэтти-бри и Гвенвивар — на Подъеме Бренора, на голой скале, и звезды потянулись к ним с небес, чтобы снова коснуться Компаньонов из Мифрил Халла.

— Ты спасла его! — всхлипнул Реджис.

Кэтти-бри оставалось лишь смущенно покачать головой. Она не творила заклинания, нет, в тот миг она была всего лишь проводником.

В миг, когда Миликки вернула необычного дроу на свою сторону.

Победоносного дроу, вернувшегося из тьмы.

Здесь, среди собравшихся вокруг него друзей; была его награда.

— Блестяще, — заметил лорд Пэрайс Ульфбиндер, глядя в воды прорицающего пруда, при помощи магии леди Авельер наблюдая за происходящим на вершине одинокой горы в Долине Ледяного Ветра. — Если у нас и были какие-либо сомнения насчет божественного вдохновения нашей дорогой малютки Рукии, они, безусловно, рассеяны.

— Кэтти-бри, — поправила леди Авельер, задумчиво кивая в знак согласия, поскольку сомнений и в самом деле больше не могло быть. Вдвоем они провели почти целый день наблюдая за горой, и, к своему великому изумлению, гораздо раньше обнаружили Дзирта До'Урдена, став свидетелями его стычки со странной эльфийкой, когда он и был так тяжело ранен.

— Из какого множества частей состоит эта мозаика! — заметил Пэрайс, качая головой. — И все же в конце все они лягут на свои места, правда? Возможно, все-таки полезно иметь в союзницах богиню!

Обернувшись, леди Авельер взглянула на мужчину, казавшегося в этот миг вполне довольным, почти легкомысленным. Несмотря на все проблемы, на великие перемены, вызванные окончанием Магической чумы, на то, что Абейр удалялся от Торила, на сбывающиеся пророчеству «Тьмы Черлриго», лорд Пэрайс Ульфбиндер в последнее время оставался в прекрасном расположении духа.

— Неужели вам настолько наскучила жизнь, что вы находите удовольствие в хаосе, любом хаосе, даже в таком, который угрожает самим основам нашего существования? осмелилась спросить она.

Пэрайс некоторое время обдумывал ее странный вопрос, потом расхохотался:

— Мы наблюдаем за забавами богов.

— По всей видимости, богинь, — поправила лещ Авельер, и мужчина снова рассмеялся.

— Это за рамками понятий об удобстве и безопасности простых смертных, — пояснил Пэрайс, взял руки своей дорогой подруги и поднес их к губам для поцелуя. — Это говорит о вечности. Учитывая то, что рассказала вам Рукия, эта самая Кэтти-бри, разве вам не интересно увидеть все это воочию?

Леди Авельер отвернулась к прорицающему пруду и долго обдумывала вопрос. Она смотрела, как компаньоны собрались вместе, видела, как они обнимались и хлопали друг друга по плечам, а потом сидели возле раненого дроу и смотрели в прекрасное ночное небо.

— Вы полагаете, что теперь начнется битва? — несколько рассеянно поинтересовалась она.

— Я уверен, что этот дроу, Дзирт, уже начал ее, — ответил Пэрайс. — Его схватка с той эльфийской девушкой...

— Полагаете, она воительница Паучьей Королевы?

Пэрайс покачал головой и лишь пожал плечами:

— Возможно, след ведет к Госпоже Ллос. Безусловно, судя по тому, что мы узнали, она и остальные, которых Дзирт оставил внизу, явно олицетворяют темный путь. Возможно, это было его испытанием, поединком между богинями.

— От такого поединка можно было бы ожидать большего, — язвительно заметила леди Авельер.

— Кровавого побоища? — саркастически уточнил Пэрайс. — Магических взрывов сотрясающих землю? — Он снова рассмеялся. — Разве не была во все времена самой серьезной битва за душу — тихая и внутренняя?

— Вы хотели увидеть битву богов. Кажется, вы не разочарованы.

— Судя по тому, что я узнал о Паучьей Королеве, подозреваю, это еще далеко не конец, — сказал лорд, смеясь. — Возможно, Дзирт победил в тихой внутренней борьбе, но к чему это может, привести, учитывая мстительность Королевы Демонов?

— Поэтому Миликки защитила его, послав друзей из прошлого.

— Защитила? Или сделала более уязвимым?

Обдумывая эту интереснейшую мысль, оба они повернулись к прорицающему пруду, и мгновение спустя, Пэрайс указал на внушительную фигуру, продвигающуюся по горной тропинке к скале, где сидели остальные.

Леди Авельер кивнула. Она прищурилась в предвкушении грядущего боя.

— Ах, моя девочка! — восклицал Бренор, обнимая и целуя Кэтти-бри, обхватив ее прекрасное лицо своими загрубевшими грязными ладонями.

— Значит, я умер, — прошептал Дзирт, хлопая Бренора по крепкому плечу, потом схватив Реджиса и притянув его к себе.

— Если бы все было так просто, эльф! — сказал Бренор.

— Не умер, — заверил Реджис. — Вот уж точно не умер.

— Надо так много тебе рассказать, — пояснила Кэтти-бри. — Столько всего...

— Лес, — выговорил вдруг Дзирт, удивив всех. — На берегах Лак Диннешира... Лес Миликки. Прошло восемнадцать лет...

— так много всего... — повторила Кэтти-бри и умолкла, задохнувшись, когда Дзирт прижал ее к себе и поцеловал, долго и страстно.

— Да, есть что рассказать, — согласился Реджис. — А еще больше написать.

— Ага, — подтвердил Бренор. — И написать тоже. Я вернулся к тебе, эльф, чтобы пройти с тобой рядом твой путь. Но ты не сомневайся, у меня есть своя собственная дорога, и было бы славно, если бы мы снова обнажили клинка за Мифрил Халл!

Услышав такое заявление, Кэтти-бри и Реджис с удивлением взглянули на дворфа, но Дзирт уже кивал и широко улыбался.

Внезапно Гвенвивар вскочила, вздыбила шерсть и глухо зарычала, заметив фигуру у начала тропы.

Время не имело никакого значения для призрака, туманным облачком летящего на зимнем ветру

Темная Душа остановился над четырьмя старыми могилами в стороне от уставленной палатками базарной площади на восточной стороне огромного, моста.

Эти существа соприкасались с вором, почувствовал лич, и у их душ Темная Душа уточнит свой дальнейший путь. Поиски привели лича сюда, за Море Падающих Звезд, через Земли Бладстоуна, на дорогу, идущую из Сюзейла.

Долгий и извилистый путь, но да будет так.

Время ничего не значит для лича.

Он найдет хафлинга и вернет себе похищенный кинжал.

Он отыщет вора, расхитителя могил, и должным образом покарает его.

— Эй, ты, назовись! — окликнул Бренор, когда могучая фигура показалась на тропе прямо под Подъемом Бренора. Дворф вскочил и встал перед Реджисом и Кэтти-бри. За ними сидел Дзирт, едва ли достаточно оправившиеся для боя. Дроу взялся за свои клинки, но еле мог поднять их.

Одинокая фигура, большая и могучая, продолжала приближаться.

Бренор зазвенел топором о щит, готовый к бою, и Гвенвивар встала рядом с ним, вновь предупреждающе зарычав.

— Хорошая встреча, — сказал человек, выходя освещенное луной место. Скорее семи, нежели шест футов ростом, в одежде из серебристой шкуры зимнего волка, с волчьей головой, свисающей с его могучей груди, со знакомым огромным молотом на плече, вновь прибывший широко улыбался.

Гвенвивар прыгнула вперед.

— Мальчик мой, — прошептал Бренор, и его топор со звоном упал на камни, а сам дворф едва не последовал за ним.

— Вульфгар! — выдохнул Реджис.

— Но ты же вошел в пруд, — недоумевал Бренор.

Вульфгар покачал головой, нагибаясь к пантере и ероша ее густой мех. Гвенвивар терлась об него с такой силой, что ему пришлось сделать шаг назад.

— Темпус подождет, ибо что такое человеческая жизнь по меркам бога? — ответил варвар. — Я нужен своим друзьям, и жалким же я бы был воином, не откликнувшись на их зов.

— Компаньоны из Мифрил Халла, — произнес Дзирт. Голос его дрожал, по черным щекам текли слезы счастья и возрожденной надежды.

— Пусть Госпожа Ллос приходит! — сказали они хором, зная, что она действительно придет.

Больше книг на сайте - Knigolub.net